

Н.А. Шкарлат

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ Герои Краснодона

**ВОРОНЕЖ
2024**

ББК 84 Д796

УДК.355.4

Шкарлат Н.А. Дорога в бессмертие. Герои Краснодона. – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2024.– 388 с.

Монография содержит описание жизни и борьбы молодогвардейцев Краснодона с фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны и является продолжением работы, начатой автором в 2014 г.

Предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей нашего Отечества.

Дорогой читатель!

Еще в школьные годы я прочитал роман советского писателя Александра Александровича Фадеева, посвященный действовавшей в Краснодаре во время Великой Отечественной войны молодежной комсомольской подпольной организации, многие члены которой были казнены немецкими захватчиками. Кровь вскипала в жилах, сжимались кулаки, когда автор повествовал о зверствах фашистских палачей над молодыми людьми, в большинстве своем школьниками, чувствовалось, что он пронес эту боль и страдания через свою душу и сердце. Посмотрел я и фильм С.А. Герасимова «Молодая гвардия», после которого хотелось сразу же взяться за оружие и идти уничтожать проклятого врага, защищая обиженных, униженных, обреченных на рабство детей, женщин и стариков.

Уже в далеком прошлом, в конце 1960-х гг., я заканчивал среднюю образовательную школу № 85 в г. Кривой Рог. В ней в основной своей массе обучались дети военнослужащих. Прошло более 20 лет после окончания Великой Отечественной войны, многое уже было восстановлено, но еще, даже в центре города, стояли развалины многоэтажных домов, разрушенных фашистской авиацией.

Директор нашей школы Б.А. Поповцев участвовал в Сталинградской битве, в боях за освобождение Украины и Молдавии, воевал в Румынии и Венгрии. В составе 457-го отдельного минометного полка 23-го танкового корпуса освобождал города, поселки и села Донбасса, в том числе Краснодар и Кривой Рог. Но в декабре 1944 г. был тяжело ранен, долго лечился, ему ампутировали левую ногу. Он стал инвалидом. Тем не менее Борис Александрович нашел в себе силы окончить педагогический институт и преподавал историю. Однажды он пригласил на встречу со старшими школьниками выпускника, который уже служил в Советской Армии и приехал домой в краткосрочный отпуск. В составе наших войск он со своими товарищами входил в Чехословакию в августе 1968 г., выполняя приказ и свой интернациональный долг защитника Отечества.

Молодой человек, краснея и волнуясь, сидел вместе с директором перед гудящими учениками, которые рассаживались по рядам в актовом зале школы. Впереди разместились выпускницы, своими взглядами и открытыми коленками смущая воина. К сожалению, я не запомнил ни имени, ни фамилии парня, не запомнил и всего рассказа солдата, но видел, как ему тяжело и неудобно было рассказывать о тех событиях и о своей роли в них. Лишь одно запомнилось и врезалось в память навсегда.

Негромко рассказывая, он вспоминал о том, как недружелюбно

встретили наши войска чехи, как взрывали эшелоны с продовольствием и горючим для наших воинов, как в пропасть с узкой горной дороги сорвался советский танк, стараясь не раздавить толпу женщин и детей, которых поставили за поворотом с целью остановить движение наших войск, и весь экипаж погиб... Но больше всего меня поразил тот факт, что на головы наших солдат, детей их освободителей от фашистского рабства, из окон многоэтажек «благодарные» чехи выливали помои... Вот в этот момент до того молчавший и притихший зал (ведь впереди сидел строгий и все видящий директор) вдруг взорвался громким смехом. Смеялись задние ряды семиклассников, да и другие, поворачиваясь к ним, тоже заулыбались, хотя и не понимали, что в этом смешного... Директор изменился в лице и побледнел, но ничего не сказал, а юноша замолчал... После встречи директор поблагодарил солдата, а старшеклассницы, пытаясь хоть как-то сгладить возникшую неловкость, обступили воина, задавая ему различные вопросы. Я напому читателю, что это были дети военнослужащих, отцы и матери которых знали, что такое война не по рассказам, а многие из них сами участвовали в боях с озверевшим врагом. (Сейчас этим «деткам» далеко за 60).

Ровно через два года, уже окончив учебное подразделение, в звании младшего сержанта мотострелковых войск я со своими товарищами был направлен в Чехословакию для прохождения дальнейшей срочной службы. В составе целого эшелона мы вышли на станции г. Оломоуц, откуда пешими колоннами двинулись через город на сборный пункт. И когда на наши головы из окон ближайших к дороге пятиэтажных домов полетели яйца и помидоры, я вспомнил этого солдата.

По рядам прошел ропот, многие не понимали, за что им такая встреча, но если бы в то время у меня и моих друзей, шедших рядом, было оружие, еще неизвестно, чем бы такое «гостеприимство» закончилось. Разговоры в строю быстро прекратились, и теперь, практически чеканя шаг, колонна двинулась дальше и от нее исходила такая мощная отрицательная энергия, что больше никто не попытался повторить содеянное. Это были уже не новобранцы... После распределения по частям, ожидая своего поезда на перроне вокзала, мы стали свидетелями того, как молодые парни и девушки в откровенной одежде и очень коротких юбках, стоя у открытого окна отходящего состава, не стеснясь, ругались нецензурно и плевали в нашу сторону...

Много лет мы стыдливо замалчивали зверства на оккупированных землях нашей Родины пособников германских фашистов: венгров, румын, итальянцев, словаков и многих других подонков. Старались часто

не вспоминать о своих предателях, которые действовали в карательных батальонах, служили своим новым хозяевам в полиции. Только совсем недавно, в связи с событиями на Украине, стали говорить о зверствах палачей украинских националистических формирований над женщинами, стариками, детьми. До сих пор не говорим открыто и по радио, и по телевидению о зверствах латышей, литовцев, эстонцев, наших продажных казачков-предателей, да и многих других подонков различных национальностей, в том числе и русских, и белорусов, которые воевали в той страшной войне на стороне врага. Мы стараемся забыть зверства чеченских боевиков, которые, находясь в эйфории Ельцинской свободы, убивали, грабили, насиловали, делали пожизненными рабами, относились хуже, чем к скоту, к людям других национальностей, особенно к русским. Только сейчас мы открыто заговорили о зверствах новоявленных украинских фашистов на многострадальной земле Донбасса в течение последних восьми лет. Издевательствах, пытках и убийствах наших военнопленных, гражданских лиц нацистами Украины в ходе проведения специальной военной операции России.

А ведь об **этом забывать нельзя!** Поэтому я обращаюсь и к молодым людям, и к старшему поколению со словами древнегреческого философа Платона: **«Люди, забывшие свое прошлое, не имеют право на будущее».** Михаил Васильевич Ломоносов, когда писал историю славян, также сказал, что **«...Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего...».**

Свою работу о героях-молодогвардейцах я написал более десяти лет назад для своих учеников. В большинстве своем они не имели никакого представления не только о событиях Великой Отечественной войны, но и о ее героях, которые ценой своей молодой жизни отстаивали свободу и независимость нашей Родины. Но в дальнейшем, работая с документами в архивах, я находил новое, интересное, с моей точки зрения, поэтому стал дополнять и уточнять уже написанный материал.

Кажется, что о подвиге молодогвардейцев уже все известно, все написано и белых пятен нет. Но это не совсем так. В этой книге я собрал и обобщил огромный материал, собранный не за одно десятилетие энтузиастами и просто неравнодушными людьми. Особая благодарность создателям и составителям сайта «Молодая гвардия» за их огромный труд об увековечении памяти молодых патриотов Краснодона.

Книга состоит из нескольких отдельных по содержанию очерков о жизни и подвиге организаторов, руководителей и членов штаба подпольной организации молодогвардейцев.

Что из этого получилось, судить Вам, мой дорогой читатель.

«Молодая гвардия»

В конце XVIII века донской казак станицы Гундоровская, по прозвищу Сорока, на берегу р. Большая Каменка основал хутор.

В 1844 г. Сорокин хутор впервые был упомянут как населенный пункт в документе государственной Комиссии для размежевания земель Войска Донского, а уже через 15 лет, в 1859 г., согласно данным Центрального статистического комитета МВД Российской Империи в казачьем хуторе Сорокин было 74 двора, в которых проживало 168 мужчин и 164 женщины. В 1893 г. хуторяне построили и освятили православный храм святых Кирилла и Мефодия и при нем вскоре была открыта церковно-приходская школа.

В начале XX в. русский геолог Л.И. Лутутин указал на наличие около хутора Сорокин богатого угольного пласта. В 1912 – 1914 гг. были заложены шахты, составившие Сорокинский рудник, и построена Северо-Донецкая железная дорога, что способствовало освоению залежей. В 1914 г. шахтеры добыли первые тонны угля и началось строительство шахтерского поселка. На шахтах вместе с русскими, украинцами и татарами, приехавшими из Поволжья, работали военнопленные немцы, австрийцы, венгры. В 1916 г. из далекого Сингапура привезли китайцев. Они селились отдельно, и в народе эти поселки прозвали «шанхаями». Вскоре и пленных, и китайцев стали называть «интернационалистами».

В декабре 1917 г. на Сорокинском руднике был избран первый Совет рабочих депутатов во главе с большевиком А.Ф. Быковым, но уже 25 апреля 1918 г. члены Совета и его руководитель были расстреляны восставшими казаками станицы Гундоровская и их тела сброшены в шурф одной из старых шахт.

В декабре 1919 г. части 1-й Конной армии большевиков освободили Сорокинский рудник от деникинцев и после восстановления советской власти поселок вошел в состав Луганского района Донецкой губернии.

С окончанием Гражданской войны развернулись работы по восстановлению разрушенного хозяйства. Уже к 1923 г. здесь работало 2 285 шахтеров в двух кустовых управлениях: Сорокинском и Краснодонском. Шахты выдавали почти 210 тыс. тонн угля в год. Улучшалось материальное положение рабочих, росла и заработная плата. В 1925 г. в поселке Сорокино было сооружено 28 двухквартирных домов, а в следующем — началось строительство еще 30 таких домов и 5 общежитий; действовали амбулатория и три шахтных медпункта, где работали 8 врачей, 14 фельдшеров.

В 1935 г. кустовые управления объединили в трест «Сорокинуголь»,

в который вошли 25 шахт, а на следующий год теперь уже к рабочему поселку Сорокино были присоединены прилегающие к нему хутора: Теплянский, Процыково и Верхняя Шевыревка. Сорокинский поселковый совет вошел в Краснодонский район Донецкой области УССР.

28 октября 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета УССР поселок Сорокино был переименован в Краснодон и приобрел статус города областного значения Ворошиловградской области Украинской ССР. В нем проживало 22 220 человек.

Трест «Сорокинуголь» был переименован в «Краснодонуголь», и в его состав вошло свыше 40 шахт, в том числе 9 крупных и 10 средних. На вооружении имелось: 92 врубовые машины, 233 отбойных молотка, 118 конвейерных приводов, 15 электровозов. Работало 73 горных техника и 38 инженеров.

За предвоенные годы десятки горняков получили высшее и среднее специальное образование в открытых на Донбассе специальных учебных заведениях. В городе и шахтерских поселках работали 15 средних, семилетних и начальных школ, в которых обучалось 4 000 детей и работало около 200 учителей. Построили 15 клубов и 40 библиотек с фондом свыше 100 тыс. экземпляров книг. В клубах работали секции художественной самодеятельности.

В Краснодоне и окрестностях подрастало новое поколение советских людей, молодое, задорное. Им так хотелось жить, учиться, творить... Но 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война с фашистской Германией и ее союзниками, которая перечеркнула все их мечты и планы. Теперь главным для юношей и девушек стала защита своей Родины, своего права на жизнь.

С началом войны свыше 13 000 трудящихся Краснодона и его района были призваны в ряды РККА, вступили в ополчение и ушли на фронт, мужественно и героически сражаясь в боях с немецко-фашистскими захватчиками (из них 5 950 чел. было награждено орденами и медалями, трое удостоены высокого звания Героя Советского Союза).

Но в летопись всей страны вошла история молодежной подпольной комсомольской антифашистской организации «Молодая гвардия», действовавшей в Краснодоне с сентября 1942 г. по январь 1943 г. Героический подвиг молодогвардейцев известен всему миру, имена юных борцов с фашистами золотыми буквами вписаны в историю нашей Родины.

Советские войска оставили Краснодон 17 июля 1942 г. Трое суток над небольшим рабочим городом стояла зловещая тишина: не работали шахты, заводы, мастерские, водокачка, не было электричества.

20 июля 1942 г. фашистские войска оккупировали Краснодон и сразу же стали наводить свой «новый порядок». Они приказали собраться евреям у комендатуры, вывели через городской парк на окраину города и во рву расстреляли всех: мужчин, женщин, стариков и детей. Начались ежедневные облавы и расстрелы «всех неблагонадежных» и коммунистов, которых выдавали подонки и тайные осведомители фашистов.

Жители города, дети простых рабочих увидели, какой «порядок» принесли с собой захватчики. Ненависть к врагу переполняла сердца молодых патриотов, поэтому во всех концах Краснодона, близлежащих поселках сразу же стали стихийно создаваться подпольные антифашистские группы молодежи для борьбы с захватчиками.

Врагу не было покоя на земле Краснодона. Уже на второй день оккупации в центре города на заборах были расклеены рукописные листовки с призывом бороться с фашистами и днем, и ночью. Через несколько дней запылало здание треста «Краснодонуголь», где размещался штаб крупной фашистской воинской части, еще через день загорелась новая баня, в которой фашисты устроили вещевого склад и казарму. Это начала действовать группа подростков во главе с Сергеем Тюлениным.

В оккупации город жил трудной, полной невзгод и лишений жизнью. По утрам у колодцев, вырытых кое-где на окраинах, выстраивались длинные очереди молчаливых, укутанных в платки женщин. Не было электричества, и, когда наступали сумерки, в окнах тускло светились чадающие керосиновые лампы (каганцы). Небольшая передвижная электростанция, которую привезли оккупанты из Германии, едва обеспечивала освещение служебных помещений немецкой администрации. Два раза в неделю жителям города в ларьках выдавались хлебные пайки – 200 граммов на человека земляно-черного, смешанного с соломой суррогата.

В начале августа по городу немцы развесили плакаты с изображением украинцев, которые прекрасно живут, работают и чувствуют себя счастливыми на немецкой земле. Собирая в районах боев оружие убитых красноармейцев, Тюленин нашел листовку, сброшенную с советского самолета с призывом к молодежи срывать мобилизацию в Германию. Дома вместе с сестрой Надеждой они размножили ее от руки и разбросали листовки у колодца и в поле, куда многие жители Краснодона ходили собирать колоски пшеницы. Тексты листовок подписали словами «Серп и молот».

Боевая группа смелых и надежных ребят Сергея Тюленина постепенно

росла. Уже в конце августа в ней было девять человек: Леонид Дадьшев, Владимир Куликов, Валерия Борц, Антонина Мащенко, Степан Сафонов, Семен Остапенко, Владимир Лукьянченко и Анатолий Попов. Они уже тогда решили создать свой молодежный партизанский отряд и его вооружить.

Устроившись работать на элеватор, ребята заразили зерно черным жучком, и немцы, испугавшись, не стали грузить в вагоны испорченную пшеницу, а раздали ее жителям Краснодона и близлежащих деревень.

В конце августа 1942 г. Иван Земнухов собрал в центральном парке города своих друзей Василия Левашова, Бориса Главана, Анатолия Лопухова и Георгия Арутюнянца и предложил им вместе бороться с фашистами. Так была создана вторая группа народных мстителей Краснодона. В ее состав также вошли Владимир Осьмухин, Клава Ковалева и Олег Кошевой. Свой партизанский отряд ребята назвали «Молот» и стали собирать радиоприемники, чтобы принимать сводки Советского Информбюро, а затем сообщать их людям. Одновременно начали сбор оружия и боеприпасов в местах недавних боев. Теперь под текстом листовок, распространяемых по городу, стояла подпись «ШПО» (штаб партизанского отряда).

К началу сентября 1942 г. в город вернулись бежавшие из вражеского плена уроженцы этих мест бойцы и командиры Красной Армии: Евгений Мошков, Василий Гуков, Дмитрий Огурцов, Николай Жуков, Василий Ткачев, Иван Туркенич. Их постепенно, с определенной долей осторожности, стали привлекать к действиям подпольщиков.

В двадцатых числах сентября 1942 г. в Краснодоне появился Виктор Третьякевич, который уже воевал с фашистами в партизанском отряде. До войны он в течение двух лет возглавлял комсомольскую организацию средней школы № 4 и был членом Краснодонского райкома комсомола. Вскоре вся семья Третьякевичей перебралась из Ворошиловграда в Краснодон и поселилась в своем старом домике на «шанхае». Виктор встретился с Иваном Земнуховым. Они хорошо знали друг друга по комсомольской работе еще до оккупации. Договорившись о встрече, Виктор зашел еще к Василию Левашову, а вечером поговорил с Сергеем Тюлениным.

Иван Земнухов давно считал, что настала пора объединиться с другими подпольщиками и действовать против оккупантов более решительно. На встречах он убеждал других командиров, что сила подпольной организации в единстве ее рядов, в сплоченности и строжайшей конспирации.

28 сентября 1942 г. в доме Жоры Арутюнянца собрались Третьякевич, Василий Левашов и Земнухов. Все знали друг друга не только по школе, но и по совместной работе в тылу врага. Виктор Третьякевич рассказал ребятам, что направлен в Краснодон командиром Ворошиловградского

партизанского отряда для организации подполья, а Иван Земнухов предложил объединить все усилия разрозненных подпольных групп и создать единую мощную организацию. Возражений не было. Воодушевленные встречей, они разошлись. На следующий день ребята собрались в доме у Земнухова, куда пригласили и Сергея Тюленина. На этом совещании они решили объединить две боевых группы в единую организацию для совместных действий против фашистов.

Ночью 29 сентября 1942 г. в яме недостроенного бомбоубежища на территории городского парка фашистами были расстреляны 32 коммуниста-подпольщика, которых выдал провокатор. Когда полицай засыпал яму опавшими листьями и землей, некоторые из них были еще живы... и пели «Интернационал». А утром жители небольшого шахтерского города друг другу передавали эту страшную новость.

Жестокая казнь известных людей Краснодона стала мощным толчком для юношей к переходу от совещаний и разговоров к действиям. Собравшись в доме Третьякевича, они окончательно сформировали организацию подпольщиков во главе со штабом, в который вошли Василий Левашов – командир, Виктор Третьякевич – комиссар, Иван Земнухов – начальник штаба, Сергей Тюленин – командир боевой группы и Георгий Арутюнянц – ответственный за информацию. Ребята решили объявить беспощадную борьбу фашистам, жестоко мстить захватчикам всеми возможными средствами и делать все, чтобы скорее изгнать врага с родной земли. Здесь же Тюленин предложил назвать городской молодежный отряд «Молодая гвардия». Так 30 сентября 1942 г. была создана героическая подпольная комсомольская организация (в составе 25 человек), которая стала символом стойкости, верности долгу и присяге, нестигаемости духа, презрения к смерти для молодых людей нашей Родины и многих стран мира.

Вскоре в состав организации стали вливаться одна за другой все новые и новые группы добровольцев: спортсмены во главе с Анатолием Ковалевым; молодые патриоты из поселка Первомайка с Ульяной Громовой; подпольная группа поселка Краснодон во главе с Николаем Сумским и др. Подавляющее большинство из них не имело опыта подпольной работы, конспирации, проведения диверсий, умения правильно пользоваться оружием. Всему надо было учиться, но время неумолимо требовало от юных подпольщиков действий, и они

Николай Сумской

действовали, несмотря на большую опасность, которая подстерегала их на каждом шагу в борьбе с опытным и коварным врагом.

В начале октября 1942 г. Ковалев сообщил Третьякевичу, что в городе появился бежавший из фашистского плена лейтенант РККА Иван Туркенич. По возрасту и опыту он был старше и опытнее всех. Третьякевич во время встречи с ним предложил Ивану вступить в «Молодую гвардию», и тот согласился. Молодые подпольщики очень обрадовались. Ознакомившись со структурой организации, Туркенич посоветовал ввести в штаб командиров самых больших групп, начать обучение военному делу, обратить внимание на дисциплину и порядок в действиях подпольщиков. По предложению Василия Левашова, которое поддерживал Иван Земнухов, Туркенича избрали командиром «Молодой гвардии» и доверили ему руководство боевыми операциями в организации. Как командир, он пользовался абсолютным авторитетом у молодых подпольщиков. А Василий Левашов остался членом штаба и командиром центральной группы подпольщиков.

«Молодая гвардия» стала подпольной молодежной комсомольской организацией, которая имела свои структурные подразделения. В штаб были введены новые члены: Олега Кошевого утвердили ответственным за безопасность (начальником разведки), Ульяну Громову – командиром Первомайской подпольной группы, Любовь Шевцову – связной с коммунистическим подпольем и партизанами.

Туркенич стал вводить в организации военную дисциплину. Прежде чем принять решение, он строго продумывал каждую боевую операцию, умело расставлял силы. «Молодая гвардия» постепенно становилась грозной боевой единицей, действующей по законам военной тактики.

В эти же дни в «Молодую гвардию» вступили Владимир Загоруйко и Сергей Левашов, которые окончили школу особого назначения НКВД и отлично знали законы конспирации.

Группа Тюленина имела оружие, собранное на местах боев. Собирали оружие и другие молодогвардейцы. Борис Главан принес даже два пулемета.

Под руководством красноармейцев началась боевая подготовка подпольщиков к действиям в партизанском отряде, но оружия явно не хватало, поэтому вначале деятельность молодогвардейцев ограничивалась тем, что писали листовки и расклеивали их по городу – каждый в своем районе.

Члены штаба сообща составили текст клятвы молодогвардейцев:

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь: беспрекословно выполнять

любое задание, данное мне старшим товарищем, хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания. Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты. Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Эту клятву произносил каждый вступающий в «Молодую гвардию».

Радиолюбители Сергей Левашов, Володя Осьмухин, Степан Сафонов, Николай Сумской, Володя Жданов в октябре 1942 г. собрали четыре радиоприемника, и члены «Молодой гвардии» регулярно слушали передачи из Москвы. Теперь каждая листовка стала начинаться со сводки Совинформбюро.

Сергей Тюленин, Степан Сафонов и Валерия Борц в развалинах здания редакции газеты «Социалистическая Родина» насобирали целый мешок металлических букв. Подпольную типографию устроили в доме Жоры Арутюнянца.

Подавляющее большинство молодогвардейцев были комсомольцами, вновь принятым выдавались временные комсомольские удостоверения, которые вместе с листовками стали печататься в подпольной типографии. Комсомольские взносы принимал Виктор Третьякевич.

Степан Сафонов

Крепла, набирала силы подпольная организация. В конце октября 1942 г. в ней уже состояло более семидесяти человек. «Молодая гвардия» начала переходить к диверсионным актам против оккупантов.

В октябре большая группа молодогвардейцев ночью ушла в степь и возле села Шевыревка одновременно в нескольких местах подожгла скирды немолоченого хлеба, подготовленного к отправке на продовольственные склады действующей гитлеровской армии. А Сергей Левашов в ту же ночь пробрался в гараж и предусмотрительно вывел из строя три находившиеся там немецкие автомашины.

Виновников происшествия найти не удалось.

Не успели утихнуть волнения фашистов и полицаев, вызванные пожаром, как новое событие опять подняло всех гитлеровцев на ноги. Сережа Тюленин, Володя Осьмухин, Демьян Фомин и Семен Остапенко

напали на охрану, сопровождавшую стадо (гурт) домашнего скота, отобранного у краснодонцев, и, разогнав по степи, не дали угнать его на станцию Должанка для отправки в Германию.

Подпольная организация, к поимке которой так тщательно готовились полицейские и жандармы, все чаще давала о себе знать. Уже чуть ли не каждый день появлялись в городе листовки. В них пересказывалось содержание очередных сводок Советского информбюро, едко и зло высмеивались фальшивки, которые печатала выпускаемая гитлеровцами специально для мирных жителей газета «Новая жизнь».

Однажды ночью в поселке Первомайка «группа неизвестных» (Иван

Демьян Фомин

Туркенич, Демьян Фомин и Иван Земнухов), бесшумно сняв часовых, проникла в больницу, где содержались легкораненые советские военнопленные, и помогла им бежать. Затем «кто-то» (боевая группа Евгения Мошкова), расстреляв охрану лагеря близ хутора Волченский, освободил более семидесяти советских военнопленных. Приехавшие на место происшествия жандармы увидели лишь трупы убитых немецких солдат и разбросанные повсюду окровавленные гимнастерки: для пленных принесли гражданскую одежду и помогли им переодеться.

Виктор Третьякевич и Олег Кошевой заминировали деревянный мост на шоссе на дороге, подорвав немецкую грузовую автомашину с боеприпасами. Сергей Левашов с группой молодогогвардейцев уничтожил фашистскую автоколонну на дороге между Краснодоном и небольшим донецким городком Свердловск, а

Юрий Виценовский

Анатолий Попов, Демьян Фомин и Иван Туркенич забросали гранатами штабную машину гитлеровцев на пути из Краснодона в Изварино.

Анатолий Попов

Шахта № 1-бис была подготовлена фашистами к пуску. Молодогвардеец Юрий Виценовский, слесарь этой шахты, подпилил многожильный стальной канат и, когда стали

опускать клеть с грузом, он лопнул. Тяжелая клеть при падении на глубину 250 м почти полностью разрушила в шахтном стволе опалубку, энергетические коммуникации и вентиляционные устройства. В городе часто нарушалась работа отопительной системы в жандармерии и дирекции, отключалась электростанция, а вскоре была выведена из строя восстановленная фашистами водокачка.

«Молодая гвардия» действовала и приводила в трепет врагов.

В канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции немецкая комендатура, жандармерия и полиция тщательно разработали маршруты ночного патрулирования города, отмечали условными значками особо опасные районы. Вечером и в ночь на 7 ноября 1942 г. вооруженные жандармы и полицейские вышли в город. Держа оружие наготове, они всю ночь «прочесывали» улицы, заглядывая в каждый закоулок, в каждый двор. Казалось, даже мышь не смогла бы проскользнуть незамеченной сквозь этот строй вооруженных до зубов врагов, настороженно прислушивающихся к малейшему шороху.

А утром, когда рассвело, изумленные гитлеровцы увидели совершенно фантастическую картину: над всем городом реяли красные флаги. Алые полотнища развевались над копрами шахт № 1-бис, № 12, № 2, над школой № 4 им. К.Е. Ворошилова, над бывшим зданием райисполкома, даже над зданием немецкого дирекциона, которое особенно тщательно охранялось. Молодогвардейцы водрузили восемь красных флагов на самых высоких зданиях в г. Краснодоне и прилегающих к нему поселках.

Вдобавок ко всему на заборах, на стенах домов были расклеены листовки, отпечатанные типографским способом. В них подробно пересказывалось содержание доклада И. В. Сталина, сделанного 6 ноября 1942 г. в Москве на торжественном заседании Моссовета (за весь период своей деятельности «Молодая гвардия» выпустила и распространила более 5 тысяч антифашистских листовок с данными о реальном положении дел на фронте и призывами к населению подниматься на беспощадную борьбу с немецкими оккупантами).

Это утро надолго запомнилось краснодонцам. Весь город высыпал на улицы. Словно зачарованные, смотрели люди на алые полотнища, развевающиеся над городом, жадно читали призывные слова листовок, не обращая никакого внимания на шнырявших вокруг полицейских. Впервые за время фашистской оккупации они были по-настоящему рады. Об этом событии еще долго говорил весь Донбасс.

На следующую ночь в городском парке группа молодогвардейцев во главе с Иваном Туркеничем устроила засаду. Затанув дыхание они

настороженно следили за каждым шагом патрульного наряда. Трое полицейских во главе с комендантом участка шли по темным аллеям городского парка. Один из полицейских, рослый, длиннорукий, свернул с аллеи чуть в сторону по нужде, а когда патруль, напряженно всматриваясь в темноту, отошел дальше, внезапно раздался страшный, звериный крик и частый топот быстро убежавших ног... На утро по всему городу разнеслось: кто-то убил предателя-полицая, оставив на его груди грозную записку: «Это ждет каждого врага Родины».

После этого случая полиция стали бояться появляться в городе в одиночку, некоторые оставили службу и патрулирование стали осуществлять группами по 4-5 человек. Для того чтобы охватить все районы города, в полицию явно не хватало людей, поэтому был объявлен очередной набор. Немецкой администрацией сулились разные льготы.

Комиссар «Молодой гвардии» Виктор Третьякевич с большим трудом убедил друзей-спортсменов Анатолия Ковалева, Василия Пирожка, Ивана Леонова и Михаила Григорьева в необходимости поступить работать в полицию. С этого момента молодогвардейцы знали все о планах фашистов по угону молодежи в Германию, маршруты патрулирования, время и место облав и полицейских засад. Молодые патриоты по ночам смело надевали белые повязки полицейских, брали с собой листовки, разбрасывали их на улицах, приклеивали на дверях квартир и досках объявлений. Участвовавшие в провалах действий полиции и жандармерии убедили руководство фашистской администрации в неблагонадежности некоторых полицейских, и, не имея доказательств, Ковалева и Пирожка вскоре выптали из полиции за «недисциплинированность». Леонова и Григорьева уволили несколько позже. Ребята так и не смогли притворяться, это дело было не для них.

2 декабря 1942 г. с разрешения бургомистра и военного коменданта Краснодона при шахте № 1-бис для оккупантов и жителей города открылся городской клуб, в котором была организована концертная бригада и кружки самодеятельности. Артистам фашисты выдавали документ, запрещающий использовать «верные Германии» таланты на грязной работе в качестве батраков. Евгению Мошкову в городской управе предложили стать директором, а Ивану Земнухову – главным администратором. Виктора Третьякевича назначили художественным руководителем оркестра. С этого времени клуб стал центром всей работы молодых подпольщиков.

Третьякевич был страстным музыкантом и еще в школе руководил кружком самодеятельности – он взялся сколотить струнный оркестр. Среди молодогвардейцев нашлось немало любителей музыки: Сережа Тюленин и Володя Лукьянченко отлично играли на балалайке, Жора

Арутюнянц, Василий Левашов, Володя Загоруйко – на мандолине, Валя Борц, Майя Пегливанова и Тося Машенко – на гитаре. В состав оркестра были включены и те, с кем нужно было еще побеседовать, кого хотели вовлечь в организацию. На «репетициях» новичкам разъясняли цели и задачи организации, проводили собрания по приему в «Молодую гвардию». В клубе обсуждались все очередные вопросы работы организации.

В ночь на 5 декабря 1942 г., в День Конституции СССР, молодогвардейцы (Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и Владимир Лукьянченко) устроили поджог здания немецкой биржи труда («черной биржи»), где хранились списки людей с адресами, с заполненными рабочими карточками медицинского освидетельствования и удостоверениями–«аусвайсами», предназначенных к утону на принудительные, каторжные работы в нацистскую Германию. А чтобы отвести от себя подозрения, акт возмездия ребята совершили во время своего первого концерта в клубе, где находилось много немцев и их пособников. Сбежавшиеся со всех концов города жандармы и полиция не смогли потушить пожар. Более двух тысяч юношей и девушек из Краснодона и района были спасены от насильственного вывоза. Следов поджигателей вновь обнаружить не удалось. Начальник жандармерии гауптвахмистр Зонс боялся признаться начальству в своем бессилии и доложил, что пожар биржи произошел вследствие замыкания электрических проводов, чем вызвал гнев начальника жандармерии Ровеньского округа, члена фашистской партии, гауптмана Эрнста-Эмиля Ренатуса (он отлично знал, что в Краснодоне нет электричества).

В середине декабря 1942 г. связная областного коммунистического подполья Любовь Шевцова, вернувшись из Лутанска, сообщила членам штаба «Молодой гвардии», что Виктор Третьякевич (кличка «Славин») соврал. Он не был направлен командиром партизанского отряда в Краснодон, его отряд был полностью уничтожен фашистами еще в сентябре 1942 г. Третьякевич оправдывался, но всех возмутило то, что он не сказал правду, с должности его сняли, оставив членом штаба, а комиссаром организации по предложению Шевцовой выбрали Кошевого (кличка «Кашук»).

На следующем заседании штаба Олег и Иван Земнухов предложили создать боевой ударный партизанский отряд, связаться с партизанами под Каменском и совместно с ними ударить с тыла по фашистам, чем помочь наступающим бойцам Красной Армии. Это предложение было горячо поддержано, и уже 19 декабря 1942 г. был сформирован молодежный партизанский отряд «Молот». В него вошли пятнадцать самых отважных, самых крепких молодогвардейцев, в том числе три девушки (сестры Иванцовы и Валерия Борц), все приняли новую присягу партизан и, разделившись

на пятерки, стали готовиться к походу, с нетерпением ожидая вызова. Командиром назначили Туркенича, комиссаром – Кошевого.

Связная штаба Ольга Иванцова установила связь с ростовскими партизанами. Были подготовлены оружие, боеприпасы, а также запасены продукты для отряда. Перед отправкой молодогвардейцев к партизанам Кошевой и Земнухов стали настаивать на организации личной встречи с руководителями ростовского отряда. Те не возражали, но по разным причинам встреча постоянно откладывалась.

Вскоре по распоряжению руководства ростовских партизан выход молодогвардейцев был отложен, так как большевики посчитали, что отряд «Молот» должен остаться в Краснодоне, где для него подготовят базу, оружие и он станет ядром нового партизанского отряда, в который будут вливаться другие группы патриотов. Этот отложенный выход партизанской группы молодогвардейцев сильно подорвал авторитет штаба.

Однако события на советско-германском фронте развивались стремительно, тогда юные молодогвардейцы решили поднять в Краснодоне восстание, чтобы разбить немецкий гарнизон и присоединиться к наступающим частям Красной Армии. Оружие и боеприпасы стали переносить в город и прятать в подвале старой городской бани. Одновременно ряды организации пополнялись проверенными ребятами.

Три ночи подряд Сережа Тюленин, Леня Дадышев, Степа Сафонов, Володя Куликов, Сеня Остапенко и Радик Юркин перетаскивали на склад оружие, собранное группой Тюленина и другими еще летом и спрятанное в заброшенном шурфе шахты № 22. В одну из ночей Тюленин, Сафонов и Юркин наткнулись на полицейскую засаду. Выручила Сережкина смекалка, он догадался поверх коробок с патронами насыпать в корзины семечки подсолнуха, очистки картофеля и тыкв.

На тайном складе подпольщиков уже имелось 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 65 кг взрывчатки, несколько сотен метров бикфордова шнура...

Иногда с востока ветер доносил отзвуки далекой канонады. Советские войска подходили к Донбассу. Молодогвардейцы готовились к решительному открытому бою с врагом. Начать восстание планировали в ночь на 31 декабря 1942 г., взорвав здание дирекциона, в котором фашистами планировалась встреча Нового года с концертом и банкетом для немецких офицеров и русских подонков-предателей. После взрыва шесть молодогвардейцев должны были войти прямо в зал и забросать оставшихся в живых врагов гранатами. Ждали только команды Ростовского подпольного обкома, но в 17 часов пришло распоряжение: взрыв отменить, ничего

не предпринимать и ждать указаний. Большевики посчитали, что преждевременное выступление молодогвардейцев могло сорвать намеченные планы. Все ребята были страшно расстроены, а группа Сергея Тюленина вышла за город и взорвала несколько немецких машин.

Организация уже насчитывала около ста десяти участников подполья – юношей и девушек (самому младшему участнику было 14 лет).

В это время немецкая контрразведка, гестапо, полиция и жандармерия активизировали усилия по поимке и ликвидации комсомольско-коммунистического подполья в районе Краснодона. Гитлеровцы долгое время тщетно пытались раскрыть организацию, и на ее след они напали совершенно случайно, даже не подозревая об этом.

Все началось с кражи подарков для немецких солдат, которые на автомашинах доставлялись на фронт в канун Нового года. Гитлер приказал своим тыловикам вручить каждому солдату, находящемуся на передовой, «новогодний подарок фюрера» – пакет с сигаретами, шоколадом, бутылкой шнапса. Фюрер надеялся, что эти подарки поднимут боевой наступательный дух армии. Автоколонны с «подарками фюрера» потянулись к линии фронта.

Вечером 27 декабря 1942 г. одна из таких колонн остановилась на отдых в Краснодоне. Спустив на ночь воду из радиаторов, водители и солдаты, сопровождавшие машины, расположились в одном из домов. На рассвете один из водителей вышел, чтобы прогреть мотор своей автомашины, и вдруг увидел, что мешки с подарками, которыми был наполнен кузов, исчезли. Насмерть перепуганный немец поднял тревогу.

На следующий день та же история повторилась и с другой автоколонной. Военный комендант Краснодона майор Гендеман отдал приказ предупреждать всех офицеров войсковых частей, проходящих через город, тщательнее следить за охраной имущества. Но и в третью ночь еще одна машина с подарками была разграблена.

В каждой машине было 6 – 8 мешков и в каждом из них – 100 пачек сигарет «Люкс», 2 кг шоколада в плитках по 50 гр, 25 фляг со шнапсом и свежая почта.

Молодогвардейцы и раньше реализовывали на рынке добытые у врага сигареты, водку и другое имущество. Вырученные деньги поступали в кассу организации, которой ведал Иван Земнухов. На этот раз нужно было повременить, слишком уж рьяно немцы и полиция вели расследование, но молодые патриоты даже не могли тогда предположить, что «такой пустяк» приведет к гибели всей «Молодой гвардии».

Сигареты стали появляться на рынках, в ресторане. Полицай сблизись с ног и при очередной облаве 1 января 1943 г. на городском рынке поймали 12-летнего подростка Митрофана (Мишу) Пузырева, который торговал

сигаретами «Люкс». Мальчишку избили, пригрозили избить маму, и он признался, что сигареты ему дали Евгений Мошков и Виктор Третьякевич.

(По другой версии, разговор Мошкова, Третьякевича и Земнухова о похищенных мешках с подарками случайно подслушал сосед Евгения, тайный осведомитель гестапо В.Г. Громов. Это он был непосредственно виновен в гибели 34 партийных и советских активистов во время оккупации Краснодона и при немцах работал крепильщиком на шахте N1-бис. 1 января 1943 г. предатель доложил заместителю начальника полиции В.С. Захарову (Шульга) о разговоре молодогвардейцев и указал место, где были спрятаны мешки с немецкими подарками).

Немедленно к городскому клубу им. Горького на подводах выехал сам начальник полиции В.А. Соликовский (бывший петлюровец) с тремя полицейскими. Войдя в клуб, они увидели на полу зала валявшиеся фантики от немецких конфет и, проведя тщательный обыск, на втором этаже в бывшей библиотеке под старыми декорациями обнаружили мешки с немецкими подарками. Мошкова тут же арестовали, избили, окровавленного кинули в сани и через весь город повезли в полицию. Виктор Третьякевич был дома. Он спал. Полицейские ворвались в мазанку и, не дав ему опомниться, скрутили руки и также доставили в полицию.

Убедившись, что содержимое украденных мешков целое (за некоторым исключением), начальник полиции доложил об успешно проведенной операции в жандармерию.

В момент ареста Мошкова за кулисами в клубе находился Сергей Тюленин. Он видел, как арестовали Евгения и, выскочив в окно, со всех ног помчался к Туркеничу, а потом весь день метался по городу и успел предупредить многих молодогвардейцев, сообщив им страшную весть.

Узнав об аресте товарищей, Иван Земнухов попытался им помочь и сам пошел в полицию, наивно пытаясь выручить Мошкова и Третьякевича, но его арестовали как свидетеля и соучастника кражи. Их долго секли плетью, пытаясь заставить признаться в воровстве, требовали назвать соучастников. Но Мошков, Земнухов и Третьякевич все отрицали. Они, не сговариваясь, заявляли, что даже «не представляют, каким образом пропавшие мешки оказались на чердаке клуба».

Вечером 1 января 1943 г. в доме Вишеневских состоялось последнее заседание штаба «Молодой гвардии». Вел его Олег Кошевой. Единогласно было принято решение: всем членам организации разобрать оружие и немедленно оставить город, укрыться в соседних хуторах.

Утром следующего дня на квартире Анатолия Попова собралась вся первомайская группа, за исключением Геннадия Почепцова.

Ребята решили: без паники, небольшими группами пробираться к линии фронта. Если не удастся пробраться через фронт – уходить к родственникам, знакомым в ближайшие села и без вызова в городе не появляться.

Но большинство молодогвардейцев недооценили грозившей им опасности, хотя связные штаба предупредили всех и передали его приказ.

Всего этого не знали гитлеровцы. И они наверняка так бы ничего и не узнали, если бы в подпольной организации не оказался один человек с подленькой, трусливой душой...

Начальник жандармерии Зонс обрадовался, что «подарки фюрера» нашлись, и разрешил полициям самим наказывать как следует ворюшек, чтобы другим неповадно было. Он посчитал, что местное население должно знать, что оккупационные власти не вмешиваются в дела органов «гражданского самоуправления».

Начальнику полиции тоже надоело возиться с ними, и он поручил вести следствие своему заместителю. Захаров долго бился с арестованными, затем на помощь ему пришел следователь Кулешов. Вдвоем они в очередной раз сильно избили ребят, но те категорически отрицали свое участие в краже немецких подарков. Наконец Соликовский сказал Захарову: «Черт с ними, выпори их еще хорошенько и гони в шею. Сейчас не до них...»

Но в это время, 3 января 1943 г., к начальнику полиции прошел немецкий жандарм с пакетом, в котором был всего один маленький листок из школьной тетради с неровными рваными краями с расплывчатыми, наспех написанными строчками, и передал, что господин гауптвахмистр приказал немедленно заняться этим делом.

Соликовский читал и не верил своим глазам. Лицо его покрылось густыми багровыми пятнами, ладони рук вспотели...

«Заявление начальнику шахты 1-бис господину Жукову.

В Краснодоне организована подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия», в которую я вступил активным членом. Прошу в свободное время зайти ко мне на квартиру, и я все подробно расскажу. Мой адрес: ул. Чкалова, № 12, ход 1-й, квартира Громова Василия Григорьевича.

20 декабря 1942 года. Почепцов Геннадий».

В первомайскую группу молодогвардейцев Ульяны Грозовой его привел лучший друг Демьян Фомин в ноябре 1942 г. С Анатолием Поповым Почепцов ходил на встречи молодогвардейцев в городском парке. Здесь он увидел много своих знакомых, в том числе и Виктора Третьякевича. Ребята открыто обсуждали, где ночью будут расклеивать антифашистские листовки.

Вначале ему не давали никаких поручений. Он просто ходил на собрания

и постепенно узнал всех членов штаба. Но, когда молодогвардейцы перешли к активным действиям против фашистов, Почепцов испугался.

Скоро Геннадий вместе с Демьяном Фоминым записался в состав партизанского отряда «Молот» и участвовал в краже «подарков фюрера», но думал он только об одном – как отойти от подпольщиков и порвать с ними. Несколько пачек сигарет «Люкс» он переложил из мешка в свой карман и курил их дома. 2 января 1943 г. его отчим, тайный осведомитель гестапо В.Г. Громов, увидев украденные пачки сигарет, припугнул Геннадия, сказав, что «его друзья» Мошков, Третьякевич и Земнухов арестованы и дают признательные показания.

Дрожа, обливаясь слезами, Почепцов словно одеревенел от страха, ноги не слушались, и он тут же во всем признался отчиму, который и посоветовал написать письмо человеку, близкому к жандармерии, но число указать другое.

Так было совершено предательство...

В кабинет начальника полиции незамедлительно привели молодого парня, бледного, испуганно смотревшего по сторонам. Это и был Геннадий Почепцов. Трясущимися руками он отдал Соликовскому листок бумаги, на котором были записаны имена и фамилии всех молодогвардейцев, которых знал. Рассказал он и о складе оружия, пообещав показать место, где оно было спрятано.

Допросы Земнухова, Мошкова и Третьякевича возобновились, но теперь звериной злобе подонков-предателей не было предела. Они избивали ребят с такой жестокостью, что порой сами физически не выдерживали. Тогда они устроили поток пыток, в которых, как на конвейере, сменяли друг друга. Глухие стоны ребят переходили в душераздирающие крики, от которых никто из арестованных в камерах не мог укрыться, и ужас пронизывал все их тела. Минуты этих допросов казались вечностью. Когда молодогвардейцы теряли сознание, их отливали ледяной водой и пытки продолжались. Страшные вопли вновь содрогали воздух.

В ночь на 4 января 1943 г. начались аресты. Взяты были почти все члены первомайской группы. В самом же Краснодоне большинство молодогвардейцев выполнило указание штаба и за несколько часов до прихода полицая покинуло свои дома, собираясь укрыться у знакомых в ближайших деревнях.

На следующий день работники полиции совместно с жандармерией начали допросы арестованных. Молодогвардейцев жестоко избивали плетью, резиновым шлангом, проволокой, чтобы заставить их дать показания и выдать своих сообщников. Но оружие бесследно исчезло из старой бани, а значит, организация еще действовала и не всех арестовали фашисты и их пособники.

Молодогвардейцы упорно, вызываясь молчали, и это упорство больше всего бесило гитлеровцев и полицаев. Их уже не волновала судьба пропавшего оружия, их поражала чудовищная стойкость этих еще совсем молодых людей.

Вместо сбежавших молодогвардейцев арестовывали их родителей, братьев и даже сестер с грудными детьми бросали в застенки полиции. Камеры были переполнены, но допросы, пытки и избиения продолжались круглосуточно. Одни палачи сменяли других.

Краснодон – город небольшой. Весть о ночных арестах разнеслась по нему быстрее ветра. Скоро не было в городе человека, который не знал бы о страшном событии.

С утра стягивались к серому барaku, в котором размещалась полиция, угрюмо-молчаливые вереницы людей. Шли родители арестованных в надежде узнать что-нибудь о судьбе своих детей, соседи, знакомые. Толпились на небольшой площадке перед баракom, напряженно вслушивались, стараясь уловить каждый шорох, каждый звук, возникавший за слепыми окнами. Иногда оттуда доносились приглушенные стоны, страшные вопли. Тогда толпа подвигалась ближе к бараку, матери, заламывая руки, бросались к полицаям, стоявшему у двери. Только на третьи сутки Соликовский разрешил принимать передачи для арестованных.

Георгий Стаценко – сын заместителя бургомистра также учился в школе им. Горького, хорошо знал Олега Кошевого, Ивана Земнухова, Георгия Арутюнянца, Василия Левашова, Василия Пирожка, хотя и не дружил с ними (он был на несколько лет старше, потому что дважды оставался на второй год). В 1941 г. Георгий был призван в армию, но дезертировал и укрывался до прихода немцев. В оккупированном городе он слонялся целыми днями по улицам и кое-что знал про тайные сходки своих школьных знакомых. Весть об аресте молодогвардейцев Георгий воспринял как должное и очень удивился, когда в городе повстречался с некоторыми из них. Он тут же рассказал отцу, и совместно они составили дополнительный список молодых патриотов, который старший Стаценко отнес в жандармерию. Накануне там побывала еще одна из соучениц арестованных молодогвардейцев. Она также утверждала, что в подпольной организации состоит более ста человек и полиция арестовала далеко не всех, и Зонс решил еще раз допросить Геннадия Почепцова.

Подонко подтвердил свои предыдущие показания и стал называть всех известных ему молодых людей, с кем доводилось встречаться даже просто случайно, называя одну за другой фамилии своих сверстников. Ему были устроены очные ставки с Мошковым и Поповым, допросы которых

сопровождались зверскими избиениями и жестокими пытками.

Массовые аресты молодых подпольщиков города и поселка Первомайка продолжались вплоть до 11 января 1943 г. Одновременно жандармерия и гестапо арестовали всех коммунистов и даже сочувствующих, выданных провокаторами. В ночь на 12 января 1943 г. начался арест членов подпольной группы поселка Краснодон, и к утру были схвачены почти все ее члены, только Михаилу Шищенко удалось скрыться.

Палачи-полицай перед допросом и истязаниями раздевали свои жертвы догола и укладывали на лавку или на бетонный пол. Для молодых женщин и девушек эта процедура была страшнее смерти, она приводила их в шок, от которого некоторые так и не смогли оправиться, они не выдерживали и ломались. Через них удалось узнать еще много фамилий молодых людей, которых подозревали в принадлежности к «Молодой гвардии».

Ольга Лядская, Ксения Толстенева, Зинаида Вырикова, Серафима Полянская, Георгий Стаценко, Михаил Бобровный, Иван Астащенко, М. Линчевская и другие иуды-предатели были привлечены к уголовной ответственности. На суде Почепцов подтвердил, что выдал палачам всю первомайскую группу и членов штаба «Молодой гвардии», которых знал, Лядская призналась, что выдала 17 молодых патриотов, а Полянская – секретарь комсомольской организации школы, сдала на растерзание фашистам и их прихвостням своего родного брата-молодогвардейца и предала всю группу поселка Краснодон, членом которой являлась, во главе с Николаем Сумским (13 человек – Жданов Володя, Полянский Юра, Шищенко Сапа, Щербаков Жора, Елисеев Тося, Андросова Лида, Кезикова Нина, Старцева Нина, Петрачкова Надя, Петля Надя, Дьяченко Тоня и Кийкова Женья). (Эти иуды-предатели, на чьих руках кровь замученных молодых подпольщиков Краснодона, в середине 1990-х гг. были реабилитированы только потому, что в материалах следствия почему-то не обнаружилось «прямых доказательств» их измены, но родители Анатолия Ковалева явно видели, что во время ареста сына с полицией была его одноклассница Ольга Лядская, которая плакала, просила у Анатолия прощения и говорила, что ее заставили его предать).

Остальные молодогвардейцы упорно молчали, не признавались в принадлежности к подпольной организации, не выдавали своих товарищей.

Тогда заместитель начальника полиции Захаров, следователь Кулешов и комендант участка Подтынный пошли на хитрость. Они понимали, что те, кого схватили позже, не знают, как попали на их след, и решили убедить молодогвардейцев, что вожаки организации во всем сознались и выдали остальных. Полицай сочинили фиктивные показания, якобы полученные от подпольщиков, и стали подсовывать их допрашиваемым. Так появился

слух, что членов организации сдал ее комиссар Виктор Третьякевич. В нее поверили некоторые полицаи, которые напрямую не участвовали в пытках молодогвардейцев, но молодые патриоты знали, что это ложь. (Эта версия рассматривалась органами НКВД вплоть до 1959 г., пока не поймали и судили еще одного палача молодогвардейцев, изменника Родины В.Д. Подтынного, который в начале войны был офицером Красной Армии, дезертировал, оставив позиции своего подразделения. 16 лет он скрывался под чужим именем. Были выяснены новые обстоятельства гибели молодых патриотов. Созданная после процесса специальная государственная комиссия установила, что Виктор Третьякевич стал жертвой умышленного оговора, а реальным предателем был признан Геннадий Почепцов).

Во время очередного допроса Мошков, выбрав удачный момент, со всей силы ударил своего палача-полицейского. Тогда подонки подвесили Евгения за ноги и держали в таком положении до тех пор, пока у него из носа и горла не хлынула кровь. Его сняли и снова начали избивать, но Мошков только плюнул кровью в лицо палачу. Вzbесившийся полицай наотмашь ударил Евгения. Обессиленный пытками, герой упал, ударившись затылком о косяк двери и умер. Ему было 22 года. Он стал первой жертвой среди молодогвардейцев.

Взбешенные упорством подпольщиков, гитлеровцы все больше распалялись. Все страшнее, все кошмарнее становились истязания.

Германская тайная полиция и гестапо все-ррез заинтересовались «Молодой гвардией», и 11 января 1943 г. в Краснодар прибыл специальный отряд гестапо во главе с палачом гауптшарфюрером СС Шульцем, который привез с собой средневековые орудия пыток (большую металлическую жаровню, ящики с метровыми щипцами, железными крючьями, кольцами...).

То, что потом происходило в сером бараке полиции, описать невозможно, это «были мучения, уже непредставимые человеческим сознанием, невысказанные с точки зрения человеческого разума и совести». Описывая жуткие сцены истязаний и пыток молодогвардейцев, А.А. Фадеев в своем романе «Молодая гвардия» не отошел от правды. Они основаны на признаниях самих палачей, позже представших перед народным судом за свои злодеяния. Фашистские выродки рассказали, что во время пыток Анатолию Попову отрубили ступню и раздробили пальцы рук; Николаю Сумскому

Евгений Мошков

перебили правую руку, сломали ключицу, выбили глаз, загоняли иголки под ногти, избивали прикладами; Владимиру Осьмухину отрубили кисть правой руки; Виктору Третьякевичу переломали руки; Борису Главану и Евгению Шепелеву отрубили кисти рук, изуродовали лица, вспороли животы; Володе Жданову переломали пальцы, на спине вырезали две полосы шири-

Антонина Елисеенко

ной 3 см и длиной 25 см, выкололи глаз и отрезали уши; Саше Шищенко отрезали уши, выкрутили обе руки, в трех местах поломали правую руку, вырезали полосы кожи на спине, заставляли слизывать языком свою кровь со стен пыточной камеры... Но особенно зверским истязаниям были подвергнуты девушки. Молоденькую учительницу из поселка Краснодон Антонину Елисеенко фашисты раздели догола, били плетью, кололи тело штыками, сажали на раскаленную плиту, а когда она теряла сознание, ее выбрасывали на снег, потом снова и снова повторяли пытки; Антонине Иванихиной вырезали груди и выжгли

глаза; Ульяне Громовой вырезали на спине звезду, переломали правую руку и ребра; Лидии Андросовой выжгли глаза, отрезали руку и ухо (к месту

Антонина Иванихина

казни подвели за веревку на шее); Шуре Бондаревой отрезали правую грудь; Ангелине Самошиной выкрутили руки, отрезали уши, на щеке вырезали пятиконечную звезду; Майе Пегливановой отрезали груди, выжгли глаза, отбили губы и выкрутили руки; Нине Минаевой переломали руки, выбили один глаз и резали ножом груди; Клавдии Ковалевой отрезали правую грудь и левую руку, сожгли ступни ног...

Но как ни лютовали гитлеровцы, они не смогли поставить молодоговардейцев на колени, сломить их дух. Юные патриоты стойко перенесли все тяжкие испытания, выпавшие на их долю...

Советские войска рвались в Донбасс, и уже стайки краснозвездных истребителей проносились над Краснодоном.

14 января 1943 г. немецкая жандармерия и комендатура получили приказ подготовиться к перебазированию. Окружное фашистское руководство недвусмысленно намекало, что Краснодон придется оставить, якобы «германская армия в целях сокращения линии фронта отходит на запад». Всех арестованных шеф гестапо, по согласованию с гауптманом Ренатусом, приказал расстрелять. Официально смертный приговор подпольщикам

подписал как представитель местной власти уже бургомистр В.И. Стаценко.

В эти последние часы своей жизни отважные комсомольцы хотели только одного: пусть все узнают, что никакие пытки, никакие мучения не сломили их дух, не смогли отнять у них веру в правоту своего дела, в силу своего народа. Понимая, что скоро будут казнены, молодогвардейцы громко пели в своих камерах, вкладывая в бесхитростные слова всю свою ненависть к врагам, всю свою любовь к жизни и Родине.

В 23 часа 15 января 1943 г. два крытых брезентом грузовика подкатили к бараку полиции. Жандармы и полицаи выстроились в два тесных ряда, образовав живой коридор от дверей камер до кузова автомашины. Зонс приказал вывести первыми арестованных коммунистов. Со связанными руками их положили на дно кузова, лицом вниз. Фашисты сели рядом, держа оружие на изготовку.

Затем Соликовский принялся вызывать по заранее подготовленному списку молодогвардейцев...

Грузовики на большой скорости помчались по пустынным улицам Краснодона и, выехав на далекую окраину, остановились. Арестованных согнали с машин и, подталкивая прикладами, повели по узкой тропе к чернеющему невысокому террикону заброшенной шахты № 5.

Фашисты отделили шестерых коммунистов, окружив их, и подвели к шурфу. Тем временем полицаи загнали молодогвардейцев в полуразвалившуюся сторожку и торопливо принялись стаскивать с них одежду.

Первым Зонс подвел к шурфу Лютикова. Филипп Петрович медленно подошел к глубокому колодцу и, повернувшись, обратился к своим товарищам, но недоговорил. Зонс поспешно вскинул пистолет и, не целясь, выстрелил ему прямо в лицо.

Следующим к шурфу подвели крупного, широкоплечего мужчину в изодранной рубаше и синих армейских шароварах. Это был председатель Краснодонского горсовета, член подпольного райкома партии С.Г. Яковлев. Степан Григорьевич вдруг остановился, двинув могучими плечами, оттолкнул от себя жандармов. Обернувшись назад, негромко проговорил: «Прощайте, товарищи!» – и смело шагнул в зияющую пропасть. Из глубины мрачного колодца донесся его сильный голос: «Умру за Сталина!»...

Ошеломленные жандармы застыли возле шурфа, но Зонс, ударив рукояткой пистолета стоявшего рядом солдата, приказал подводить остальных коммунистов. Затем он хладнокровно выстрелом в голову стал их убивать, а жандармы стаскивали тела в шурф. Пьяные полицаи поволокли к месту казни почти голых молодогвардейцев.

Когда к шурфу подвели Виктора Третьякевича, он неожиданно рванулся,

Владимир Жданов

толкнул плечом стоявшего рядом Захарова. Потеряв равновесие, палач чуть было не свалился в шурф. В последний момент он ухватился рукой за торчавшую над колодезём металлическую балку. Перепутанные полицаи не успели даже выстрелить в Третьякевича и живым столкнули в колодез (по другой версии – в шурф шахты Виктор чуть было не столкнул главного палача молодогвардейцев начальника жандармерии гауптвахмистра Зонса).

Следующим был Владимир Жданов. Он бросился на начальника полиции Соликовского, схватил его и с криком: «Хоть один паразит пойдёт с нами!» – стал тащить подонка к краю бездны. Ещё несколько секунд – и они оба упали бы в колодез. Но подоспел Захаров и выстрелом в голову убил парня.

Когда полицейские попытались подтащить Сергея Левашова к шурфу, он оттолкнул их и сам прыгнул в бездну, успев крикнуть: «Привет родителям!».

Чтобы ускорить расправу, связанных юношей сбивали с ног, у девушек поднимали и закручивали над головой платья, по одному подтаскивали к

Владимир Осьмухин

стволу, стреляли в затылок и сбрасывали в шурф.

Володю Осьмухина и других, кто сам не мог идти, полицаи подхватывали и, раскачав, бросали живыми в шурф. Бориса Главана и Евгения Шепелева связали колючей проволокой лицом к лицу и столкнули в страшный колодез. Так же поступили и с телом Евгения Мошкова.

В эту ночь были казнены 22 подпольщика.

Собрав одежду убитых молодогвардейцев, полицаи разделили ее между собой. С частью одежды Подтынный отрядил одного из полицаев добывать самогон. Не решаясь показываться в городе, убийцы весь остаток ночи и следующий день провели в беспробудном пьянстве. Утром один из немецких жандармов проговорился управляющему шахты: «И до чего же крепкий русский народ, вывели мы их к шахте раздетыми и хоть бы один попросился, только первый подошел и сам бросился, а потом остальные». И весть о казни молодых патриотов мгновенно разлетелась по Краснодару.

16 января 1943 г. были убиты или сброшены живыми в 58-метровый шурф шахты № 5 остальные арестованные. Но теперь Зонс и его палачи не

строились, а прикладами выталкивали из камер обессилевших молодогвардейцев. Каждому арестованному скручивали тонкой проволокой руки и ноги, завязывали глаза. Жандармы бросали их в сани навалом, одного на другого, словно это были уже трупы... Зонс торопился.

Перед казнью Ульяна Громова, обращаясь к подругам, стала говорить, но Захаров сдавил ей шею, а один из жандармов выстрелил в упор в грудь отважной девушке...

Гремели залпы на востоке. От разрывов содрогалась земля, огромные зарницы полыхали в небе, и казалось, что бои идут уже где-то на окраине города. Избежав ареста в первых числах января 1943 г., Юрий Виценовский вместе с Михаилом Григорьевым, Анатолием Ковалевым и Анной Соповой готовили освобождение арестованных подпольщиков, но не успели.

Прошло несколько дней. Гул за Северским Донцом не утихал, но и не приближался. Фашисты ценой огромных потерь сдерживали напор советских войск на подступах к Донбассу.

Оккупационные власти Краснодона, приготовившиеся было к бегству, приободрились. Они получили новый приказ по очистке тыла германской армии от «враждебно настроенных элементов».

В эти дни в городе появилось много советских солдат, бежавших из плена и пробиравшихся к линии фронта. Жандармы чуть не каждую ночь устраивали облавы, хватали местных жителей, укрывавших беглецов. Опустевшие камеры жандармерии и полиции опять были полны арестованных. Осмелевшие, воспрянувшие духом полицейские снова стали появляться в городе.

Однажды ночью полицейский патруль задержал Михаила Григорьева, который не смог перейти линию фронта и возвратился домой. В ту же ночь жандармы и полицейские пошли по адресам, сообщенным Почепцовым. Были арестованы Юрий Виценовский, Владимир Загоруйко, Аня Сопова и Анатолий Ковалев, которые также после долгих скитаний по окрестным хуторам возвратились в родной город.

А утром в полицейском бараке появился шеф гестапо со своими помощниками и вновь начались пытки. Они жаждали сломить дух этих молодых людей, заставить их ползать на коленях, плакать, раскаиваться. Эти нелюди немало повидали на своем веку. Но здесь, в Краснодоне, произошло нечто такое, что даже их привело в изумление. Около сотни человек, преимущественно молодых, почти детей, прошли через их руки, но никто ни разу не умолял о пощаде.

Фашистов поразило невиданное мужество этих людей. Они выдумывали все новые и новые ужасные истязания и никак не могли понять, какая сверхчеловеческая сила помогает молодогвардейцам

выдерживать эти чудовищные пытки.

Аню Сопову дважды подвешивали к потолку за косы. В третий раз одна коса оборвалась, и девушка упала на пол, истекая кровью, но не сказала фашистским подонкам ни слова.

В середине января 1943 г. недалеко от г. Ровеньки при переходе переезда у железнодорожной станции Картушино на блокпосту полевой немецкой жандармерии арестовали Олега Кошевого, у которого при обыске нашли пистолет. Его отправили под конвоем в полицию, а потом в жандармерию, где при тщательном осмотре в подкладке пиджака обнаружили печать «Молодой гвардии», несколько чистых бланков временных комсомольских удостоверений участника подполья и его комсомольский билет (по версии матери Олега Е.Н. Кошевой, его выдал бывший кулак Крупеник, с которым семья Кошевых была знакома до войны).

В окружной жандармерии уже знали, что Кошевой является одним из руководителей подполья Краснодона, поэтому его срочно перевели в застенки гестапо. Олега подвергли пыткам и истязаниям раскаленным железом и плетью. От пережитого в тюремных застенках у молодого 16-летнего комиссара поседели волосы, во время одной из пыток ему выкололи глаз, но он не предал своих товарищей и то святое дело, за которое боролся. Единственное, что Кошевой подтвердил, – это то, что он являлся одним из руководителей комсомольской подпольной организации и членом штаба партизанского отряда «Молот». В конце января 1943 г. Олег был расстрелян в Гремучем лесу недалеко от г. Ровеньки.

В ночь на 27 января 1943 г. полицаи арестовали Сергея Тюленина, который сумел пробраться через линию фронта, вместе с советскими войсками участвовал в боях за г. Каменск, был разведчиком, получил ранение, попал в плен, но каким-то чудом сумел бежать и вернуться домой.

Фашисты пытали Тюленина с пристрастием: четыре толстые «цыганские» иглы по самое ушко вонзили в его пальцы, зажимали ноги между половинками двери, раскаленным добела железным шомполом жгли его ладони, протыкали насквозь рану в плече... Но Сергей молчал.

Ночью 31 января 1943 г. полицаи выволокли из камер Анну Сопову, Сергея Тюленина, Владимира Лукьянченко, Михаила Григорьева, Анатолия Ковалева, Юрия Виценовского, Владимира Загоруйко. Палачи скрутили им руки проволокой, бросили в стоявшие во дворе подводы, и лошади понеслись к месту казни.

В степи возле копра шахты № 5 кони остановились. Первую четверку молодогвардейцев поставили на краю зияющей пропасти. Вторая подвода с обреченными на казнь стояла чуть поодаль. Сидевшие на ней

четверо молодогвардейцев смотрели, как умирают их товарищи. Неожиданно один из них, прыгнув с подводы, навалился на стоявшего рядом Захарова, сбил его с ног, затем, молниеносно вскочив, бросился бежать. Следом за ним прыгнул с подводы еще один. Это были Ковалев и Григорьев, которые сумели развязать руки по пути к месту казни. Переводчик полиции Бургардт торопливо снял с плеча винтовку и выстрелил в спину убегающему, тот рухнул в снег. Пуля попала Михаилу прямо в голову...

Михаил Григорьев

Начали стрелять и другие палачи по первому беглецу, затем четверо полицаяв кинулись в степь, но догнать Анатолия не смогли. Это был единственный побег из-под расстрела среди подпольщиков Краснодона (раненный в правую руку выше локтя Анатолий Ковалев некоторое время укрывался в семье краснодонского шахтера Куприянова, потом прятался на квартире у своей девушки Антонины Титовой, затем ушел к дальним родственникам в село Вербовку Запорожской области, но дальнейшая судьба его неизвестна).

На этом казни в Краснодоне прекратились, остальных арестованных перевели в Ровеньковскую полицию.

В январе 1943 г. в 58-метровый шурф шахты № 5 фашисты сбросили 71 подпольщика, часть из них была расстреляна, а остальные сброшены живыми (49 молодогвардейцев, 22 члена местной подпольной партийной организации). Вслед за людьми каратели скинули в шахту шахтерские тележки и бросили несколько гранат.

Даже после казни палачи-полицай не оставили в покое родителей молодогвардейцев. Со звериным инстинктом алчности они с цинизмом продолжали обыски и изымали у них вещи и продукты, понимая, что родители ничего не пожалеют для своих детей, причем осуществлялось это под предлогом подготовки к отправке арестованных в Луганск и Германию.

Любовь Шевцову и Раису Лавренову, по приказу начальника окружной жандармерии гауптмана Ренатуса, фашисты под усиленным конвоем доставили в г. Ровеньки. Туда же по морозу на телеге полицай Подтынный перевез связанных, полуголых Семена Остапенко, Дмитрия Огурцова и Виктора Субботина.

Ровеньковская окружная жандармерия «славилась» особой жестокостью. За время оккупации гитлеровцы расстреляли и замучили здесь

832 человека, сотни людей отправили на каторгу в Германию, много арестованных умерло от болезней и истощения. Только в лесной зоне под Ровеньками было расстреляно 375 советских граждан. В начале февраля 1943 г. в лагере для советских военнопленных, находившемся в районе шахты № 30 «Михайловка», жандармы и полицейские расстреляли 117 бойцов и командиров Красной Армии.

Шевцову как радистку-разведчицу допрашивал лично начальник полиции Орлов. Не добившись никаких признаний, Любу передали в жандармерию. Каратели-профессионалы, прошедшие специальную подготовку в Магдебурге, командир жандармского взвода Бернгардт Венер и его заместитель Иозеф Фромме отличались особой жестокостью. Они лично занялись «партизанской радисткой» и посадили ее в одиночную камеру. Любу избивали до потери сознания, подвешивали за шею, вырывали волосы, прижигали тело каленым железом, загоняли под ногти иглы, вырезали на теле пятиконечные звезды. Но признаний от нее палачи так и не добились. Измученная, она находила в себе силы шутить, петь песни и собиралась совершить побег во время переправки ее в областной центр, но не удалось...

9 февраля 1943 г. в лесу под Ровеньками Любовь Шевцова, Семен Остапенко, Дмитрий Огурцов, Виктор Субботин были расстреляны. Еще четыре молодогвардейца были убиты в других районах.

Рансе Лавреновой удалось бежать из ровеньковской тюрьмы.

Четырнадцать членов «Молодой гвардии» избежали расстрела. Они успели покинуть Краснодон и поселки еще до начала массовых арестов.

В ночь на 14 февраля 1943 г. разведывательные группы 23 тк 3 гвардейской ударной армии Юго-Западного фронта обнаружили, что противник снимается с занимаемых позиций и отходит. Командир корпуса генерал-лейтенант Ефим Григорьевич Пушкин приказал частям 23 тк и оперативно подчиненным ему дивизиям (266 сд и 203 сд) перейти в наступление и активными действиями не дать возможности врагу оторваться от наших войск. Советские войска, преследуя фашистов в течение дня, освободили значительную часть района, и в 16-00 14 февраля 1943 г. подразделения 3 тбр корпуса под командованием полковника Владимира Ивановича Красноголового вошли в Краснодон.

17 февраля 1943 г. советские войска освободили г. Ровеньки.

Через четыре дня после освобождения Краснодона обезображенные тела казненных молодогвардейцев стали поднимать из ствола шахты № 5 на поверхность. Сначала достали тела тех, которые зацепились за самые верхние балки и пострадали меньше всего, потому что взрывы гранат их не задели. Первым достали тело Антонины Елисеенко, которая была

расстреляна 16 января. Вместе с ней в тот же день были подняты тела Василия Гукова, Михаила Григорьева, Юрия Вищеновского, Владимира Загоруйко, Владимира Лукьянченко, Анны Соповой и Сергея Тюленина.

С душераздирающим криком родители узнавали своего сына или дочь, вещи своих детей, мелкие части туалета, разбросанные рядом: носки, гребешки, валенки, бюстгалтеры... Стоны, крики, обмороки. Процесс опознавания поднимаемых тел был чрезвычайно сложен не только по причине начавшегося разложения, но и вследствие страшных пыток, которым герои-молодогвардейцы были подвергнуты перед смертью. Близкие были вынуждены опознавать своих родных по остаткам волос, одежды и обуви.

Десять дней горноспасательные службы извлекали трупы из ствола шахты № 5. Тела Ивана Земнухова, Демьяна Фомина и Лилии Иванихиной подняли без головы (судебно-медицинской экспертизой было установлено, что молодогвардейцы были обезглавлены подонками-палачами на глазах своих товарищей еще перед тем, как их сбросили в шахту. По мнению автора, одним из палачей был бывший белогвардеец-казак, хорошо владеющий шашкой, который таким изуверским способом показывал новым хозяевам-немцам свою преданность и необузданную злобу ко всему советскому, а особенно к его ярким представителям – коммунистам и комсомольцам. Только этим можно объяснить обезглавленные тела, отрубленные кисти рук, ступни ног, вспоротые животы, ножевые раны, отрезанные груди у девушек).

Для небольшого шахтерского города, в котором до войны проживало около 25 тысяч человек, массовое убийство молодых людей, в основном школьников, не достигших возраста совершеннолетия, стало огромным горем, трагедией, тронувшей сердца всех жителей Краснодона.

Еще в конце 1942 г. в Центральный штаб партизанского движения от агентурных разведчиков (Любовь Шевцова – авт.) стали поступать сведения, что в Краснодоне действует подпольная молодежная организация «Молодая гвардия» и ее боевые действия распространились практически по всему Краснодонскому району. Когда город был освобожден, Центральному штабу стало известно, что гитлеровцы зверски расправились почти со всеми членами организации. Массовый героизм краснодонской молодежи не мог оставаться неизвестным. О подвигах краснодонцев доложили правительству и лично И.В. Сталину. В результате было принято решение организовать Чрезвычайную государственную комиссию с большими полномочиями по выявлению боевой деятельности и причин гибели участников «Молодой гвардии».

Председателем комиссии назначили помощника начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК по работе среди

комсомольцев и молодежи в тылу врага сотрудника НКГБ Анатолия Васильевича Торицына (конспиративная кличка «Товарищ Т»), который одновременно являлся и заместителем заведующего Отделом ЦК ВЛКСМ по работе среди комсомольцев и молодежи во временно оккупированных районах и партизанских отрядах.

Анатолий Васильевич не без гордости впоследствии сообщил, что «члены комиссии вылетели в Донбасс на военном самолете, как только был получен приказ правительства. Это случилось спустя шесть дней после освобождения города. Шел 1943 год. Крутом разруха, посадочных площадок в Ворошиловградской области близ Краснодона не оказалось. Пришлось посадить самолет в Ростове и оттуда добираться до Краснодона на машинах. К работе комиссии немедленно подключились работники военного трибунала Юго-Западного фронта, работники СМЕРШа, а также многие областные, районные и городские партийные работники, представители общественности и т.д. В общей сложности она насчитывала более двухсот человек».

1 марта 1943 г. в городском парке в самом центре Краснодона в братской могиле с воинскими почестями были похоронены молодые герои-антифашисты, пятьдесят восемь коммунистов и комсомольцев. Сюда пришли сотни людей из ближайших деревень, шахтерских поселков и хуторов. Шли старики и старухи, женщины, дети... Каждому хотелось увидеть тех, чья жизнь уже стала легендой, проститься с ними навеки... Среди этих людей были и выжившие молодоговардейцы: Георгий Арутюнянц, Нина и Ольга Иванцовы, Валерия Борц, Радий Юркин. Над могилой героев прозвучал прощальный салют. На ней, украшенной венками и цветами, был поставлен временный деревянный обелиск.

По просьбе родных и близких останки тринадцати молодоговардейцев из группы Николая Сумского были захоронены в поселке Краснодон.

В Ровеньках местные жители указали сотрудникам НКВД место массовых расстрелов во время оккупации в Гремучем лесу. Начались раскопки. Было эксгумировано 375 трупов расстрелянных мирных жителей.

20 марта 1943 г. останки Любови Шевцовой с изуродованным разрывной пулей лицом, тела Олега Кошевого и других молодых патриотов были перезахоронены в братской могиле жертв фашизма в центре г. Ровеньки (в сквере имени «Молодой гвардии»).

Первые сведения в печати о краснодонской молодежной подпольной организации «Молодая гвардия» появились 18 апреля 1943 г. в армейской газете 51-й армии Южного фронта «Сын отечества», в которой были напечатаны документальные фотоснимки военного фотокорреспондента Леонида Исааковича Яблонского с комментарием его товарища —

фронтового журналиста Владимира Смирнова. (Леонид Яблонский был первым, кто увидел и запечатлел на фото пленке предсмертные надписи молодогвардейцев в камерах краснодонской полиции. Но был вечер и не все стены, исписанные молодыми патриотами, можно было в полутьме сфотографировать. А когда утром он вернулся обратно в застенки, то обнаружил, что за прошедшую ночь кто-то старательно эти надписи стер). Затем вышли большим тиражом статьи в газетах «Социалистическая Родина» и «Ворошиловградская правда». Первыми советскими журналистами, написавшими в 1943 г. книгу о подвиге подпольной организации «Молодая гвардия», стали Владимир Лясковский и Михаил Котов.

Только тогда весь мир узнал о зверствах фашистов на земле Донбасса, о десятках молодогвардейцев, бесчеловечно замученных, расстрелянных и сброшенных живыми в шурф шахты № 5.

Страна узнала о подвиге «Молодой гвардии».

Вскоре Почепцов, Громов и следователь полиции Кулешов были арестованы за пособничество немцам и дали признательные показания. 18 августа 1943 г. военный трибунал Юго-Западного фронта приговорил всех троих к расстрелу, который был приведен в исполнение 19 сентября 1943 г. в присутствии более 5 тыс. жителей Краснодона, близлежащих поселков и хуторов. (Почепцова порывалась расстрелять собственная мать, но ее удерживали, хотя она редела, как зверь, и требовала дать ей винтовку).

Более 20 лет следователи НКВД (КГБ) разыскивали предателей и палачей юных патриотов. Всех их судили и приговорили к высшей мере наказания (расстрелу) или различным срокам заключения. В лагерях для немецких военнопленных был найден гауптман Ренатус, эсэсовцы Древитц, Шредер, Шульц, имевшие отношение к расстрелу молодогвардейцев. Гауптвахмистр Зонс был убит разрывом артиллерийского снаряда при отступлении немцев в 1943 г. из Красного Луча.

К суду не были привлечены только главные фашистские пособники — бывший начальник полиции палач Соликовский и его заместитель Захаров, которым удалось сбежать с отступающими немецкими войсками и скрыться на западе. Они до настоящего времени находятся в розыске.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. молодогвардейцам Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любови Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Три участника «Молодой гвардии» были награждены орденом Красного Знамени, 35 — орденом Отечественной войны I степени, 6 — орденом Красной Звезды, 64 — медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

И только семь молодогвардейцев, по непонятным автору причинам, так и не были представлены к правительственным наградам в 1943 г., причем трое из них были казнены вместе со всеми еще 15, 16 января 1943 г. Это Василий Гуков, Юрий Полянский и Надежда Петрачкова.

5 мая 1990 г. звание Героя Советского Союза было присвоено командиру подпольной организации Ивану Туркеничу (посмертно).

И только 22 сентября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина № 655 звание Героя Российской Федерации было присвоено комиссару «Молодой гвардии» Виктору Третьякевичу (посмертно).

Подвигу комсомольцев посвящен роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия». В 1948 г. был снят фильм о молодых героях по этому роману.

В 1961 г. вышла документальная повесть К.П. Костенко «Это было в Краснодоне».

В 2006 г. снят многосерийный художественный фильм «Последняя исповедь». 26 сентября 2012 г. в Луганске состоялась премьера полнометражного анимационного фильма «Наши», созданного детьми из местной школы мультипликации «Фантазеры».

5 мая 2015 г. на российском «Первом канале» состоялась премьера 12-серийного телевизионного художественного фильма «Молодая гвардия»: сценарист А.В. Суворова, режиссер Л.А. Пляскин. (К сожалению, по мнению автора, эти последние многосерийные фильмы – очередная фальсификация деятельности «Молодой гвардии», а ведь истина куда важнее и интереснее всяких художественных вымыслов писателей, журналистов, сценаристов и режиссеров, многие из которых никогда не видели ужасы и беды войны).

В российских театрах идут спектакли и опера «Молодая гвардия» по роману А.А. Фадеева.

Народ увековечил память о героях Краснодона:

в Луганской области в 1961 г. новый город был назван – Молодогвардейск;

в городах России и стран бывшего СССР: Бишкеке (столица Киргизии), Бресте, Великих Луках, Днепропетровске, Екатеринбурге, Калининграде, Кирове, Комсомольске-на-Амуре, Кургане, Николаеве, Новосибирске, Омске, Рыбинске, Самаре, Хмельницке и многих других – улицы, скверы и переулки носят имя Молодой гвардии (Молодогвардейская, Молодогвардейцев); улица Краснодонская (Героев Краснодона, Краснодонцев) есть в городах Москве, Санкт-Петербурге, Днепропетровске, Тольятти, Ангарске, Самаре, Новосибирске, Липецке, Кургане, Нижнем Новгороде, Петрозаводске и многих других городах России и стран СНГ.

В Воронеже 9 улиц и переулков названы в честь героев комсомольского подполья Краснодона. В Советском районе (Юго-Западный микрорайон) есть улица Молодогвардейцев, там же именами Любы Шевцовой, Ульяны Громовой, Сергея Тюленина и Ивана Земнухова названы улицы и переулки. В Коминтерновском районе города расположены улицы Краснодонская, Олега Кошевого и Ивана Туркенича.

Именами героев-молодогвардейцев были названы многие пионерские отряды и лагеря в СССР, их имена носят и современные детские лагеря отдыха. В Крыму прогулочные теплоходы названы именами Сергея Тюленина, Любы Шевцовой, Олега Кошевого, Ульяны Громовой.

В Краснодаре действует музей «Молодая гвардия», награжденный орденом Дружбы народов, установлены памятники молодогвардейцам.

Луганскому областному лицей с усиленной военно-физической подготовкой (военному лицей) и ГОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат» были присвоены имена героев «Молодой гвардии».

В апреле 2014 г. Краснодон перешел под контроль Луганской Народной Республики, тем не менее 12 мая 2016 г. согласно постановлению Верховной Рады Украины город был переименован в Сорокино, но переименование не было признано властями ЛНР.

В 2022 г. почта Луганской Народной Республики выпустила блок марок «80 лет со дня основания «Молодой гвардии» с изображением юных героев.

Помните их поименно

Членами организации «Молодая гвардия» являлись:

1. Андросова Лидия Макаровна
2. Арутюнянц Георгий Минаевич
3. Бондарев Василий Иванович
4. Бондарева Александра Ивановна
5. Борисов Василий Мефодиевич
6. Борисов Василий Прокофьевич
7. Борц Валерия Давыдовна
8. Виценовский Юрий Семенович
9. Герасимова Нина Николаевна
10. Главан Борис Григорьевич
11. Григорьев Михаил Николаевич
12. Громова Ульяна Матвеевна
13. Гуков Василий Сафонтьевич
14. Дадышев Леонид Александрович

15. Дубровина Александра Емельяновна
16. Дьяченко Антонина Николаевна
17. Елисеенко Антонина Захаровна
18. Жданов Владимир Александрович
19. Жуков Николай Дмитриевич
20. Загоруйко Владимир Михайлович
21. Земнухов Иван Александрович
22. Иванихина Антонина Александровна
23. Иванихина Лилия Александровна
24. Иванцова Нина Михайловна
25. Иванцова Ольга Ивановна
26. Кезикова Нина Георгиевна
27. Кийкова Евгения Ивановна
28. Ковалев Анатолий Васильевич
29. Ковалева Клавдия Петровна
30. Кошевой Олег Васильевич
31. Куликов Владимир Тихонович
32. Левашов Василий Иванович
33. Левашов Сергей Михайлович
34. Лопухов Анатолий Владимирович
35. Лукашов Геннадий Александрович
36. Лукьянченко Владимир Дмитриевич
37. Мащенко Антонина Михайловна
38. Минаева Нина Петровна
39. Миронов Николай Иванович
40. Мошков Евгений Яковлевич
41. Николаев Анатолий Георгиевич
42. Огурцов Дмитрий Уварович
43. Орлов Анатолий Александрович
44. Остапенко Семен Маркович
45. Осьмухин Владимир Андреевич
46. Палагута Павел Федосеевич
47. Пегливанова Майя Константиновна
48. Петля Надежда Степановна
49. Петрачкова Надежда Никитична
50. Петров Виктор Владимирович
51. Пирожок Василий Маркович
52. Полянский Юрий Федотович
53. Попов Анатолий Владимирович

54. Рогозин Владимир Павлович
55. Самошина Ангелина Тихоновна
56. Сафонов Степан Степанович
57. Сопова Анна Дмитриевна
58. Старцева Нина Илларионовна
59. Субботин Виктор Федорович
60. Сумской Николай Степанович
61. Ткачев Василий Иванович
62. Третьякевич Виктор Иосифович
63. Туркенич Иван Васильевич
64. Тюленин Сергей Гаврилович
65. Фомин Демьян Яковлевич
66. Шевцова Любовь Григорьевна
67. Шепелев Евгений Никифорович
68. Шищенко Александр Тарасович
69. Шищенко Михаил Тарасович
70. Щербаков Георгий Кузьмич
71. Юркин Радий Петрович

В 1993 г. межрегиональная комиссия по изучению истории «Молодой гвардии» в Луганске установила, что кроме официально утвержденных членами организации также являлись:

1. Алексеенко Антонина Захаровна
2. Лавренова Раиса Ивановна
3. Лодкина Фаина Иосифовна
4. Михайленко Василий Васильевич
5. Прокопенко А. В.
6. Савенков Илья Алексеевич
7. Сапрыкина Ольга Степановна
8. Суковатых П. И.
9. Титова Антонина Герасимовна
10. Тюленина Надежда Алексеевна
11. Федянина А. М.
12. Шевченко Владимир Прокофьевич
13. Щербак Иван
14. Щербакова Надежда Федосеевна

Светлые образы мужественных юных подпольщиков навсегда сохраняются в памяти всех честных людей мира как пример беззаветной любви к своей Родине, к свободе.

Герой Советского Союза
капитан

Туркенич
Иван Васильевич
(15.01.1920 — 14.08.1944)

Командир
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»

Помощник начальника политотдела по комсомольской работе
99-й Житомирской Краснознаменной стрелковой дивизии
23-го стрелкового корпуса 60-й армии 1-го Украинского фронта

Иван Васильевич Туркенич родился 15 января 1920 г. (по другим сведениям 15 февраля 1920 г.) в селе Новый Липман Воронежской губернии (ныне Петропавловский район Воронежской области) в семье бедного крестьянина. Отец, Василий Игнатьевич Туркенич, был батраком, а после революции малоземельным крестьянином. Мать, Феона Ивановна, домохозяйка. У Ивана было две старших сестры — Валентина (1913) и Ольга (1915).

В год рождения Вани на юге Воронежской губернии была засуха и большой неурожай хлеба. Спасая семью от голода, Василий Игнатьевич переехал с женой и детьми на рудник Сорокино (г. Краснодон с 1938 г.) и пошел работать на шахту № 1 забойщиком. Поэтому рос и воспитывался Ваня в шахтерской семье, где честно работали и прививали детям любовь к труду. Большое влияние на формирование его характера оказали рассказы матери о родном дяде Спиридоне Ивановиче Шабельском — комиссаре известного в годы Гражданской войны Богучарского полка.

В 1931 г. на шахте произошла авария, обвалилась порода в штольне. Обрушившиеся каменные глыбы завалили Василия Игнатьевича, перебили кости и позвоночник. Он стал инвалидом. Вся тяжесть по уходу за мужем и детьми легла на плечи матери и старшей сестры.

С 1928 по 1935 гг. Иван учился сначала в неполной средней школе, а затем в средней школе № 1 им. А.М. Горького. Он рос способным, очень шустрым мальчиком, занимался спортом, но и про учебу не забывал. Окончив 7 классов, поступил на педагогический рабочий факультет Ворошиловградского государственного педагогического института им. Т.Г. Шевченко, организованный в те годы в Сорокино. В 1937 г. начал трудовую деятельность в типографии районной газеты «Социалистическая Родина» наборщиком-метранпажем. В марте следующего года комсомольская организация редакции газеты приняла его в члены ВЛКСМ. Высокий, голубоглазый, Туркенич увлекался музыкой и по вечерам занимался в оркестре, где быстро научился играть на трубе и балалайке.

С 1938 г. Иван Туркенич — учащийся Севастопольского техникума железнодорожного транспорта, но занятий музыкой не бросил, сам играл и руководил самодеятельным оркестром техникума. В Севастополе располагалось несколько военных училищ. Встречая в городе курсантов, Ваня завидовал им, уж очень ему нравилась военная форма, и он решил обязательно стать офицером.

Приезжая на каникулы домой, повзрослевший Иван часто ходил в кино и на танцы, и, если около клуба собиралась группа ребят и периодически взрывалась хохотом, можно было не сомневаться, что в ее центре Туркенич, который рассказывал что-то смешное. Красивый, статный, он мог

развеселить любую компанию. Его знала вся молодежь города, на него за-
сматривались многие девушки, уважали Ивана и парни.

После окончания третьего курса в 1940 г. его призвали в ряды РККА
и направили на учебу в Севастопольское училище зенитной артиллерии
(СУЗА), которое готовило командиров для частей береговой обороны
флота. Училище располагалось на Корабельной стороне, возле памят-
ника герою обороны города в Крымской войне матросу Кошке. Мечта
сбылась, Ваня стал курсантом, но мирная жизнь оборвалась ровно через
год. Последний предвоенный выпуск был досрочным и состоялся
1 июня 1941 г. Не было никаких торжеств и церемоний, в воздухе «явно
пахло» войной, и всех выпускников быстро направили по флотам и при-
граничным округам. Иван Туркенич в звании лейтенанта остался в рас-
поряжении начальника училища взводным командиром.

Еще весной был произведен новый набор в училище, для продолжения
учебы прислали курсантов-артиллеристов из Ростова, Тбилиси, Харькова.
Готовили их очень серьезно, не к парадам и салютам, а к настоящей войне.
Все учения и стрельбы проводились в обстановке, максимально прибли-
женной к боевой. Учебные тревоги стали почти ежедневными.

В 2 часа ночи 22 июня 1941 г. весь личный состав СУЗА был поднят по
тревоге и на строевом плацу начальник училища объявил, что Германия ве-
роломно напала на нашу страну, но учеба курсантов будет продолжаться.

В 3 часа 15 минут фашистские самолеты бомбили Севастополь и ко-
рабли Черноморского флота, стоящие в бухтах. Погибли первые мир-
ные жители. Так началась Великая Отечественная война.

На территории городка сразу ввели светомаскировку, и уже утром часть
командиров получила назначения в воинские части. С 23 июля 1941 г. фа-
шистская авиация стала ежедневно совершать налеты на город. Чаше бом-
били по ночам корабли, стоящие на рейде и у причальных стенок. Бухты
забрасывали минами, спускаемыми на парашютах.

В июле 1941 г., для прикрытия Севастополя от ударов противника с
воздуха, из курсантов училища были сформированы зенитные батареи, на
вооружении которых были 37-мм полуавтоматические зенитные пушки.
Лейтенант Туркенич впервые получил боевой опыт борьбы с вражескими
самолетами, командуя зенитными расчетами.

В августе 1941 г. курсантов заменили военнослужащие, призванные
из запаса, и училище с учебной материальной частью эвакуировали в
Башкирию. В Севастополе остались только добровольцы.

Иван Туркенич был направлен в распоряжение Уральского военного
округа. С августа 1941 г. он командовал радиовзводом 82-го запасного

зенитно-артиллерийского полка УрВО в г. Петровске Саратовской области, а затем полк передислоцировали в Свердловск.

С марта до мая 1942 г. лейтенант Туркенич учился на курсах командиров минометных батарей при Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского, которая с началом войны была передислоцирована в г. Самарканд Узбекской ССР.

Долгое время Иван не получал от родных писем, знал, что Краснодон не оккупирован фашистами, но все же волновался. Как и многие его товарищи по учебе, просился в действующую армию на Юго-Западный фронт.

15 мая 1942 г. И.В. Сталин подписал постановление ГОКО (ГКО) № 1756 сс «О сформировании 18 противотанковых артиллерийских полков» численностью 260 чел. и по двадцать 45-мм пушек. Срок готовности – 25-30 мая. В качестве мехтяги эти полки оснащались ленд-лизовскими автомашинами «Бантам» и «Форд».

Сроки были кратчайшие. Не хватало не только офицеров, но и специалистов среднего звена — командиров орудий, наводчиков, заряжающих. Не было в достаточном количестве и орудий, их заменяли противотанковыми ружьями, но и их не хватало, не говоря уже об автомашинах. Сроки завершения формирования постоянно отодвигались.

614-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк формировался Московским военным округом. Лейтенант Туркенич был назначен на должность помощника начальника штаба этого полка.

Полностью укомплектовать и подготовить полк к боевым действиям так и не удалось, фашисты начали свое летнее наступление на южном направлении. События развивались стремительно. Враг своими ударными танковыми соединениями рвался на Кавказ к бакинской нефти. Надо было во что бы то ни стало остановить его продвижение и, в первую очередь, выбивать его танки.

16 июля 1942 г. командир 614-го *итпан* получил приказ и по железной дороге полк был переброшен в район г. Калача-на-Дону в распоряжение командующего Сталинградским фронтом. В первых числах августа, переправившись через Дон, подразделения полка развернулись и стали готовить боевые позиции у перекрестка шоссе на опушке леса, прикрывая единственный на многие километры мост, по которому отходили части 1-й танковой и 62-й армий. Одной из противотанковых батарей было приказано занять оборону южнее основных позиций полка на левом берегу реки Чир.

Противник своими ударными танковыми соединениями преследовал отходящие, обескровленные советские дивизии. Бывалые фронтовики знали, кто такие истребители танков, называя сорокапятку «Прощай, Родина», так как, по сути, они были смертниками. Бой артиллеристы принимали только

на прямой наводке, ближе 500 м до цели, орудий и расчетов хватало на 2-3 боя. Считалось большой удачей, если кому-то удавалось выжить в этой мясорубке. Полк выполнил боевую задачу, до 10 августа 1942 г. артиллеристы сдерживали наступление танковых частей фашистов. Потеряв в боях все орудия, остатки подразделений полка стали отходить на левый берег Дона, но противник внезапно нанес удар с юга. Не имея связи с командованием фронта, остатки шести стрелковых дивизий 62-й армии, другие армейские и фронтовые части, в том числе и 614-й *инфан*, оказались в окружении. 20 августа 1942 г. 614-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк перестал существовать как боевая единица.

Лейтенант Туркенич был ранен в правую руку. «Несколько дней бродил по занятой немцами территории с одной мыслью: во что бы то ни стало прорваться к своим. Но мне не повезло. У линии фронта немцы схватили меня и под стражей доставили в лагерь военнопленных», – вспоминал позже И.В. Туркенич. Это был временный, полевой, пересыльный лагерь для военнопленных в районе г. Калач-на-Дону. В этом лагере Иван находился пять дней. Пленных советских солдат и офицеров было много, но никто не собирався их кормить, оказывать медицинскую помощь, воду шли из маленького ручейка, да и тот через два дня обмелел. Многие умерли от ранений и отравлений. Мертвые находились среди живых, попытки побегов пресекались фашистами расстрелами не только пойманных, но и других заключенных.

На шестой день рано утром пленных построили и погнали, как скот, по шоссе к железной дороге на станцию Суровикино Сталинградской области для отправки в концлагеря Германии. Пройти необходимо было более 60 км, колонна обессиленных от голода и усталости людей двигалась медленно. Немецкая охрана военнопленных была незначительная, и Туркеничу на одном из этапных привалов удалось обмануть конвоиров и бежать.

(Некоторые досужие журналисты – «историки» в своих повествованиях описывали, как он, командуя батареей, стоял насмерть и его орудия стреляли до последнего снаряда и только тяжелораненого, в бессознательном состоянии Ивана Туркенича пленили. Повествовали они и о том, что тяжелораненый офицер-артиллерист не мог двигаться и тогда немецкий лейтенант подошел к нему, не спеша извлек из кобуры пистолет и хладнокровно выстрелил. К счастью, пшпуг они, не добил фашист Ивана. Полуживого его подобрала в поле казачка и вскоре выходила. Встав на ноги, Туркенич пытался перейти линию фронта. Этого ему сделать не удалось. Тогда окольными путями он возвратился в родной Краснодон. Писали, что все эти события произошли под Ростовом. Но это лишь очередной вымысел, которых в истории очень много).

«От голода и усталости я совершенно обессилен. Теперь уже нечего

было и думать о переходе через фронт. Решил пробираться в Краснодар, *который был, казалось, рядом*, пожить у родных, окрепнуть, а там будет видно, как действовать дальше. В этом городе меня многие знали, здесь я рос и учился, вступил в комсомол», — вспоминал И.В. Туркенич. (Только до Краснодона надо было пробираться по оккупированной врагом территории более 300 км, тогда как до линии фронта было меньше 100 км). Иван был абсолютно уверен, что очередная попытка перейти линию фронта вновь окажется неудачной, так как на этом направлении было большое количество немецких войск, а местность, в основном, открытая.

Двигаясь ночами, глухими дорогами, преодолевая боль и голод, прячась в оврагах и балках, только в последних числах августа Туркенич добрался до Краснодона. Фашисты уже хозяйничали в городе, когда в одну из последних летних ночей в окно дома Туркеничей кто-то осторожно постучал. Феона Ивановна первой кинулась к двери: так стучал только Ваня. И она не ошиблась, это был он, ее младший сын, худой, с запавшими щеками, в гимнастерке, покрытой бурыми пятнами. Правая рука подвязана на груди заскорузлым бинтом. Припав к сыну в беззвучном плаче, мать тут же спохватилась. Старыми платками тщательно занавесила окна, остерегаясь, чтобы свет коптилки не проник в щели: по улице ходили вражеские солдаты и полицаи. Кто знает, чего было больше в той неожиданной встрече родителей с сыном — радости или горечи? Пока мать грела воду, обмывала и кормила Ваню, Василий Игнатьевич тяжело и сосредоточенно молчал, опустив на колени свои большие натруженные руки. О том, что произошло с Иваном, родители и его сестры узнали на следующий день.

Родные очень гордились сыном и боялись за него, так как все в округе знали, что он комсомолец и офицер Красной Армии. Рана заживала медленно, гноилась. Феона Ивановна раздобыла целебные травы и с их помощью лечила сына. Около двух недель Иван даже на улицу не выходил. Что-то скорбное, жесткое появилось в его всегда добродушном, светящемся, красивом лице. Туркенич не знал, что делается на фронте, что стало с его боевыми друзьями, и чувствовал себя непривычно одиноким и беспомощным. Это, а не ноющая рана, было главной причиной его плохого настроения.

Как ни волновались мать и отец, но наступил тот день, когда Иван смог выйти в город, но никто не донес немцам и полицаям о скрывающемся советском офицере.

Туркенич был уверен, что в Краснодоне действует подполье. Подорванная на дороге машина с фашистами, рукописные листовки, переписанные от руки, с сообщением Совинформбюро, о которых ему рассказали сестры, да и сам он однажды увидел их на улице. Тем не менее он

прекрасно понимал, что рано или поздно в городе найдутся «доброжелатели» из числа соседей и знакомых, которые за определенное вознаграждение выдадут фашистам молодого лейтенанта РККА. Он был слишком заметной фигурой, и рассчитывать остаться в городе неузнанным и незамеченным не приходилось. Поэтому Иван решил их предупредить и сам явился на биржу труда, устроился на работу, а потом стал на учет и в полиции, рассказав, что его часть была разбита, а он вернулся домой, чтобы работать и жить. И здесь пригодился его опыт игры на музыкальных инструментах и руководство оркестром, а оккупантам как раз очень нужен был такой человек в театральный коллектив в открывшемся для немецких солдат и офицеров клубе (шахтерский клуб им. В.И. Ленина).

Эта тактика открытого поведения в городе, где многие хорошо знали высокого, симпатичного Туркенича еще до войны, сыграла огромную роль в деле дальнейшей скрытой от посторонних глаз подпольной работы Ивана. Тайная агентура жандармерии и полиции долго следила за ним, но ничего подозрительного не выявила, а когда его стали приветствовать на улице знакомые немецкие офицеры и солдаты, то и вовсе отстала. Туркенич, не таясь, вполне открыто ходил по городу, встречался, разговаривал, беззаботно шутил, чем привлекал девушек и парней.

Немецкая администрация предлагала ему возглавить творческий коллектив, но Иван скромно отказался и появлялся на сцене в качестве актера или музыканта.

Одновременно он настойчиво искал единомышленников. В своем отчете «Дни подполья», написанном в июле 1943 г., И.В. Туркенич писал: «В один из сентябрьских дней ко мне подошел Анатолий Ковалев и попросил патефонные пластинки на вечер... В назначенное время я их принес. Он завел разговор о прошлом, коснулся содержания листовок, делал предположения о том, кто их мог выпускать. И вдруг спрашивает: «А что, Ваня, хотел бы ты быть с ними?» Я, конечно, сразу же сказал, что ищу их. Он говорит: «В таком случае завтра будешь иметь свидание с одним из них». На следующий день я встретился с Виктором Третьякевичем, который частично посвятил меня в подпольную работу. Рассказал, что листовки - дело их рук. После этого он пригласил меня для встречи с товарищами...».

Иван Туркенич, к радости своей, узнал, что многими членами организации являются его хорошие знакомые, и стал активным участником подполья. Вскоре в его творческом коллективе стали работать и молодоговардейцы Василий Гуков (курсант Киевской полковой артиллерийской школы, который так же, как Туркенич, был ранен в бою, попал в плен, бежал из лагеря и тайком возвратился в Краснодар), 16-летний

Анатолий Лопухов, а потом и Любовь Шевцова.

На одном из заседаний штаба «Молодой гвардии» в доме у Виктора Третьякевича Иван рассказал товарищам по борьбе об ожесточенных боях на Дону, в которых участвовал, обстоятельствах своего пленения, побеге из плена, о нелегком пути в оккупированный Краснодон. Туркенич отвечал на многочисленные вопросы ребят и удивлялся, чем вызвано такое повышенное внимание к его боевому пути, но все скоро разъяснилось. Организации нужен был боевой командир для проведения диверсий в тылу врага и действий в партизанском отряде, который молодогвардейцы собирались создать.

По предложению Василия Левашова, которое поддержал Иван Земнухов и остальные члены штаба, с учетом офицерского боевого опыта, Туркенича избрали командиром «Молодой гвардии» и доверили ему руководство боевыми операциями подпольщиков. Как командир Иван стал пользоваться большим авторитетом у молодых патриотов. Он учил молодогвардейцев обращаться с оружием, рассказывал им основные положения уставов РККА, разрабатывал планы боевых операций и сам лично участвовал в выполнении многих из них.

В своих записях «Дни подполья» И.В. Туркенич писал: «...На этом первом заседании мы решили, в основном, организационные вопросы, имеющихся и вновь поступивших товарищей разбить по пятеркам с целью предосторожности. Пятерки подобрать по близости места жительства товарищей и более близкого их отношения между собой. Во главе групп (пятерок) поставить наиболее проверенных товарищей, как-то: Анатолий Попов - Первомайская группа, Василий Левашов - центральная группа, Евгений Мошков - группа шахты № 1-бис, Анатолий Ковалев, Иванихина, Сумской и др.

Здесь же мы решили ввести временные комсомольские удостоверения. Всем членам организации и вновь вступающим товарищам принять присягу. Ввести в организации воинский порядок. На заседании поставили перед собой следующую задачу: не давать лживой немецкой пропаганде обманывать население Краснодона, укреплять в народе уверенность в Победе над немцами, поднимать на борьбу молодежь и все население Краснодонского района, обеспечить себя оружием и в удобный момент перейти к открытой борьбе против немецких властей, всячески мешать проводить в жизнь немецким властям все мероприятия...

Сбор вооружения мы проводили на всем протяжении. Вначале у нас такового было совсем мало, в частности, мы имели: пистолет дамский, сохранившийся каким-то чудом у Олега, автоматы в количестве 3 шт. С таким вооружением мы начали свою деятельность. При нападении на машины, скот и освобождении военнопленных мы обогащались оружием...»

Авторитет Туркенича среди подпольщиков был несомненным. Он был старше своих боевых товарищей, смотрел на жизнь более зрело, много пережил и не раз предостерегал горячих ребят против необдуманных шагов. Иван умел все примечать, чего не примечали другие, учил военной науке своих молодых друзей. При обсуждении важных вопросов он говорил спокойно, четко, тоном командира. Туркенич понимал, что это нужно для того, чтобы подчинить усилия молодых людей единой воле, единому замыслу. После его слов у ребят не оставалось сомнений, что это не игра в войну и что на командира всегда можно положиться.

Подпольная молодежная организация крепла и действовала. Если к началу октября 1942 г. в организации было 35 человек, то к концу года в ней насчитывалось уже 92 человека (по другим сведениям – 87 чел.). Каждый из них перед лицом своих товарищей приносил присягу, клялся беспощадно мстить врагам за сожженные города и села, за кровь и смерть советских людей. Многие из них приняли в члены комсомола, выдав временное удостоверение. Все члены подполья – комсомольцы, которые, даже в условиях оккупации, платили членские взносы.

Молодогвардейцы собрали четыре радиоприемника и информировали жителей Краснодона о событиях на фронте, помогали выстоять и не сдаваться в борьбе с оккупантами. Полиции находили листовки везде: в клубе, церкви, на базарах, в здании полиции и даже в своих карманах.

Одновременно ударные группы молодогвардейцев проводили диверсионные и террористические акты.

В ночь на 7 ноября 1942 г., в канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, молодогвардейцы вывесили в городе восемь красных флагов: на зданиях школы, райпотребсоюза, больницы, на самом высоком дереве городского парка. Жители Краснодона, наутро увидев красные знамена, очень обрадовались, их охватила гордость за страну, за тех, кто это сделал, многие женщины плакали. Родители и сестры Ивана догадывались, что и их сын принимал в этом активное участие. И когда взволнованная Феона Ивановна рассказывала дома о вывешенных красных флагах и о том, как это восприняли люди, Ваня тихо, но твердо сказал: «Пусть фашисты знают: наш Краснодон не сдался!».

На следующую ночь группа Ивана Туркенича убила полиция в центре городского парка, оставив возле записку «Это ждет каждого врага Родины». 9 ноября 1942 г. Первомайская группа Анатолия Попова на дороге Гундоровка – Герасимовка уничтожила легковую машину с тремя высшими гитлеровскими офицерами. 15 ноября 1942 г. боевая группа Евгения Мопкова освободила из фашистского плена возле хутора Волченский 75 бойцов и

командиров Красной Армии. Еще через несколько дней Первомайская группа доложила, что в поселковой больнице только на одну ночь разместили двадцать пленных красноармейцев, а завтра погонят дальше. И опять дерзкое нападение на охрану и освобождение советских военнопленных. В начале декабря группа молодогвардейцев во главе с Сергеем Левашовым уничтожила фашистскую автоколонну на дороге Краснодар – Свердловск. Кроме этого, члены «Молодой гвардии», устроившиеся по заданию штаба в оккупационные учреждения и на предприятия, умелыми действиями тормозили их работу. Так, Юрий Виценовский устроил на шахте несколько аварий. Иван Туркенич как командир лично принимал участие почти во всех диверсиях против ненавистных фашистов.

Под его опекой был арсенал оружия молодогвардейцев, размещенный в шурфе шахты № 22 и в погребке под разрушенной старой городской баней. Вот что пишет об этом Туркенич: «...в начале декабря 1942 г. мы имели на складе 15 автоматов, 300 гранат, 15 тыс. патронов, 10 пистолетов, 65 кг взрывчатого вещества...».

Одновременно молодые патриоты Краснодона выпустили и распространили тысячи антифашистских листовок. Гестаповцы и полиция злобствовали в поисках неуловимых мстителей. Они устраивали облавы в городе, ставили на учет и составляли списки неработающих для отправки в Германию. Многие молодогвардейцы получили повестки для прибытия на сборные пункты, и некоторые запаниковали, не зная, что делать.

На срочном заседании штаба «Молодой гвардии» комиссар Третьякевич и начальник штаба Земнухов предложили деятельность подпольщиков прекратить, организацию распустить и всем срочно уйти из Краснодона. Но командир Туркенич и Кошевой предложили: на повестки не обращать внимания, на сборные пункты не являться, остаться и продолжать работу, а ненавистную биржу сжечь. Их поддержали Тюленин и Шевцова.

В ночь на 5 декабря 1942 г. молодогвардейцы подожгли фашистскую биржу труда, где хранились списки людей, предназначенных к вывозу в Германию. Около двух тысяч юношей и девушек были спасены от угона в фашистское рабство.

В это же время по всему Краснодону были развешаны объявления, в которых сообщалось, что с разрешения бургомистра открывается клуб при шахте № 1-бис. Штаб «Молодой гвардии» решил практически легализовать свою работу под прикрытием работы в этом клубе и настоятельно советовал молодым подпольщикам вступать в различные кружки, так как «артистам» выдавали документ, запрещающий использовать «верные Германии» таланты на грязной работе. Этот «аусвайс» гарантировал

молодежи бронь от отправки в Германию на каторжные работы. Вскоре директором клуба был назначен Евгений Мошков, администратором Иван Земнухов, а руководить оркестром стал Виктор Третьякевич.

Росла и ширилась «Молодая гвардия». Настала пора переходить к более активным действиям. Руководство штаба молодогвардейцев постоянно искало связь с подпольщиками-коммунистами, с партизанскими отрядами Донбасса. Но результаты их были тщетными. По воспоминаниям Туркенича, в городе находилось подполье и их связная Ольга Иванцова передавала молодогвардейцам указания о дальнейших действиях, но на контакт с руководством «Молодой гвардии» они не шли. Мало того, они всячески сдерживали героический порыв молодых патриотов.

В частности, еще в ноябре штаб молодогвардейцев решил подорвать и вывести из строя механизированный цех и водоприемный бассейн, но большевики отменили это решение и посоветовали действовать более осмотрительно, в декабре штаб отобрал 15 наиболее надежных ребят, чтобы отправить в один из действующих партизанских отрядов, но «Данило» и «Андрей» (подпольные клички коммунистов) вновь отменили их порыв.

В ходе работы специальной комиссии Ворошиловградского обкома КП(б)У в 1949 – 1950 гг. было установлено, что в Краснодаре работала подпольная партийная группа во главе с Филиппом Петровичем Лютиковым (более 20 чел., в основном, женщины), который якобы хорошо знал Ивана, его семью и лично ставил задачи Туркеничу по организации подполья и ведению борьбы с фашистами (но ни в одном протоколе допросов органами НКВД, личных воспоминаниях Ивана нигде ни слова не было сказано об этом). Пассивные действия партийной подпольной группы ограничились лишь саботажем работ в электромеханических мастерских (где во время оккупации легально работал техническим руководителем Ф.П. Лютиков) и на шахтах, а связь с руководством «Молодой гвардии» поддерживалась через Евгения Мошкова, Владимира Осьмухина и Анатолия Орлова, работавших в этой мастерской. Следов подпольщиков «Данило» и «Андрея» найти не удалось, может, и потому, что вместе с молодогвардейцами была арестована и группа Ф.П. Лютикова (он был схвачен гестапо 5 января 1943 г. и 16 января вместе с другими краснодонскими подпольщиками казнен и сброшен в шурф шахты № 5).

К концу 1942 г. Советская Армия, окружив фашистов под Сталинградом, наступала на запад, освобождая города и села. Эти события наполняли сердца молодогвардейцев чувством радости. Скоро победа. Штаб принял решение готовиться к вооруженному восстанию с целью уничтожения фашистского гарнизона и выступления навстречу Красной Армии. Разведка собрала обширные сведения о противнике. Был разработан

подробный план захвата города, расставлены силы, накоплен солидный арсенал. Решительный бой планировалось провести в новогоднюю ночь 1943 г. нападением на городскую немецкую администрацию (дирекцион), но, узнав об этом, старшие товарищи опять запретили акт возмездия под предлогом, что может погибнуть много мирного населения (после каждой такой акции фашисты проводили облавы и за каждого убитого немца расстреливали 50 чел. жителей города, а за одного румына - 20 чел.).

За три месяца активных действий молодогвардейцам удалось избежать потерь в своих рядах. Напротив, организация постоянно расширялась, ее численность быстро росла. И молодые патриоты стали забывать, что подпольная борьба ведется с коварным и сильным врагом, сказались потеря бдительности, халатность, беспечность и психологическая неподготовленность к такому рискованному делу.

Все началось с кражи подарков для немецких солдат, которые на автомашинах доставлялись на фронт в канун Нового года. Колонны немецких машин останавливались на ночь в различных районах Краснодона для отдыха. Этим воспользовались молодогвардейцы и под руководством Евгения Мошкова в течение трех ночей утащили у немцев 18 мешков с «подарками фюрера». В каждом мешке были сигареты «Люкс», шоколад в плитках, фляги с водкой и свежая почта. Сигареты стали появляться на рынках. Полиция при очередной облаве поймала 12-летнего подростка, который торговал сигаретами, его избили, пригрозили арестовать маму, и мальчишка признался, что сигареты ему дали Евгений Мошков и Виктор Третьякевич.

1 января 1943 г. в городском клубе полиция под старыми декорациями нашли мешки с немецкими подарками и арестовали Мошкова и Третьякевича, о чем доложили в жандармерию, и приступили к допросам. В этот же день был арестован Иван Земнухов, который сам пришел в полицию, пытаясь выручить своих товарищей.

Узнав об арестах, смелодушничал Геннадий Почепцов. По совету своего отчима Василия Громова (тайного агента гестапо) он пришел в полицию и назвал имена всех известных ему молодогвардейцев. Его предательство привело к гибели большей части молодых подпольщиков-краснодонцев.

По решению штаба всем оставшимся на свободе молодогвардейцам было приказано немедленно покинуть город. Но, к большому сожалению, многие, так и недооценив опасность или проявив нерешительность, упустили время, понадеявшись на «авось», да и старшие товарищи – коммунисты вновь не советовали штабу и всем молодым подпольщикам покидать Краснодон после начавшихся арестов.

В ночь на 4 января 1943 г. начались повальные обыски, облавы,

аресты, которые продолжались вплоть до 11 января. В результате большинство патриотов оказалось в фашистской тюрьме.

«Аресты... начались так внезапно, - писал Туркенич, - что сильно морально подействовало на наших товарищей. Взять в руки руководство и организацию ухода группами из пределов Краснодона не было возможности. Поэтому каждый действовал на свой страх и риск: уходили в одиночку или по несколько человек, кто-то прятался неподалеку...»

Родители Ивана узнали о «Молодой гвардии» только тогда, когда в Краснодоне начались аресты. Они могли только догадываться, что их сын не сидит сложа руки. Туркенича вовремя предупредила об аресте девушка, которая работала в полиции машинисткой, она знала весь список подпольщиков, кого должны были арестовать. Иван сразу же прибежал домой, переоделся, и, едва он покинул родной дом, как туда нагрянула полиция. Несколько дней он скрывался в разных местах города, в основном на окраине, поддерживая связь через Аню Сопову с теми, кто еще находился в городе. Желая выручить ребят из тюрьмы, Иван хотел подготовить налет на полицию и поднять панику в городе среди фашистов и их прихвостней, одновременно искал связи с действующим партизанским отрядом.

Однако на пятый день, когда полиция напала на его след, он вынужден был уйти из города и двинуться в сторону линии фронта к р. Северский Донец. В середине января 1943 г. в этом районе стояли морозы, везде лежал снег и река была покрыта льдом. В районе села Большой Суходол, куда пробирался Иван, оборону держали союзники немцев. Теплолюбивые итальянцы из дивизии «Равенна» прятались от холода в населенных пунктах, выставив лишь небольшое охранение. Это и помогло Туркеничу темной ночью перейти Северский Донец. Спрятавшись в заснеженном кустарнике, Туркенич чуть не замерз. Спасли его разведчики 266 сд, части которой к 20 января 1943 г. вышли на левый берег р. Северский Донец, с ходу форсировали ее, захватив плацдарм на правом берегу. Переправившаяся пехота и танки вступили в Краснодонский район.

Туркенич был задержан контрразведчиками СМЕРШа и проходил проверку на установление личности и действий в период с августа 1942 г. по январь 1943 г. Допрашивали больного Ивана с пристрастием. Ведь тогда по суровому приказу № 270 все военнослужащие, попавшие в плен, объявлялись дезертирами и изменниками, а члены их семей лишались государственного пособия и помощи. Пятидневное пребывание в фашистском лагере грозило Туркеничу как офицеру трибуналом. Но болезнь свалила Ивана, с большой температурой его доставили в госпиталь в село Фомино-Свечниково Ростовской области, но там выяснилось, что у него сыпной тиф, и Туркенича срочно

перевели в больницу станицы Митякинская, врачи которой сделали все возможное, чтобы поставить на ноги молодого лейтенанта.

В ночь на 14 февраля 1943 г. противник оставил занимаемые позиции и стал отходить на запад. Это обнаружили разведчики 23 тк 3-й ударной армии Юго-Западного фронта. Командир корпуса г-л Е.Г. Пушкин приказал войскам перейти в наступление и не дать возможности врагу организованно занять новые оборонительные позиции. В 16-00 14 февраля 1943 г. подразделения 3 тбр корпуса под командованием полковника В.И. Красноголового, преследуя фашистов, освободили Краснодар.

Только тогда весь мир узнал о зверствах фашистов на земле Донбасса, о десятках молодогвардейцев, бесчеловечно замученных, расстрелянных и сброшенных живыми в шурф шахты № 5. По распоряжению И.В. Сталина деятельность юных подпольщиков в Краснодоне стала расследовать специальная комиссия, которая определила и роль их командира.

К концу февраля 1943 г. Туркенич выздоровел, в его действиях на оккупированной территории контрразведчики преступных деяний не обнаружили. Ивана восстановили в звании, выдали новенькую форму и, по распоряжению штаба 3-й ударной армии, направили для прохождения дальнейшей службы на должность командира минометной батареи в 163-й гвардейский стрелковый полк 54-й гвардейской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

Освободив Ворошиловград (Луганск), части 3-й ударной армии перешли к обороне. 54 зв.сд была выведена во второй эшелон, и лейтенант Туркенич с разрешения командования приехал в Краснодар. И только тогда он узнал о мученической смерти своих боевых товарищей.

Родители и сестры после страшных январских ночей уже и не надеялись увидеть Ивана живым. Каково же было их счастье, когда к дому подошел молодой офицер, в котором они узнали своего сына и брата. Родные рассказали Ивану о том, как погибли его товарищи и что в живых осталось только несколько человек, Туркенич почернел лицом и сказал: «Пока я не сквиताюсь с этим зверьем за смерть товарищей, мне жизни не будет».

13 марта 1943 г. вместе с сестрой Ольгой он отправился в центр города. Возле свежей могилы молодогвардейцев Иван стоял суровый и подтянутый. Туркенич возвратился в Краснодар как освободитель, чтобы встретиться, а приходилось прощаться навеки, и на могиле своих друзей он произнес клятву:

«Прощайте, друзья! Прощай, Кашук (Кошевой-авт.), любимый! Прощай, Люба, Ульяна милая, прощай! Слышишь ли ты меня, Сергей Тюленин, и ты, Ваня Земнухов? Слышите ли вы меня, други мои? Вечным, непробудным сном почили вы. Мы не забудем вас! Пока видят мои глаза, пока бьется мое

сердце в груди, клянусь мстить за вас до последнего вздоха, до последней капли крови! Я не сниму этой солдатской шинели до тех пор, пока вся советская земля не будет очищена от проклятого фашистского зверя, пока последний немец как оккупант, ступивший на нашу землю, не будет уничтожен!

Прощайте, товарищи! Ваши имена будет чтить и вечно помнить великая наша страна!»

И эту клятву он свято выполнял в боях с ненавистным врагом.

В апреле 1943 г. И.В. Туркеничу было присвоено очередное воинское звание старший лейтенант. Только спустя десятилетия, в результате исследовательской работы в военных архивах, выяснилось, что приказ о присвоении звания старший лейтенант был подписан еще 5 мая 1942 г., после окончания курсов командиров минометных батарей при Артиллерийской академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского в Самарканде. Знал ли об этом Туркенич? Догадываться мог, но выписка из приказа в штаб 614-й *иттап* не пришла, так как все приказы и другие руководящие документы обязательно проходили через него, ведь он был помощником начальника штаба полка, поэтому даже контрразведчикам Туркенич представлялся лейтенантом. Тем не менее ему дважды присвоили очередное воинское звание.

21 мая 1943 г. согласно приказу Генерального штаба РККА № 2/1079 и шифрограмме командующего Южным фронтом № 9608 на базе 99 *осбр* в Ворошиловградской области стала формироваться 99-я стрелковая дивизия.

В конце мая 1943 г. ст. лейтенант Туркенич был назначен на должность помощника начальника штаба 473-го артиллерийского полка 99 *сд*. Кадровых офицеров не хватало, и Ивану Васильевичу приходилось днем и ночью работать, исполняя свои обязанности и поручения командования части.

Через месяц дивизия сменила части первого эшелона и уже 17 июля 1943 г. перешла в наступление, прорвав фронт фашистов на Миусе. 99 *сд* в составе 51-й армии, а потом 5-й ударной армии приняла участие в Донбасской наступательной операции, в ходе которой 2 сентября 1943 г. освободила Чистяково.

Пушечно-гаубичный полк, перемещаясь побатарейно за подразделениями первого эшелона, наносил ощутимые потери врагу в живой силе и технике, поддерживая пехоту. Фашисты несли большие потери, оставляя рубежи обороны, не успевая закрепиться на них. Понесли потери и части дивизии. В конце сентября 1943 г. 99 *сд* была выведена в резерв Ставки ВГК, вошла в состав 58-й армии и почти два месяца получала пополнение, доукомплектовывалась вооружением, техникой и другим имуществом.

Родина высоко оценила героический подвиг испытывавших нечеловеческие муки и погибших молодых патриотов Краснодона. Членам штаба

подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» О.В. Кошечеву, У.М. Громовой, И.А. Земнухову, С.Г. Тюленину и Л.Г. Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные члены организации были награждены орденами и медалями.

В докладной записке А.В. Торицына, возглавлявшего спецкомиссию, была отмечена роль И.В. Туркенича как руководителя и предлагалось вызвать его и Георгия Арутюнянца в Москву, а секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Н. Романов внес предложение: «Командира «Молодой гвардии» Туркенича Ивана Васильевича, находящегося в настоящее время в рядах действующей Красной Армии, наградить орденом Ленина».

За мужество и доблесть, проявленные в борьбе с фашистами на фронте и в тылу врага, Иван Васильевич Туркенич был награжден орденом Красного Знамени (13 сентября 1943 г.) и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (23 сентября 1943 г.).

Сам Иван считал награду очень высокой, ведь для него важнее было другое – честное исполнение своего гражданского и воинского долга.

15 сентября 1943 г. в газете «Правда» вышла большая статья А.А. Фадеева «Бессмертные» о молодогвардейцах, которая с новой силой всколыхнула патриотический порыв советской молодежи, воинов Красной Армии к беспощадной борьбе против ненавистных фашистов. Газеты сообщали все новые и новые факты о зверствах захватчиков на нашей земле, молодогвардейцы стали кумирами молодых патриотов страны. Весть о подвиге комсомольцев Краснодона облетела весь фронт.

До выхода в свет статьи и Указа Президиума Верховного Совета СССР никто из однополчан Туркенича не мог даже подумать, что их скромный товарищ – командир «Молодой гвардии». Иван не любил много рассказывать о себе, не любил хвастать, но был необыкновенно смел.

Часто в минуты огневого боя, в трудной обстановке старший лейтенант Туркенич заменял выбывших по ранению или смерти командиров и принимал на себя командование расчетами артиллерийских орудий. Он мстил врагу за погибших друзей.

Зато к этой славе стали приписываться многие проходимцы, даже Туркеничу в его приезд в Краснодон после освобождения некто Жуков, о котором Иван никогда не слышал и тем более никаких указаний от него не получал, выдал справку как командир партизанских отрядов «Молодая гвардия» Краснодонского и других районов.

В середине ноября 1943 г. И.В. Туркенич, как и другие оставшиеся в живых молодогвардейцы, был вызван в Москву в ЦК ВЛКСМ с отчетом о деятельности «Молодой гвардии». Встречался ли он с руководством

страны и лично со И.В. Сталиным, автору неизвестно, но в этот период его встреч с рабочими, военнослужащими, школьниками было более чем достаточно. Одновременно через газеты Иван Васильевич получал огромное количество писем от жителей нашей страны и на все старался дать ответ. И здесь, в Москве, проявилась еще одна сторона деятельности Туркенича. Рассказывая о подвигах своих товарищей, он становился подлинным вожаком молодежи. И те, кто знал его, хотя бы недолго, навсегда проникались к нему глубоким уважением, ибо в нем сочетались огромный заряд энергии, высокая дисциплинированность, исполнительность, скромность, постоянное стремление к знаниям. Туркенича слушали, и на него смотрели как на человека из легенды, особенно молодежь.

Впечатлений от встреч у Ивана осталось очень много, но он рвался на фронт к своим боевым друзьям. Наконец, в конце февраля 1944 г., И.В. Туркенич получил направление в родную дивизию, но уже не в штаб артполка, а в распоряжение политотдела 99 *сд*.

В это время дивизия в составе 1-й гв. армии 1-го Украинского фронта с боями освобождала Украину. В новогоднюю ночь 31 декабря 1943 г. части 99 *сд* освободили Житомир, а на следующий день Приказом Ставки ВГК от 1 января 1944 г. дивизии было присвоено почетное наименование «Житомирская». Продолжая наступление, дивизия приняла участие в освобождении Старокопачева (09.03.1944), за что 19 марта 1944 г. была награждена орденом Красного Знамени. Советские войска вышли к предгорьям Карпат.

Иван Туркенич по поручению начальника политотдела в короткие часы отдыха, на привалах, в промежутках между боями выступал перед воинами дивизии с беседами и воспоминаниями о молодогвардейцах. Высокий, подтянутый, старший лейтенант много говорил о своих боевых друзьях и почти ничего о себе. 2 марта 1944 г. он писал в армейской газете «За нашу победу»: «Я думаю, что в моих действиях нет ничего особенного. Я – советский офицер, и куда бы меня не забросила судьба, в какой бы сложный переплет я не попал – моя обязанность бороться против врагов моего народа. Лишь в той мере, в какой мне это удавалось делать, я считал и считаю себя достойным почетного звания советского офицера».

В мае 1944 г. части дивизии перешли к обороне. И командование возложило на Туркенича неспецифическую задачу: организовать посев зерновых у переднего края. Впервые Иван увидел, как крестьяне Западной Украины пахут и сеют вручную. Люди не видели сеялок, каждый обрабатывал только свой участок земли, не помогая другим, и беседовать с ними о коллективном хозяйстве было бесполезным занятием.

27 мая 1944 г. И.В. Туркенич подал заявление в первичную

организацию политотдела о приеме его в ряды ВКП(б), и в начале июня 1944 г. партийное собрание единогласно решило принять его в члены партии. В этом же месяце Иван Туркенич был назначен помощником начальника политотдела 99 *сд* по комсомолу.

На этой должности в полной мере развернулись организаторские способности молодого политработника. Он редко бывал в политотделе, чаще в окопах, появлялся на самых трудных участках фронта, там, где решалась судьба боя, словом и личным примером вдохновлял красноармейцев на подвиги. А в часы затишья войны с затаенным дыханием слушали его рассказ о героях-молодогвардейцах (в их числе был и мой отец – 19-летний младший сержант Шкарлат Александр Емельянович).

Записная книжка Туркенича была заполнена примерами мужества и героизма комсомольцев дивизии. Вскоре он знал поименно весь комсомольский актив дивизии. Не забывал Иван отвечать и на письма. В них он сообщал родственникам погибших бойцов о подвиге или награждении их сына.

Иван Туркенич хорошо знал немецкий язык и принимал активное участие в допросах взятых в плен немцев, узнавая важные сведения.

14 июля 1944 г. после перегруппировки сил и средств 99 *сд* в составе 23-го стрелкового корпуса 60-й армии 1-го Украинского фронта перешла в наступление, форсировав р. Серет и захватив плацдарм. Началась Львовско-Сандомирская наступательная операция советских войск.

25 июля 1944 г. части 99 *сд* освободили г. Жулкев (Жолква). Через три дня дивизия с боями обошла Львов севернее и стала охватывать противника с запада, чем способствовала успешным действиям наших войск по освобождению города. Части 99 *сд* освободили г. Яворов и, успешно форсировав р. Сан, вышли на территорию южной Польши. Освобождая польские города и села, дивизия 2 августа 1944 г., форсировав р. Вислок, освободила г. Жешув и продолжила наступление, но 10 августа 1944 г., встретив упорное сопротивление фашистов на рубеже н.п. Здыры – н.п. Вельки, была вынуждена перейти к обороне.

Старший лейтенант Туркенич дни и ночи проводил вместе с бойцами в блиндажах и землянках переднего края. Он вдохновлял воинов словом и личным примером на подвиги, не раз водил их в атаки и рискованные рейды на Золотниковском плацдарме, а также при прорыве обороны противника на львовском направлении. Иван Васильевич всегда был в самых опасных местах, где требовалась поддержка и организация людей на выполнение поставленной задачи, иногда вместе с разведчиками ходил во вражеский тыл за «языком». Его друзья вспоминали: «В жестоких освободительных боях на Украине и во время освобождения польских городов Ярослава, Жешува и других населенных пунктов Туркенич проявил военное мастерство,

небывалую отвагу и выносливость...». Он всегда умел ободрить бойцов и силой личного примера увлечь их в решительную атаку.

5 августа 1944 г в своем письме родителям Иван сообщал, что жив и здоров, работает «на новом месте со старыми трудностями», что фашисты упорно сопротивляются, что встретился на территории Польши с тем, о чем читал только в книгах, с новыми обычаями, помещиками и их работниками. Он и не подозревал, что это письмо будет последним в его жизни.

13 августа 1944 г. старший лейтенант Туркенич, выполняя задание начальника политотдела дивизии, находился в боевых порядках одного из подразделений 206 *сп*. Осколком разорвавшегося рядом вражеского снаряда Иван Васильевич был смертельно ранен в грудь. Его доставили в медсанбат, который находился в селении Майдан. Всю ночь врачи боролись за его жизнь, но их усилия оказались напрасными: не приходя в сознание, он скончался. Вот так оборвалась кипучая, пламенная жизнь командира «Молодой гвардии».

В послевоенные годы, описывая деятельность И.В. Туркенича в роли комсомольского вожака 99 *сд* и его последний день жизни, большинство журналистов и исследователей, обладая неполными сведениями, извратили истину тех событий, которые произошли 13-14 августа 1944 г.

Одни из них (сайт «Герои страны») доказывали, что это произошло «во время боя на подступах к реке Вислока в районе населенного пункта Лотошин (4-5 км южнее города Дембица, Польша)». Но, согласно записям непосредственных участников боев, н.п. Латошин был освобожден 197 *сп* 99 *сд* только 24 августа 1944 г., 206 *сп* дивизии находился во втором эшелоне и участия в боях не принимал, линия фронта в исследуемые дни проходила в 25-30 км, а г. Дембица и н.п. Латошин находились в глубоком тылу немецких войск.

Другие исследователи повествовали о том, что это произошло, когда «наступление наших войск захлебнулось в болотах под польским городком Глогувом. Укрепленные артиллерией и дотами вражеские позиции нужно было прорвать во что бы то ни стало. Промедление оборачивалось неисчислимыми потерями. Капитан Туркенич повел в бой одну из рот, командир которой погиб накануне. Кинжальный перекрестный огонь всякий раз прижимал наших бойцов к земле на открытой низине. Тут или пан, или пропал. Капитан рывком поднялся из залегшей шеренги: «За нашу Родину! Вперед!». Спасти капитана не удалось...». Каждый автор пытался рассказать свою историю гибели Ивана Васильевича, но едины они были в одном, что это произошло под н.п. Глогув (12 км севернее г. Жешув) или в Братковицких лесах (5 км западнее н.п. Глогув).

Изучая записи журналов боевых действий 60-й армии, 99 *сд*, артиллерии 99 *сд* и 206 *сп*, автору стало понятно, что это тоже не является истиной,

потому что н.п. Глогув освободила 336 *сд* 15 *ск* 60-й армии еще 2 августа 1944 г., в это время 99 *сд* освобождала г. Жешув. В день гибели старшего лейтенанта Туркенича линия фронта проходила в 26 км западнее от этого района, на окраине г. Жешув в поселке Старомесьце уже располагался командный пункт и штаб 60-й армии, а в н.п. Глогув сосредоточилась 15-я гвардейская стрелковая дивизия – резерв 5-й армии 1-го Украинского фронта.

Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить боевой документ – карту «Положение войск 1-го Украинского фронта с 12 по 15 августа 1944 г.», разработанную старшим помощником начальника отдела по использованию опыта войны оперативного управления штаба 1 УФ подполковником В.П. Дубильером и журналы боевых действий 60-й армии и 99 *сд*.

После освобождения г. Жешув советские войска преследовали отходящие части противника до рубежа н.п. Тушима, Оцека, Сендзишув. Передовые отряды дивизий первого эшелона уже 3 августа 1944 г. вышли на данный рубеж, но встретили организованное упорное сопротивление противника. Неоднократные попытки частей армии 10 – 13 августа 1944 г. сломить сопротивление фашистов на этом рубеже не дали положительных результатов, и дивизии вынуждены были перейти к обороне, так как противник постоянно контратаковал, вводя в сражение все новые и новые части.

В 10–30 часов 13 августа 1944 г. после артиллерийской подготовки части 99 *сд* атаковали противника с рубежа н.п. Здзяры, высота 235,0, н.п. Гребля в направлении Позембы, Козоджа. К 13 часам подразделения пересекли шоссе Опек, Сендзишув, но противник оказал упорное сопротивление, остановив продвижение наших войск огнем артиллерии. Успех сопутствовал только подразделениям 206 *сп*, которые под прикрытием высоты 235,0 обошли ее с севера, неожиданным ударом для врага прорвали его оборону и стали наступать в направлении важного опорного пункта немцев Козоджа. Но фашисты не сдавались. С неатакованных участков они срочно перебросили пехоту и танки и в 16–30 часов контратакой, сходящимися ударами с запада и юга, попытались окружить и уничтожить советские батальоны. Первыми не выдержали удара советские танкисты (приданные пехоте 7 танков Т-34 59 *мм*) и стали поспешно отходить в исходное положение, за ними беспорядочно устремилась пехота. Спасла положение поддерживающая артиллерия, которая приняла на себя весь удар врага, уничтожая его огнем прямой наводкой. Воины-артиллеристы, израсходовав все боеприпасы и приведя в негодность пять 45-мм и три 76-мм пушек, продолжали мужественно отражать атаку фашистов и «власовцев» (предателей из РОА) огнем из стрелкового оружия, прикрывая отход пехоты. К исходу дня подразделения 206 *сп* заняли исходные позиции, с которых и началось наступление. За один день

полк потерял ранеными 59 солдат и офицеров и убитыми 381 чел. В этом бою и был смертельно ранен старший лейтенант Туркенич.

Уже потом после боя и даже после войны нашлось много свидетелей его гибели. Одни утверждали, что он поднимал в атаку воинов 7-й роты 3-го батальона 206 *сн*, другие, что выводил бойцов из-под огня артиллерии противника, третьи, что при проведении разведки боем одним из подразделений И.В. Туркенич с возгласом «Комсомольцы, за мной!» бежал впереди всех под непрерывным огнем противника, но рядом с ним разорвалась мина, осколок которой пробил грудь и прошел возле сердца, четвертые, что это был налет авиации, и т. д.

Тем не менее сведений об этом героическом подвиге помощника начальника политотдела дивизии по комсомольской работе ни в одном боевом документе данного периода Великой Отечественной войны нет, а его непосредственный начальник гв. подполковник И.К. Елисеев смерть своего подчиненного назвал нелепой.

Бойцы не сразу заметили, что старшего лейтенанта Туркенича нет среди них, а когда обнаружили и вернулись, то увидели, что он ранен. Санитары эвакуировали Ивана Васильевича с поля боя и доставили в дивизионный медсанбат, который находился в деревне Майдан в 10 км от района боевых действий, поэтому срочная врачебная медицинская помощь Туркеничу была оказана несвоевременно, он потерял много крови и тем не менее за свою жизнь боролся до конца.

В 11 часов 14 августа 1944 г. двадцатичетырехлетний старший лейтенант Иван Васильевич Туркенич умер, не приходя в сознание. Об этом срочно доложили вышестоящему командованию.

На следующий день 15 августа 1944 г. были назначены похороны командира «Молодой гвардии». К 8 часам утра на командный пункт дивизии в н.п. Порембы к сельскому дому, в котором располагался политотдел, начали прибывать делегаты от частей для участия в похоронах И.В. Туркенича. Обстановка на участке обороны 99 *сд* была напряженная, поэтому приехали только подчиненные Ивана Васильевича – комсомольский актив 1, 197, 206 *сн*, 473 артполка и из других частей. Через два часа делегаты вместе с работниками политотдела дивизии пешком отправились к месту расположения медсанбата в н.п. Майдан (около 8 км). Ноги вязли в песке, но никто этого не замечал, некоторые вспоминали отдельные моменты из жизни Ивана. Все говорили о его исключительной скромности, умении чутко обойтись с каждым человеком, ободрить и поднять настроение.

У штаба медсанбата вывесили знамя, трое часовых застыли неподвижно у гроба, на алой подушечке лежали боевые награды героя-

краснодонца и гвардейский знак. В изголовье гроба - портрет И.В. Туркенича, который нарисовал художник-самоучка боец Сметанин. Похоронная процессия двинулась к лесной поляне, где уже были могилы погибших воинов 99 сд. К советским воинам стали присоединяться местные жители - поляки с цветами в руках.

Гроб установили на приготовленный постамент, накрытый красной и черной материей. Боевые соратники и друзья Ивана Туркенича, выступая с большим чувством, клялись мстить убийцам за его смерть. Желавших сказать об Иване было много, их речи были коротки, но трогательны. Врач медсанбата старший лейтенант Дриккер говорил по-польски, поэтому все речи переводил местному населению. Пожилые поляки плакали.

Но предать земле Ивана не успели. Курьер штаба армии вовремя привез распоряжение члена Военного совета гв. генерал-майора В.М. Оленина проинформировать похороны в местечке Глогув (около 20 км от н.п. Майдан), и траурная процессия на автомашинах, выделенных штабом армии, проследовала туда.

На окраине Глогува их встретили представители советской комендантуры и польский бургомистр с букетом цветов. Траурная процессия медленно двигалась в центр городка на площадь возле ратуши. Могилу вырыли рядом с местом захоронения командира 336-й стрелковой дивизии, освобождавшей Глогув, полковника Максима Арсентьевича Игначева, который умер от ран 4 августа 1944 г. Когда прибыли на место, гроб с телом офицера сняли и поставили на повозку, а затем вновь открыли траурный митинг, на котором кратко рассказали, какую огромную утрату понес комсомол всей страны со смертью Ивана Васильевича Туркенича.

Под траурные звуки марша комсомольцы и близкие друзья опустили гроб в могилу, прогремел троекратный салют, прозвучал Гимн Советского Союза.

На свежий могильный холм установили временный деревянный памятник с надписью: «Здесь похоронен герой-краснодонец, член подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» старший лейтенант Иван Васильевич Туркенич». На могиле выросла гора живых цветов и венков.

А его прославленная дивизия, проведя перегруппировку сил и средств, усиленную подготовку к наступлению, 20 августа 1944 г. прорвала оборону противника, освободила г. Дембица и отбросила врага за р. Вислока.

29 августа 1944 г. начальник полготдела 99 сд уже гв. полковник И.К. Елисеев посмертно представил своего помощника по комсомолу к званию Героя Советского Союза. В наградном листе он писал, что старший лейтенант Туркенич всегда был там, где было самое опасное место и где требовалась поддержка и организация людей, что он являлся образцом железной стойкости, организованности и преданности Родине. Командир дивизии генерал-майор

А.А. Сараев, командир (генерал-майор М.Ф. Григорович) и начальник политотдела 23-го стрелкового корпуса (полковник С.В. Орлов), начальник политотдела 60-й армии генерал-майор И.М. Гришаев ходатайствовали о присвоении столь высокого звания И.В. Туркеничу. Но член Военного совета и командующий 60-й армии генерал-полковник П.А. Курочкин ходатайство не поддержали и после долгих раздумий своим приказом от 30 декабря 1944 г. № 0235/н решили наградить старшего лейтенанта Туркенича орденом Отечественной войны I степени (хотя в это время он уже был капитаном).

Еще раньше приказом по личному составу войскам I-го Украинского фронта от 6 октября 1944 г. № 0769 И.В. Туркеничу было присвоено звание капитан. Причем в приказе указана его предыдущая должность - помощник начальника штаба 473-го артполка. Как видит читатель, тяжела участь штабных работников, особенно кадровиков, не только в мирное время, но и в военное, ведь представление к очередному званию оформлялось не менее полугода назад, тогда как даже после гибели героя прошло уже два месяца. Увы, но такова действительность, которая дает нам понять, каким настоящим человеком, без учета наград и званий, был Иван Васильевич Туркенич и хорошо, что всенародные признание и слава пришли к нему еще при жизни.

После войны жители Глогува установили на его могиле памятник из местного камня, а через несколько лет прах Туркенича по решению общественности был перенесен на кладбище советских воинов в город Жешув. На могиле был установлен обелиск с надписью на польском и русском языках: «Герою «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу 1920–1944 граждане Жешувского воеводства».

Прошло двадцать лет после окончания войны. В 1965 г. впервые командование Житомирского высшего училища радиоэлектроники ПВО (бывшее Севастопольское училище зенитной артиллерии, которое в 1941 г. окончил И.В. Туркенич) отправило в Главное управление кадров Министерства обороны СССР представление о присвоении своему выпускнику звания Героя Советского Союза. Но это первое послевоенное представление, как, впрочем, и ряд последующих, постигла одна и та же участь – «отказать – за одно и то же дважды не награждают».

Вопрос этот поднимался даже на XXIV съезде ЛКСМ Украины, однако, как писал помощник начальника политотдела училища по комсомолу капитан Александр Евгеньевич Ужанов: «Патриотическому порыву не придали должного внимания».

Лишь через сорок шесть лет справедливость в отношении И.В. Туркенича, командира «Молодой гвардии», офицера Красной Армии, восторжествовала.

В канун 45-летия Великой Победы указом Президента СССР М.С. Горбачева от 5 мая 1990 г. № 114 «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» капитану Туркеничу Ивану Васильевичу было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Он стал последним по времени Героем Советского Союза из уроженцев Воронежской области.

Вручить награду прибыл в Краснодар генерал-полковник Б.В. Громов, в то время командующий Киевским военным округом. Торжества состоялись в зале Славы музея «Молодая гвардия». Грамоту Президента, орденскую книжку с указанием наград – ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» – принял племянник Ивана Васильевича Владимир Березовский. Теперь эти бесценные документы хранятся и экспонируются в музее Краснодона.

За мужество и доблесть, проявленные в борьбе с фашистами на фронте и в тылу врага, командир «Молодой гвардии» И.В. Туркенич награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I-й степени.

Его именем названы улицы в Кривом Роге, Краснодоне, Горловке, Жешуве (Польша), селах Петропавловка и Новый Лиман. В 1962 г. улица 2-я Загородная Коминтерновского района Воронежа была переименована в честь Ивана Туркенича.

Бюст И.В. Туркенича установлен на Аллее Молодогвардейцев в Луганске, Краснодоне, Петропавловке. В его честь в польском городе Жешув на кладбище советских воинов установлен семиметровый обелиск, под селом Раковичи Житомирской области (Украина) 22 июня 2010 г., в День памяти и скорби, в честь 90-летнего юбилея со дня рождения И.В. Туркенича, открыли памятник, который уже в наши дни снесли.

Мемориальные доски с его именем установлены в Житомирском военном институте имени С.П. Королева, Военной академии РВСН им. Петра Великого, Самаркандском государственном университете, в детском оздоровительном лагере «Артек» и в родном селе Новый Лиман (Воронежская область).

Весной 2016 г. президент Института национальной памяти Польши Лукаш Каминский заявил о планах по сносу в стране около 500 памятников, связанных с Советской Армией. В этот список попал и памятник Ивану Васильевичу Туркеничу.

Вечная ему память!

Герой Российской Федерации

Третьякевич
Виктор Иосифович
(09.09.1924 — 15.01.1943)

Комиссар
(до середины декабря 1942 г.),
член штаба, один из организаторов
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»

Виктор Иосифович Третьякевич родился 9 сентября 1924 г. в селе Ясенки Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии (Горшеченский район Курской области) в многодетной семье служащего. Он был младшим (седьмым) ребенком в бедной белорусской семье.

Отец, Иосиф Кузьмич Третьякевич (1883 – 1956), белорусский крестьянин из села Дуды Ивейской волости Опшмянского уезда Виленской губернии Российской империи, участник Русско-японской (1904 – 1905 гг.) и Первой мировой войн. В 1917 г. был делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, на котором выступал В.И. Ленин.

Мать, Анна Иосифовна Третьякевич [Горбач] (1889 – 1976), родилась в семье столяра из деревни Барово Гродненской области, тоже белоруска. Жили бедно, поэтому она в 14 лет уехала в Санкт-Петербург, где служила няней сначала в румынской семье, а потом в семье учителя.

Родители Виктора познакомились в Санкт-Петербурге, куда Иосиф Кузьмич приехал после окончания Русско-японской войны и демобилизации. В 1909 г. они поженились и вскоре переехали в Москву, потому что в столице отец сменил много работ, но по душе, да еще и хорошо оплачиваемой, не нашел. А семью кормить надо, ведь его красавица-жена с пышными волосами не только любила петь и танцевать, но и носила под сердцем их первенца – сына. Велико было горе родителей, когда, не прожив и года, он умер.

Отец устроился на работу в мастерские по ремонту резиновых шин, появился небольшой достаток, сняли квартиру недалеко от Нескучного сада (Парк культуры и отдыха им. А.М. Горького). В октябре 1910 г. родился второй сын Михаил, через год доченька Мария и еще два сыночка-погодка Владимир и Станислав (1912 и 1914 гг.). Жизнь стала налаживаться, но началась Первая мировая война.

Иосифа Кузьмича как военнообязанного призвали на службу, но из-за болезни дали отсрочку. Второй раз его мобилизовали в 1915 г. и разместили вместе с другими на сборном пункте в Спасских казармах. В это время тяжело заболели его младшие детки и, еще не успев отправиться на фронт, он похоронил 3-летнего Володю. Стасика хоронили уже без него.

Отца сначала направили в Молодечно Виленской губернии, а в 1916 г. в составе части перебросили на австрийский фронт, где в звании унтер-офицера он участвовал в Брусиловском прорыве.

Октябрьскую революцию 1917 г. семья встретила в Москве, но жить становилось все тяжелее. Третьякевичи, как и все, получали по 300 г хлеба в день. Анна Иосифовна работала надомницей, шла для солдат ниже белье, а дети помогали ей обметывать петли. Однажды она взяла их с собой и повела в центр, где возле Кремлевской стены со стороны Манежной

площади они увидели горы трупов сторонников Временного правительства и восставших против них рабочих и крестьян. Вокруг были следы разрушений от огня артиллерии и пулеметов, особенно были повреждены гостиница «Метрополь» и здание Городской Думы (Центральный музей В.И. Ленина), во всех магазинах и окнах домов были выбиты стекла. Среди трупов ходили люди, они искали и опознавали своих родственников.

Первым с фронта в 1918 г. вернулся двоюродный брат отца Андрей, который вместе со своей женой стал жить в квартире Третьякевичей. Он был членом партии большевиков и работал электромонтером на МоГЭС. От голода семью спасали извозчики, которым сдавали часть квартиры. Они часто через проем в стене передавали семье где-то раздобытую рыбу, которую также ловили и в Москве-реке.

Вскоре вернулся с фронта отец, он был комиссован по болезни. В полку Иосиф Кузьмич был председателем солдатского транспортного комитета и дважды избирался на солдатские съезды. В Москве он снова начал ремонтировать колеса, но работы практически не было, поэтому отец и мать стали ездить по деревням Курской и Брянской губерний, чтоб достать продуктов. Мать ездила также и в Воронеж, и Саратов. Отец во второй половине 1918 г. поехал в Воронежскую губернию и случайно попал в село Ясенки. Комитет бедноты этого села (комбед) помог ему продуктами и дал документ на право их провоза до Москвы. Но самое главное – руководители комитета пригласили отца для работы в комбед, потому что он был грамотным.

Семья начала готовиться к отъезду. Распродав кое-какие пожитки, в ноябре 1918 г. Третьякевичи выехали из Москвы и только через 7 суток прибыли в Ясенки. Комбед поселил их в хате крестьян Копаевых, которых самих было семеро. Вместе с двумя семьями ютились теленок, несколько ягнят и свинья с поросятами. Но, несмотря на все трудности, жилось хорошо. В хате было тепло и никто не голодал, потому что комбед выделил Третьякевичам хлеб, картошку и конопляное масло.

С первых дней приезда отец пошел работать в комбед, вскоре его избрали членом комитета. Через некоторое время была организована волость в старых границах с центром в поселке Горшечное и отца взяли в волостное управление секретарем. Ему дали бронь и оставили в распоряжение военного комиссариата. Время было тяжелое, поэтому активистам постоянно приходилось браться за оружие и вести борьбу с бандитами.

Дети наконец-то пошли учиться в Ясеновскую начальную школу. Летом 1920 г. Анна Иосифовна родила еще одного сына, которого называли в честь В.И. Ленина Володей, и не беда, что двоих детей с таким именем уже похоронили.

В 1922 г. на окраине села с помощью односельчан Третьякевичи построили себе небольшую хату, крытую соломой, к которой были пристроены сени и сарай для коровы. Жить стало веселее. Третью часть хаты занимала русская печь, у которой не было трубы, и весь дым выходил через небольшое отверстие, оставленное в крыше. Дети спали на печи, а родители – на полах (деревянной кровати). Из мебели был стол и две скамейки, но это уже был свой дом, да еще и большой огород, на котором выращивали рожь, овощи и корм для коровы.

В этом же году старшие дети окончили начальную школу. Продолжать обучение в девятилетней школе необходимо было за 10 км от села в г. Нижнедевицке. Денег у родителей не было, поэтому на семейном совете решили отправить учиться в город только Марию, которая в дальнейшем с отличием окончила девятилетку, а потом и учительские годичные курсы.

9 сентября 1924 г. в семье родился самый младший сын, которого назвали Виктором. В хате для него подвесили люльку, которую прикрепили к потолку. Теперь мама располагалась на ночь с маленьким Витей на полах, а папа ложился спать на приставном дощатом настиле возле печи.

В 1928 г. был образован Горшеченский район в составе Воронежского округа Центрально-Черноземной области. Иосифа Кузьмича избрали заместителем председателя Горшеченского райисполкома. Но старший Туркенич был беспартийным, а от предложения вступить в ряды ВКП(б) скромно отказался, хотя пользовался огромным авторитетом среди селян, и прежде всего потому, что видел «самого» живого В.И. Ленина. В своей должности он пробыл немного времени, его тихононько отстранили от дел, и Иосиф Кузьмич вернулся обратно в село Ясенки, где вместе с товарищами-активистами приступил к организации колхоза «Пробуждение». Первым председателем стал А.И. Труфанов, а счетоводом и членом правления И.К. Третьякевич.

Еще в 1923 г. в Ясенках комсомольцами, вернувшимися с фронтов Гражданской войны, была создана ячейка из 9 человек. Они стали проводить работу с молодежью села и среди батраков. В комсомол они приняли и 13-летнего Михаила Третьякевича, который уже в 1925 г. был утвержден уполномоченным Нижнедевицкого уездного комитета профсоюза работников Земли и Леса по селу Ясенки. В его обязанности входило следить за выполнением договоров между батраками и нанимателями, защищая права батраков. В этом же году комсомольцы села избрали его секретарем комсомольской ячейки, которая уже насчитывала 40 человек. Но Михаил понимал, что нужно учиться и приобрести специальность. Он долго думал и, наконец, принял решение переехать в Донбасс. Это произошло в марте 1927 г.

17-летний юноша приехал в город Ровеньки, но устроиться на работу было очень трудно. Несколько раз в неделю ему удавалось получить работу по разгрузке вагонов, но жил он на вокзале или под сценой театра. Наконец, в июне биржа труда направила Михаила на работу уборщиком породы на шахту № 3 им. Дзержинского и уже через два месяца расторопного юношу перевели в лаву вагонщиком. Заработок увеличился вдвое, и Михаил смог купить себе самые необходимые вещи, а то совсем обносился. За два года он сумел освоить несколько горняцких специальностей: крепыльщик, вагонщик, отбойщик, забойщик, даже поработал коногоном. Без отрыва от производства окончил рабфак и курсы комсомольских работников в Луганске.

Не миновал его и несчастный случай. В ноябре 1928 г. во время работы в шахте произошел обвал породы, который завалил молодого шахтера, и только благодаря спасателям Михаил остался жив. В этом же году коммунисты шахты приняли его кандидатом в ВКП(б).

Когда в октябре 1929 г. молодой шахтер стал членом партии, его вызвали в Луганский окружком комсомола и направили в станицу Луганскую начальником отдела культуры и пропаганды райкома комсомола. Вскоре 19-летний Третьякевич стал секретарем райкома комсомола, в котором к маю 1930 г. на учете состояло около 1 000 чел. Комсомольцы активно стали проводить коллективизацию на селе, первыми подавая заявления для вступления в колхозы.

В это время Михаил часто ездил по району и в одной из своих командировок остановился в хуторе Камышном, где и познакомился с молодой казачкой Марией Туреевой. И хоть за нее сваталось много женихов, она выбрала Третьякевича. Они полюбили друг друга и в феврале 1930 г. поженились. А весной во вновь созданных колхозах и совхозе «Индустрия», куда на работу приехало более 60 комсомольцев из многих городов Украины, начался сев. Молодежь днем работала в поле, а ночью поочередно стерегла общественное имущество.

В августе 1930 г. впервые за три года Михаил с красавицей-женой поехал к родителям в с. Ясенки. При въезде в село их первым увидел шестилетний Витя, который играл на поле с мальчишками. Он очень обрадовался приезду старшего брата и побежал впереди телеги, громко оповещая всех, особенно торопился предупредить родителей. Все Третьякевичи вышли навстречу, мама и сестра заплакали. Старший сын познакомил родителей с «невесткой» и рассказал о жизни шахтеров, уговаривая отца и мать переехать в Донбасс, где жизнь была намного интересней, чем в селе. А когда собрались уезжать, то больше всех расстроился Витя, сильно плакал и просился с ними. Уж очень он любил своего старшего брата и гордился им.

Вернувшись из отпуска, Михаил, к своему удивлению, узнал, что их район объединили с соседним, а его перевели в Сорокино начальником отдела культуры и пропаганды Краснодонского райкома комсомола. Стране не хватало угля, и все внимание комсомольцев шахт было направлено на его добычу. Но нельзя было забывать и о селе, поэтому Третьякевич часто выезжал в деревни и вскоре стал уполномоченным райкома партии по подготовке к севу. Ему эта работа нравилась, он ее знал, но партии вновь потребовались коммунисты для работы в рабочей кооперации. И как не отговаривался Михаил, что работы этой не знает и не справится, уже в марте 1931 г. его назначили начальником торгового отдела Изваринского ЗРК (закрытый рабочий кооператив). Пришлось сутками напролет учиться, и хорошо, что старые торговые работники ему в этом помогали. Постепенно он втянулся в эту работу, и уже через два месяца Михаила утвердили председателем этого ЗРК.

В 1931 г. в молодой семье Третьякевичей родилась доченька Елена. В этом же году, заехав к родителям на несколько дней, Михаил стал свидетелем того, как семилетний Виктор ехал на подводе. Увидев старшего брата, он так обрадовался, что соскочил на ходу ему навстречу, но неудачно, и попал под колеса. Травмы были серьезные, и его еле спасли.

Только в конце 1931 г. Иосиф Кузьмич с женой и с младшими детьми, оставив хату и все хозяйство дочери Марии, которая к тому времени уже работала учительницей, переехали к старшему сыну в поселок Изварино Краснодонского района. Отца приняли на работу секретарем на шахту. Володя пошел учиться в начальную школу им. МЮД (Международный юношеский день [движение]), туда же в сентябре 1932 г. пришел за знаниями и младший Виктор. Учился он хорошо, потому что уже в пять лет вместе с братом Володей изучил азбуку, мог читать и писать, да и поведение у него было прилежное.

В 1932 г. ЗРК был преобразован в ОРС (Отдел рабочего снабжения) Изваринского шахтоуправления. В этом же году на свободных землях за хутором Никитовка Михаил Третьякевич создал подсобное хозяйство, для чего распахали и засеяли 400 га земли, в том числе 100 га заняли под картофель. Его собрали 600 т, что стало хорошим подспорьем для снабжения шахтеров Изваринского рудника. Успехи молодого коммуниста были замечены, и уже в июне 1933 г. Краснодонский райком партии, не дав Михаилу даже подумать, утвердил его директором агрокомбината, который находился в плохом состоянии – бурьяны покрывали все посевы. Работать было некому, и молодой руководитель каждое утро приезжал в шахтерские поселки и агитировал домохозяек, обещая

предоставить им льготы и отпускать овощи для зимней заготовки по цене в три раза дешевле, да еще с доставкой на дом. Это подействовало, и на поля совхоза ежедневно стали приходить до 500 человек.

Посевы быстро очистили от сорняков, и когда в совхоз приехала комиссия, то поля агрокомбината, который стал совхозом им. Г.К. Орджоникидзе (Серго), не узнали. В результате стараний Третьякевича совхоз не только полностью снабдил шахтеров овощами и картофелем, но и получил 480 тыс. р. прибыли. На Вседонецкой сельхозвыставке в г. Сталино (Донецк) совхоз за высокие урожаи получил третью премию и был награжден тремя автомашинами ЗИС-5.

Но карьера руководителя совхоза опять была прервана. В феврале 1934 г. райком партии утвердил Михаила начальником ОРС Сорокинского рудоуправления, а потом и заместителем начальника УРСа треста «Сорокинуголь» по торговле. В этом же году он вместе с отцом приобрел для родителей хату в Сорокино, на «шанхае», и младшие братья перешли учиться в 7-летнюю школу в Кировском районе города, а потом в среднюю школу № 4 им. К.Е. Ворошилова.

В «шанхайских» хатах жили дети шахтеров. Это была вольница, испытывавшая на себе голод и холод тех лет. У них не было портфелей, учебники и тетради они носили стопкой за поясом. Летом возле дома Третьякевичей всегда было много мальчишек. Они играли в «чижика», ходили купаться на речку Каменку, а по дороге разговаривали, смеялись, кидали на дальность камешки. (Многие из этих ребят, такие как Сергей Тюленин, Анатолий Ковалев, Василий Пирожок, Василий Борисов и другие, потом стали членами «Молодой гвардии»). Вскоре Виктор стал пользоваться авторитетом среди этих ребят.

Иосиф Кузьмич пошел трудиться на овощесклад счетоводом и проработал там до самой войны. Анна Иосифовна осталась домохозяйкой, а сестра Мария вышла замуж и, продав родительский дом в с. Ясенки, переехала в Орловскую область, где работала учительницей в сельской начальной школе.

Все братья Третьякевичи были очень музыкальные. Старший брат Михаил научил играть на мандолине и гитаре Володю и семилетнего Витю. Это занятие тому очень нравилось, и он быстро овладел игрой на них. Наблюдая увлеченность Виктора и огромное желание, брат подарил ему эти музыкальные инструменты, а потом купил еще и балалайку. И теперь по вечерам, сидя на лавочке возле дома, младший Третьякевич часто вместе с братом Володей красиво играли бесконечные вальсы на мандолине и гитаре. Рядом соседи с родителями играли в карты и просили их сыграть ту или иную мелодию, на что ребята с удовольствием соглашались.

В школе преподаватели запомнили Виктора как серьезного, вдумчивого

и строго относящегося к своим обязанностям ученика, который отличался также справедливым характером. Он иногда выступал на различных митингах, посвященных новым революционным праздникам. По результатам учебы в 4-м классе Виктор получил свою первую премию: рубашку и книгу.

В пятом классе Виктор учился на отлично, но имел замечания по дисциплине за то, что часто баловался на переменах с другими ребятами. Когда его приняли в пионеры, он стал исправляться и очень любил носить красный галстук. А однажды даже совершил героический поступок: спас маленького мальчика. Железная дорога, которая соединяла шахты со станцией, проходила рядом со школьным двором, и ребята, балуясь, подкладывали под колеса паровоза монетки, гайки, болты, гвозди, а потом с удивлением рассматривали, хвастаясь друг перед другом. Зная об этом, учителя, заслышав гудок паровоза, сокращали перемены, сзывая звонком учащихся в школу. Так было и в этот раз. Все ученики побежали на занятия, но, обернувшись, Витя увидел мальчишку-первоклассника, спокойно раскладывавшего гвоздики перед идущим паровозом, но у него это плохо получалось, гвоздики постоянно соскальзывали с рельсы на землю, и на приближающийся паровоз и его гудки он не обращал внимания, а потом, испугавшись, оцепенел и съехался. Третьякевич развернулся, быстро подбежал, вскочил на полотно, схватил мальчишку и, прижав его к себе, кубарем скатился из-под колес поезда. Паровоз, угрожающе сигналив, проехал немного и остановился. Это произошло на глазах у застывших учителей и школьников, а когда они подбежали, то бледный Виктор спокойно отряхивал песок и вытирал слезы мальшу. Этот случай обсуждался как подвиг, он был описан в школьной стенгазете и отмечен приказом по школе.

И еще одно событие повлияло на его поведение – в школе узнали, что его отец был делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, на котором выступал В.И. Ленин. Иосифа Кузьмича пригласили выступить перед учителями и школьниками и рассказать об этом событии, ведь не у всех учеников родители были участниками Гражданской войны и, конечно, им не пришлось видеть Владимира Ильича, а здесь перед глазами человек-легенда...

Детская фантазия и воображение, передаваемые из уст в уста, быстро сделали из Кузьмича «Героя Гражданской войны, который разговаривал с самим вождем мирового пролетариата и тот напутствовал его на великие дела революции». Братья сразу же стали самыми уважаемыми людьми в школе, на переменках к ним в класс с нескрываемой завистью и восхищением стали заглядывать другие ученики, а одноклассники с гордостью сообщали всем, что учатся вместе с ними.

Это нравилось Виктору, ведь он выгодно отличался от своих сверстников, но и налагало свои обязательства. Теперь Третьякевич не мог пошалить на переменах и уроках, как делали другие ребята, ведь он же «сын Героя» да и учиться приходилось хорошо, учить уроки и делать домашние задания. Витя старался, и это у него получалось. Все учителя стали отмечать его прилежание и ответственное отношение к учебе. Но дома маме долго приходилось уговаривать и заставлять его сделать что-нибудь по хозяйству, домашней работой младший сын не интересовался и не придавал ей никакого значения. Его не наказывали, что поделаешь, – младшенький...

Виктор, как и все в его годы, часто ходил в кино, а потом дома обязательно подробно пересказывал сюжет родителям. Денег на кинокартины всегда просил у мамы. Сам без спроса не брал, а если и случалось, то обязательно сознавался, что это он взял и на что потратил. Любил полакомиться чем-либо сладким. Варенье или другие сладости были его врагами, с ними он расправлялся быстро и никогда в этом не признавался. Но и эта слабость ему прощалась как самому младшему и любимому сыну.

В 1936 г. старшего брата Михаила назначили директором совхоза имени старого большевика Ф.И. Зайцева (в посл. им. В.П. Чкалова) и он с семьей переехал в село Малая Вергунка, которое было пригородом Ворошиловграда. А на следующий год, окончив восемь классов, средний брат Владимир поступил в Ворошиловградский машиностроительный техникум и переехал жить в общежитие. Виктор остался с родителями один.

Многие отмечали, что младший Третьякевич к одежде не был требователен. Он постоянно носил серенький костюм из хлопчатобумажной ткани, ситцевую светлую рубашку, но всегда был опрятен и чист.

Он рос и кроме хорошей учебы проявил себя активным общественником. В школе Виктор занимался в литературном, историческом кружках, научился играть на скрипке, а в свободное время любил поиграть в футбол и шахматы. Многие учителя отмечали не только его математические способности, но и высокую продуманность, грамотность при написании сочинений. В это время он часто ездил из Сорокино (с 1938 г. Краснодон) в Ворошиловград к старшему брату и сразу садился за пианино, на котором училась играть племянница. У него появилась новая мечта: хорошо научиться играть на нем.

В 1938 г. старшего брата Михаила назначили заместителем директора нового центрального универмага г. Ворошиловграда, а в июне 1939 г. предложили стать директором пищеторга Октябрьского района города.

В это время Виктора Третьякевича приняли в ряды ВЛКСМ. Это событие произошло весной 1939 г., а уже осенью он был избран

секретарем школьной комсомольской организации. И здесь проявились способности Виктора как организатора молодежи, который сумел в короткие сроки сплотить коллектив комсомольцев, воодушевляя их собственным примером. В это же время он стал юнкором районной газеты «Социалистическая Родина». В своих заметках Третьякевич рассказывал о жизни школы, лучших комсомольских и пионерских активистах, призывал хорошо учиться. Вскоре комсомольская организация, руководимая Виктором, стала одной из лучших в городе. В газете «Социалистическая Родина» 18 октября 1940 г. секретарь райкома комсомола П.И. Приходько отмечал Третьякевича в числе лучших комсогов. Постепенно он стал настоящим комсомольским вожаком, к которому обращались ребята по всем непонятным вопросам за помощью.

В это время он много читал, и не только книги по школьной программе, но и газеты, которые всегда просматривал и подшивал для справок. Любил и интересовался подвигами советских людей, Героев Советского Союза, и в подарок от школы получил книгу И.Т. Спирина «Исторический рейс» о полетах на Северный полюс, которую прочитал несколько раз. Найти интересующую его литературу помогал и старший брат Михаил, на которого Виктор всегда стремился быть похожим не только внешностью.

В феврале 1940 г. состоялась партийная конференция Октябрьского района г. Ворошиловграда. На ней директора пищеторга Михаила Третьякевича избрали членом бюро райкома КП(б)У и делегатом на областную партийную конференцию.

После окончания 8-го класса в 1940 г. Виктора Третьякевича в очередной раз наградили похвальной грамотой и предложили на каникулах поработать пионервожатым в Суходольском детском пионерлагере. Ему очень нравилось руководить пионерским отрядом, ведь для ребят он был непререкаемым авторитетом. С еще большим уважением к нему стали относиться после того, как во время купания в Северском Донце Виктор спас девочку, которая хлебнула воды и, испугавшись, стала тонуть (по воспоминаниям Анны Иосифовны, он спас мальчика, но это сути поступка не меняет, потому что Виктору еще не было 16 лет, а он уже спас две человеческие жизни, пусть и маленькие). Руководство пионерлагеря осталось довольным его работой и вынесло ему благодарность. Но, к великому недовольству матери, сын, подражая старшим, научился курить и никакие просьбы, угрозы и слезы на него так и не подействовали.

В девятом классе он увлекся серьезной, в том числе и политической, литературой. На его книжной полке можно было увидеть «Капитал» Карла Маркса, стихи Эмиля Верхарна, таблицы логарифмов Н.М. Пржевальского,

и даже трактат английского философа – основоположника эмпиризма Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон», излагающий новое понимание сути науки. Но и с «Кобзарем» Т.Г. Шевченко в руках Третьякевича видели часто, потому что он любил украинский язык и литературу.

Виктор был членом Краснодонского райкома комсомола, секретарем комсомольской организации школы (осенью 1940 г. его избрали вновь), членом учкома, юнкором районной газеты, редактором общешкольной стенной газеты, руководителем струнного кружка школы, часто помогал учительнице по математике проводить уроки в младших классах, помогал отстающим ребятам, разъясняя новый сложный материал, осуществлял шефство над теми учениками, которые нарушали дисциплину (его постоянными подшефными в этом были Любовь Шевцова, Сергей Тюленин, Ким Иванцов и др.). Поэтому многих одноклассников очень удивляло, когда же он сам успевал готовиться к урокам?

Комсомольские собрания, которые проводил Третьякевич, проходили интересно, по-деловому. Это был уже взрослый юноша, честный, правдивый, настойчивый. Он казался старше своих лет и своими ораторскими способностями, политическим развитием производил большое впечатление на слушателей. А спокойное, ровное отношение к провинившимся ребятам, доброта, чуткость, принципиальность создавали здоровую обстановку в коллективе школы, которая считалась лучшей в городе.

В репертуаре струнного оркестра, которым руководил Виктор, звучали, в основном, украинские народные песни. А когда были организованы практические занятия по стрельбе из винтовки, Третьякевич занял 1-е место среди учащихся старших классов.

Лучшим другом Виктора стал Василий Левашов, который жил по соседству, но учился в другой школе.

Дружеские отношения у него сложились и с племянницей Леной, хотя та была младше его на семь лет. И когда мае 1941 г. она с родителями приехала к дедушке и бабушке в Краснодон он с таинственным видом достал из пиджака свою фотографию вместе с красивой девушкой и показал только ей. Девушка была в цветастом платье, с косами, которые лежали впереди на плечах. (И только после войны Елена Михайловна узнала девушку с фотографии – это была Аня Сопова).

Старшему брату Виктор однажды сознался, что после окончания школы хотел бы учиться в Бауманском училище (Московский механико-машиностроительный институт им. Н.Э. Баумана) и стать ученым-математиком. Из него вышел бы хороший инженер, неплохой учитель или журналист...

После окончания 9-го класса в июне 1941 г. его назначили уже

старшим пионервожатым Суходольского пионерлагеря, но началась Великая Отечественная война...

Еще в январе 1941 г. среднего брата Владимира с 4-го курса техникума призвали на действительную военную службу. Служил он радистом 431-й батареи береговой обороны на турецкой границе в Батумской военно-морской базе, где его и застала война. (В этом же году на фронте он вступил в партию. Партбилет ему и другим бойцам вручал заместитель начальника политуправления Черноморской группы войск, полковой комиссар, будущий генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Уже к осени 1942 г. в звании лейтенанта он был ответственным секретарем комсомольского бюро 3 сб 81-й морской стрелковой бригады. А вскоре его перевели в политотдел 47-й армии на должность инструктора, а затем старшего инструктора отделения по работе среди комсомольцев. Несколько раз был контужен, попадал под обстрел бандеровцев и войну закончил в звании капитана офицером для поручений начальника политотдела 47-й армии).

В сентябре 1941 г. Виктору Третьякевичу исполнилось 17 лет. Вместе со своими сверстниками он пытался уйти на фронт, но Краснодарский военкомат отказал им: не соответствовали по возрасту. Начались занятия в школе, но военная обстановка была тяжелой, немцы подходили к Донбассу.

Еще в августе 1941 г. Михаилу Третьякевичу предложили сдать торг и назначили вторым секретарем Октябрьского райкома, поручив самое ответственное дело – он отвечал перед партией за производство танков на паровозостроительном заводе (в сентябре их было произведено свыше 500). Но враг приближался к Ворошиловграду. Уже гитлеровцами были захвачены Мариуполь, Днепропетровск, Полтава. В первой половине октября пришел приказ ГКО об эвакуации оборудования и рабочих специалистов.

Через несколько дней уже демонтированное оборудование предприятий и шахт погрузили в вагоны. Не хватало платформ. Одновременно со станками в этих же эшелонах выезжали и люди.

Началась эвакуация. 10 октября Ворошиловград впервые бомбили фашистские самолеты. Бомбы сбросили на вокзал и небольшой рынок возле школы № 7. Погибло много раненых из стоявшего санитарного эшелона и мирных жителей. Угроза оккупации казалась близкой. Все партийные и советские работники были переведены на казарменное положение. Одновременно в городе приступили к организации партийного подполья, во главе которого оставался первый секретарь горкома Иван Михайлович Яковенко, который очень хорошо знал Третьякевича и предложил ему стать его заместителем, на что Михаил без промедления согласился.

Бюро обкома партии приняло решение об эвакуации семей руководящих работников города, в том числе и остающихся в тылу врага. 12 октября Михаил проводил свою семью и сестру жены с маленьким сыном в эвакуацию в Среднюю Азию.

В начале ноября 1941 г. Виктор пришел из Краснодона на работу к старшему брату в райком и потребовал, чтобы тот написал письмо в райвоенкомат и его направили в действующую армию. Но Михаил посоветовал выехать в тыл и там поработать на каком-нибудь предприятии пока, не призвут. Они вместе пообедали. Виктор не сдавался и еще несколько раз возвращался к этому разговору, а потом, отказавшись от отдыха, под видом прогулки по городу пошел прямо к горвоенкому Ворошиловграда с просьбой послать его на фронт, не забыв при этом упомянуть, что он брат «самого» М.И. Третьякевича. Но и здесь военком просьбу его не удовлетворил.

Михаил долго беседовал с младшим братом, пока не убедил его выехать в эшелоне с комбинатом «Ворошиловградуголь» на восток к семье, которая уже находилась под Самаркандом. Родители собрали его в дорогу, уложили в походный вещмешок белье, теплую одежду, продукты, дали денег и, попрощавшись, отправили младшего сына далеко в эвакуацию.

По дорогам области днем и ночью отходили на восток в сторону Миллерово части 12-й армии Южного фронта второго формирования. По ходу движения они останавливали и забирали автомашины без всякого оформления, просто высаживая водителей. Многие организации города лишились транспортных средств. А некоторые войсковые подразделения просто занимались мародерством (на пивзаводе) и только вооруженное вмешательство военного коменданта города со своим подразделением приостановило их действия. Моста через Северский Донец не было, ходил паром. Поэтому на переправе скопилось свыше тысячи автомашин, танков, повозок. Все нервничали, дело доходило до стрельбы. Дорога топкая, грязь по колено, по обочинам брошенные машины, трактора. Этот неорганизованный отход, поведение некоторых бойцов РККА очень сильно повлияли на настроение людей.

Все запасы продовольствия из города эвакуировать не смогли, поэтому большое количество муки, сахара, мяса и других продуктов раздали нуждающимся семьям, кормильцы которых были на фронте.

К действиям в подполье было все готово. Территория области была разбита на районы, в которых должны были действовать самостоятельные подпольные группы. На бюро обкома И.М. Яковенко был утвержден секретарем подпольного зонального обкома партии и командиром партизанского

отряда. Михаила утвердили секретарем подпольного горкома партии и комиссаром отряда. Также было создано несколько подпольных групп и определены места дислокации. Одновременно готовились продовольственные базы отряда и групп, а также проводилась специальная и огневая подготовка. Всего подготовили 42 человека. Но действовать этому отряду не пришлось. Советские войска остановили наступающие части гитлеровцев, и фронт стабилизировался. Опасность оккупации миновала.

В конце ноября, по предложению Михаила, который посчитал, что так будет безопаснее, родители переехали из Краснодона в Ворошиловград и стали жить в доме хорошего знакомого по улице Карла Маркса.

Город стал прифронтовым, в нем разместилось несколько воинских частей и эвакогоспиталей.

В начале декабря 1941 г. все узнали об освобождении Ростова-на-Дону и разгроме гитлеровских войск под Москвой. На улицах люди только об этом и говорили, народ радовался, у всех было приподнятое настроение, и если месяц назад можно было услышать недовольство отступлением на восток нашей армией, то сейчас все изменилось. Жизнь прифронтового города налаживалась. Нашли остатки невывезенного, почти негодного оборудования, привели его в порядок и начали выпускать, даже на небольших предприятиях, продукцию для фронта: организовали круглосуточный ремонт автомашин для воинских частей, выпуск корпусов для ручных гранат, а вскоре в войска поступили отремонтированные танки и бронемашинны, шесть бронепоездов и более 10 тыс. пистолет-пулеметов ППП. Заработал один оставшийся агрегат на ТЭЦ, который стал единственным источником электроэнергии для города. Возобновили свою работу не только предприятия, но и учреждения, столовые, кинотеатры, драматический театр, школы, детские сады, больницы и поликлиники.

Ворошиловград остался последним не захваченным фашистами областным центром Украины, поэтому временно стал столицей, и вскоре ЦК Компартии Украины разместился на улице Ленина.

Приближался 1942 г. Никто не думал о елках, однако в школах их все-таки организовали. Ребята веселились, но темы их выступлений были посвящены войне и защите Родины. Победы нашей армии поднимали дух и патриотическое отношение ко всему.

1 января 1942 г. Михаил пришел к родителям и вместе сели завтракать за праздничный стол. Анна Иосифовна напекла блинов и, случайно выглянув в окно, увидела, что к дому идет Виктор. Он вошел в потрепанной одежде, в стоптанных сапогах. Первым делом ему организовали баню, дали переодеться, а потом стали расспрашивать.

Младший Третьякевич с эшелонам успел доехать до Куйбышева (Самара), где услышал сообщение о победе нашей армии под Москвой, освобождении Ростова-на-Дону и стабилизации фронта. Он искренне верил, что немцам больше не наступать, что в тылу ему делать нечего, и дальше в Самарканд не поехал, а вернулся домой в Краснодар. Но там узнал, что родители переехали в Ворошиловград, и пешком отправился их искать. То, что фашисты больше не смогут наступать, верили все и надеялись, что война скоро закончится полным разгромом врага и изгнанием немцев с нашей многострадальной земли, поэтому Виктора вся семья поддержала.

Надо было заканчивать школу, иметь среднее образование, необходимое на случай поступления в военное училище или институт, и Виктор продолжил учебу в 10-м классе школы № 7 Ворошиловграда. Несмотря на то, что половину учебного года Третьякевич пропустил, он быстро догнал своих одноклассников в учебе и сразу же включился в общественную работу. Его избрали комсоргом класса и редактором стенной газеты школы, в которой он часто рисовал карикатуры на Гитлера и фашистов. В областной газете «Ворошиловградская правда» появились его статьи. К ним на квартиру стали приходить юноши и девушки, одноклассники Виктора, связь с новыми товарищами усиливалась и крепла.

В июне 1942 г., успешно сдав экзамены, Виктор окончил школу. На торжественной линейке Третьякевич поблагодарил учителей, а всем одноклассникам пожелал быстрее включиться в борьбу с врагом. По случаю завершения учебы он устроил со своими новыми друзьями выпускной вечер. Ребята собрали деньги и закупили необходимые продукты, не забыв при этом вино и пиво. Вечеринка удалась на славу и прошла хорошо. Они пели, танцевали, читали стихи, веселились, на мгновение забыв об ужасах войны.

Через несколько дней Виктор объявил отцу, что по призыву обкома комсомола идет воевать в тыл врага. Иосиф Кузьмич, зная характер младшего сына, отговаривать не стал, лишь посоветовал быть поосторожней и стал собирать его в дорогу. Перед отправкой в фашистский тыл Третьякевича вначале должны были направить в спецшколу под Ворошиловградом на партизанские курсы, но через несколько дней он, мрачный, вернулся домой, объяснив отцу, что его товарищи уехали, а его обком комсомола «оставил для посылки на другую ответственную работу и выдал соответствующий документ». В это время он близко познакомился с руководством комсомола области и города, выполняя различные их поручения.

Еще в начале февраля 1942 г. М.И. Третьякевича утвердили секретарем горкома партии. Ему поручили осуществлять руководство

комсомолом и курировать военную работу. Одновременно Михаил был назначен заместителем начальника строительства оборонительных сооружений вокруг Ворошиловграда. Необходимо было в кратчайшие сроки оборудовать не только противотанковый ров, эскарпы, ходы сообщения, командные пункты, но и построить дзоты, доты на всем протяжении трассы. К 20 июня 1942 г. строительство оборонительных сооружений было завершено, и многие посчитали, что вражеские войска не смогут захватить город. Это радовало всех участников работ, но обстановка на фронте сложилась совсем по-другому.

Во второй половине июня в Ворошиловграде разместились штаб и Военный Совет Южного фронта РККА. Именно от командования фронтом стало известно, что 28 июня фашистские войска прорвали нашу оборону и перешли в наступление. Уже 6 июля немцы овладели большей частью Воронежа и, повернув на юг, двинулись вдоль правого берега Дона на Сталинград. К 12 июля 1942 г. они подошли к большой излучине Дона (а это в 500 км к востоку от Ворошиловграда), завершая окружение соединений Южного и Юго-Западного фронтов РККА с целью полного их уничтожения.

На южном направлении 1-я немецкая танковая армия под командованием генерал-фельдмаршала Пауля Людвиг Эвальд фон Клейста 8 июля 1942 г. нанесла удар из района Славянск, Артемовск через Северский Донец и захватила Ольховатку. Враг прошел далеко на восток и, отрезая тыловые коммуникации частей нашей армии, наступал на Кантемировку. Чтобы не случилось новой катастрофы, Ставка ВГК приказала командованию Южного фронта оставить занимаемые позиции в Донбассе и главными силами отойти к Ростову-на-Дону и далее на Кавказ.

На следующий день в Центральный Комитет Компартии Украины к секретарю ЦК Д.С. Коротченко, который только неделю назад прилетел от партизан соединений Ковпака, Федорова, Медведева и не понаслышке знал, как они воюют, срочно вызвали секретаря обкома А.И. Гаевого, И.М. Яковенко и М.И. Третьякевича. Демьян Сергеевич поздоровался и в течение часа рассказывал им о нелегкой и опасной работе в тылу врага, особенно подчеркнув, что условия борьбы с фашистами в Донбассе по сравнению с северными областями Украины различны: здесь безлесье, значит, большие отряды создавать нельзя, можно сразу себя обнаружить и погибнуть. Мелкие группы по 5-10 человек и даже одиночки смогут успешно выполнять задания: проводить агитационную работу среди населения, призывать народ срывать мероприятия немцев и одновременно вести активную диверсионную работу. «Враг силен и коварен, поэтому необходимо, чтобы все подпольщики соблюдали меры

предосторожности и жизни свои отдавали не напрасно», – напутствовал их Д.С. Коротченко, пожелал успеха и по-отечески пожал руки.

Времени на подготовку к переходу на подпольное положение практически не было. Срочно определялись партизанские группы, их командиры, места дислокации, порядок связи и др. Никто из остающихся в подполье не знал практики работы и методов борьбы в условиях оккупации, а отрывочные материалы не давали об этом полного представления, поэтому Яковенко и Третьякевич решили, что обстановка на месте подскажет им, что делать.

Оставшиеся дни и ночи они готовились сами и готовили людей. Одну из комнат горкома превратили в склад оружия, которое получили от военных благодаря командованию фронтом. Автоматы, патроны, взрывчатку распределяли по частям для отдельных групп отряда.

В один из этих дней, а именно 9 июля, к старшему брату в горком пришел Виктор и стал настаивать, чтобы его взяли в партизанский отряд. Михаил возражал и хотел отправить его в тыл с эшеленом по линии военкомата. Но тот наотрез отказался и пошел к Яковенко, который зачислил его в группу Степана Сергеевича Рыбалко, разрешил взять с собой мандолину («в свободное время веселить бойцов») и приказал вместе с другими товарищами готовить снаряжение. Родителям братья ничего не сказали, а, чтобы их успокоить, Виктор пообещал, что в эвакуацию поедет последним эшеленом.

За трое суток отряд создали почти заново, так как часть людей ушла в армию, часть была послана в тыл врага в другие области Украины, часть эвакуировалась. И 12 июля 1942 г. партизанский отряд в количестве 48 человек (не считая подпольщиков-одиночек), в составе четырех групп, каждая из которых имела свое место базирования, был в полной боевой готовности к выезду в лес. На вооружении партизаны имели 35 автоматов, 18 винтовок и 150 гранат.

Надежда Фесенко

На следующий день штаб партизанского отряда во главе с командиром группы С.С. Рыбалко в составе 20 человек убыл в назначенный район в лес между хуторами Паньковка и Христово в 15 км от города на правом берегу Северского Донца. С ним в лес выехали секретарь подпольного обкома комсомола Надежда Тимофеевна Фесенко, секретарь подпольного горкома комсомола Галина Серикова и старшина отряда П.Н. Шевченко. Начальником штаба партизанского отряда был

назначен первый секретарь Боково-Антрацитовского райкома партии Груз, но он так и не появился. Все партизаны были членами партии или комсомольцами и в лес выехали, имея партийные документы при себе.

Места дислокации партизанских групп штаб установил сам с таким расчетом, чтобы перекрывались все дороги, ведущие к Ворошиловграду. Кроме командиров в них были назначены и политруки.

Враг приближался, уже далеко в тылу Красная Армия оставила Россошь и Кантемировку, фашистские войска подходили к Миллерово. Город стал мрачным, улицы почти пустые, все предприятия и учреждения прекратили работу.

И.М. Яковенко и Михаил Третьякевич остались еще на сутки в городе. Они руководили подрывом важных объектов: ТЭЦ, хлебозавода, мясокомбината, завода им. А.Я. Пархоменко, железнодорожного моста через речку Ольховка. На следующий день они выехали навстречу нашим отступающим войскам, что вызывало немалое удивление командиров и солдат РККА, а по обочинам дороги увидели страшную картину вчерашней бомбежки вражеской авиации: везде валялись трупы лошадей, а кое-где и людей. Их никто не хоронил...

В партизанском отряде все были гражданскими людьми, поэтому решили ежедневно по 2-3 часа проводить занятия по боевой подготовке. Каждый должен был уметь хорошо стрелять из автомата, устанавливать, маскировать и подрывать взрывчатку.

В отряде было семь комсомольцев, которым предстояло выполнять задачи по организации комсомольского подполья в Ворошиловграде и области, а также координировать его деятельность. На закрытом заседании уже в лесу при штабе была создана комсомольская организация во главе с Надеждой Фесенко, а Виктора Третьякевича утвердили связным подпольного обкома партии и членом подпольного горкома комсомола.

К концу дня 16 июля все работы по укрытию продуктов и снаряжения были завершены. Их рассредоточили в трех местах, чтобы в случае обнаружения одной базы оставался бы еще запас для отряда. А заодно и сменили место расположения, перебравшись в центр леса в излучине Северского Донца. Соорудили шалаши.

В это же время руководство партизанского отряда наладило связь со всеми группами, кроме группы коммуниста А.И. Боброва, которая должна была сосредоточиться в районе хутора Сабовка, но прибывший туда через три дня Михаил Третьякевич застал в районе хутора Стукалова Балка только ее комиссара Соболева, которого забрал с собой. Остальные тринадцать человек так и не появились, смалодушничали. Впоследствии стало известно, что при выходе в назначенный район

группа попала под бомбежку немецкой авиации, вернулась обратно в город и разошлась. Членов этой группы долго искали разведчики отряда, но никого не нашли (только на второй день после освобождения от фашистов Ворошиловграда в горком партии к М.И. Третьякевичу явился один Бобров. Впоследствии выяснилось, что за день до оккупации Ворошиловграда, 16 июля, Бобров приказал своим бойцам разойтись по домам «до особого распоряжения», а сам бежал в Ростов-на-Дону. С приходом немцев он вернулся в Ворошиловград и сознательно встал на путь сотрудничества с оккупантами). И таких было немало...

(К этому следует добавить, что первоначально в качестве секретаря подпольного обкома комсомола ЦК ЛКСМУ оставил своего работника Гайдученко, который получил информацию обо всех комсомольских активистах, остающихся в тылу врага, в том числе о Фесенко, Сериковой и Викторе Третьякевиче. Но, не имея связей, он вступил в партизанский отряд Панчикова, который вместе с отступающими воинскими частями РККА отошел к Ростову-на-Дону. Здесь Гайдученко попал в плен и был отправлен в концлагерь в Миллерово, но по дороге бежал. Вернулся он в Первомайск, к себе домой, где был арестован по доносу старосты и доставлен в районную полицию. Начальник полиции, бывший инспектор района Матвиенко, хорошо знал Гайдученко как секретаря обкома комсомола и пригрозил ему расстрелом, если он не сообщит все, что ему известно о коммунистах, партизанах, руководителях и связных комсомольского подполья, и тот, не раздумывая, согласился. Все это стало известно после освобождения Ворошиловграда от фашистов).

17 июля 1942 г. после короткого ожесточенного боя на опытном сельскохозяйственном поле с подразделениями прикрытия РККА фашисты вошли в Ворошиловград. В этот же день далеко на востоке началась Сталинградская битва.

На следующий день немцы завезли большое количество газет и листовок на украинском и русском языках и специальные команды раздавали их жителям города. Они сразу приступили к созданию аппарата местного управления во главе с городской Управой. Попытались восстановить некоторые предприятия, но встретили скрытый саботаж, который исходил практически от всех трудящихся города.

Зная, что город захвачен врагом, партизаны выслали разведку в близлежащие села узнать обстановку. В деревнях фашистов еще не было, и в город направили Надежду Фесенко и Виктора Третьякевича. Вернувшись, они рассказали, что гитлеровцы на высоких зданиях в людных местах установили громкоговорители и на русском языке вели фашистскую агитацию, а в районе трамвайного парка на глазах у жителей расстреляли

пятерых подростков 11-12 лет лишь за то, что они стояли возле ящика с минами, оставленного при отступлении нашими бойцами.

Из донесений разведки партизанам стало ясно, что кроме расстрелов и репрессий гитлеровцы стали вести большую пропаганду среди населения. Это заставило немедленно приступить к выполнению основной задачи: противопоставить фашистской пропаганде партизанскую агитацию. Отряд имел радио, двухстороннюю связь со штабом партизанского движения и регулярно слушал Москву. На основании этих сведений и донесений связанных партизаны составляли листовки, в которых призывали население не верить фашистам, срывать мероприятия оккупационных властей, всеми средствами уклоняться от угона в Германию, прятаться от облав, и распространяли их в Ворошиловграде и его окрестностях.

Еще перед уходом в лес Надежда Фесенко завербовала в Ворошиловграде двадцать восемь комсомольцев, подпольщиков-одиночек, и несколько связанных, через которых передавались задания, листовки и информация. Надежда, Галина и Виктор Третьякевич неоднократно ходили в город на встречи со связными, знали адреса явочных квартир, пароли, шифры. Часть листовок они расклеивали сами, часть передавали своим связным.

В условиях Донбасса, где преобладает открытая местность, а леса лишь в оврагах, балках, по берегам рек, отдельным группам партизанского отряда, чтобы не быть обнаруженными, приходилось часто перемещаться. Связь с одной из оставшихся групп отряда, возглавляемой коммунистом Н.С. Литвиновым, была полностью потеряна. 20 июля 1942 г. Серикова сообщила командиру, что вышла на эту группу, но в ней осталось 5 человек. На другой день И.М. Яковенко, Галина Серикова и Виктор Третьякевич отправились в указанный район, но не обнаружили там никого.

(Впоследствии стало известно, что в группе оказалось два предателя, которые навели немцев и полицаяв на базу группы и разгромили ее. Партизаны остались без продуктов. Выдали предатели и состав штаба, и фамилии партизан, и даже указали адреса некоторых из них. Два партизана из состава этой группы были схвачены и казнены, когда пришли домой за продуктами. Н.С. Литвинов с оставшимися бойцами, после неудачных попыток выйти на связь со штабом отряда, отправился в Волошинский район Ростовской области, где создал новый партизанский отряд из попавших в окружение советских солдат и офицеров. Но это его не спасло. После освобождения Ворошиловграда войсками Красной Армии на бюро обкома ВКП(б) было рассмотрено его персональное дело и он был исключен из партии, а за связь с сельским старостой, который помогал партизанам его группы скрываться от немцев, Николая Семенича осудили на 10 лет и сослали в лагерь в Казахстан).

Возвращаясь обратно после безрезультативных поисков группы Литвинова, командир отряда с комсомольцами при переходе в лес по чистому полю натолкнулись на полицейских, которые открыли огонь из винтовок. Партизаны залегли, стараясь не обнаруживать себя. Вокруг не было ни одного кустика, а для того, чтоб войти в лес, нужно было подползти ближе к полицейским, другого выхода не было. Приблизившись к полицаям на 60-70 м, партизаны открыли огонь из автоматов, а Виктор Третьякевич, поднявшись во весь рост, бросил гранаты РГД. Послышались крики и стоны, полицайи залегли, а партизаны быстро укрылись в лесу. Потом жители ближайшего села сообщили, что двое полицейских были убиты, а двое раненых скончались в медпункте.

Ровно через 5 дней после оккупации Ворошиловграда в партизанском отряде появился Иосиф Кузьмич, которому перед уходом в лес сыновья сознались, что остаются воевать в тылу врага. Они также сообщили ему место расположения отряда и просили собирать сведения о положении в городе и действиях фашистов. Под видом покупки муки и хлеба, с мешком через плечо, Иосиф Кузьмич прошел более 25 км, передал сыновьям все разведанные сведения и остался с ними ночевать в лесу. Увиденным в отряде он остался доволен, особенно тем, что старшие товарищи с любовью и уважением отзывались о его младшем сыне Викторе за его твердость, откровенность и успехи. На следующий день, попрощавшись со всеми партизанами и сыновьями, по тайной тропинке Иосиф Кузьмич ушел домой, обещая вернуться в другой раз с новыми разведывательными сведениями. До опушки леса его проводил Виктор и попросил отца передать маме, чтобы не беспокоилась за них, потому что начатое дело сыновья доведут до конца. Но больше встретиться в лесу им не довелось.

Командир отряда И.М. Яковенко и комиссар М.И. Третьякевич составили текст партизанской клятвы, и 23 июля 1942 г. партизаны торжественно приняли ее в Паньковском лесу.

С последней, действовавшей самостоятельно группой коммуниста Громова, которая расположилась в Сухой балке на территории совхоза им. В.П. Чкалова, руководство отряда только 24 июля 1942 г. наладило устойчивую связь. Командир группы вместе с комиссаром Пигли сумели сохранить весь состав партизан (14 человек), развернуть разведывательную работу и установить связь с подпольщиками, оставшимися в городе.

Первые десять дней на территории врага прошли относительно спокойно. Немцы в близлежащих хуторах не появлялись, поэтому на заседании штаба командир отряда И.М. Яковенко призвал всех действовать активнее и подумать о проведении диверсий.

Вскоре партизанам стало известно, что гитлеровцы готовятся проводить облавы, чтобы отправить 2 500 человек молодежи в Германию, поэтому размножили в большом количестве листовки с призывом к юношам и девушкам скрываться от полицаев и немецких жандармов, уходить из города, избегать облав. Задание по распространению листовок получила Надежда Фесенко. Она взяла с собой комсомольцев отряда - Забелина, Алексенцева, Виктора Третьякевича и пошла на встречу с подпольщиками. Одна из связанных в городе комсомолка Светлана Пустовойтова рассказала им о складе с боеприпасами у мельзавода. Распространяя листовки в городе ночью, комсомольцы незаметно подошли к складу со стороны пустыря и ясно увидели через забор штабеля снарядов и авиабомб. Когда часовой, охраняющий склад, отошел от забора более чем на 50 м, комсомольцы бросили в штабеля 6 гранат и взорвали их. А сами убежали на стадион, где никого не было, а потом благополучно вышли из города и вернулись в отряд.

Но самое главное – их агитация сработала. В течение недели немцы насильно собирали людей на биржу труда для отправки, но им удалось отправить только 500 человек вместо 2 500.

В конце июля в близлежащие хутора стали проникать немцы. Появлялись один-два раза в день по 10-15 мотоциклистов на короткое время.

1 августа 1942 г. командир партизанской группы С.С. Рыбалко поставил задачу Виктору Третьякевичу провести разведку в хуторе Красный Яр, а Юре Алексенцеву – в Паньковке, но не успели разведчики уйти на задание, как прибежал старшина отряда П.Н. Шевченко и сообщил, что в Паньковку прибыл большой отряд из 50-60 чел. немцев на мотоциклах и велосипедах. На возвышенности вверх по Северскому Донцу фашисты выставили пост из четырех человек, который расположился под отдельно стоящей грушей и контролировал все вокруг.

Яковенко приказал всем оставшимся в отряде партизанам (9 человек), за исключением Виктора Третьякевича, которого оставляли для охраны лагеря, немедленно разобрать оружие и выдвинуться в сторону Паньковки. Услышав, что его не берут на задание, Виктор стал проситься у командира и тот согласился. Все взяли с собой дополнительно запасной диск патронов к автоматам, две гранаты и нож. Личные документы оставили в лагере с Надеждой Фесенко.

Когда вышли, И.М. Яковенко предложил атаковать фашистов на посту, Михаил Третьякевич, наоборот, советовал провести разведку и, как стемнеет, напасть на всех немцев, которые расположились в хуторе. Но Иван Михайлович был неумолим, он горел желанием немедленно уничтожить вражеский пост.

Они предупредили остальных: без команды не стрелять, проявлять выдержку и стараться живыми не попасться врагу. Шли осторожно по лесной тропинке гуськом, прислушиваясь и осматриваясь. Пробираясь сквозь густой невысокий кустарник и поднимаясь в гору, вышли на опушку леса и в 40 м увидели немцев, которые ели, смеялись и разговаривали между собой. Один фашист прохаживался недалеко с автоматом наготове.

Яковенко тихо указал, где кому залечь, и по команде партизаны обстреляли фашистов с трех сторон. Никто из них не поднялся, и только один часовой побежал в сторону хутора. Ястреб бросил вдогонку гранату, и гитлеровец покатился с горы (потом жители сообщили, что по дороге в Красный Яр он скончался от тяжелого ранения). Партизаны подбежали к трупам, забрали документы и оружие. Немцы из хутора открыли ураганный огонь по высоте. Этот бой стал первым боевым крещением партизанского отряда. (Кстати, выяснилось, что во время боя у Яковенко и Соболева отказали автоматы, их качество оказалось плохим).

Документы, которые изъяли у фашистов, перевел Виктор Третьякевич (он относительно хорошо владел немецким языком, потому что, кроме изучения в школе, в течение двух лет посещал в Краснодаре курсы немецкого языка, поэтому свободно переводил с русского языка на немецкий, и наоборот, был главным переводчиком немецких газет и документов в отряде), но они не представляли никакого интереса.

На следующий день в Паньковку прибыл на автомашинах карательный отряд численностью до 100 солдат, они арестовали в качестве заложников 22 чел. и посадили в сарай. В числе арестованных были и помощники партизан Софья Александровна Павленко и Матрена Сидоровна Удовиченко. Арестованных угнали в Красный Яр и утром 3 августа на кладбище расстреляли 5 чел., не имевших ничего общего с отрядом, а остальных отпустили. В тот же день вечером, несмотря на пережитое, женщины пришли в отряд. Это были настоящие патриотки. Для партизанского отряда они пекли хлеб, заготавливали продукты. Их мужья были на фронте, а с ними жили их несовершеннолетние дети, у Софьи - четверо, у Матрены - двое. Они знали, что за связь с партизанами их ждет неминуемая смерть, но не побоялись, не труслили, не предали и готовы были выполнить любое задание.

Одновременно с этим 2 августа 1942 г. сторож колхозного огорода в хуторе Христово, который с большой охотой снабжал партизан овощами, сообщил, что вверх по Северскому Донцу в 4 км немцы навели через реку понтонные мосты, по которым начали переправлять свой транспорт. Иван Михайлович поставил группе С.С. Рыбалко разведать подходы к мостам и взорвать их.

В ночь на выполнение задания вышла группа в составе шести человек. Подойдя к мосту, командир поставил боевую задачу: Виктору Третьякевичу и Афанасию Забелину, которые могли плавать под водой, взять по 6 шашек тола, запалы, бикфордов шнур и пистолет; остальным для их прикрытия иметь по 4 гранаты и запасному диску патронов к ППШ. По мостам для охраны ходили немецкие автоматчики. Ребята взяли взрывчатку, бесшумно опустили в воду, поднырнули под мост, заложили шашки под понтоны, закрепили запалы и шнур и также бесшумно вернулись на берег. Фашисты ничего не заподозрили. Партизаны подожгли бикфордов шнур и быстро отошли подальше в лес. Через несколько минут раздались два мощных взрыва, которые в одном мосту разорвали и затопили два понтона, в другом – четыре. Находящиеся в палатках немцы начали беспорядочную стрельбу, но партизаны были уже далеко. (Через три дня немцы восстановили один из мостов, но ночью на 7 августа этой же группой он был снова взорван. Таким же образом были взорваны еще два моста выше хутора Веселая Гора и около села Желтого. Немцы больше в этих местах мостов не устанавливали).

Результатом первого боя и взрыва мостов явилось и то, что на отряд вышли связные соседних партизан, лагерь которых располагался на противоположном берегу Северского Донца. Это был боевой подготовленный отряд НКВД в количестве 45-50 чел. под руководством Я.И. Сиворонова, которого лично знал И.М. Яковенко. Партизаны поделились с новыми боевыми товарищами продуктами и по их предложению – действовать вместе (фашисты днем и ночью обстреливали Паньковский лес) – через три дня переправились через реку и сменили место расположения. Но отряд расположился отдельно на противоположном берегу Северского Донца в лесу против хутора Паньковка.

В эту же ночь на 5 августа 1942 г. по приказу И.М. Яковенко группа Громова воссоединилась с отрядом, так как партизанам тяжело было укрываться в почти безлесной Сухой балке.

Отряд действовал достаточно активно для того, чтобы вызвать ярость оккупантов и провести против народных мстителей большую карательную операцию, распуслав слухи, что в лесу находится более 250 партизан, хотя в отряде к тому времени, даже после объединения, было всего 22 человека.

Рано утром 6 августа 1942 г. разведка доложила, что в хутор прибыл карательный отряд в количестве около 400 человек, вооруженный минометами, пулеметами, автоматами. В 8 часов утра фашисты открыли по противоположному берегу сильный минометный и пулеметный огонь, который продолжался весь день. На следующий день обстрел повторился, и немцы начали создавать переправу через Северский Донец. Но партизаны не дали

им такой возможности и постоянно из засад обстреливали немецких саперов.

В это время в Паньковку пришел Иосиф Кузьмич. Каратели его задержали, но он оправдался, что идет на колхозный огород. Это не вызвало подозрений у немцев, и его отпустили.

Командир партизанского отряда НКВД Я.И. Сиворонов предложил вместе идти за Лисичанск в Кременские леса. Михаил Третьякевич поддержал это предложение, но И.М. Яковенко категорически отказался, и отряд Сиворонова ушел.

Практически каждую ночь партизаны проводили боевые операции, совершали диверсии, уничтожали колонны вражеских машин с живой силой и техникой, карали предателей-полицейских, разгромили воинский обоз, охраняемый итальянскими солдатами, уничтожив охрану и захватив ящики с гранатами и продовольствие. В большинстве этих операций принимали участие комсомольцы отряда. Самыми активными бойцами стали девушки. С их помощью в Ворошиловграде и окрестностях была создана большая подпольная сеть комсомольцев-одиночек (до 50 человек), действовала группа связных (в основном, девушки), распространялись листовки. При посещении города комсомольцы собирали различные сведения о положении в Ворошиловграде и размещении фашистских войск, а потом все эти сведения шифровали и передавали в Центральный штаб партизанского движения.

Однажды, возвращаясь с задания, партизаны обнаружили недалеко от хутора Обозный на возвышенности непонятное сооружение немцев, укрытое маскировочной сеткой. В разведку отправили Третьякевича и Забелина. Ночью ребята подползли довольно близко, отчетливо слышали разговор фашистов (Виктор легко переводил) и определили, что это была метеостанция, которая обеспечивала полеты немецкой авиации и передавала сводку погоды на аэродромы. Ребята отчетливо запомнили часто упоминавшиеся немцами города Старобельск, Макеевку и Таганрог.

На следующую ночь метеостанции не стало. Возглавил эту операцию сам И.М. Яковенко. С ним пошло несколько бойцов. Метеостанцию они забросали гранатами и обстреляли из автоматов, уничтожив все и всех.

Лес, где скрывался партизанский отряд, был небольшой и редкий. Фашистские каратели постоянно обстреливали его из минометов и пулеметов, пытаясь перебить всех партизан. Обсудив это положение, командир и комиссар решили временно перейти в Митякинские леса, где хорошо ориентировался командир группы С.С. Рыбалко.

10 августа 1942 г., днем, воспользовавшись отсутствием карателей в Паньковке, партизаны, забрав с собой все имущество, боеприпасы и

вооружение, двинулись в путь на юг вдоль берега Северского Донца. Шли всю ночь с большими грузами, а на утро остановились на привал в районе села Новая Кондрашевка. После второго ночного перехода, обходя станицу Луганская, сбились с курса и подошли к неизвестному поселку. Когда выяснили, что это хутор Пшеничный, отошли от него на 700 м, остановились и решили провести дневку в кустах возле ручейка. Начало светать. Выставив боевое охранение, уставшие партизаны кто где легли спать. В конце дня, обойдя позиции охранения, на лагерь партизан вышла женщина, гнавшая корову к ручью на водопой. А когда ее попытались задержать, она быстро выбежала на открытое место в поле, где находились другие люди. Михаил Третьякевич предложил срочно сменить район, но никто не захотел, ведь уже скоро собирались уходить. Их поддержал командир. Это и стало роковой ошибкой отряда.

Михаил Третьякевич

За час до выхода, условившись, что все идут в Митякинские леса за речку Деркул, и отметив место сбора на карте, партизаны собрались в поход, но в этот момент почти со всех сторон начался интенсивный обстрел. Оказалось, что отряд был уже окружен фашистами и полицией. Их выдала женщина, которая обнаружила партизан, и сообщила об этом своему брату – полицейскому.

Завязался бой, погиб старшина П.Н. Шевченко. Нужно было отходить, с хутора фашистам шло подкрепление. И.М. Яковенко приказал комиссару, чтобы тот с пятью бойцами прикрывал отход отряда. С Михаилом Третьякевичем остались Гуров, Коваленко, Журовский, Скрыпников и Рыбалко, а остальные, отстреливаясь, стали отходить в глубь леса.

Бой продолжался до темноты, и, когда немного утихла перестрелка, группа прикрытия незаметно отошла вверх по ручью. Впереди шли С.С. Рыбалко и Михаил Третьякевич, через несколько десятков шагов встретили Ястреба и Алексенцева и забрали их с собой. И только, отойдя по ручью от места боя 150 м, обнаружили, что Гурова, Коваленко и Журовского с ними нет. Стали их поджидать, посылали на поиски, но ни оставших партизан, ни основной группы отряда обнаружить не смогли. Наконец решили, что надо идти в Митякинский лес, как было условлено, и там встретиться с остальным отрядом.

Партизанская группа в составе 5 человек во главе с М.И. Третьякевичем

через двое суток дошла до места сбора у речки Деркул, исходила весь Митякинский лес, но никого не нашла. 12 дней без продовольствия и боеприпасов, которые пришлось оставить под хутором Пшеничным, партизаны ждали прихода основной группы отряда. Спасали от голода земляки С.С. Рыбалко из села Макаров Яр, с которыми он сумел встретиться. Здесь же от его односельчан партизаны узнали, что на совещании старост и полицейских в Новосветловке немецкое руководство сообщило, что «в хуторе Пшеничном был разгромлен Ворошиловградский партизанский отряд, причем двух человек убили, а шестерых поймали и расстреляли». Возможно, это были члены их отряда, поэтому партизаны решили пока укрыться поодиночке и одновременно разыскивать отряд.

(Почти шесть месяцев Михаил Третьякевич самостоятельно боролся в тылу врага с оккупантами, создавая новые подпольные группы, совершая диверсии и под чужими документами постоянно меняя места расположения. Он так и не узнал, что случилось с основной группой отряда под хутором Пшеничным, не стал возвращаться и на старую базу в Паньковский лес. В ноябре Михаил пришел в Ворошиловград, где переходил с одной явочной квартиры на другую, поскольку гестаповцы имели его приметы и разыскивали. В оккупированном городе он встретился с несколькими уцелевшими членами партизанского отряда. Они возобновили выпуск антифашистских листовок. Все это время Михаил не имел сведений о родителях, младшем брате и о том, что произошло в Краснодоне, узнал только после освобождения Ворошиловграда от немецких оккупантов в феврале 1943 г.).

После боя под хутором Пшеничным в основной группе под руководством И.М. Яковенко осталась половина отряда (10 – 12 человек, в том числе и Виктор Третьякевич), они так же, как и группа прикрытия, долго искали оставших партизан в ближайших лесах, но никого не обнаружили. Продовольствие и боеприпасы были безвозвратно утеряны. В Митякинских лесах новой базы не было, а в старом районе оставались нетронутыми еще две замаскированные базы отряда, предназначенные на непредвиденный случай. Такой случай настал, решил командир и с остатками отряда вернулся в оставленный несколько дней назад район у хутора Паньковка.

Во время перехода в Митякинский лес и боя у хутора Пшеничного Надежды Фесенко и Галины Сериковой в партизанском отряде не было. Они остались на подпольной работе в Ворошиловграде, поэтому возвращению отряда были рады.

Партизаны снова стали выпускать листовки. Пытались найти своих товарищей или связаться с другим подпольем, но не удалось. Жительницы Паньковки С.А. Павленко и М.С. Удовиченко продолжали

поддерживать связь с отрядом, пекли для них хлеб, стирали белье. Партизаны продолжали жить, совершать различные диверсии, уничтожать врага на нашей земле. За время их деятельности было уничтожено 113 фашистов, взорвано четыре понтонных моста через Северский Донец, уничтожены метеостанция, автомашины, разгромлен обоз, распространено около 50 тысяч листовок, газет и мн. др.

Связной командира Виктор Третьякевич продолжал добросовестно выполнять все порученные ему задания. Он не знал, что произошло со старшим братом во время боя у хутора Пшеничного, и это его сильно угнетало, поэтому всячески старался гнать от себя грустные мысли. Однажды Виктора направили в Паньковку за хлебом и овощами к С.А. Павленко. Он переплыл Северский Донец с другого берега и, пока Софья Александровна собирала продукты, находился в сарае. В это время во двор зашли немцы и долго не уходили. Виктору пришлось спрятаться в сарае под крыльцом и просидеть там в скрюченном состоянии оставшиеся день и ночь, пока гитлеровцы не покинули хутора.

В начале сентября 1942 г. в отряд вернулся сильно похудевший одноклассник Виктора по школе № 7 Юрий Алексенцев. От него все узнали, как действовала группа прикрытия во главе с Михаилом Третьякевичем и что он и еще трое партизан остались живы. Неизвестна была только судьба пропавших во время отхода Гурова, Коваленко и Журовского. Это радостное известие сразу подняло всем настроение, и Виктор стал упрашивать И.М. Яковенко отправить его в разведку на хутор Маноцкий, где должен был первое время скрываться брат, но командир не отпустил.

Небольшому отряду все труднее становилось скрываться в Паньковском лесу, и фашисты вскоре обнаружили их район расположения. 15 сентября 1942 г. они неожиданно на машинах и мотоциклах приехали в хутор, переправились через Северский Донец и атаковали партизан. Народные мстители приняли неравный бой, в котором погибли несколько их товарищей и командир И.М. Яковенко, остальные были рассеяны по небольшому лесу. Каратели в бешеной злобе уничтожили лагерь партизан. Отряд прекратил существование. Все, кто остался в живых и смог вырваться из вражеского окружения, перешли на нелегальное положение.

На следующий день «16 сентября перестало биться горячее и бесстрашное сердце партизанского разведчика Юрия Алексенцева. Юноша пробрался в Паньковский лес, чтобы разыскать и похоронить тело любимого командира. Обнаруженный полицейскими, он долго отстреливался, но был тяжело ранен и погиб, как герой, в последнюю минуту подорвав гранатой себя и врагов, что пытались схватить его живым», – так о гибели друга

Виктора Третьякевича написано в книге «Мужество коммунистов». Несмотря на запрет полицейев, добровольные помощники партизан С.А. Павленко и М.С. Удовиченко похоронили славного разведчика Юрия Алексенцева и других партизан в лесу, а после освобождения рассказали о его подвиге. (Потом его прах перенесли в братскую могилу хутора Христова).

Оставшиеся в живых партизаны влились в другие отряды народных мстителей и продолжали борьбу с фашистами в тылу врага.

(Исключение составил только бывший командир партизанской группы М.К. Громов, который до освобождения скрывался и активных действий не проявлял, за что впоследствии на бюро обкома ВКП(б) его исключили из партии, арестовали и судили).

Надежда Фесенко и Галина Серикова во время последнего боя партизан выполняли задание командования по распространению листовок и сбору разведывательных данных в Ворошиловграде. До октября 1942 г. эти смелые девушки, два вожака комсомольского подполья, скрываясь от фашистских ищеек в хуторах и поселках, постоянно проводили агитационную работу, выпускали листовки, изобличавшие лживую пропаганду врага, призывали жителей города и области к саботажу всех мероприятий, проводимых фашистами и их прихвостнями-полицаями.

Девушек долго разыскивали враги, но арестовали в момент, когда они собрались двинуться навстречу фронту. Галина была арестована 3 октября, Надежда – 13 октября 1942 г. От предателей фашисты уже знали, что обе девушки являются руководителями комсомольского подполья, поэтому пытали их в гестапо с особым усердием, но отважные комсомолки никого не выдали, в том числе и Виктора Третьякевича. Ничего не добившись, фашисты расстреляли Серикову в конце октября, а Фесенко – 2 декабря 1942 г. Так погибли секретари комсомольских обкома и горкома Ворошиловграда...

В течение всего времени нахождения в партизанском отряде Виктор Третьякевич, выполняя задания командования и распространяя листовки, не раз приходил в Ворошиловград и иногда заскакивал к родителям, чтобы их успокоить, что с сыновьями ничего не случилось. Так было и в сентябре 1942 г. Анна Иосифовна в окно своей комнаты увидела, как по улице идет Витя и сильно хромает. Она забеспокоилась, не ранен ли, но оказалось, что сын так шел для маскировки. Умывшись и покушав, он, закуривая с отцом, поинтересовался, не приходил ли к нему кто-нибудь из девушек или «хлопцев». Иосиф Кузьмич ответил отрицательно и спросил, зачем он пришел в город, ведь ходить по нему опасно – всю молодежь забирают в Германию. Младший сын ответил,

что у него здесь есть дела, к тому же сейчас он болен и два дня никуда не пойдет. А вечером рассказал отцу о гибели отряда, как он с товарищем прикрывал отход партизан до тех пор, пока того не убили и Виктор остался один. Он приготовил для боя пистолет и гранаты, но фашисты и полиция прошли мимо. Ползком добрался до кустарников и скрывался в них, пока не стемнело. Ночью перебрался в другое место, спрятал оружие, а сам присоединился к проходившим мимо горожанам, которые меняли в селах вещи на хлеб, сказал им, что он бежавший военнопленный и идет домой в Ворошиловград.

Анна Иосифовна заметила, что после прихода Виктор все время что-то писал. Оказалось, что он переписывал и размножал листовки, призывающие молодежь срывать вербовку и отправку в Германию. После долгих часов работы ночью сын ушел в город, а на утро вернулся уже с ребятами, которых раньше родители не видели. После этого в их дом стали постоянно приходить незнакомые юноши и девушки. Родители заволновались, потому что до этого приходила полиция и допрашивала, где их сыновья, особенно интересовалась вещами, документами и фотокарточками старшего сына. В доме напротив фашисты расстреляли еврейскую семью и поселили там немецкого следователя, к которому каждый день приезжали в машинах немцы, полицаи, и они без всякого предупреждения могли зайти в их дом и застать подпольщиков. Родители совсем потеряли покой, когда поняли, что Виктор не собирается никуда уходить.

Кроме этого, заволновался и хозяин дома, в котором жили Третьякевичи, А.А. Кудрявцев (а ведь его считали хорошим и надежным другом семьи). При появлении Виктора он с каждым днем все настойчивее требовал, чтобы они съехали с квартиры, и предъявлял различные требования. Родители заволновались, что хозяин дома доложит о появлении младшего сына в полицию, а тогда беды не миновать. Посоветовавшись с Виктором, который их поддержал, они решили переехать в Краснодон в свою хату, где их знают и им будет легче прожить и установить связь со старшим сыном Михаилом.

Избежать ареста в первые же дни после разгрома отряда Виктору удалось благодаря тому, что в списке партизан, переданном вражеской агентуре предателем А.И. Бобровым, имя Виктора Третьякевича не значилось, так как он был зачислен в отряд в последний момент, перед самым выходом партизан на место базирования.

Вначале Виктор сам ходил в Краснодон, где пробыл три дня и жил в доме у Владимира Лукьянченко, а когда вернулся, родители продали кое-какие вещи, в том числе патефон, и купили ручную тележку

(тачку). На ней сын с отцом с большим трудом перевезли домашнее имущество, потеряв при этом половину вещей, и возить пришлось три раза по 55 км в одну и другую стороны.

Когда Виктор в первый раз остановился и ночевал в доме у Лукьянченко, то днем они вместе ходили по городу, и Третьякевич, заметив на калитках и заборах листовки, написанные от руки с призывами бойкотировать приказы немецкой администрации, быстро догадался, что в Краснодаре действуют подпольщики. Он осторожно стал расспрашивать пятнадцатилетнего паренька, что ему известно о них. К этому времени Володя уже два месяца был активным членом подпольной группы Сергея Тюленина, но об этом ничего не сказал Третьякевичу. Конспирация и дисциплина в их группе была очень строгая, никаких оплошностей командир не прощал.

В конце сентября 1942 г. поздно вечером семья Третьякевичей пешком наконец-то добралась из Ворошиловграда в Краснодар и поселилась в своем старом домике, а уже утром Виктор на целый день ушел в город. Вначале он встретился с Иваном Земнуховым, которого хорошо знал по комсомольской работе еще до оккупации и переезда в Ворошиловград. Договорившись о встрече на завтра и узнав от него, что в город вернулся Василий Левашов, Виктор заторопился к своему давнишнему другу по «шанхаю».

После войны Василий Иванович Левашов вспоминал: «Кто-то постучал в дверь. Я вышел и чуть не вскрикнул от радостного удивления. Передо мной стоял и улыбался Виктор Третьякевич. Из глубины на меня смотрели внимательные глаза. Не сразу заметил, что они синие-синие. Это был тот самый Виктор, которого мы с Сергеем (двоюродный брат – авт.) случайно встретили в Ворошиловграде сразу же после выпуска из разведшколы. В то время мы не могли сказать Виктору, к какому заданию готовимся. Лишь только намекнули. Он в ответ тоже дал понять, что его ближайшее будущее похоже на наше. Теперь, когда мы встретились в оккупированном Краснодаре, можно было рассказать друг другу обо всем откровенно. Этим мы и занялись в течение двух часов. После того как мы рассказали друг другу о минувших делах, сам собой напрашивался вопрос: а что же дальше? Я решил посвятить Виктора в содержание наших бесед с товарищами. Но как только упомянул имя Земнухова, Третьякевич перебил меня и сказал: «Я только что от него. Иван мне рассказывал о ваших встречах. Договорились завтра всем вместе собраться у Жоры Арутюнянца. Приходи к двенадцати...».

Возвращаясь домой, Третьякевич на улице встретился еще и с Анатолием Ковалевым и Миханлом Григорьевым, а вечером, сидя в полутемной комнате, о чем-то думал. В это время кто-то постучал, и Анна Иосифовна

открыла дверь. У порога стоял соседский паренек Сергей Тюленин, которого она сразу не узнала, потому что за год он вырос и повзрослел. Весь «шанхай» до войны знал его как озорного мальчишку, драчуна. Если где-то происходило «крупное сражение» между двумя большими группами ребят, то можно было не сомневаться, что главным организатором был Тюленин. И если в ходе этой «битвы» кому-то из участников здорово перепадало, то гнев родителей пострадавших ребят всегда обрушивался на его голову. Теперь же он стоял в проеме дверей и предложил Виктору немного пройтись. Они медленно шли по базарной площади. Третьякевич хорошо знал Тюленина, потому что они учились в одной школе. Сергей был признанным вожакom своих сверстников - мальчишек. Он привлекал ребят своей энергией, удастью, задором, и Виктор никак не связывал предстоящий разговор с мыслями о подполье, но с первых же слов Сергея понял, что плохо знал своего соседа. За год войны многое изменилось, изменился и Тюленин, который уже знал от Лукьянченко, что Третьякевич интересовался подпольщиками Краснодона, поэтому прямо без подготовки спросил у Виктора, имеет ли тот связь с партизанами и, не дав ему опомниться, сразу же предложил вступить в его «проверенную» группу «хороших» ребят, «которые тут кое-что делают».

Виктор был несколько озадачен, он даже в хорошем сне не мог себе это представить, поэтому сразу согласился и стал подробно расспрашивать Сергея о его группе, о подпольной работе в оккупированном Краснодоне. Расходились уже друзьями (хоть еще до войны именно Третьякевич, когда был секретарем комсомольской организации школы, не рекомендовал принимать Тюленина в комсомол) и договорились о встрече на завтра.

28 сентября 1942 г. в доме Жоры Арутюнянца собрались Третьякевич, Василий Левашов и Иван Земнухов. Все знали друг друга и не только по школе. Виктор, для придания важности момента, сообщил, что подпольный обком комсомола, «членом которого он является», помнит о них, наслышан о их работе и прислал его для более лучшей организации подпольной работы в Краснодоне и окрестностях. И когда воодушевленные ребята наперебой стали его расспрашивать о делах подпольщиков и партизан Ворошиловграда, Третьякевич, с некоторой гордостью, рассказал им, как воевал в партизанах, был связным и доверенным лицом «самого» секретаря подпольного обкома партии и командира партизанского отряда, о подпольной работе комсомольцев Ворошиловграда, но о разгроме партизан и гибели И.М. Яковенко он промолчал, надеясь потом, как-нибудь, рассказать об этом. Затем Земнухов предложил объединить все усилия разрозненных подпольных групп и создать единую мощную организацию. Воодушевленные встречей, они разошлись, договорившись встретиться завтра.

На следующий день ребята собрались в доме у Земнухова, куда пригласили и Сергея Тюленина, который предложил собирать оружие и как можно быстрее приступить к диверсионным действиям, уничтожая ненавистного врага. На этом совещании было решено объединить две боевых группы Земнухова и Тюленина в единую организацию для совместных действий против фашистов.

В эту же ночь в городе произошла страшная трагедия. На территории городского парка фашисты расстреляли 32 коммуниста-шахтера, которые отказались работать по восстановлению разрушенных шахт. И уже утром весь город знал об этом.

Эта жестокая казнь стала мощным толчком для юношей к переходу от совещаний к действиям. 30 сентября 1942 г. в доме у Третьякевичей собрались Земнухов, Тюленин, Левашов, Арутюнянц, подошел и Володя Осмухин. Теперь уже на правах лидера Виктор сразу взял инициативу в свои руки и предложил создать из разрозненных групп подпольный молодежный отряд во главе со штабом, по примеру партизанского, а когда встал вопрос о руководстве, опять высказал свое мнение: избрать командиром наиболее опытного, прошедшего школу подготовки НКВД по работе в тылу врага Василия Левашова (чем немало смутил своего давнишнего друга), начальником штаба организации – Ивана Земнухова, командиром боевой группы – Сергея Тюленина, ответственным за агитационную работу, информацию и выпуск листовок – Георгия Арутюнянца. Возражений не поступило, так как большинство присутствующих от такого натиска и предложений сразу не сориентировались, особенно Земнухов, потому что идея объединения всех подпольщиков Краснодона принадлежала именно ему. Все единодушно согласились и комиссаром избрали Третьякевича. При выборе названия организации поступило несколько вариантов, но всем без исключения понравилось предложение Сергея Тюленина – «Молодая гвардия». На том и порешили. Так была создана героическая подпольная комсомольская организация.

На этом тайное собрание закончилось, все стали поодиночке расходиться, чтобы довести его решения до членов подпольных групп, а последующие совещания, которые проводились довольно часто, стали называться заседанием штаба. Последними из хаты вышли Левашов и Третьякевич. У порога на лавочке сидела Анна Иосифовна, которой Виктор не без гордости сказал: «Смотри, мама, идут командир и комиссар». (Сам В.И. Левашов в своих мемуарах и воспоминаниях по своей природной скромности этот факт не подтверждает, но и не опровергает).

(Версия о том, что во время боя под хутором Паньковка Виктора

Третьякевича не было в отряде, что командир И.М. Яковенко еще за два дня до своей гибели отправил его в Ворошиловград с заданием по подпольной работе, и вернувшись, Виктор партизан не нашел, так как они все погибли, а Надежда Фесенко (секретарь подпольного обкома комсомола) направила его в Краснодар, город, где он вырос как активист, член райкома и хорошо знал молодежь, появилась уже после войны и принадлежала его старшему брату Михаилу Третьякевичу. Ведь и командир партизанского отряда И.М. Яковенко, и комиссар М.И. Третьякевич сами не раз говорили комсомольцам, что в случае гибели отряда они обязаны взять на себя ответственность за подпольную работу в городе и области. К тому же Виктор знал, что в Краснодаре должен находиться секретарь подпольного обкома комсомола ЦК ЛКСМУ Гайдученко (предатель – авт.), выйти на связь с которым было его прямой обязанностью как связного. Эта версия и стала основной у многих послевоенных исследователей истории антифашистского сопротивления на Луганщине, но она не является истиной, о которой сразу же после освобождения Краснодона поведал его отец Иосиф Кузьмич).

Оккупационные власти вели строгий контроль местного населения: все жители подлежали регистрации в полиции, более того, им запрещалось без разрешения покидать места постоянного проживания. Нарушение этого и любых других постановлений фашистов могло повлечь за собой строгое наказание вплоть до смертной казни через повешение.

Только 7 октября 1942 г. Третьякевич вынужден был зарегистрироваться в полиции и сделать отметку в карточке прибытия в Краснодар, но там служили люди, которые его знали, и Виктор своей рукой дописал в карточке, что является комсомольцем. (Этот документ впоследствии стал еще одним «доказательством» для В.Д. Борца и других того, что он не являлся одним из создателей «Молодой гвардии»).

Уже через несколько дней после регистрации в хату Третьякевичей пришел квартальный полицай Бесхлебный и принес повестку Виктору для явки на сборный пункт по отправке в Германию. Ничего не говоря родителям, сын собрался и ушел из дома. Вернулся он через несколько томительных часов довольный и рассказал, что на бирже в составе немецкой медицинской комиссии по отбору кандидатов из числа молодежи для отправки в Германию оказалась врач – его знакомая по работе в Суходольском пионерлагере. По его просьбе она дала заключение, что по состоянию здоровья («старый перелом позвоночника с резкой болезненностью») он не годен и не может быть отправлен на работы в Германию.

Вскоре Анатолий Ковалев сообщил Виктору, что в городе появился

бежавший из фашистского плена лейтенант РККА Иван Туркенич. По возрасту и опыту он был старше и опытнее всех. Третьякевич после встречи предложил ему вступить в «Молодую гвардию», и тот согласился. Молодые подпольщики очень обрадовались. Ознакомившись со структурой организации, Туркенич посоветовал ввести в штаб командиров самых больших групп, начать обучение военному делу, обратить внимание на дисциплину и порядок в действиях подпольщиков. По предложению Василия Левашова, которое поддержал Иван Земнухов, Туркенича избрали командиром «Молодой гвардии» и доверили ему руководство боевыми операциями в организации. Как командир, он стал пользоваться абсолютным авторитетом у молодых подпольщиков. А Василий Левашов остался членом штаба и командиром центральной группы подпольщиков.

В состав организации стали вливаться одна за другой все новые и новые группы добровольцев, но все они не имели опыта подпольной работы, конспирации, проведения диверсий, умения правильно пользоваться оружием. Всему надо было учиться.

В штаб были введены новые члены: Олега Кошевого утвердили ответственным за безопасность (начальником разведки), Ульяну Громову – командиром Первомайской подпольной группы, Любовь Шевцову – связной с коммунистическим подпольем и партизанами.

Одновременно с подготовкой к проведению диверсий, которая стала проводиться под руководством красноармейцев, бежавших из плена, молодые подпольщики собирали оружие и продолжали выпускать антифашистские листовки. При активном участии Виктора члены штаба составили текст клятвы молодогвардейцев и сами первыми приняли ее перед своими товарищами в доме Третьякевичей.

В это время родителей не было дома, они ушли к знакомым в поселок Изварино менять вещи на хлеб и пробыли там три дня. Дома Виктор оставался один, а когда они вернулись, то застали полнейший беспорядок в неубранной хате и Земнухова с сыном, о чем-то беседующих. После ухода Ивана и материнских причитаний о грязи в доме Виктор вначале долго оправдывался и все отрицал, а потом торжественно объявил родителям, что они принимали священную клятву, были «здесь хозяева», а «потом немного повеселились». Повздыхав и поохав, Анна Иосифовна принялась за уборку.

Теперь каждый вступающий в «Молодую гвардию» произносил клятву перед лицом своих товарищей.

Вскоре в организации заработала своя типография, которую устроили в доме Жоры Арутюнянца, и появились радиоприемники,

отремонтированные молодогвардейцами. Их слушали теперь каждый день и переписывали сводки Совинформбюро. Самое активное участие и в этом принимал Виктор Третьякевич, который по всему городу и окрестным поселкам искал радиолампы и другие запчасти к приемникам. Он не побоялся вернуться в Луганск (Ворошиловград), хотя прекрасно знал, что враги его разыскивают, и забрать у одной из подпольщиц неисправную партизанскую радиостанцию, которую раньше оставил у нее на хранение. Возвращаясь днем, он встретил в городе своего школьного учителя Ермакова и тот с удивлением увидел в руках Виктора рацию. Он нес ее открыто, несмотря на то, что везде «шныряли» провокаторы и полицейские, чем немало удивил педагога.

Заседания штаба проводились практически ежедневно каждый раз на разных квартирах, в том числе и в хате Третьякевичей. В это время Иосиф Кузьмич и Анна Иосифовна караулили у дома, чтобы ребята не нарвались на полицейев. Как правило, приходили Земнухов, Левашов и Кошевой, раскладывали игральные карты, а сами обсуждали свои наблюдавшие текущие вопросы.

подавляющее большинство молодогвардейцев были комсомольцами, а вновь принятым выдавали временные комсомольские удостоверения, которые вместе с листовками печатались в подпольной типографии. Радий Юркин вспоминал, что в комсомол его принимали в доме Третьякевичей в конце ноября 1942 г., там же он принял и клятву.

Комсомольские взносы принимал Виктор Третьякевич.

В конце октября 1942 г. в подпольной комсомольской организации Краснодона уже состояло более семидесяти человек. «Молодая гвардия» стала более активно проводить диверсии против оккупантов: подожгла скирды немолоченого хлеба, подготовленного к отправке на продовольственные склады гитлеровской армии; вывела из строя три находившиеся в немецком гараже автомашины; напала на охрану, сопровождавшую стадо домашнего скота, отобранного у краснодонцев, и разогнала его по степи; бесшумно сняв часовых, проникла в больницу поселка Первомайка и помогла бежать легко раненым советским военнопленным; расстреляла охрану лагеря близ хутора Волченский и освободила более семидесяти советских военнопленных; уничтожила фашистскую автоколонну на дороге между Краснодоном и Свердловском, а также штабную машину гитлеровцев на пути из Краснодона в Изварино; подпилила многожильный стальной канат в восстановленной фашистами шахте, и тяжелая клеть с грузом при падении почти полностью разрушила опалубку, энергетические коммуникации и вентиляционные устройства; постоянно нарушала работу

отопительной системы в жандармерии и дирекционе; отключала электростанцию и мн. др. «Молодая гвардия» действовала, а полицаям и жандармам виновников этих происшествий никак не удавалось найти.

Виктор Третьякевич также принимал участие в диверсиях. Так, с ребятами из Первомайской группы они заминировали деревянный мост на шоссе на дороге, подорвав немецкую грузовую автомашину с боеприпасами; с Сергеем Тюлениным и Анатолием Лопуховым практически в центре города связали немецкого водителя, вставили кляп и забрали из кузова оружие и имущество (перепутанный фашист так ничего вразумительного и не рассказал примчавшимся жандармам); вместе с Иваном Туркеничем и другими молодогвардейцами устроил засаду у железнодорожного моста, а после взрыва, забрав у убитых фашистов оружие и боеприпасы, они быстро скрылись. Однажды Сергей Тюленин принес много покрытых ржавчиной винтовочных патронов, которые вместе почистили, смазали, сложили в ящик и спрятали. Небольшое количество патронов Виктор оставил у себя.

Но основной для Третьякевича была агитационная и разведывательная работа. Чуть ли не каждый день в городе, селах и поселках района появлялись листовки, в которых жителей призывали к борьбе против фашистских захватчиков, пересказывали содержание очередных сводок Советского информбюро, из них люди узнавали о победах Красной Армии в боях под Сталинградом и на других фронтах, вселяя уверенность в неизбежной победе и освобождении от фашистского рабства. (За весь период своей деятельности «Молодая гвардия» выпустила и распространила более 5 тыс. антифашистских листовок с призывами к населению подниматься на беспощадную борьбу с немецкими оккупантами).

Высокий лоб, умные, глубокопосаженные голубые глаза свидетельствовали о незаурядных способностях комиссара «Молодой гвардии». Порой в его взгляде сквозила тревога и тогда он казался старше, чем был на самом деле. Виктора ребята любили. Уж на что Сергей Тюленин отчаянный парень, и то очень дорожил дружбой с Третьякевичем.

В ночь на 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции в Краснодаре и окрестных шахтах молодогвардейцы водрузили на самых высоких зданиях восемь красных флагов, а на заборах, стенах домов расклеили листовки с докладом И. В. Сталина, сделанного 6 ноября 1942 г. в Москве на торжественном заседании Моссовета. Радости советских людей не было предела, по лицам многих женщин текли слезы — о них помнят, их не забыли...

После убийства ночью в городском парке боевой группой «Молодой

гвардии» полицейского некоторые из них оставили службу и в районной полиции явно не хватало людей, чтобы охватить все районы города. Немецкой администрацией был объявлен очередной набор полицейских, сулились разные льготы.

Комиссар «Молодой гвардии» Виктор Третьякевич с большим трудом убедил друзей-спортсменов Анатолия Ковалева, Михаила Григорьева (которые ранее уже служили в полиции, за что Третьякевич их сильно ругал, говорил, что это позор и пятно на весь комсомол, и потребовал, чтобы они уволились), Василия Пирожка и Ивана Леонова в необходимости поступить работать в полицию, хотя они очень не хотели. С этого момента молодогвардейцы знали все о планах фашистов, маршруты патрулирования, время и место облав и полицейских засад. Теперь молодые патриоты по ночам смело надевали белые повязки полицейских, брали с собой листовки, разбрасывали их на улицах, приклеивали на дверях квартир и досках объявлений. Но вскоре Ковалева и Пирожка выгнали из полиции за «недисциплинированность», а чуть позже уволили Леонова и Григорьева. Ребята не смогли там работать, а притворяться не умели.

Василий Пирожок

В начале декабря 1942 г. фашисты передали через полицейских большому количеству юношей и девушек повестки явиться на биржу. Многие молодогвардейцы запаниковали, не зная, что делать, ведь их отправка на принудительные работы в Германию была возможна в ближайшие дни. На срочном заседании штаба «Молодой гвардии» комиссар Третьякевич и начальник штаба Земнухов предложили деятельность подпольщиков прекратить, организацию распустить и всем срочно уйти из Краснодона. Впервые они были единодушны, может, потому, что не желали рисковать жизнями ребят, так как сами по состоянию здоровья были освобождены немецкой медицинской комиссией от насильственной депортации на каторжные работы. Но командир Туркенич и Кошевой были против. Их поддержали Тюленин и Шевцова. Разгорелись нешуточные споры, и окончательное решение не было принято.

Инициативу в свои девичьи руки взяла Любовь Шевцова. Она вместе с Тюлениным и Лукьянченко провела разведку в здании биржи и в ту же ночь спалила ее. Потушить биржу не удалось, и все документы были уничтожены. Более двух тысяч юношей и девушек спаслись от рабства немецких господ. Фашисты в очередной раз не нашли виновных. Этот поджог стал

единственным громким диверсионным актом молодогвардейцев в самом Краснодоне. Сборы на квартирах становились все более опасными.

В это же время с разрешения бургомистра открылся городской клуб, в котором была организована концертная бригада и кружки самодеятельности. Артистам фашисты выдавали документ, запрещающий использовать «верные Германии» таланты на грязной работе в качестве батраков. Евгений Мошков стал директором, Иван Земнухов – главным администратором, а Виктора Третьякевича назначили художественным руководителем струнного оркестра. Своими силами они дали показательный концерт, который имел большой успех. С этого времени клуб стал центром всей работы молодых подпольщиков, да еще ребята за свою работу получали небольшое вознаграждение от немецкой администрации в виде 600 гр. хлеба из овсяных высевок.

Анна Сопова

Третьякевич был страстным музыкантом и еще в школе руководил кружком самодеятельности – он собрал струнный оркестр в основном из членов «Молодой гвардии», среди которых нашлось немало любителей музыки. Для занятий Виктор взял из дома свою любимую гитару и мандолину. Сюда же приходила и Аня Сопова, красивая, спокойная, две толстых русских косы спускались до пояса, большие светлые глаза, нежная кожа, розовые губы – все, казалось, излучало свет, особенно для Виктора. Ребята очень хорошо дополняли друг друга: он – кипучая энергия, она – спокойствие. Это была прекрасная пара.

В клубе стали обсуждаться все очередные вопросы работы организации, причем почти открыто, нарушая все правила конспирации. На этих «заседаниях штаба», которые больше походили на открытые комсомольские собрания в школе, присутствовали не только рядовые члены организации, но и те, кого только собирались вовлечь в организацию. На «репетициях» новичкам разъясняли цели и задачи организации, проводили собрания по приему в «Молодую гвардию».

Анна Иосифовна всегда строго следила через окошко дома, что происходит на улице, чтобы предупредить своих родных о приближающейся опасности. В этот раз она увидела, что Виктор о чем-то разговаривал с Надеждой Тюлениной (старшей сестрой Сергея) и заинтересовалась у сына. Оказалось, что он дал ей поручение собирать медикаменты по знакомым, чтобы можно было оказать первую доврачебную медицинскую

помощь раненым красноармейцам при освобождении Краснодона. К этой работе он привлек всех девушек организации, а сестрам Иванцовым, Гро-мовой, Шевцовой, Борц и Пегливановой Виктор отдал указания лично. Мать не осталась в стороне. Она все пересмотрела и нашла у себя йод, марганцовку, зеленку, марлю и все это передала Надежде.

В середине декабря 1942 г. связная областного коммунистического подполья Любовь Шевцова, вернувшись из Луганска (Ворошиловграда), сообщила членам штаба «Молодой гвардии», что Виктор Третьякевич (кличка «Славин») соврал. Он не был направлен командиром партизан в Краснодон, его отряд был разгромлен фашистами еще в сентябре 1942 г.

Третьякевич в своей активной деятельности так и не нашел случая рассказать всю правду членам штаба о гибели партизанского отряда и его командира – секретаря подпольного обкома партии И.М. Яковенко. Он стал оправдываться, но всех возмутило то, что он не сказал правду. С должности его сняли, оставив членом штаба, а комиссаром организации по предложению Шевцовой выбрали Олега Кошевого.

В конце декабря 1942 г. события на советско-германском фронте развивались стремительно и юные молодогвардейцы решили поднять в Краснодоне восстание, чтобы разбить немецкий гарнизон. Оружие и боеприпасы перенесли и спрятали в подвале старой городской бани, одновременно пополняя свои ряды проверенными ребятами.

Организация уже насчитывала около ста десяти участников – юношей и девушек (самому младшему участнику было 14 лет). И на тайном складе подпольщиков имелось 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 65 кг взрывчатки, несколько сотен метров бикфордова шнура...

28 декабря 1942 г. в доме Третьякевичей на очередном заседании штаба молодогвардейцев, когда решался вопрос о завершении создания партизанского отряда из состава наиболее подготовленных членов организации, разразился скандал. Дело в том, что подпольщики Ростовской области, по инициативе которых и создавался этот отряд, не советовали Туркеничу и Кошевому ставить в известность Виктора Третьякевича, потому что не знали всех подробностей гибели партизанского отряда И.М. Яковенко и перестраховывались. Но Земнухов случайно проговорился. Возмущению Третьякевича не было предела, он обвинил прежде всего Кошевого в предательстве организации, так как ни Олег, ни Туркенич никогда лично не видели руководителей ростовских партизан, а списки отряда им уже передали. Его поддержал Евгений Мошков. Растерявшийся Кошевой, сильно заикаясь, стал оправдываться, но его никто

не поддержал, даже присутствовавший на заседании Туркенич, который скромно промолчал. Тем не менее, несмотря на все голословные обвинения Олега в предательстве и отрицая само существование партизанского отряда в Ростовской области, Третьякевич, возглавив заседание штаба и не спрашивая мнения остальных, объявил: «Командиром назначаю Земнухова, миссию комиссара беру на себя...». Все это происходило на таких эмоциях, что присутствующие на заседании сестры Иванцовы и Анатолий Лопухов были просто шокированы.

Окончание этого разговора услышал и Иосиф Кузьмич, который успел замерзнуть во дворе, охраняя ребят, и вошел в хату. Но в этот момент ворвавшиеся, как вихрь, Сергей Тюленин и Валерия Борц с пылом рассказали, что немецкие машины с новогодними подарками стоят без охраны около городской управы, и предложили их «огрabitь». С ними согласились почти все и, не доведя разговор до конца, не думая о последствиях, они быстро собрались и ушли. Ночью молодогвардейцы смело стащили мешки из машин, спрятали в ближайшем доме у Лопухова, а по одному принесли домой.

Через час после их ухода Анна Иосифовна услышала, как что-то грохнуло за дверь. Приоткрыв ее, она увидела, что Виктор принес домой большой чем-то набитый тюк. Сын внес его в хату, разрезал ножницами, а там оказались немецкие газеты, журналы, а на дне - коробки с подарками, в которых были теплые вещи, шоколад, пачки сигарет (которым очень обрадовался Иосиф Кузьмич), фляги со спиртным для немецких солдат и офицеров на фронт, а также письма и конверты. Одно письмо Виктор прочитал по-немецки, перевел родителям и сказал, что еще 8 мешков отнесли к Лопухову.

Всю ночь на 29 декабря 1942 г. Анна Иосифовна жгла в печке фашистские письма, газеты и журналы. Только на следующий день все остальные мешки ребята перевезли в клуб и спрятали на втором этаже в комнате бывшей библиотеки.

А в это время в Ворошиловграде на квартире Кудрявцевых, где ранее проживали Третьякевичи, гестаповцы произвели обыск. Искали братьев-партизан Михаила и Виктора.

Советские войска подходили к Донбассу. Молодоговардейцы готовились к решительному открытому бою с врагом. Начать восстание планировали в ночь на 31 декабря 1942 г., взорвав здание дирекциона, в котором фашисты собрались встречать Новый год. Для этой цели они создали боевую ударную группу из наиболее подготовленных ребят, которую возглавили Третьякевич и Мошков. Вечером в разгар гуляний

немцев и их прихвостней молодогвардейцы должны были тихо предупредить своих людей, находящихся там, бесшумно снять часовых, а затем, ворвавшись в зал забросать фашистов гранатами и обстрелять из автоматов. Одновременно группа Мошкова должна была подготовить взрыв дирекциона. Ждали только команды, но большевики посчитали, что выступление молодогвардейцев преждевременно, и запретили его проводить. Все ребята были расстроены, а группа Сергея Тюленина вышла за город и взорвала несколько немецких машин.

Восстание пришлось отложить. В целях конспирации и прикрытия своих действий после акта возмездия члены штаба должны были сразу же собраться на вечеринку. Туда же пригласили и сына бургомистра Стаценко. Чтобы не вызвать подозрений, вечеринку отменять не стали.

Поздно вечером 31 декабря 1942 г., разобрав коробки с немецкими подарками (скорее всего не забыли и «трофейный шнапс» – авт.) и прихватив с собой несколько поленьев дров или немного угля, на квартире у Толстеновой собрались парни и девушки, в том числе братья Левашовы, Загоруйко, Арутюнянц, Земнухов, Кошевой и Третьякевич (который за два дня до этого обвинял Олега в предательстве организации и собирался даже его расстрелять – авт.). В полночь Виктор произнес тост: «За Родину! За Победу!». Вскоре Иван Земнухов ушел, сославшись на болезнь отца, а все остальные веселились, пели, сочиняли стихи, пародии, играли в «почту», танцевали под патефон до утра, не подозревая, каким черным оно будет для некоторых из них.

Вернулся Виктор домой на рассвете 1 января 1943 г. и сразу же лег спать. Отец с соседями ушел за дровами в дальнюю балку, сына будить не стал.

В это время полиция арестовали мальчишку, который продавал на рынке украденные с машины немецкие сигареты «Люкс», и после побоев и угроз тот рассказал, что их на реализацию ему дал Мошков, а рядом стоял Третьякевич. Начальник полиции Соликовский вместе с нарядом выехал в клуб и, обнаружив пропавшие мешки с немецкими подарками, избил и арестовал Мошкова. В это время за кулисами находился Тюленин, который в первую очередь предупредил Третьякевича, а затем Туркенича, Кошевого и многих других молодогвардейцев. Виктор выслушал предупреждения друга, но не придавал им особого значения и завалился досыпать.

Анна Иосифовна видела, как прибежал Сергей и о чем-то говорил сыну, но не расслышала и спокойно ушла на базар, предусмотрительно закрыв двери снаружи на замок. А когда вернулась, то увидела, что возле их хаты стояла подвода, в которой лежал избитый и связанный Евгений Мошков. Возле закрытых дверей их дома стояли немец и полицейский, собираясь

сбить замок. Волнуясь и ничего не подозревая, она открыла дверь, и все вошли внутрь. Виктор уже не спал, одетый, он спокойно стоял посреди комнаты, засунув руки в карманы. Мать бросилась к нему, а когда пришел заместитель начальника полиции Захаров, начался обыск. Сын выразительно показал глазами матери на пиджак, который висел на вешалке. В кармане пиджака лежал комсомольский билет. Анна Иосифовна незаметно спрятала его на груди. Немец нашел во дворе узелок с патронами и поинтересовался, где автомат, но Третьякевич ответил, что у него оружия нет. Ничего больше не найдя, Захаров приказал Виктору собираться. Тот, не спеша надел кожаную тужурку, демисезонное пальто, закурил, и его увели. В этот же день был арестован и Иван Земнухов, который сам пришел в полицию, пытаясь выручить своих товарищей.

В полиции молодогвардейцы все сводили к обыкновенному воровству, вызванному страшной бедностью. Даже после побоев они говорили настолько убедительно, что им поверил сам начальник полиции. Но об этом не знали остальные члены организации.

Вечером 1 января 1943 г. состоялось последнее заседание штаба «Молодой гвардии». Вел его Олег Кошевой. Многие посчитали, что это провал, и большинством голосов приняли решение: всем подпольщикам разобрать оружие и немедленно уйти из города навстречу Красной Армии или укрыться в соседних хуторах.

Жандармы и полиция долгое время пытались раскрыть организацию и на ее след напали совершенно случайно, даже не подозревая об этом.

Когда через три дня после ареста избитых арестованных уже собирались выпускать, член подпольной группы из поселка Первомайка Геннадий Почепцов, испугавшись, написал донос, в котором раскрыл неуловимую подпольную организацию и ее руководителей.

В ночь на 4 января 1943 г. полицией и жандармами были проведены массовые аресты членов «Молодой гвардии», которые не успели или не захотели выполнить указания штаба. На следующий день начались их допросы. Молодогвардейцев жестоко избивали плетью, резиновым шлангом, проволокой, пытаясь выбить из них показания и предать своих товарищей, но молодые люди, практически дети, упорно, вызываясь молчали, и это упорство больше всего бесило палачей.

А для Анны Иосифовны и Иосифа Кузьмича потянулись долгие, тоскливые часы ожидания. До родителей дошел слух, что над ребятами в тюрьме гестаповцы издеваются и пытаются, а их любимого сына вместе с Земнуховым и Мошковым повесят на видном месте. Но страх за судьбу Виктора сменялся надеждой. Однажды им даже нашептали соседи, что готовится побег.

Вместо сбежавших молодогвардейцев арестовывали их родителей, братьев и сестер. Камеры были переполнены, но допросы, пытки и избиения продолжались круглосуточно. Одни палачи сменяли других.

Краснодон город небольшой, и скоро не было человека, который не знал бы о страшном событии. С утра к серому барaku, в котором размещалась полиция, шли родственники арестованных в надежде узнать что-нибудь о судьбе своих близких. Толпились на небольшой площадке перед баракom, напряженно вслушиваясь и стараясь уловить каждый шорох, каждый звук за слепыми окнами, откуда иногда доносились страшные вопли и приглушенные стоны. Только на третьи сутки для арестованных разрешили передавать пищу.

Анна Иосифовна тоже понесла передачу, которую полиция приняла, а когда вернули кастрюльку из-под борща, то на ее дне она обнаружила приклеенную хлебом записку, написанную карандашом на клочке газеты, в которой сын писал: «Обо мне не беспокойтесь, скоро свидимся». В следующий раз Виктор попросил: «Если можно, передайте цинковой мази и белой материи». От попыток его одежда была вся в крови, не заживали раны, и нечем было их перевязать.

Приехавший в начале января 1943 г. в Краснодон из областного центра работник гестапо уже знал, что в городе скрывается «важный политический преступник» Виктор Третьякевич, который был партизаном и членом подпольной комсомольской организации Луганска, а его старший брат возглавлял подпольный горком партии и одновременно являлся комиссаром партизанского отряда. В это время гестапо и СД охотились за Михаилом, разослали его фотографии во все военные комендатуры, городские и районные отделения гестапо, назначили награду в 20 тыс. марок тому, кто поймает или уничтожит руководителя подполья. Посетив полицию, он указал на это вытянувшегося перед ним Соликовскому и был немало удивлен расторопности краснодонских полицейских, когда узнал, что «преступник» уже пойман и находится в камере. Гестаповцу захотелось немедленно допросить Виктора и постараться узнать место нахождения подпольного городского комитета КП(б)У, выявить оставшихся в живых членов подполья Ворошиловграда, их явки, пароли, шифры, связных, конспиративные квартиры, средства и методы связи с советским тылом и выйти на след Михаила Третьякевича.

Во время допроса с особой жестокостью Виктор часто терял сознание, каждая частица тела была избита и болела, а тело стало словно чужое, но он ничего не сказал и никого не выдал, чем спас жизнь не только любимому старшему брату, но и его товарищам по борьбе во

вражеском тылу. Фашисты не смогли сломить его дух и поставить на колени, поэтому, уезжая, важный гестаовец посоветовал Соликовскому «разделаться с ним как можно скорее».

Начальник полиции и его помощники старались. Допросы с истязаниями не прекращались, в них участвовали и гестаповцы. Третьякевича били нагайкой, выворачивали руки, подвешивали за ноги. Однажды Соликовский, намотав на руку один конец двужильного электрического провода, пропущенного сквозь оконную ручку, а другой закрутив вокруг шеи Виктора, потянул его со всей силы на себя. Тело юного героя уже почти висело в воздухе, по лицу его текли слезы, и только приход подчиненного с докладом заставил палача выпустить провод из рук.

Виктор Третьякевич мужественно выдерживал все адские, нечеловеческие пытки фашистских палачей и каждую минуту, проведенную в застенках, думал и пытался узнать, кто же их предал.

Соликовский и его заместитель во время пыток каждому из молодогвардейцев говорили, что остальные уже дали признательные показания и сотрудничают с ними, выдавая все новых и новых членов «Молодой гвардии». В это никто из арестованных не верил. Но однажды на очередном допросе начальник полиции Соликовский стал потрясать списком фамилий молодогвардейцев, переданным подонком-предателем, перед носом у Виктора. Первой стояла фамилия Третьякевича как руководителя и комиссара. Почерк был знакомый. Фамилий двадцать, не больше, но все самые главные.

«Кто же выдал», - мучительно думал Виктор. И когда Соликовский положил список на край стола, он упал грудью на стол, как будто потерял сознание. Несколько секунд Третьякевич лежал на столе, но успел прочесть и запомнить фамилии преданных молодогвардейцев.

Некоторые из арестованных склонялись к версии полицаев, что организацию, не выдержав пыток, выдал кто-то из ее руководства, которое арестовали первым, но до тех пор, пока Мошкову и Попову не устроили очную ставку с Почепцовым.

Подонки подтвердили свои предыдущие показания, что выдал палачам всю первомайскую группу и членов штаба «Молодой гвардии», которых лично знал, и, заикаясь от страха, стал называть всех известных ему молодых людей, с кем доводилось встречаться даже просто случайно, называя одну за другой фамилии своих сверстников.

Георгий Стаценко – сын заместителя бургомистра хорошо знал Виктора Третьякевича, Ивана Земнухова и других молодогвардейцев, хоть и не дружил с ними. Он иногда видел сходки своих школьных знакомых на улицах, в городском парке и в клубе. Весть об аресте

молодогвардейцев Георгий воспринял как должное и очень удивился, когда в городе повстречался с некоторыми из них. Он тут же рассказал отцу и совместно они составили дополнительный список молодых патриотов, который старший Стаценко отнес в жандармерию. Накануне там побывала еще одна из соучениц арестованных молодогвардейцев. Она также утверждала, что в подпольной организации состоит более ста человек и полиция арестовала далеко не всех. Начальник жандармерии гауптвахмистр Зонс распорядился арестовать всех юношей и девушек и подвергнуть их допросам. Полиция дважды повторять распоряжение не надо было. Тут же полицейские участков (квартальные надзиратели) стали обходить все дома, производить обыски и забирать подряд молодых людей, в большинстве своем не имевших никаких связей с подпольщиками, и отправлять их на допросы.

В результате список предателей пополнился. Ольга Лядская призналась, что выдала 17 молодых патриотов, а Сима Полянская сдала на растерзание фашистам и их прихвостням своего родного брата-молодогвардейца и предала всю группу поселка Краснодон во главе с Николаем Сумским (13 человек). Выдавали молодогвардейцев и Ксения Толстенева, Зинаида Вырикова, Михаил Бобровный, Иван Асташенко, М. Линчевская и другие иуды-предатели, которые впоследствии были привлечены к уголовной ответственности.

Очную ставку в полиции устроили также для Третьякевича и Земнухова с Ольгой Лядской, которая подтвердила свои показания и указала на ребят как руководителей «Молодой гвардии». После этого, 10 января 1943 г., в кабинете начальника полиции была построена молодежь из всех камер и Соликовский заорал: «Кто из вас комиссар организации?» Невзирая на побои, от стоящих ребят посыпались остроумные шутки, но, когда Третьякевич демонстративно вышел из шеренги и гордо сказал, что это он, пересмешки прекратились и все затихли. Соликовский заставил Виктора встать обратно и снова громко спросил: «Кто у вас командир?» Все повторилось. Из строя буквально выскочил Третьякевич и заявил, что это он командир. И так повторялось несколько раз. Все в строю откровенно заулыбались, а некоторые даже засмеялись. Терпение Соликовского лопнуло, он понял, что ничего не добьется от молодогвардейцев, и приказал отвести всех обратно в камеры. Перед лицом смерти юные патриоты продемонстрировали крепкую сплоченность и высокое мужество, а Виктор Третьякевич попытался взять на себя всю ответственность за руководство и деятельность организации, но других не выдал.

Массовые аресты молодых подпольщиков продолжались до

12 января 1943 г. Молодогвардейцы упорно молчали, не признавались в принадлежности к подпольной организации, не выдавали своих товарищей. Вздвигнутые упорством подпольщиков, фашисты все больше распалялись. Все страшнее, все кошмарнее становились истязания, которые сопровождались зверскими избиениями и жестокими пытками. Особенно старались подонки-полицай Мельников, Давыденко, Дидык, Лукьянов и Плохих, не отставали и другие, пытаясь доказать свою преданность новым хозяевам жизни – немцам. Так, Мельников с жестокостью садиста избивал Виктора Третьякевича и Павла Колотовича (рабочего Центральных электромеханических мастерских, члена коммунистического подполья Краснодона) – «бил палкой, кулаками, ногами, а затем остервенело поднимал и с силой бросал на каменный пол».

Никто из оставшихся в живых и сидевших в полиции родителей молодогвардейцев впоследствии не сказал ни одного слова о предательстве их детей Виктором Третьякевичем. Наоборот, отец Василия Левашова находился в одной камере с ним и удивлялся стойкости, с которой Третьякевич переносил все пытки, а мать Валерии Борц часто вспоминала о том, что в ее камере сидела Любовь Шевцова, которая «перестукивалась с Третьякевичем, применяя азбуку Морзе». Также Мария Андреевна Борц на всю оставшуюся жизнь запомнила и рассказала всем, как палачи истязали молодогвардейцев: «...Я решила лечь на пол, но я еще не успела уюстииться, как услышала душераздирающие крики, затем были слышны глухие стоны. Я подошла к дверям, стала на колени и через замочную скважину стала наблюдать за коридором. По коридору пробежал полицейский с ведром в руках, скоро дверь кабинета открылась, и на пороге, пошатываясь, появился Земнухов. Громовой голос орал: «Давай сюда Третьякевича!». «Третьякевича! Третьякевича!» – пронеслось по коридору. Где-то недалеко щелкнул замок и послышались шаги. В кабинет прошел Третьякевич. Снова были слышны удары плетей, лязг железа. По-видимому, били двое, так как удары были похожи на удары, производимые кузнецами, когда они бьют по наковальне: раз-раз, раз-раз, раз-раз! - доносилось из кабинета. Раздались протяжные и глухие стоны, затем они стали переходить в какое-то жуткое мычание. Слышны были и окрики Соликовского. Проходили минуты, а мне они казались вечностью. В коридоре суетились: пронесли шомпола, какие-то широкие ремни и веревки. Страшные вопли оглушили воздух. Я не выдержала, встала, отошла от дверей. В смежной камере «работал» следователь (Кулешов – авт.), оттуда также слышались стоны, крики, ругань, удары об пол. Вызывали снова Земнухова, Мошкова, Третьякевича и других и страшно издевались над ними. В голове

проносились: «Век инквизиции, век инквизиции в полной его красоте!» Наступила вторая ночь, она ничем не отличалась от первой...»

Но самое страшное было еще впереди.

Из Луганска в Краснодон прибыл специальный отряд гестапо во главе с палачом гауптшарфюрером СС Шульцем. То, что потом происходило в сером бараке полиции, описать невозможно, это «были мучения, уже непредставимые человеческим сознанием, невысказанные с точки зрения человеческого разума и совести». Описывая жуткие сцены истязаний и пыток молодогвардейцев, А.А. Фадеев в своем романе «Молодая гвардия» не отошел от правды. Они основаны на признаниях самих палачей, позже представших перед народным судом за свои злодеяния. Фашистские выродки рассказали, что во время пыток загоняли иголки под ногти, избивали прикладами, ломали руки, ноги и ребра, дробили пальцы рук, выбивали глаза, отрезали уши, вырезали на теле полосы и звезды... Враги меньше всего хотели, чтобы кто-то умер под пытками. Они знали этот миг, когда человек находится на грани жизни и смерти. Прекращали избивать, отливали ледяной водой и вновь продолжали мучения, чтобы каждый арестованный пожалел, что родился на этом свете...

Понимая, что живым его уже не выпустят, в последней своей записке матери Третьякевич написал: «Дорогие и любимые мамочка и папочка. По всему видно, что нам отсюда не выйти. Но вы мужайтесь. Сегодня мне приснился сон, что я дома. Но это только сон. Еще раз прощайте. Я умираю за нашу Родину, за наш народ... Вечно любящий Вас Виктор». В этот раз он не постеснялся проявить к отцу и матери всю свою нежность.

Судьба арестованных была предрешена, и это понимал Виктор, поэтому на допросах стал вести себя вызывающе, грубил и хамил палачам. Его избивали каждый раз до полубессознательного состояния, притаскивали на руках и вбрасывали в камеру.

Заместитель начальника полиции Захаров, следователь Кулешов и комендант участка Подтынный пошли на хитрость. Чтобы выгородить истинного предателя, они придумали дьявольски коварный план: сочинили фиктивные показания, якобы полученные от Третьякевича во время пыток, и стали подсовывать их допрашиваемым. Так появился слух, что членов организации сдал ее комиссар Третьякевич. В нее поверили некоторые полицейские, которые напрямую не участвовали в пытках молодогвардейцев, но молодые патриоты знали, что это ложь – Виктор ни в чем не запятнал своей совести, до конца остался верным клятве, данной товарищам по оружию. Истерзанный, но не сломленный пытками, он не дал палачам никаких показаний на своих товарищей по борьбе.

Оклеветав Третьякевича, фашисты рассчитывали и на то, что его семью уничтожат сами русские как семью предателя.

Советские войска рвались в Донбасс. 14 января 1943 г. немецкая жандармерия и комендатура получили приказ подготовиться к перебазированию. Всех арестованных шеф гестапо приказал расстрелять.

В эти последние часы своей жизни отважные комсомольцы хотели только одного: пусть все узнают, что никакие пытки, никакие мучения не сломили их дух, не смогли отнять у них веру в правоту своего дела, в силу своего народа. Понимая, что скоро будут казнены, молодогвардейцы громко пели в своих камерах, вкладывая в бесхитростные слова всю свою ненависть к врагам, всю свою любовь к жизни и Родине.

В 23 часа 15 января 1943 г. два крытых брезентом грузовика подкатили к барaku полиции. Жандармы и полицейские выстроились в два тесных ряда, образовав живой коридор от дверей камер до кузова автомашины. Зонс приказал вывести первыми арестованных коммунистов. Со связанными руками их положили на дно кузова, лицом вниз. Фашисты сели рядом, держа оружие на изготовку.

Затем Соликовский принялся вызывать по заранее подготовленному списку молодогвардейцев. Первым был Виктор Третьякевич.

Грузовики, выехав на далекую окраину, остановились. Арестованных согнали с машин и, подталкивая прикладами, повели по узкой тропе к чернеющему невысокому террикону заброшенной шахты № 5.

Фашисты отделили шестерых коммунистов, окружив их, и подвели к шурфу. Тем временем полицейские загнали молодогвардейцев в полуразвалившуюся сторожку и торопливо принялись стаскивать с них одежду.

Зонс хладнокровно выстрелом в голову стал убивать коммунистов, а жандармы сталкивали тела в шурф. Пьяные полицейские поволокли к месту казни почти голых молодогвардейцев.

Когда к шурфу подвели Виктора Третьякевича, он неожиданно рванулся, толкнул плечом стоявшего рядом Захарова. Потеряв равновесие, палач чуть было не свалился в шурф. В последний момент он ухватился рукой за торчавшую над колодезём металлическую балку. Перепуганные полицейские не успели даже выстрелить в Третьякевича, ударили прикладом по голове и живым столкнули в колодезь (по другой версии в шурф шахты Виктор чуть было не столкнул главного палача молодогвардейцев начальника жандармерии гауптвахмистра Зонса).

Следующим был Владимир Жданов. Он бросился на начальника полиции Соликовского, схватил его и стал тащить подонка к краю бездны. Еще несколько секунд, и они оба упали бы в колодезь. Но подоспел

Захаров и выстрелом в голову убил парня. Чтобы ускорить расправу над оставшимися молодогвардейцами, связанных юношей сбивали с ног, у девушек поднимали и закручивали над головой платья, по одному подтаскивали к стволу, стреляли в затылок и сбрасывали в шурф.

В эту ночь были казнены двадцать два подпольщика.

А на следующее утро ничего не подозревающая Анна Иосифовна понесла очередную передачу сыну, но у столпившихся у здания людей пищу для заключенных не принимали, а потом заместитель начальника полиции Захаров вынес длинный список и прибил его на двери. Там было написано: «Лица, вывезенные в Ворошиловград». Первым в списке был Третьякевич, потом Земнухов, Мошков, Осьмухин и др.

В этот день 16 января 1943 г. были убиты или сброшены живыми в шурф шахты остальные арестованные.

Оккупационные власти Краснодона, подготовившиеся было к бегству, получили новый приказ об очистке тыла германской армии от «враждебно настроенных элементов».

Когда в начале января были арестованы многие юноши и девушки, Анна Сопова не собиралась уходить из города. Она волновалась, горько и долго плакала, а вечерами уходила из дома и вместе с другими готовила побег заключенных товарищей, носила им передачи. 27 января 1943 г. ранним утром в дверь к Соповым постучали. Это были полицейские. Спокойно, сдержанно Аня оделась, а родители стояли и плакали. Она успокаивала их и на прощанье расцеловала маму, отца и 14-летнего брата Петю. «Берегите себя, родные, а за меня не беспокойтесь», - сказала она и смело пошла, зная, что ее уведут на смерть. На первом допросе полицаи спросили Сопову: кого она знает, с кем имела связь, что делала в «Молодой гвардии», но она молчала. Тогда палачи приказали ей раздеться догола. Аня побледнела, но с места не сдвинулась. Подонки сорвали с нее одежду, платье завернули на голову, уложили на пол и начали хлестать проволоочной плеткой. Кричала она страшно, а когда начали бить по рукам, голове, не выдержала и запросила пощады. Об этом вспоминала Александра Васильевна Тюленина, которая была арестована вместе с сыном и сидела с ней в одной камере. Во время допросов ее дважды подвешивали к потолку за косы. В третий раз одна коса оборвалась, и девушка упала на пол, истекая кровью, но не сказала фашистским подонкам ни слова.

Вечером 31 января 1943 г. полицаи вывели из камер Анну Сопову и ребят-молодогвардейцев: Тюленина, Лукьянченко, Виценовского, Загоруйко, Ковалева и Григорьева. Палачи скрутили им руки проволокой, заставили лечь в стоявшие во дворе подводы и повезли к месту казни.

Уже у шурфа шахты Ковалев и Григорьев попытались бежать, но Михаилу побег не удался, его застрелили, а Анатолий был ранен и сумел скрыться, спрятаться и уйти из города к родственникам (дальнейшая его судьба не известна). Остальных истерзанных, избитых, полуживых арестованных, в том числе и Аню Сопову, полицаи, в бессильной злобе, поставили спиной на краю шурфа и всех живыми прикладами столкнули в многометровую пропасть заброшенной шахты.

За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в тылу врага, Анна Дмитриевна Сопова посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В эту ночь расправы над членами «Молодой гвардии» в Краснодоне закончились. В 58-метровый шурф шахты № 5 фашисты сбросили 71 подпольщика, в том числе 49 молодогвардейцев.

14 февраля 1943 г. советские войска, преследуя фашистов, освободили Краснодар. И уже через четыре дня обезображенные тела казненных молодогвардейцев стали поднимать из ствола шахты на поверхность. Сначала достали тела тех, которые зацепились за самые верхние балки и пострадали меньше всего. С душераздирающим криком родители узнавали своего сына или дочь. Стоны, крики, обмороки. У Анны Иосифовны не хватило сил пойти туда. Труп Анны Соповой извлекли из шурфа в числе первых, а 28 февраля 1943 г. вместе с телами других молодогвардейцев в числе последних было извлечено и тело Виктора Третьякевича. Его голова была разбита, руки выкручены. Иосиф Кузьмич в тоненьком залатанном пальто изо дня в день стоял, ухватившись за столб, не отводил взгляда от шурфа. А когда опознал своего сына, - без лица, с черно-синей спиной, с раздробленными руками, - сжал зубы, затряс головой, зарыдал и будто подкошенный повалился на землю. На теле Виктора не нашли следов от пуль - его сбросили живым...

О деятельности подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» Центральному штабу партизанского движения было известно еще в конце 1942 г. от агентурных разведчиков (Любовь Шевцова – авт.). А когда город был освобожден, в штабе узнали, что гитлеровцы зверски расправились почти со всеми членами организации. О подвигах краснодонцев доложили правительству и лично И.В. Сталину. В результате было принято решение организовать Чрезвычайную государственную комиссию по выявлению боевой деятельности и причин гибели участников «Молодой гвардии» с большими полномочиями.

Председателем комиссии назначили помощника начальника

Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК по работе среди комсомольцев и молодежи в тылу врага сотрудника НКГБ Анатолия Васильевича Торицына, который одновременно являлся и заместителем заведующего отделом ЦК ВЛКСМ.

В конце февраля 1943 г. члены комиссии из Москвы прилетели в Ростов, а потом на машинах приехали в Краснодар. К работе приступили немедленно, одновременно подключив работников военного трибунала Юго-Западного фронта, СМЕРШа, а также партийных работников, представителей общественности области, района, города и др. В общей сложности более двухсот человек.

1 марта 1943 г. в городском парке в самом центре Краснодона в братской могиле с воинскими почестями были похоронены коммунисты и комсомольцы, в том числе и Виктор Третьякевич. Попрощаться с молодыми героями-антифашистами пришли сотни людей не только из города, но и из ближайших деревень, шахтерских поселков и хуторов. Над могилой героев прозвучал прощальный салют. На ней, украшенной венками и цветами, был поставлен временный деревянный обелиск со словами М. Горького: «Пусть ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!».

18 апреля 1943 г. в армейской газете 51-й армии Южного фронта «Сын отечества» была напечатана первая статья о действиях и мученической смерти молодых патриотов Краснодона.

Затем статьи о подвиге «Молодой гвардии» напечатали в газетах «Социалистическая родина», «Ворошиловградская правда» и в центральной прессе. Вся страна узнала о подвиге «Молодой гвардии», о зверствах фашистов на земле Донбасса. И везде в самых первых военных публикациях в списках замученных и казненных фашистами молодогвардейцев был и Виктор Третьякевич.

Почепцов, Громов и Кулешов были арестованы за пособничество немцам и дали признательные показания. В ходе следственных действий по выяснению причин гибели подпольщиков следователь полиции бывший белогвардеец Кулешов, рассчитывая запутать следы кровавого преступления, выгородить себя и соучастников, убедительно заявил, что арестованные полицией юноши и девушки вели себя на допросах не «по-геройски», а Третьякевич вовсе не выдержал пыток и предал всю организацию. (В своих показаниях Кулешов путался, обвиняя почти всех руководителей подпольной организации в измене. Вначале он утверждал, что Виктор под пытками назвал фамилию Мошкова, но Мошков уже был арестован – авт.). Заявления подонка выглядели

довольно правдоподобно, так как массовые аресты других подпольщиков начались через несколько дней после ареста Третьякевича. Эта провокация была рассчитана на то, что клевета на молодых патриотов и их комиссара возымеет сильное действие на следствие и очень скоро о гибели молодогвардейцев забудут. (Так бы и случилось, если бы не Александр Александрович Фадеев – авт.)

По Краснодону поползли жуткие слухи о предательстве молодогвардейцев Виктором Третьякевичем. Многие в это не верили. Не дождавшись вызова на комиссию, Анна Иосифовна сама пошла на прием, но Торицын ее не принял, тогда она обратилась к члену комиссии Соколову, чтобы рассказать о сыне, но и он не захотел с ней разговаривать. Иосиф Кузьмич и его старший сын Михаил никаких показаний, объяснений о Викторе также не давали. Родителей никто не захотел слушать.

В их поддержку стали матери Осьмухина, Юркина и Тюленина, которые обратились с возмущением к Торицыну, но получили недвусмысленный ответ, чтобы «поменьше рассуждали и говорили, а то...».

Анастасия Григорьевна Ковалева, мать Анатолия Ковалева, с болью в сердце о своем бесследно пропавшем сыне, ни на мгновение не усомнилась в преданности Третьякевича делу, за которое он отдал свою молодую жизнь, и первая начала писать во все инстанции о том, что предательство Виктора – это ложь, добиваясь его реабилитации.

Одновременно Иосиф Кузьмич, пытаясь опровергнуть эти слухи о предательстве Виктора, писал письма своим старшим сыновьям с просьбой, чтобы они помогли во всем разобраться и сами провели независимое расследование. Но шла война, и до определенного времени возможности такой ни у Михаила, ни у Владимира не было.

Тем временем у Чрезвычайной государственной комиссии и ее председателя уже имелись неопровержимые доказательства в причастности к смерти молодогвардейцев всех: гестаповцев, жандармов, полицаев (которые, выгораживая себя, все валили друг на друга), а также предателей из числа тайных осведомителей гестапо, подпольщиков, членов их семей, знакомых, одноклассников и тех, кого пытались привлечь для деятельности в «Молодой гвардии» в последние месяцы существования.

Все, за некоторым исключением, раскаивались в содеянном и давали признательные показания. Геннадий Почепцов в протоколе допроса прямо перечислил почти всех казненных молодогвардейцев, которых он выдал лично. Не отставали и другие. Но это никак не вкладывалось в уже построенную заранее версию гибели всей «Молодой гвардии», председателем комиссии Торицыным.

30-летний сотрудник НКГБ, занимавший такие высокие должности, переживший и возвысившийся в годы репрессий руководящего состава партии, комсомола, НКВД и Красной Армии, прекрасно понимал, что в правдивых выводах комиссии и докладе их И.В. Сталину подлинное предательство «Молодой гвардии» Почепцовым, рядовым членом организации (даже не руководителем отдельной группы или членом штаба), вызовет по меньшей мере недоверие и к действиям Чрезвычайной государственной комиссии и к нему лично. А это не только отстранение от высоких должностей в дальнейшем, но и другие более тяжкие последствия. Ведь не мог же Торицын, оправдываясь перед вождем, рассказывать, что в организации практически отсутствовала конспирация, дисциплина, что каждый рядовой член «Молодой гвардии» (и даже те, кого только пытались привлечь к ее деятельности) мог присутствовать на любом заседании штаба, а соответственно знал практически всех молодогвардейцев.

За плечами Торицына было уже не одно раскрытое дело о предательстве в партизанском движении, но он понимал, что это будет самое громкое, и, следовательно, оно не должно вызывать различных толкований, сомнений и расспросов. Да и разбираться досконально времени не было. Стране нужны были герои, чтобы их любить, на них равняться, и подонки-предатели, чтобы их ненавидеть и презирать. Это прекрасно понимал Торицын, ведь не зря именно в Краснодар была направлена столь серьезная Чрезвычайная государственная комиссия с большими полномочиями. Поэтому «красивая» версия о предательстве «Молодой гвардии» одним из руководителей организации, ее комиссаром Виктором Третьякевичем, который не выдержал страшных пыток, для председателя и членов комиссии так и осталась основной. Она не вызвала бы у руководства страны и Верховного Главнокомандующего вопросов, почему именно все члены многочисленной молодежной организации «Молодая гвардия» за столь короткий срок были схвачены и казнены (так впоследствии и получилось — авт.). Тем более, что в своих показаниях Ольга Иванцова рассказала о попытке создания молодогвардейцами партизанского отряда и о том недоверии, которое высказали подпольщики Ростовской области к «чудесному» спасению Виктора Третьякевича в бою под Паньковкой, о том, что он умолчал о гибели своего отряда, за что от должности комиссара организации в середине декабря 1942 г. его освободили и избрали Олега Кошевого.

«Случайностей дважды не бывает, предавший раз, предаст и второй», — решил А.В. Торицын, и с ним согласились члены комиссии, приехавшие из Москвы. Виктор Третьякевич был объявлен трусом и двойным предателем: своего партизанского отряда и подпольной организации Краснодона, а

материалы следствия на долгие годы были строжайше засекречены.

Уже в мае 1943 г. в газете «Комсомольская правда» вышла статья по предварительным материалам комиссии, в которой был опубликован снимок камеры, в которой якобы сидел комиссар «Молодой гвардии» Кошевой, и сообщалось, что он со всеми молодогвардейцами был сброшен в шурф шахты № 5. Так стал создаваться миф для широкой общественности. В действительности, Олег в этой камере не сидел и в шурф его не бросали...

(Поэтому автор абсолютно убежден, что предателя «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича весной 1943 г. создал сам А.В. Торицын, а потом сумел убедить всех остальных, в том числе и выживших молодогвардейцев (Валерия Борц). Ну, подумаешь, не выдержал страшных инквизиционных пыток. А родители, позор и горе семьи? Ну и что семья, сколько их, таких семей, чьи сыновья предали Родину, сдались в плен и верно служили новым хозяевам – немцам. Ничего лишнего – ни стыда, ни совести. Поэтому и отпала надобность в опросе родителей и брата, который был комиссаром партизанского отряда. Сам Анатолий Васильевич не только на десятилетия, а может и на века вошел в историю «Молодой гвардии», а после доклада И.В. Сталину и указа о награждении эта версия стала основной для всех партийных и государственных деятелей любого ранга на долгие годы).

Так Чрезвычайной государственной комиссией и ее председателем был вынесен второй смертный приговор 18-летнему патриоту-мученику. Его имя было надолго вычеркнуто из списков «Молодой гвардии».

Еще во время работы комиссии летом 1943 г. в Краснодар впервые приехал секретарь Союза писателей СССР А.А. Фадеев. Он познакомился с Торицыным, и тот связал его с работниками СМЕРШа, военного трибунала Юго-Западного фронта, которые вели расследования, касающиеся провала краснодонского подполья, организовал встречи с оставшимися в живых молодогвардейцами и участниками событий, в том числе и с Ниной Иванцовой, которая на двухнедельный срок была отозвана с фронта для встречи с писателем, оказывал Александру Александровичу разностороннюю помощь в его работе.

Встретились и побеседовали с писателем Михаил Третьякевич со своим начальником, первым секретарем горкома ВКП(б) Ворошиловграда Степаном Емельяновичем Стеценко. Старшего брата беспокоило, как А.А. Фадеев собирается показать Виктора в своем романе, но тот заверил их, что не будет изображать его отрицательно.

Через несколько месяцев (15 сентября 1943 г.) в центральной газете «Правда» была опубликована большая статья А.А. Фадеева «Бессмертие», на основе которой позже он написал роман «Молодая гвардия».

18 августа 1943 г. военный трибунал Юго-Западного фронта приговорил Почепцова, Громова и Кулешова к расстрелу, который был приведен в исполнение 19 сентября 1943 г. в присутствии более 5 тыс. жителей Краснодона на городской площади.

В начале осени 1943 г. в шахтерский клуб им. В.И. Ленина для вручения правительственных наград были приглашены все родители молодогвардейцев. Впереди семьи Тюлениных шли Иосиф Кузьмич и Анна Иосифовна. Они не могли поверить в предательство сына и считали, что произошла какая-то ошибка и «органы» разберутся и все исправят, но у входа в зал молодой милиционер отстранил отца Виктора, заявив: «А вам здесь делать нечего!» У Иосифа Кузьмича подкосились ноги, и он упал. Тюленины помогли донести его до скамейки у соседнего дома. Так на долю родителей Виктора выпало второе тяжкое испытание после смерти младшего сына: клевета и забвение его имени как молодогвардейца на долгие годы. А ведь на их глазах, у них в доме проходило зарождение и становление «Молодой гвардии», они были свидетелями первого и последующих заседаний штаба, знали многое о деятельности организации, а с ними так никто из членов комиссии не нашел времени даже поговорить...

Из-за формального отношения и «ошибки» следствия Чрезвычайной государственной комиссии высочайшего ранга Иосиф Кузьмич и Анна Иосифовна Третьякевичи, их старшие сыновья, дочь и внуки в одночасье стали родственниками предателя. Это стало трагедией всей их семьи, члены которой всю свою жизнь испытывали глубокую боль, горечь и несправедливость. Им была нанесена такая душевная рана, которая не смогла зажить даже после восстановления честного имени первого комиссара «Молодой гвардии» героя-мученика Виктора Третьякевича.

Участники комсомольского подполья Краснодона были награждены орденами и медалями, а пятерым членам штаба «Молодой гвардии», замученным и казненным фашистами, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом списке не было только фамилии одного из создателей подпольной организации Виктора Иосифовича Третьякевича. Всем родителям погибших молодогвардейцев, кроме отца и матери Виктора, назначили государственные пенсии по потере кормильца.

В материалах центральных газет о «Молодой гвардии» фамилия Третьякевича перестала появляться, а в октябре 1943 г. в журнале «Партстроительство» о нем уже говорилось как об одном из руководителей организации, который оказался трусом и выдал всех ее членов. Но и после этой статьи родные старшие братья Виктора ничего не предприняли.

Через год после освобождения Краснодона в феврале 1944 г. на бюро Ворошиловградского обкома ВКП(б) разбирали персональное дело старшего брата «предателя молодогвардейцев» Михаила Иосифовича Третьякевича, которое продолжалось целый день и ночь до четырех часов утра. Заслушивали его работу в партизанском отряде и подполье во время оккупации Ворошиловградской области фашистами. Никто из членов бюро обкома в оккупации не был, с фашистами не воевал, практически все время они находились в эвакуации и довольно безбедно жили. Но это не помешало им на протяжении всего заседания постоянно опровергать и ставить под сомнение все сказанное Михаилом. Особенно старался начальник НКГБ области Ильясов, даже кричал: «А кто это докажет? Кто подтвердит?». Пришлось оправдываться: почему так мало убил немцев сам лично, почему не поднял вооруженное восстание и т.д. С обличительными речами выступали и те, кто числился в друзьях, особенно секретарь по пропаганде Н.С. Шевчук (перед оккупацией на предложение Михаила совместно действовать в партизанском отряде этот «друг» скромно отказался, сказав, что он не дурак). Надежда была только на первого секретаря обкома Антона Ивановича Гаевого, но тот скромно отмолчался.

Михаил Иосифович понимал, что от решения этого бюро зависела не только дальнейшая работа, но и жизнь его и семьи, поэтому, когда после возвращения ночью домой к ним в дверь постучали, они с женой, не стовариваясь, подумали об одном и том же – за ними пришли. Но обошлось.

Старшему Третьякевичу все же объявили строгое партийное взыскание, с должности секретаря горкома ВКП(б) Ворошиловграда сняли и перевели сначала временно в другой райком, а потом на торговую работу подальше от областного центра в небольшой шахтерский городок Паркоммуна (г. Перевальск), где в августе 1944 г. у него родился сын, которого называли в память о погибшем брате Виктором...

Но Иосиф Кузьмич не верил в предательство сына и весной 1944 г. написал письмо в ЦК ЛКСМУ. Двадцать пятого мая 1944 г. из Киева от заведующего Спецгруппой ЦК ЛКСМУ Лесового он получил ответ:

«Тов. Третьякевич!

На Ваше письмо, адресованное ЦК ЛКСМУ, в котором Вы спрашиваете о своем сыне - Третьякевиче Викторе, ЦК комсомола Украины, на основании имеющихся материалов о деятельности членов подпольной молодежной организации «Молодая гвардия», отвечает: действительно Ваш сын Виктор был членом этой организации, был избран руководителем ее. Будучи руководителем, с задачами не справился и был отстранен от руководства. До этого, находясь в партизанском отряде, в первом бою с немцами

бежал, как трус. Вот почему он не удостоен внимания, как другие активные члены организации...». О предательстве Виктора не было написано ни слова, но его фамилия была удалена с деревянного обелиска, установленного над братской могилой, а вместо нее появилась фамилия Олега Кошевого, который был похоронен в Ровеньках.

24-летний капитан Владимир Иосифович Третьякевич воевал с фашистами с первого дня войны и непрерывно находился на фронте. К августу 1944 г. он был награжден орденами Отечественной войны II-й степени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа». В это время он служил старшим инструктором отделения по работе среди комсомольцев в политотделе 47-й армии 1-го Белорусского фронта.

Начальник политотдела полковник М.Х. Калашник высоко ценил своего подчиненного как мужественного и смелого офицера, который образцово выполнял свои обязанности. Поэтому принял решение рекомендовать Владимира Третьякевича на должность помощника начальника политотдела в соседнюю знаменитую (для воронежцев – авт.) 60-ю армию. Но должность эта была номенклатурной и подлежала утверждению в Главном политическом управлении РККА.

В конце лета 1944 г., когда ничего не подозревающий капитан Третьякевич ждал попутной машины, чтобы ехать к новому месту службы, его срочно вызвали к полковнику Калашнику. В кабинете начальника политотдела Владимир встретился с незнакомым полковником, который сказал, что ему как брату предателя нельзя работать на комсомольской работе и проводить воспитательную работу, в том числе пропагандировать действия «Молодой гвардии», и предложил Михаилу Харитоновичу подыскать Третьякевичу другую работу. Это был помощник начальника Главного политического управления РККА по работе среди комсомольцев, член Политбюро ЦК ВЛКСМ полковник Иван Максимович Видюков.

Капитан Третьякевич не только не получил нового назначения, но и был снят со своей должности, оставаясь в распоряжении политотдела армии.

Владимир знал из горьких писем своих родителей о трагической гибели младшего брата Виктора, о клевете на него, о их невероятных переживаниях в связи с этим. Отец и мать в своих письмах постоянно просили его приехать с фронта в Краснодар и самому провести расследование. Он показал эти

Владимир Третьякевич

письма полковнику Калашнику, который не стал возражать и предоставил Третьякевичу отпуск на два месяца домой в Краснодар, чтобы тот смог сам во всем разобраться. (Михаил Харитонович Калашник – настоящий начальник, командир с большой буквы. Он не побоялся взять на себя такую ответственность, и это в период активных боевых действий на фронте – авт.)

В течение сентября-октября 1944 г. Владимир Иосифович лично проводил расследование деятельности молодежного подполья Краснодона. Он встретился и записал беседы с Ольгой Иванцовой, сестрой Сергея Тюленина Надеждой, а также почти со всеми родителями молодогвардейцев. Все они написали и подтвердили, что большинство заседаний штаба проходило в доме Третьякевичей, что Виктор был комиссаром «Молодой гвардии». Встретился он и со старшим братом в Паркоммуне. Михаил все рассказал ему о деятельности Виктора в партизанском отряде и о решении февральского бюро Ворошиловградского обкома ВКП(б).

Вернувшись в свою армию, Владимир ознакомил полковника М.Х. Калашника с собранным в Краснодаре материалом, обобщил его и написал заявление на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, Председателя Верховного Совета СССР М.И. Калинина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.Л. Михайлова и помощника начальника Главного политического управления РККА по комсомольской работе полковника И.М. Видюкова.

В этом заявлении красной нитью проходило, что Виктора подло оклеветали, что он был одним из главных организаторов и руководителей «Молодой гвардии», ее комиссаром, «себя не опорочил и погиб героической смертью». Это противоречило выводам комиссии под руководством Торицына, поэтому Владимир просил создать новую комиссию, которая подошла бы к расследованию более объективно и «установила бы истинную правду». К своему заявлению он приложил все показания, собранные в Краснодаре.

23 декабря 1944 г. самолетом с фронта Владимир Иосифович Третьякевич прибыл в столицу. В Москве он разыскал участницу «Молодой гвардии» Валерию Борц, которая училась в Военном институте иностранных языков. В общежитии, где она жила, юная подпольщица ознакомилась с заявлением Владимира и на трех тетрадных страницах письменно лично подтвердила свое согласие с ним. Взяв у Борц ее показания, Третьякевич заехал в ЦК ВЛКСМ и передал свое заявление со всеми показаниями в приемную, не забыв его зарегистрировать. Второй экземпляр он передал в секретариат Главного политического управления РККА, а экземпляры на имя Г.М. Маленкова и М.И. Калинина пока передавать не стал.

Через два дня Владимира Третьякевича пригласили на Бюро ЦК ВЛКСМ

для рассмотрения его заявления. Заседание проходило в кабинете первого секретаря Н.А. Михайлова, но председательствовал второй секретарь ЦК Н.Н. Романов. На бюро присутствовали заведующий военным отделом ЦК А.Н. Шелепин (осенью 1941 г. он занимался отбором добровольцев для партизанских отрядов и диверсий в тылу врага, среди которых была и Зоя Космодемьянская), секретарь ЦК О.П. Мишакова, член Политбюро ЦК полковник И.М. Видюков, заведующий особым отделом ЦК, председатель комиссии по расследованию деятельности «Молодой гвардии» А.В. Торицын, член этой комиссии, работник ЦК В.Г. Соколов и др.

После того как зачитали заявление, разгорелся спор по многим вопросам. Особенно грубо и агрессивно вела себя Ольга Петровна Мишакова, которая напомнила вызванной на заседание Валерии Борц, что она награждена боевым орденом и учится в одном из лучших институтов. Опустив глаза, Валерия стояла бледная и молчала, а потом тихо произнесла: «Я отказываюсь от моих слов в письменном показании Владимиру Третьякевичу». (Потом 17-летняя девушка, активная подпольщица из группы Сергея Тюленина, оправдывалась, что ей так сказали. Но после того как Владимир рассказал о ее поведении всем оставшимся в живых членам «Молодой гвардии», родителям погибших молодогвардейцев, которые поддержали Третьякевича, и они все осудили ее поступок, она стала ярым приверженцем версии комиссии Торицына до конца своей жизни).

На заседании Бюро ЦК ВЛКСМ объявили перерыв. Владимир вышел покурить в коридор в подавленном состоянии. Теперь он вдруг оказался в одиночестве, надежды на поддержку Борц рухнули. К нему подошел Торицын, которого заявление Третьякевича очень тяготило, он никак не ожидал, что результаты Чрезвычайной комиссии по Краснодару кто-то посмеет поставить под сомнение после всех указов, приказов и статей (ведь он был абсолютно уверен, что исполнял волю партии и высшего руководства страны). И если вдруг Бюро ЦК ВЛКСМ поддержит это заявление, то его карьере, да и службе придет конец. Анатолий Васильевич уже два дня не спал и не находил себе места, растерянность сменялась гневом, и наоборот, но он сдержался и негромко сказал: «Зря ты все это затеял, ты можешь потерять все».

Объявили об окончании перерыва, и участники заседания стали заходить в кабинет. В этот момент Владимир Иосифович услышал за спиной голос Ольги Петровны Мишаковой: «Вы клеветник, Третьякевич, вас надо изолировать. Вы можете оказаться в положении, что и на фронт не попадете». (В 1938 г. Ольга Мишакова являлась инициатором репрессий против руководства ЦК ВЛКСМ. В дальнейшем она продолжила работу по «чистке»

комсомольских рядов, взаимодействуя по данному вопросу с Г.М. Маленковым и наркомом внутренних дел Л.П. Берией. Но вскоре в ЦК ВКП(б) стали накапливаться письма с жалобами на Мишакову, их обобщили и доложили Сталину. В конечном итоге, уже после войны «амбициозную, необузданную разоблачительницу, зарвавшуюся, психически неуравновешенную особу», которая исковеркала очень много человеческих судеб, по распоряжению И.В. Сталина от работы в аппарате ВКП(б) освободили, но не расстреляли, а направили директором школы в глухую деревню Пензенской области. Удар для Ольги Петровны был настолько сильным, что ее поместили в психиатрическую больницу и в 1956 г. исключили из партии).

Заседание продолжалось. Участники яростно нападали на Третьякевича, защищая сфальсифицированную Торицыным справку, особенно Мишакова, которая потребовала самого сурового партийного взыскания, вплоть до исключения Владимира из рядов ВКП(б) «за клевету на Героя Советского Союза О. Кошевого».

В итоге Бюро ЦК ВЛКСМ, не опровергнув ни одного факта, изложенного в заявлении, постановило: «Считать заявление Третьякевича клеветническим, дискредитирующим Героя Советского Союза О. Кошевого, просить парткомиссию при ГлавПУ РККА рассмотреть члена ВКП(б) капитана Третьякевича В.И. в партийном порядке».

Спускаясь по лестнице и предъявляя пропуск на выход из здания ЦК ВЛКСМ, ошеломленный и ничего не понимающий Владимир думал только об одном: «Когда же подойдут солдаты и арестуют». Но все обошлось.

Еще через два дня 27 декабря 1944 г. состоялось заседание парткомиссии при Главном политическом управлении РККА. Капитан Третьякевич приготовился к самому худшему: «если его исключат из партии, то дорога ему прямо в штрафной батальон». Однако члены парткомиссии, внимательно выслушав Владимира Иосифовича, учитывая его заслуги и отзывы руководства армии, не стали прибегать к крайним мерам. Третьякевичу объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку, и председатель комиссии полковник Леонов по-отечески посоветовал молодому капитану: «Возвращайтесь к себе на фронт».

Даже имея столь строгое партийное взыскание, Владимир посчитал себя счастливым человеком, ведь в создавшейся ситуации правды он добиться не смог, но мог потерять свободу, а то и жизнь.

Карьера молодого капитана на этом завершилась, хоть он очень мечтал продолжить военную службу и после войны, поступить и окончить Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Надо отдать должное начальнику политотдела 47-й армии полковнику М.Х. Калашнику,

который не побоялся в этих условиях оставить капитана Третьякевича на должности своего офицера для поручений до конца войны.

После демобилизации Владимир Иосифович окончил учебу в техникуме, а затем сельскохозяйственный институт и в 1954 г. Московский технологический институт мясной и молочной промышленности. Впоследствии работал по специальности...

Единственным человеком, который гордился мужественным поступком Владимира, тем, что он не побоялся обратиться в высшие органы власти, чтобы защитить честь младшего брата, был Михаил. Но старания братьев, которые делали все возможное и невозможное для восстановления доброго имени Виктора Третьякевича, не увенчались успехом и гонения на них на этом не завершились.

5 мая 1945 г. Михаила Иосифовича вызвали в Ворошиловградский обком, где с ним провела беседу научный работник ЦК КП(б)У Е.С. Попова. Он еще раз подробно рассказал о себе, о создании отряда и его судьбе. Но итогом этой беседы стало то, что в этом же месяце бюро Ворошиловградского обкома КП(б)У приняло решение об исключении братьев Третьякевичей из списка партизан и подпольщиков Ворошиловградского партизанского отряда.

А затем в 1946 г. вышел в свет роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Александр Александрович писал его сердцем и всей своей душой, переживая за своих персонажей, физически перенося всю боль, которую юные подпольщики испытали в фашистских застенках. Поэтому книга получилась пронзительной и яркой, но автор был подвергнут резкой критике в газете «Правда» (фактически от самого И.В. Сталина) за то, что в романе слабо отражена «руководящая и направляющая» роль Коммунистической партии.

Это литературное произведение было создано на основе собранного после освобождения Краснодона материала комиссии А.В. Торицына, которого А.А. Фадеев очень ценил как человека, «чья самоотверженная и честная работа по выявлению деятельности «Молодой гвардии» послужила главным источником к написанию этой книги», и со слов нескольких оставшихся в живых участников событий, родных и близких молодогвардейцев. Но все события автор показал так, как видел их сам с определенной долей вымысла.

Анатолий Васильевич ничего не скрыл от писателя, но отходить от намеченной линии партии Генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР не стал, хотя и знал, что предательство Третьякевича не доказано. Созданный в книге образ предателя Евгения Стаховича был собирательный, но портретно и биографически очень походил на Виктора Третьякевича. Остальные главные персонажи А.А. Фадеев

отразил под своими настоящими именами. И это не всем понравилось.

Первым отреагировал Василий Левашов. Он в переписке с оставшимися в живых молодогвардейцами стал выражать недовольство тем, что в романе роль Олега Кошевого возвеличена, а заслуги остальных членов штаба в борьбе против фашистов отражены не полностью, что комиссаром молодогвардейцев был Виктор Третьякевич. Левашов был абсолютно уверен, что Виктор Третьякевич не предатель организации. К этому подключились и родители Земнухова, Арутюнянца, Тюленина, Громовой, Шевцовой.

Фадеев объяснял, что он писал не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который допускает определенный художественный вымысел, но никто из них не захотел его услышать. Василий Левашов и Георгий Арутюнянц даже съездили в Москву, были на приеме в ЦК ВЛКСМ, беседовали с А.В. Торицыным и А.А. Фадеевым. В Краснодар срочно приехала очередная комиссия ЦК комсомола, провела беседы с родственниками молодогвардейцев, и страсти поутихли.

В 1948 г. на основе первой редакции романа режиссер С.А. Герасимов на месте реальных событий снял одноименный двухсерийный художественный фильм, и имя Виктора Третьякевича было окончательно на долгие годы вычеркнуто из списков молодогвардейцев.

В 1951 г. свет увидела вторая редакция романа «Молодая гвардия». В ней А.А. Фадеев, серьезно переработав книгу, уделил в сюжете больше внимания руководству подпольной организацией со стороны ВКП(б). Эта книга была издана в нашей стране на 22 языках и в 16 зарубежных странах общим тиражом в 4,8 млн экземпляров. До конца 1980-х гг. на истории молодогвардейцев воспитывалось не одно поколение миллионов юношей и девушек в нашей стране и за рубежом. Роман «Молодая гвардия» входил в учебную программу в СССР и был хорошо знаком любому школьнику.

Но следователи НКВД (КГБ) скрупулезно год за годом продолжали свою работу, разыскивая предателей и палачей юных патриотов. Всех их судили и приговорили к высшей мере наказания (расстрелу) или различным срокам заключения. В лагерях для немецких военнопленных был найден гауптман Ренатус, эсэсовцы Древитц, Шредер, Шульц, имевшие отношение к расстрелу молодогвардейцев (гауптвахмистр Зонс был убит в 1943 г. разрывом артиллерийского снаряда). Арестовали еще восьмерых полицейских, служивших немцам в Краснодаре. Бывшие старшие следователи криминальной полиции города Усачев и Черенков, которые пытали молодогвардейцев, подтвердили на следствии, что «стойкое поведение Третьякевича в застенках полиции, несмотря на зверские пытки, не сломили его и более того, когда Виктора подвели к шурфу, он схватил начальника криминальной полиции и

пытался сбросить его в шахту. Лишь удар полицейского рукояткой пистолета по голове остановил Третьякевича и его действия».

После смерти в 1953 г. И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева работа по реабилитации Виктора Третьякевича продолжилась.

Весной 1956 г. очередная комиссия ЦК КПСС, работая с обширными материалами о деятельности и гибели «Молодой гвардии» по личному указанию Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, изучив все документы, предоставила Никите Сергеевичу докладную записку, в которой, в частности, указывалось:

«Имя одного из видных членов «Молодой гвардии» - Виктора Третьякевича вычеркнуто из истории деятельности подпольной комсомольской организации на основании противоречивых, беспочвенных слухов о том, что он: 1) якобы проявил трусость, будучи в партизанском отряде; 2) как член подпольной организации при пытках в застенках гестапо выдал ряд своих товарищей по работе... При проверке эти слухи оказались ложными...»

В августе 1942 г. Тюлениным и Земнуховым созданы две самостоятельные и независимые друг от друга небольшие организации подпольщиков. С приходом Третьякевича в Краснодон эти группы слились в единую организацию, которая была названа «Молодой гвардией». Возглавили ее Третьякевич и Земнухов. Олег Кошевой не был организатором «Молодой гвардии». Он принят в ее члены в ноябре месяце.

Молодогвардейцы и их родители характеризуют Третьякевича как способного, энергичного, боевого комсомольца. Большинство заседаний штаба проводилось на квартире Третьякевича. По документам и рассказам молодогвардейцев можно установить, что он не только был руководителем организации, но и сам активно участвовал во многих операциях молодогвардейцев...

Третьякевич вместе с Мошковым и Земнуховым были первыми подвергнуты аресту 1 января 1943 года и подвергались частым и изощренным пыткам. Однако полиция ничего не смогла от них добиться...

В связи с этим считаем возможным рассмотреть следующие предложения:

1. О Викторе Третьякевиче. Предательская деятельность Виктора Третьякевича не подтверждается ни следственными материалами, ни показаниями свидетелей... Учитывая это, считаем возможным реабилитировать Виктора Третьякевича: вписать его имя на доске надгробного обелиска погибших молодогвардейцев; просить Президиум Верховного Совета Украинской ССР рассмотреть вопрос о награждении посмертно Третьякевича медалью «Партизану Великой Отечественной войны» и об установлении персональной пенсии его родителям (все

родители погибших молодогвардейцев получают пенсии).

2. О книге Е.Н. Кошевой «Повесть о сыне»... Учитывая, что книга необъективно освещает многие факты и вносит путаницу в историю деятельности «Молодой гвардии», считаем впредь нецелесообразным переиздавать ее..., не проводить экскурсии... в квартиру Кошевой..., воздержаться от возвеличивания матери Олега Кошевого в сравнении со всеми остальными родителями молодогвардейцев...

3. ...не следует предавать огласке новые факты, противоречащие роману Фадеева,...нет никакого смысла переделывать историю «Молодой гвардии» в соответствии с некоторыми фактами...».

11 мая 1956 г. А.А. Фадеева и пятерых оставшихся в живых молодогвардейцев Никита Сергеевич пригласил к себе на дачу под Москвой и завел разговор о прощении (за давностью лет) предавшего (под пытками) членов «Молодой гвардии» Третьякевича, не раскрывая содержания докладной записки комиссии. К этому времени все осужденные за пособничество фашистам и виновные в массовых арестах и смерти молодых патриотов Краснодона были помилованы. Четверо молодогвардейцев согласились с мнением Первого секретаря ЦК КПСС. Единственной, кто высказалась против, была Борц. Хрущеву это не понравилось. Он стал горячо ее убеждать, но Валерию неожиданно поддержал А.А. Фадеев. Встреча была прервана «до лучших времен», а материалы записки засекретили.

Через два дня, 13 мая 1956 г., Александр Александрович застрелился из револьвера на своей даче. В своем предсмертном письме Фадеев написал: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено...».

Тринадцать лет Анна Иосифовна и Иосиф Кузьмич Третьякевичи вместе скорбели в безутешном горе. Они прочувствовали на себе, что есть горе страшнее, чем смерть ребенка, когда люди обходили их стороной, а за спиной шептали: «Это мать (отец) предателя Стаховича». Никто их не мог утешить. Другие родители в любой день могли прийти в парк, где поконились их дети. Не стыдясь слез, долго стоять у дорогой могилы. Вместе с ними скорбели и другие люди. А родители Виктора, чаще Анна Иосифовна одна, по ночам, когда весь город засыпал и на улицах никого не увидишь, крадучись приходила в безмолвный парк и при неярком свете Луны всматривалась в имена на обелиске, но не находила среди них имени своего сына. Тогда она опускалась на колени к могиле, обнимала землю, прижимаясь к ней грудью, и так часами лежала и разговаривала с сыночком, зная, что никто не придет, не

потревожит, не помешает их разговору. Она давно выплакала все слезы на эту могилу и никому из матерей не желала испытать подобное.

Первым не выдержал душевных мучений Иосиф Кузьмич. Согнулся под тяжестью горя и, когда умирал, до последнего все шептал: «Не верю...». Его не стало 4 июля 1956 г. Он так и не узнал всей правды о младшем любимом сыне...

«Поздним вечером 1 апреля 1959 г. к небольшому домику, прилепившемуся на краю нового совхозного поселка им. Артема в Донбассе, подошли трое, негромко постучали в дверь». Так был арестован еще один подонек - комендант полицейского участка в Первомайке, а затем заместитель начальника полиции Краснодона, активный участник арестов и расправы над молодогвардейцами В.Д. Подтынный, который 16 лет скрывался под чужим именем. Вскоре он стал давать признательные показания.

Во время открытого судебного процесса над Василием Подтынным были выяснены новые свидетельства о деятельности и гибели молодых патриотов Краснодона, установлено, что Виктор Третьякевич стал жертвой умышленного оговора, а настоящим предателем был Геннадий Почепцов. Увидели свет и достоверные документы, подтверждающие это.

На процессе присутствовал собственный корреспондент центральной газеты «Комсомольская правда» по Донецкой и Луганской областям Ким Прокофьевич Костенко – участник Великой Отечественной войны, артиллерист, младший лейтенант, награжденный полководческим орденом Александра Невского, орденом Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны и множеством медалей. Он со своей батареей с боями дошел до Праги, где был тяжело ранен.

К.П. Костенко заинтересовался личностью Виктора Третьякевича и с большим трудом, используя все рычаги центрального аппарата, добился возможности ознакомиться с секретными материалами, связанными с деятельностью «Молодой гвардии», в архивах КГБ. Узнав о настойчивом столичном корреспонденте, в Луганске после процесса срочно была создана специальная государственная комиссия обкома партии совместно с работниками областного управления КГБ, которая теперь уже официально, открыто установила непричастность Виктора Третьякевича к провалу организации и признала его видную роль в создании и руководстве «Молодой гвардией», а также, что комиссия А.В. Торицына «из-за недостатка времени» сделала поспешные, непроверенные выводы.

В газетах «Социалистический Донбасс» и «Комсомольская правда» были напечатаны статьи К.П. Костенко, в которых излагались новые обстоятельства гибели молодогвардейцев. Ким Прокофьевич впервые

во всеуслышание сказал: Виктор Третьякевич – не предатель, сняв с него существовавшее 16 лет оскорбительное клеймо.

Эта работа требовала огромной энергии, силы воли и стала настоящим журналистским подвигом, но и шоком для многих. На Костенко посыпались жалобы, письма в ЦК ВЛКСМ и партии, и прежде всего от В.Д. Борца и Е.Н. Кошевой. Против его статей выступил и очень популярный журнал «Юность». Костенко начали таскать по всем кабинетам ЦК. Выстоял. Мало того, в 1961 г. он издал книгу «Это было в Краснодоне», в которой впервые назвал имена, напечатал фотографии почти всех юных героев и открыто признал комиссаром «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича. В те годы такие материалы были редкостью, сенсацией и, безусловно, требовали от автора большого мужества.

Знаменитый режиссер С.А. Герасимов как-то пришел к журналисту без предупреждения домой с одним вопросом: «Что делать с фильмом?» Они долго беседовали. Великому мастеру, в принципе, не требовались советы. И надо отдать ему должное: он вырезал кадры, где предатель Стахович – Третьякевич выдает на допросе имена друзей, а также сцену, где молодогвардейцы, босые, избитые, стоят на краю шурфа, куда их вот-вот столкнут фашисты, и у их окровавленных ног ползает, вымаливает прощение предатель.

После своих первых публикаций в «Комсомольской правде» Ким Прокофьевич отправился к матери героя Анне Иосифовне Третьякевич. Она очень долго благодарила журналиста за восстановление справедливости, за правду о ее младшем сыне, за то, что теперь она может ходить на могилу Виктора не тайком по ночам, а открыто. А после беседы вышла его проводить и посреди сельской улицы отвесила ему низкий, до земли, поклон. Улица была длинная, Ким шел, оглядываясь, женщина все стояла в поклоне. Повернув на другую улицу, он в последний раз оглянулся, а мать так и не разогнулась, словно застыла...

Этот земной поклон матери организатора и комиссара «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича был и остался для него на всю жизнь самой дорогой, величайшей наградой как журналисту, как человеку...

По материалам специальной государственной комиссии постановлением бюро Луганского обкома КПУ от 10 февраля 1959 г. (задним числом – авт.) Виктор Третьякевич был реабилитирован. Руководство области также приняло решение ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза посмертно. Но это опять вызвало бурную негативную реакцию В.Д. Борца.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1960 г. «За

активное участие в деятельности подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», а также проявленное личное героичество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками наградить тов. Третьякевича Виктора Иосифовича орденом Отечественной войны I степени». Подписали Указ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев и Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе.

В 1961 г. в 3-м томе «Истории Великой Отечественной войны» В.И. Третьякевич уже официально был назван комиссаром «Молодой гвардии», в музее обновилась экспозиция и на плитах из красного мрамора на братской могиле молодых патриотов Краснодона у памятника «Клятва», торжественно открытого еще 12 сентября 1954 г., была наконец-то выбита его фамилия.

Только теперь Анна Иосифовна могла открыто с высоко поднятой головой, ни от кого не таясь, прийти и постоять у края братской могилы вместе со своей подругой Анастасией Григорьевной Ковалевой, которая все эти долгие послевоенные годы вселяла в нее веру, что придет тот день, когда грязное пятно будет смыто с имени ее сына Виктора. И этот день настал.

Но не для всех эта правда стала долгожданной.

Директор Краснодонского музея А.М. Литвин, изучив и обобщив вновь открытые материалы, связанные с деятельностью и гибелью организации, изменив, в связи с этим, экспозицию музея, сначала устно на экскурсиях, а потом и в печати стал называть Виктора Третьякевича комиссаром «Молодой гвардии». Это очень не понравилось Е. Н. Кошевой и В.Д. Борц, которые стали писать жалобы во все инстанции. И как не оправдывался директор перед различными комиссиями, в марте 1964 г. на Бюро Луганского промышленного обкома КП Украины его обвинили в извращении истории Краснодонского подполья, объявили строгое партийное взыскание и сняли с работы за то, что он якобы «дал доступ к материалам о Третьякевиче столичному корреспонденту» (Киму Костенко – авт.).

Все старания А.М. Литвина восстановиться в должности директора музея оказались напрасными. Он даже написал жалобу в Москву Председателю Партийной Комиссии при ЦК КПСС Н.М. Швернику. Александра Макаровича перевели на другую работу. В музее «Молодой гвардии» снова убрали в укромное место портрет Виктора Третьякевича, а на стендах появилось имя новоявленного «партийного подпольщика» - действующего первого секретаря Луганского обкома КПУ В.В. Шевченко.

9 мая 1965 г. в селе Ясенки Горшеченского района Курской области во дворе новой школы на средства местного колхоза был открыт памятник с надписью: «Виктор Третьякевич (1924 - 1943 гг.), комиссар Краснодонского

комсомольского подполья «Молодая гвардия»». В школьном музее установили большой стенд с фотографиями и информацией о подвиге земляка. Это вновь вызвало бурю негодований со стороны Е.Н. Кошевой и В.Д. Борц. В результате их гневных писем была создана очередная комиссия Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС для изучения вопроса о подпольной организации Краснодона, которая еще раз подтвердила, что Виктор Третьякевич был одним из организаторов и руководителей «Молодой гвардии» и ее комиссаром. Но, несмотря на это, в официальных изданиях по-прежнему главенствующую роль отводили Олегу Кошевому.

Старшие братья все же решили пойти на прием к первому секретарю Луганского обкома партии В.В. Шевченко, чтобы добиться правильного освещения роли Виктора в деятельности «Молодой гвардии». Но от него услышали все те же аргументы: не стоит разрушать уже сложившееся представление о подпольной организации, не стоит упоминать рядом Третьякевича и Кошевого, так как это наносит вред идейному воспитанию молодежи.

Только летом 1968 г. Михаилу Иосифовичу Третьякевичу наконец-то вручили билет «участника партизанского движения и подпольных организаций на Украине с июля 1942 г. по февраль 1943 г.», но республиканской пенсии так и не дали. Такое отношение к нему лично высшего партийного и советского руководства области и страны все чаще стало наводить Михаила Иосифовича на мысль, что когда он был в оккупации и, рискуя жизнью, боролся с врагом, то чувствовал себя увереннее, чем спустя годы и десятилетия после освобождения от фашистов. Тогда ему не приходилось испытывать оскорбления и унижения со стороны разномастных начальников за то, что добровольно остался в тылу врага для борьбы с фашистами, а не эвакуировался в Среднюю Азию, как многие другие партийные деятели.

Но дело, начатое братьями Третьякевичами и Кимом Прокофьевичем Костенко, продолжало жить.

Виктору Третьякевичу были установлены памятники-бюсты в Краснодоне, Харькове и Ульяновске. (В ноябре 2013 г. в Харькове местные нацисты демонтировали и увезли на свалку Аллею Молодогвардейцев, в том числе и бюст В.И. Третьякевича).

Его именем назвали улицы в городах Калининград, Макеевка, Суходольск, Прокопьевск, Каракол (Киргизия), а также в поселке Сайга Томской области и селе Ясенки Курской области. Нет только улиц с таким названием в Краснодоне и Луганске, не награжден он также и медалью «Партизану Отечественной войны» даже посмертно, притом что почти все молодогвардейцы были удостоены этой чести.

Судьба Виктора Третьякевича особенно трагична. Для того чтобы

героя-молодогвардейца сделать предателем, комиссии Торицына понадобилось не более двух месяцев, а чтобы восстановить его честное имя – целых 16 лет. Его реабилитировали, но горький осадок все равно остался.

Когда книга была уже написана и готова к изданию, автор с большим удовольствием услышал по радио и телевидению Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 22 сентября 2022 г. № 655, в котором говорилось: «За активное участие в создании и деятельности подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., присвоить звание Героя Российской Федерации Третьякевичу Виктору Иосифовичу (посмертно)».

Этот Указ Президента России стал светлой памятью не только нашему герою, но прежде всего тем, кто на протяжении 80 лет боролся, доказывал во всех высоких партийных и государственных инстанциях вначале невиновность Виктора, а в последствии – его роль в создании «Молодой гвардии», как комиссара организации. И это не только дань памяти родителям и старшим братьям Виктора, которые всю свою жизнь посвятили разоблачению подлой вражеской клеветы, но прежде всего Василию Ивановичу Левашову, Киму Прокофьевичу Костенко и тем малоизвестным широкой публике людям, которые все-таки сумели довести правду руководству страны о роли Виктора Третьякевича в подполье Краснодона.

Наконец-то историческая справедливость восторжествовала!

Герой Советского Союза

Земнухов
Иван Александрович
(08.09.1923 — 16.01.1943)

**Начальник штаба,
один из организаторов
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»**

Иван Александрович Земнухов родился 8 сентября 1923 г. в семье крестьянина-бедняка в деревне Илларионовка Шацкого уезда Рязанской губернии. Отец, Александр Федорович (1884 – 1943), с началом Первой мировой войны в августе 1914 г. был мобилизован в армию. Воевал на разных фронтах. Скоро на груди у храброго кавалериста красовались три Георгиевских креста за храбрость. Однако осенью 1916 г. во время одной из атак он был тяжело ранен, три месяца лечился в госпитале, в январе 1917 г. был комиссован и вернулся домой, но еще три года не расставался с костылями. Мама, Анастасия Ивановна (1891 – 1978), все это время жила с родителями мужа в небольшом доме и ждала его с фронта. Еще до войны, не прожив и по году, умерли один за другим два их маленьких сына. И когда в октябре 1917 г. у Земнуховых родился мальчик, которого, как и отца, назвали Александром, радость родителей была безгранична. Через три года (1920) появился второй ребенок - дочь Нина. Третий, названный в честь деда по материнской линии Иваном, родился 8 сентября 1923 г. Он увидел свет в новой избе, которую Земнуховы построили на живописном берегу реки Вобши.

Александр Федорович, в отличие от безграмотной жены, окончил четыре класса церковно-приходской школы. Очень любил читать, когда выпадала свободная минута. Жизнь была тяжелая, и плотницкая профессия стала основным занятием отца. Вскоре старшие дети пошли в школу.

У Александра появились учебники с красочными картинками, от которых загорались радостью глаза маленького Вани. Бывало, зимними вечерами учит Саша наизусть стихотворение, а братишка слушает, чуть старший запнется на какой-то строке, он сразу же подскажет слово, а то и всю строчку. Так что, еще не выучив азбуки, Ваня знал наизусть много стихов и выразительно их декламировал.

Рос он мальчиком бойким, любознательным, очень любил животных и всегда находил себе дело: то пол подметет, то дрова в поленницу складывает, то сено из стожка дергать помогает.

По вечерам, когда собиралась вся семья, отец усаживал Ваню на колени и негромко, чтобы не мешать другим, начинал читать вслух уездную газету «Советская деревня». Иногда Александр Федорович спрашивал младшего сына: «Ну, понимаешь, о чем речь?» – и маленький Ваня молча кивал головой. Он был счастлив от близости с отцом.

Любознательность и желание учиться привели Ваню в школу соседнего села Ольхи, но его не приняли, так как ему было только 7 лет, а принимали с восьмью. Но это его ничуть не смутило. Он аккуратно каждый день ходил в школу, его не прогоняли, но и не обращали никакого внимания. Александр Федорович, видя такую охоту и старания к учебе

младшего сына, ходатайствовал перед учителями о зачислении его в класс, и Ваня был бесконечно рад. Учился он хорошо. Хотя и был на год младше от своих товарищей, но обгонял их в учебе. Научившись читать, с книгой он больше не расставался, даже по ночам мог запоем читать понравившийся рассказ или стихотворение, засыпая лишь под утро, измученный и уставший.

В 1930 г. Александр Федорович окончательно порвал с земледелием и переехал со старшим сыном в рабочий поселок Сорокино (Краснодон с 1938 г.), где до этого несколько лет в зимние месяцы работал в плотницкой бригаде. Саша пошел учиться в школу № 1 им. А.М. Горького. Его самым лучшим другом стал Иван Туркенич, будущий молодогвардеец, хотя тот и был младше Александра более чем на два года (после окончания семилетки они вместе работали в районной типографии, а потом их дороги разошлись: Земнухов после службы в армии вернулся в типографию, а Туркенич стал курсантом Севастопольского училища зенитной артиллерии).

Отцу со старшим сыном дали комнату в общежитии, но она была настолько мала, что о переезде всей семьей нечего было и думать. Лишь через два года, осенью 1932 г., Александр Федорович получил наконец-то другую комнату побольше в кирпичном одноэтажном доме № 8 по ул. Чкалова за рынком на окраине поселка. Таких кирпичных домов там было восемь, и вскоре этот район стали в обиходе называть «Восьмидомиками».

Два года в деревне с маленькими детьми без мужа Анастасии Ивановне приходилось очень тяжело, так как приходилось работать и на колхозных полях, и дома. Лишь в конце 1932 г., продав свою избу, небольшое хозяйство и часть имущества, погрузив с отцом мужа на телегу оставшийся скарб, Земнуховы отправились в дальний путь. Ваня хотел забрать с собой жалобно повизгивавшего из собачьей конуры Черныша, но дед и мама строго сказали, что их не пустят с собакой в поезд. Пришлось Ване со слезами на глазах оставить своего верного друга в деревне. Впервые Анастасия Ивановна и младшие дети ехали так далеко от своей малой родины, да еще на поезде. Все очень волновались, все было впервые и в диковинку.

В Сорокино Ваня пошел учиться в третий класс в ближайшую к дому школу № 4 и записался сразу в четыре библиотеки.

В большом бараке семейного общежития Земнуховы впятером занимали одну небольшую комнату, и их жизнь потекла на виду у всех. С утра, как только старшие уходили на работу, длинный коридор, освещенный маленькой электрической лампочкой, оглашался звонкими голосами: за каждой дверью жило по двое-трое ребят.

Заниматься при этом было трудно, но Анастасия Ивановна строго следи-

ла за тем, чтобы дети своевременно и добросовестно делали уроки. Особенно много хлопот было с Ваней, ей все казалось, что он много читает в ущерб домашним заданиям. Поэтому он вначале делал уроки, а уж затем садился за книги, хотя маме было трудно проверить, что читает сын и подготовлены ли школьные задания. А Ваня, забившись в укромный уголок, проводил целые дни за книгой. Ночью ему читать запрещали. С большим недовольством он ложился спать, а чуть свет опять с книгой.

Отец, работая плотником, зарабатывал мало, семье приходилось туго, часть продуктов питания получали по карточкам. Но Ваня, зная трудности семьи, ко всему относился бережно и никогда ничего не требовал от родителей, а, наоборот, нередко свои скудные сбережения (по 10–15 копеек на школьный завтрак) отдавал маме, чтобы та не занимала у соседей.

Свое первое стихотворение младший Земнухов написал в третьем классе и показал учителю, но на замечания отреагировал обидой. Долго пришлось преподавателю убеждать Ваню, что надо еще много работать, учиться, и прежде всего у великих поэтов, таких как А.С. Пушкин. С этого момента Александр Сергеевич безраздельно царил в его сердце, поэзия стала одним из самых сильных пристрастий Ивана, а литература – любимым предметом.

В январе 1937 г. Ваня купил большой портрет Пушкина и повесил в углу над этажеркой и столом, где делал уроки. Подражая великому поэту, Ваня начал писать стихи, воспевая в них красоту родной природы. Но иногда на злобу дня он, высмеивая школьных разгильдяев и нерях, писал басни, пародии и эпиграммы для школьных газет.

3 апреля 1938 г. Иван Земнухов был принят в комсомол и после окончания семилетней школы продолжил обучение в 8 «Б» классе средней школы № 1 им. А.М. Горького. Скромный, застенчивый паренек, которого посадили за первую парту первого ряда со Славой Чернецовым, поразил всех своей начитанностью. С книгой он не расставался никогда. Находил время даже во время уроков читать и своей любовью к литературе сразу завоевал уважение преподавателя по русскому языку и литературе.

Начитанность, общая эрудиция Ивана Земнухова, оригинальность и независимость его суждений поражали и учителей, и сверстников. Между ним и преподавателями часто возникали споры, в которых Иван старался опровергнуть доводы учителей и утвердиться в своем мнении.

Переломный возраст, весь из противоречий. Недоволен собой, учителями, товарищами... Он спорит, опровергает «выводы» и доказывает свое, ищет истину то вслепую, интуитивно, то прорывая.

Постепенно в школе раскрылся не только его поэтический талант, но и умение отстаивать свою точку зрения на происходящие события, за ним

потянулись ребята, особенно те, кто были младше. Они видели в нем безусловного лидера, командира и свято верили каждому его слову, поэтому его единогласно выбрали старостой литературного кружка.

Чем старше становился Иван, тем сильнее его влекла трагическая фигура М.Ю. Лермонтова, его короткая и яркая жизнь. Он стал даже подражать любимому поэту. Ваня продолжал писать стихи, пробовал даже на украинском языке, но к украинской литературе у него не было такой тяги, как к русской. Он стал неизменным участником школьных вечеров, на которых читал как свои стихи, так и произведения любимых поэтов. Земнухов собрал богатый материал о жизни и творчестве поэта: книги, брошюры, газетные и журнальные вырезки, иллюстрации. Собирался написать исследование о его творчестве, делал черновые наброски.

В октябре 1938 г. старшего брата Александра призвали в армию. Писем от него долго не было, и лишь в начале зимы родные узнали, что он попал служить в Забайкалье. Ваня поспешил ответить любимому брату и сообщал, что четверть окончил с пятью тройками, семью «хорошо» и одной отличной оценкой по литературе. В письмах к брату Иван скупое сообщал о своей болезни, не придавая ей особого значения и считая, что врачи преувеличивают серьезность его положения. Но кашель и боли в правом боку доставляли ему немало неприятностей.

После лечения, в зимние каникулы, Ване предложили отдохнуть и поправить здоровье в Доме отдыха на живописном берегу Северского Донца в Святогорске. Родители настояли, и он согласился. Еще ни разу Иван не уезжал из дома так далеко и надолго. Здесь он впервые почувствовал вкус к самостоятельной жизни. Вначале было довольно тоскливо и, не зная, куда себя деть, Земнухов бесцельно бродил по Дому отдыха, но уже на второй день он обзавелся знакомыми и добровольно вызвался подготовить литературную викторину к вечеру отдыха. Здесь он пишет много стихов. Это была, по его выражению, «святогорская зима», по аналогии с «болдинской осенью» А.С. Пушкина. Не забыл Иван похвастаться и перед братом, сообщая ему в письме, что за активную помощь в организации культурного досуга отдыхающих ему подарили шахматы и балалайку.

Александр Федорович к этому времени стал инвалидом и работал сторожем в тресте «Краснодонуголь». Но руководство плотницкой бригады ходатайствовало о выделении ему путевки в Дом отдыха для сына и Ваня еще раз поехал отдыхать. На этот раз летом.

В девятом классе его посадили за первую парту среднего ряда с отличницей Людмилой Кожанковой. Теперь ему часто доставалось от нее, когда во время урока он сквозь щелочку в парте читал книгу, лежащую на

коленях. Иван стал слегка сутулиться, а русые волосы привычным резким движением головы отбрасывал назад и приглаживал рукой. Он стал носить серенький простой пиджак и белую, наглухо застегнутую рубашку.

В третий раз в качестве поощрения за общественную работу девятиклассник Иван Земнухов получил путевку в Славяногорский Дом отдыха в январе 1940 г. Но болезнь не отступала, он почти ослеп, зрение упало до минус семи. Военная призывная комиссия признала его негодным к службе в армии. Если бы кто знал, как ему было стыдно перед своими товарищами, перед отцом и братом, но военком терпеливо разъяснил, почему он не годится, и посоветовал продолжать учиться.

Как ни тяжело и обидно было на душе, но жизнь продолжалась, и худощавый юноша со светлыми, умными глазами, открытым лицом и прямым взглядом стал носить старенькие очки в металлической оправе и галстук, что придавало ему солидный вид.

За этот вид и за поразительную начитанность школьные товарищи прозвали Земнухова «профессором». И ничего иронического в этом прозвище не было. Он был эрудитом, читал запоем. Книга была в буквальном смысле спутницей его жизни. Ваня без томика Лермонтова или Маяковского под мышкой - не Ваня.

Осенью 1940 г. комсомольцы избрали Ивана членом комитета комсомола школы, и он вполне оправдал это доверие.

В десятом классе Земнухов сел уже подальше, чуть ли не за последнюю парту. Случались с ним и казусы, связанные с его пристрастием к чтению. Иногда у Вани из-под парты учитель извлекал роман, в который он погружался, забывая обо всем на свете. Продолжал Иван читать и по ночам, а чтобы не мешать родным, он удлинил электропровод, а лампочку закрывал абажуром из газеты. И хотя в своем режиме дня Земнухов отводил на занятия по 10 часов в сутки, иногда он не успевал выполнить домашние задания по точным предметам.

Молоденькой учительнице по математике Прасковье Евдокимовне Варянице это очень не нравилось, и у нее с Иваном сложились довольно натянутые, недружелюбные отношения. Вроде бы ничего обидного или оскорбительного он не говорил, но было достаточно одной реплики, фразы, даже вопроса, чтобы вывести из равновесия учительницу, заставить ее вспылить, прервать урок, убежать из класса в слезах. Земнухов не уступал, его стали поддерживать некоторые ученики. Они, кто как мог, стали изводить до слез мнительного, обидчивого, далекого от чувства юмора преподавателя. Однажды даже привязали веревку к задней ножке стула и протянули ее под партами, а когда учительница стала по

привычке качаться за столом на задних ножках, Ваня дернул веревку и Прасковья Евдокимовна чудом не опрокинулась, задержавшись ногами за стол. Все замерли, было страшно и очень смешно, но пока педагог сбегала за директором, веревка исчезла. Все убежденно доказывали, что математичка сама виновата. Никто Ваню не выдал.

Земнухова, одного из самых активных членов литературного кружка, избрали редактором классной и членом редакции общешкольной стенных газет. Здесь он и познакомился с Олегом Кошевым, который был младше Ивана почти на три года и в школу № 1 им. А.М. Горького пришел учиться только в январе 1940 г. Привлекло Ивана в новом товарище его увлечение поэзией, и разница в возрасте не помешала их дружбе. На занятиях кружка Земнухов часто читал свои стихи, которые вызывали бурю восторга, в том числе и у Кошевого.

Вместе с Олегом и другими ребятами они увлеченно выпускали общественную газету «Смена», которая стала надежным помощником руководства школы в повышении успеваемости и улучшении дисциплины.

Дружба Ивана с Олегом укреплялась и в часы увлекательной работы над сатирическими выпусками газеты «Крокодил», которая выходила каждый понедельник. Когда они вывешивали ее в коридоре, то тут же собиралась толпа школьников. Чтение сопровождалось взрывами дружного смеха, шутками и горячими спорами. Редакторы остроумно бичевали различные отрицательные явления школьной жизни. В своих статьях они не щадили никого: ни отстающих, ни успевающих – всем отводилось достойное место.

Вскоре Земнухов добился зачисления Кошевого в старшую группу литературного кружка, и именно он впоследствии дал Олегу рекомендацию по приему в комсомол.

Иван был грамотным, начитанным человеком, поэтому и выделялся в школьной среде. Он обладал критическим и аналитическим умом, на слово ничего не принимал, доискивался до истины. В спорах почти всегда добивался ясности и доказательств. Мог легко поставить любого, даже учителя, в тупик настойчивым: «А почему?.. Так ли... Докажи!» Это часто выводило оппонентов из равновесия. Ваня был принципиальным, от своих убеждений или идей не отступал, хотя иногда был не прав. Несколько лет упорного, глубокого и в основном самостоятельного изучения литературы и истории не прошли даром. Оригинальность и независимость его суждений поражали и учителей, и сверстников.

Земнухов довольно скептически относился к деятельности комсомольской организации школы. Он считал ее недееспособной и зависимой, не обладающей самостоятельностью. Критикуя организацию как в целом, так и

отдельных ее активистов, Иван утверждал, что работа, которую они проводят, есть только слепое выполнение воли дирекции школы. Общешкольные комсомольские собрания, на которых выступал Ваня с блокнотом в руках, с цитатами, поговорками, сравнениями, были такими горячими и интересными, что на них собирались все комсомольцы и не комсомольцы от мала до велика. Он не поддакивал эрудированным комсомольским вожакам, а жестко критиковал их за неправильно принятые решения и недобросовестный анализ своей работы. Споры были очень горячими.

Однажды эти свои мысли он высказал в специальном выпуске стенгазеты, которая наделала много шума. Завуч школы Анна Виссарионовна Гаврютина тут же сняла газету, что вызвало острейшую реакцию со стороны Земнухова. Несмотря на все свое хладнокровие и выдержку, он сорвался и наговорил завучу много дерзостей.

Дело приобретало нежелательный оборот. Правда, поостыв, Иван сказал, что погорячился, что его мысли были поняты неправильно, что он имел в виду только комсомольскую организацию. Эта история обсуждалась на заседании комитета комсомола школы, некоторые активисты ставили вопрос даже о его исключении из комсомола, вспомнили и другие его проступки, особенно игнорирование просьб и предложений членов комитета комсомола и отказ от работы в школьной стенной «Литературной газете». Но мудрое руководство школы сумело погасить этот конфликт.

Да, Земнухов был тверд и принципиален, но рядом с этой твердостью, а порой жесткостью мирно уживались глубокая доброта, уравновешенность, мягкая ирония. Иван был добрым человеком и верным другом.

В семье его отличала врожденная чуткость и мягкость. Родители ни разу не замечали за Ваней грубости или резкости. В любом случае он умел укротить несдержанность, не давая развиться обиде и у других, особенно у сестры. Младший в семье был во взаимоотношениях мудрее, рассудительнее и терпимее старших. Не было случая, чтобы Иван сказал отцу или матери грубое, несправедливое слово и обидел их.

Но комсомол был дорог не только ему, и в своих воспоминаниях обиженные школьные активисты видели в Земнухове самолюбивого зазнайку, неторопливого в ответах, с насмешливой улыбкой, любившего иронически высказаться по поводу похвалы учителем кого-либо из учеников класса в присутствии всех учащихся. Они считали, что Иван всегда тяготел к самостоятельной и бесконтрольной деятельности, не любил, чтобы им кто-то руководил. Ни среди взрослых, ни среди сверстников авторитета для Ивана не существовало. Авторитетом для Земнухова был сам Земнухов. Может, поэтому среди одноклассников и старших ребят у него не было друзей. Он

дружил только с младшими, которые видели в нем лидера, и это нравилось Ивану. Лишь с братом он иногда был откровенен, мог «излить душу» и то только для того, чтобы убедиться, что он, как всегда, прав.

Осенью 1940 г. на шахты приехали работать поляки, украинцы, молдаване из освобожденных районов Западной Украины и Бессарабии. Ребята видели их беспомощность, и им хотелось помочь новым рабочим скорее приобщиться к другой для них жизни. Земнухов предложил комсомольцам организовать шефство над этими рабочими, и ребята добровольно, каждый вечер, после уроков, ходили в общежитие, рассказывали о советском образе жизни, порядках, читали газеты, журналы, давали советы в меру своего жизненного опыта, помогали в быту и с питанием.

В начале декабря 1940 г., отслужив в РККА, вернулся домой старший брат Александр и... не узнал Ивана, потому что за два года он вырос, возмужал, носил очки и у него изменился голос. Но радости Вани не было предела. Братья крепко обнялись и долго стояли в дверях, покачиваясь и похлопывая друг друга по спине и плечам.

До армии старший Земнухов считался одним из лучших наборщиков районной типографии. В армии он тоже служил в типографии дивизионной газеты и стал настоящим универсалом: и набирал, и верстал, и печатал. Директор типографии Грищенко обрадовался ему, как родному сыну, и сразу же поручил самое почетное и ответственное дело – верстку районной газеты «Социалистическая Родина».

В доме появились деньги и мать могла больше тратить на продукты, особенно на молоко и масло, в которых нуждался часто болевший Александр Федорович. Рабочие семьи не имели больших доходов, поэтому и гардероб их был прост до предела: штаны, рубашка, ботинки. А уж костюм – верх желаний. Поэтому решили купить обновки в первую очередь сестре, которая выросла, похорошела, но давно ходила в стареньком зимнем пальто (Нина к этому времени окончила в Сталино курсы счетоводов и работала в конторе шахты № 1-бис).

В мае 1941 г. перед экзаменами на аттестат зрелости решили купить костюм и Ивану. Мать и сестра долго выбирали, пока наконец Ване не приглянулся серый в светло-зеленую полоску коверкотовый костюм. Он очень ему шел, а главное, оказался в самую пору. Однако стоил очень дорого и мать засомневалась («не так уж мы богато живем»). Но, когда Иван с тяжелым вздохом стал снимать пиджак, Нина поддержала брата и мама, причитая («за один костюм – две отцовские зарплаты»), согласилась. Пришедший с работы Александр тоже одобрил покупку, сказав, что теперь он похож на настоящего профессора, и подарил свой любимый коричневый

галстук. В этом костюме, в очках Иван сразу стал выглядеть старше своих лет и внешне казался суровым и замкнутым.

Одноклассники постоянно спорили: какое из военных училищ лучше, и только Иван Земнухов сохранял нейтралитет, с улыбкой слушая ребят. Свой выбор он сделал еще в восьмом классе, однако никому из друзей и дома не сказал. Он мечтал о юридическом факультете университета и только перед выпуском сообщил об этом родителям.

21 июня 1941 г. выпускникам были вручены аттестаты об окончании средней школы. Прощальный школьный вечер закончился лишь под утро. Усталый, но веселый, Ваня вернулся домой. Показал аттестат. Мама обняла младшего сына и всплакнула от радости. Но мечтам Ивана не суждено было сбыться. Началась война. Вскоре она постучала в двери и к Земнуховым. 15 июля 1941 г. старший брат Александр получил повестку из военкомата. Он попал служить в 395-ю стрелковую дивизию, которая формировалась в Ворошиловграде. В народе ее стали называть «шахтерской», потому что костяк дивизии составляли потомственные шахтеры и металлурги, а также партийные и комсомольские работники Донбасса.

Иван также попытался уйти на фронт, ведь ему почти 18 лет, но из-за плохого зрения он вновь получил категорический отказ. Земнухов замкнулся и никому не рассказывал о своем неудачном визите к военному комиссару. Вскоре его вызвали в райком комсомола и предложили идти работать старшим пионервожатым в школу № 6 поселка Первомайка. Ваня любил «возиться с малышкой», поэтому сразу же согласился. Теперь его часто можно было видеть с ватагой ребятшек, они держали Ивана за руки, а он им что-то рассказывал, расспрашивал и никогда не говорил им резких слов. Младшие школьники были привязаны к нему, ведь он рассказывал им сказки, читал книги, стихи.

Скоро от Александра пришло короткое письмо. Он сообщал, что есть возможность увидеться с ним, пока дивизию не отправили на фронт. Найти его в Ворошиловграде было просто, машина с передвижной типографией дивизионной газеты, где он служил, стояла прямо в центральном парке. Иван первым навестил брата. Они обнялись, расцеловались, потом Александр накормил Ваню сытным ужином из походной солдатской кухни, от которого Иван был в полном восторге, и попросил у повара добавки. За разговорами быстро пролетело время, и он, с разрешения командира, остался ночевать в расположении типографии. Братья устроились на ночлег в парке под акацией. Они расстелили на траве плащ-палатку, укрылись шинелью, а под головы, за неимением ничего лучшего, положили... по паре ручных гранат, предварительно обмотав их чистыми тряпками и нательным бельем.

На следующий день, потренировавшись в метании гранат, Иван попрощался и уехал домой. Братья даже не подозревали, что видят друг друга в последний раз. «Шахтерская» дивизия вскоре отбыла на фронт.

Глубокой осенью в ходе ожесточенных боев наши войска сдержали натиск превосходящих сил противника, остановив его на реке Миус и под Красным Лучом, но западный и центральный Донбасс были оккупированы фашистами. Ворошиловград стал на время столицей Украины, здесь находился ЦК КПУ и работали республиканские министерства и ведомства.

В Краснодаре было объявлено военное положение. Мобилизационный пункт находился в клубе им. В.И. Ленина. Каждый день здесь не утихал безутешный плач жен и матерей, а залихватские переборы гармошек и веселые частушки заглушали голоса сотен людей. Всюду обнимались, целовались, прощаясь, давали клятвы и обещания любить, помнить и ждать. Лишь некоторые стояли молча. Земнуховы не успели никуда уехать, решили пойти на этот шаг лишь в крайнем случае. Александр Федорович считал, что эвакуироваться надо на родину, в Илларионовку («уж там-то они будут в полной безопасности»).

Одна за другой закрывались шахты, промышленные предприятия перемещались на восток. Но, несмотря на близость фронта и налеты вражеской авиации, жизнь в Краснодаре входила в привычную колею. В город стали возвращаться многие из тех, кто эвакуировался осенью. Работали учреждения, больницы, магазины, школы.

Александр Федорович снова работал сторожем в тресте «Краснодонуголь», а Нина устроилась бухгалтером на хлебозавод.

В октябре 1941 г. Земнуховы получили квартиру в доме № 17 по улице Буденного, недалеко от центра. После барака новое жилье казалось свет-

Клавдия Ковалева

лым и просторным — две комнаты, большая кухня, широкий коридор, а во дворе сарай, летняя кухня и довольно большой участок земли (мечта мамы), на котором Анастасия Ивановна сразу же разбила несколько грядок, а мужа и сына заставила посадить фруктовые деревья.

Иван был доволен переездом, потому что недалеко жили его школьные друзья — Жора Артюнянц, Володя Осьмухин, Юрий Виценовский, а рядом в соседнем доме № 15 жила она... Клава Ковалева.

Их дружба родилась еще в школьные годы, когда Иван учился в выпускном классе, а Клава

заканчивала восьмой. После начала войны семейные обстоятельства заставили девушку пойти на работу телефонисткой в военизированный пожарный отряд. Ковалева выглядела вполне взрослой, носила туфли на высоком каблуке, а темные вьющиеся волосы укладывала в красивую прическу. Глядя на Ивана карими, слегка раскосыми глазами, Клава иногда жаловалась, что сильно устает на работе, которая становится все напряженнее. Ей не раз приходилось дежурить по двое суток подряд, так как после фашистских бомбежек пожары возникали то в одной части города, то в другой, а также в окрестных поселках и хуторах. Ваня посвятил ей свое стихотворение, озаглавив «К». Они могли часами весело разговаривать, и Земнухов старался проводить ее на дежурство или встретить.

Под руководством Ивана работа пионерской организации Первомайской школы была поставлена очень четко. Теперь его часто можно было видеть в белой рубашке с повязанным на шее красным галстуком в круту ребят, ведущего оживленный разговор на самые актуальные темы.

Осенью все краснодонские школьники убирали урожай в подшефных колхозах. Ребята из Первомайки трудились в совхозе «Труд горняка» и в колхозе «Богатырь». Косили, вязали в снопы хлеб, ломали кукурузные початки, резали подсолнух... Ничего не должно было пропасть, а тем более достаться врагу.

Однажды в колхозе ребят не накормили вовремя обедом, узнав об этом, Земнухов, где пешком, а где и на попутках, немедленно отправился разбираться. Бригадир долго извинялся, обещал, что впредь все будет в порядке, и Иван, утомленный дорогой, остался ночевать в бригаде вместе с ребятами, для которых его озабоченность их полевой жизнью имела большое значение. Полтора месяца Ваня бывал дома лишь изредка, чтобы сходить в баню, сменить белье и немного отоспаться.

28 декабря 1941 г. на заседания бюро Краснодонского РК ЛКСМУ Ивана Александровича Земнухова утвердили старшим пионервожатым своей школы № 1 им. А.М. Горького.

Теперь времени оставалось больше, и Ваня мог целый вечер в одиночестве просидеть над книгой или над сложной шахматной задачей. Помимо книг Земнухов интересовался и периодической печатью. Он часто заходил в читальный зал клуба им. А.М. Горького, просматривая там свежие газеты и журналы.

Подражая взрослым, Иван стал покуривать, но неумело. Выражение его лица было всегда серьезным, но стоило спросить о чем-либо – и оно моментально преображалось. Он загорался каким-то внутренним огнем, улыбался всегда добродушно и ласково еще до того, как отвечал

на вопрос. Земнухов был быстр в движениях и все также страстно спорил о жизни, о человеческих поступках, о литературе и искусстве. Многие его любили и дорожили дружбой с ним.

Худоцавый, слегка сутуловатый, парень с русыми волосами теперь стал чаще появляться у пожарной части, которая располагалась недалеко от школы. И смуглое красивое лицо телефонистки Клавы Ковалевой сразу же преображалось и светлело от радостной улыбки. После встречи они много времени проводили друг с другом, весело разговаривая.

Ваня хорошо организовал пионерскую работу в своей школе и завоевал непререкаемый авторитет. Всегда чисто и аккуратно одетый, он проводил лекции для старшеклассников и пионеров о международном положении, о бдительности, привлекая к этому представителей Красной Армии. Иван стал больше времени уделять на подготовку учащихся к организации групп самозащиты, оборудованию щелей, организации занятий по ПВХО, санитарному и стрелковому делу. Не забывал он помочь ребятам и в оформлении школьной стенной газеты.

В марте 1942 г. Земнухов был утвержден членом комиссии по школьной работе при райкоме комсомола.

Зная о его желании стать юристом, райком комсомола в конце апреля 1942 г. направил Ивана на краткосрочные (три месяца) юридические курсы в Ворошиловград. Курсы были организованы республиканской прокуратурой для подготовки следователей в освобожденных районах Украины. Ваня был чрезвычайно рад и первой сообщил об этом Клаве. Она порадовалась за него, но немного расстроилась. Предстояла разлука.

Занятия начались 1 мая 1942 г. Теоретический курс «Государство и право» читал заместитель прокурора республики Р.А. Руденко, будущий главный обвинитель фашистских палачей на Нюрнбергском процессе, ставший впоследствии Прокурором СССР. Программа была насыщена, и учебный день полностью загружен. Иван очень ответственно, с большой точностью и аккуратностью изучал все предметы, особенно уголовное право. Но из-за приближения фронта обучение временно приостановили. 9 июля 1942 г. курсы эвакуировали в Саратов, а Иван вернулся домой, чтобы уехать вместе с семьей.

Земнуховы несколько раз собиралась эвакуироваться, но из-за внезапно обострившейся болезни отца остались в Краснодаре. Иван один ехать не хотел и только через два дня, уступив просьбам отца, выехал в Ворошиловград, а оттуда с оставшимися курсантами к месту назначения. По пути их эшелон разбомбили немцы, пришлось вернуться обратно и на следующий день выехать самостоятельно. Но все дороги были уже

перекрыты фашистами и через несколько дней Иван возвратился домой.

Наступили дни зловещего ожидания, не верилось, что фашистам отдадут Краснодар, Боково-Антрацит, Красный Луч с их многочисленными шахтами, но сводки Совинформбюро становились все тревожнее.

Вскоре немцы спокойно и беспрепятственно заняли опустевший, будто вымерший город. Чтобы враги не могли поселиться в их квартире, Иван устроил ремонтный беспорядок: разбросал кирпичи, песок. Фашисты заглядывали и сразу уходили искать квартиру почище. Свой комсомольский билет Земнухов спрятал на этажерке между книгами Пушкина и Лермонтова, любимых с детства.

Коротая время, Ваня что-то писал, читал или лежал без движения, думая о чем-то. Александр Федорович болел и только изредка, сидя на кровати, делал рамки для портретов. На городском базаре за них давали копейки, но это составляло весь доход семьи во время оккупации. Мама и сестра, бывавшие на рынке, приносили в дом невероятные, часто противоречивые, неутешительные вести. Оккупационные власти вывесили многочисленные приказы и распоряжения, согласно которым за каждое нарушение любого из приказов – расстрел.

Немецкие офицеры заняли лучшие дома в центре города. В здании районной милиции расположилась полицейская управа, а в одном из домов в конце улицы Садовой открылась биржа труда и началась подготовка к отправке молодежи на работы в Германию. Гитлеровцы грабили жителей, перебили по дворам свиней, кур и собак.

Мама предложила сыну устроиться на работу, но Иван грубо и нервно оборвал ее, впервые повысив голос. «Лучше голодным сидеть, чем на фашистов работать!» – сказал он. К нему стали приходить парни и девушки. Чаще других навещались Жора Арутюнянц и Олег Кошевой, с которым Иван подолгу играл в шахматы, склонившись над доской и о чем-то переговариваясь, не обращая внимания на проходивших мимо немцев и полицаяв.

В городе появились антифашистские листовки, написанные от руки неровным почерком на тетрадных листочках. Стало ясно, что кто-то уже начал свою борьбу с фашистами. Пусть пока неумело, но он не сидел сложа руки и не размышлял, а действовал. И Иван понял, что с фашистами можно бороться не только оружием, но и словом.

В конце августа 1942 г. Земнухов собрал в центральном парке города своих друзей Володю Осьмухина, Анатолия Лопухова и Георгия Арутюнянца и предложил им... познакомиться. Удивленные ребята переглянулись, ведь они давно знали друг друга, но Иван сказал, что теперь они – народные мстители и будут бороться с фашистами.

Возбужденные парни и сами давно думали об этом, но не знали, с чего начать. А Земнухов продолжал: «В нынешних условиях самое главное – правильный подбор людей, не откровенно делиться друг с другом своими мыслями, а учиться осторожности. Тщательный подбор людей и строгая конспирация – вот что прежде всего нужно для подпольной организации...» У него уже был свой план действий.

В первую очередь, считал Иван, необходимо установить тесную, живую связь с населением путем распространения листовок и воззваний, а для этого надо смонтировать два радиоприемника в разных частях города, с тем чтобы принимать сводки Советского Информбюро и сообщать их людям. Во-вторых, начать сбор оружия и боеприпасов в местах недавних боев.

Володя Осьмухин и Жора Арутюнянц с воодушевлением взялись собирать радиоприемник, а пока необходимо было выйти на связь с другими патриотическими группами и объединиться.

Наконец-то Земнухов со своими товарищами без подсказки и указаний «сверху» самостоятельно создал комсомольскую организацию, о которой мечтал, и делал то, что считал нужным.

На их квартире стали чаще собираться юноши и девушки, иногда, не застав Ивана дома, они оставляли ему записки, прочитать которые родные не могли, так как они были написаны специальным числовым шифром.

Небольшие патриотические группы молодежи, объединившись, создали свой партизанский отряд во главе с Земнуховым под названием «Молот». Теперь под текстом листовок, распространяемых по городу, стояла подпись «ШПО» (штаб партизанского отряда). Одновременно в степи ребята собирали оружие, жгли скирды хлеба, резали немецкие телефонные провода.

Вместе с Олегом Кошевым Земнухов составлял тексты листовок (иногда редактировал записки, составленные другими членами отряда), затем передавал их для тиражирования и расклейки остальным молодым подпольщикам.

Во время оккупации Клава Ковалева переехала с мамой в поселок Новоалександровка (в 11 км от Краснодона), но каждые два дня она приходила в город, где встречалась с Иваном, и принимала участие в работе отряда. Иногда и Земнухов навещал ее в Новоалександровке.

Иван стал надолго уходить из дома. Возвращался поздно, иногда глубокой ночью. Фашистский распорядок для него словно бы не существовал. Родители тревожились за его жизнь, но Ваня беспечно отвечал, что развлекается на вечеринках со школьными друзьями. Однако сестра иногда, внезапно войдя в его комнату, замечала, как он с Олегом, склонившись над схемой Краснодона и его окрестностями, красным карандашом отмечали

близлежащие шахты. Родным категорически запрещалось входить в его комнату, когда собирались его товарищи, под предлогом, что в комнате сильно накурено и дым распространяется по всей квартире...

Иван чувствовал, что давно настала пора объединиться с другими подпольщиками и действовать против оккупантов более решительно. Земнухов считал, что сила подпольной организации в единстве ее рядов, в сплоченности, подборе надежных людей и строжайшей конспирации. Его поддерживали и другие командиры. Они решили вместе вести беспощадную борьбу с фашистами, чтобы скорее изгнать врага с родной земли.

В конце сентября 1942 г. в Краснодаре появился Виктор Третьякевич, который в течение двух лет возглавлял комсомольскую организацию средней школы № 4 и был членом Краснодарского райкома комсомола. Он встретился с Иваном Земнуховым, Василием Левашовым и другими ребятами, которых хорошо знал еще до войны, и предложил собраться вместе и обменяться мнениями в доме Жоры Арутюнянца. На этом собрании он рассказал ребятам, что направлен в Краснодар командиром Ворошиловградского партизанского отряда для организации подполья. Все обрадовались. Земнухов предложил объединить все усилия разрозненных подпольных групп и создать единую мощную организацию. Возражений не было. На следующий день ребята собрались у Ивана, туда же пришел и Сергей Тюленин.

В это время по Краснодару разнеслась страшная весть: глухой ночью в парке фашисты и полиция казнили большую группу арестованных коммунистов Краснодона.

30 сентября 1942 г. в доме у Виктора Третьякевича отдельные разрозненные группы молодых патриотов объединились в подпольную организацию во главе со штабом, в который вошли Василий Левашов – командир, Виктор Третьякевич – комиссар, Иван Земнухов – начальник штаба, Сергей Тюленин – командир боевой группы и Георгий Арутюнянц – ответственный за информацию. Здесь же Тюленин предложил назвать городской молодежный отряд «Молодая гвардия». Его единодушно поддержали. Так была создана героическая подпольная комсомольская организация.

Вскоре в состав организации стали вливаться одна за другой все новые и новые группы молодых патриотов: спортсмены во главе с Анатолием Ковалевым; ребята из

Николай Жуков

поселка Первомайка с Ульяной Громовой и Анатолием Поповым; подпольная группа поселка Краснодон с Николаем Сумским и др. Подавляющее

Василий Ткачев

большинство из них были вчерашними школьниками, не имеющими опыта подпольной работы, конспирации, проведения диверсий, умения правильно пользоваться оружием. Всему надо было учиться, поэтому постепенно стали привлекать бывших бойцов и командиров Красной Армии, бежавших из вражеского плена и вернувшихся в город: молодого коммуниста Евгения Мошкова, радиста ВМФ Дмитрия Огурцова, матросов Николая Жукова и Василия Ткачева, старшего сержанта Бориса Главана, артиллериста Василия Гукова.

Но самым желанным подпольщиком для молодогвардейцев стал бежавший из плена 22-летний лейтенант РККА Иван Туркенич, который не только был старше всех по возрасту, но и имел боевой опыт командования подразделениями. Поэтому его сразу же избрали командиром «Молодой гвардии», а Василий Левашов,

Василий Гуков

оставшись членом штаба, возглавил центральную боевую группу организации.

В эти же дни в «Молодую гвардию» вступила Любовь Шевцова. Ее, Громову и Кошевого позже ввели в состав штаба (Олега назначили ответственным за безопасность – начальником разведки).

Время неумолимо требовало от юных подпольщиков действий, и они действовали, несмотря на большую опасность, которая подстерегала их на каждом шагу в борьбе с опытным и коварным врагом.

Виктор Третьякевич предложил, чтобы каждый, вступая в отряд, давал клятву верности, и Иван принял самое активное участие в составлении текста присяги молодогвардейца (после гибели «Молодой гвардии» будет найден единственный рукописный экземпляр клятвы, написанный рукой Земнухова).

Вскоре усилия молодых радиолюбителей увенчались успехом. Они собрали четыре радиоприемника, и члены «Молодой гвардии» стали регулярно слушать передачи из Москвы. Теперь каждая листовка начиналась со сводки Совинформбюро. В распространении листовок принимали участие все члены подпольной организации. Ребята действовали смело, до дерзости. Листовки появлялись всюду: в корзинах торговки на

базаре, на стенах фашистских учреждений, в церкви и кино... Иван часто повторял, что сила печатного слова не уступает силе оружия, каждая листовка - это выстрел по врагу, который наносит оккупантам колоссальный вред, листовки не только рассказывают о победах Красной Армии, но и укрепляют в людях веру в скорый конец гитлеровского рабства, наносят смертельный удар по лживой фашистской пропаганде. Поэтому он сам активно участвовал в распространении листовок (всего «Молодая гвардия» выпустила почти пять тысяч экземпляров).

В начале октября 1942 г. фашистская биржа труда начала готовить к отправке на каторжные работы в Германию большую партию краснодонской молодежи. Всех, кто вовремя не прошел регистрацию или уклонился от нее, ожидало суровое наказание вплоть до расстрела. В принудительном порядке получили удостоверение вербовочной комиссии «Бавария II» Земнухов и его сестра. Иван взял повестку в карман и ушел куда-то на два дня. Родители были встревожены, но, вернувшись, Ваня сказал, что знакомый врач забраковал его на комиссии. После этого к нему больше никто не приходил и повесток не было.

Семья Земнуховых жила в крайней нужде. Отец целыми днями пилил, строгал, клеил, но на деньги, вырученные от продажи рамок и табуреток, прокормить семью было невозможно, поэтому Nina решила устроиться на работу к немцам. Но прежде она уговорила Ивана отправиться с ней в Каменский район Ростовской области, где надеялась обменять кое-какие вещи на продукты в казачьих станицах и хуторах.

Две недели долгого и утомительного путешествия, десятки километров по грязным раскисшим осенним дорогам Иван и Nina тащили тачку, на которой везли для обмена постельное белье, нитки и кружева. К их счастью, большой спрос в деревнях и станицах был на нитки, которые Nina взяла с собой (почти весь домашний запас). Назад домой брат с сестрой везли полмешка пшеницы, несколько килограммов пшена и пять крупных тыкв. В Краснодон пришли под вечер 21 октября 1942 г. усталые, голодные и промерзшие.

Первым делом Иван навестил Кошевого. Распространение листовок шло полным ходом, их переписывали днем и ночью все без исключения. Штаб установил норму по пятнадцать штук каждому. Исключения не было никому, даже членам штаба. Пришлось навестывать.

Группа Сергея Тюленина в развалинах здания редакции районной газеты собрала много металлических букв, а недостающие молодые умельцы вырезали из кусочков резины. Первое, что они отпечатали, были бланки временных комсомольских удостоверений. Теперь

организация могла принимать молодых патриотов в комсомол. В составе приемной комиссии всегда были Олег Кошевой и Иван Земнухов. Самому молодому подпольщику, которого приняли в комсомол в оккупированном Краснодаре, Радику Юркину было 14 лет. Все члены организации сдавали членские взносы.

В начале ноября 1942 г. на квартире Георгия Арутюнянца была создана подпольная типография. Первую листовку решили отпечатать накануне 25-й годовщины Великого Октября. В ночь на 6 ноября 1942 г. Василий Левашов, Земнухов, Осьмухин, Третьякевич и Арутюнянц выпустили первую печатную листовку, в которой разоблачалась лживая пропаганда оккупантов. А на следующую ночь эти листовки были распространены по городу. Одновременно молодогвардейцы водрузили восемь красных флагов на самых высоких зданиях в г. Краснодаре и прилегающих к нему поселках. Самое большое полотнище с надписью «Смерть немецким оккупантам!» водрузил Володя Осьмухин на здании школы № 1 им. А.М. Горького, где до войны учились многие из молодогвардейцев. Иван Земнухов, взяв с собой гранату и пистолет с патронами, прикрывал друга. Знамена колыхались на ветру, с новой силой разжигая у людей ненависть к поработителям, призывая их к беспощадной борьбе во имя свободы и жизни.

Подпольная работа требовала большого напряжения душевных и физических сил. Нужны были изобретательность, осторожность и вместе с тем оперативность. Земнухов как начальник штаба организации через связных и лично осуществлял постоянный контроль за деятельностью всех боевых групп. Он умел организовать молодежь, находил возможность собраться, не привлекая внимания фашистов и полицаев.

Однажды, проходя через парк, Иван встретился с двоюродными сестрами Иванцовыми, Ниной и Ольгой, и очень удивился, так как знал, что еще до оккупации они были направлены райкомом комсомола на курсы радиотехдиверсантов для работы в тылу врага (он тоже просился, но его не взяли по состоянию здоровья). Земнухов узнал, что они прошли курсы специальной подготовки, и привлек их для работы в подполье как связных.

Иван нес персональную ответственность за конспирацию: разрабатывал шифры, назначал явки, придумывал коды и пароли, учил друзей уходить от преследования немцев и полицаев, благодаря чему организация долгое время оставалась недостижимой для фашистских ищеек-provокаторов. Жандармы и полиция сбились с ног, но не могли найти следов подпольщиков.

Земнухов вместе с Олегом Кошевым отвечал за ведение разведки. Под его руководством молодогвардейцы следили за отдельными людьми, за

полицаями. Если на заседании штаба принимали решение о приеме в организацию нового товарища, то Иван подбирал человека и поручал ему следить за кандидатом и только после проверки его принимали в организацию.

Способности Вани проявились во всех сторонах деятельности «Молодой гвардии». Без прямого или косвенного участия Земнухова не обошлась ни одна крупная операция юных подпольщиков.

Теперь заседания штаба молодогвардейцев чаще всего стали проводиться в доме у Жоры Арутюнянца, там же по ночам ребята печатали листовки на самодельном станке. На одном из совещаний, в конце ноября 1942 г., обсуждался вопрос об открытии при клубе шахты № 1-бис самостоятельного театра и об участии в его работе молодогвардейцев. Слухи о том, что оккупанты готовятся открыть клуб, ходили давно, надо было проявить инициативу, тем более, что «артистам» выдавали документ, запрещающий использовать «верные Германии» таланты на грязной работе. Этот «аусвайс» гарантировал молодежи бронь от отправки в Германию на каторжные работы.

Земнухов и Мошков подали прошение на имя бургомистра Стаценко о желании участвовать в работе клуба. Стаценко передал прошение военному коменданту Краснодона майору Гендеману, и тот подписал разрешение на открытие клуба в тот же день.

В это время город буквально взбудоражили листовки-сводки Совинформбюро об окружении под Сталинградом армии фельдмаршала Паулюса. Фашисты и их пособники немного притихли, поэтому открытие клуба преследовало цель продемонстрировать населению Краснодона подобие немецкой демократии, а также полную уверенность в завтрашнем дне, независимо от неудач на фронте. Через город на восток постоянно следовали вражеские войска и их, а также части немецкого гарнизона и раненых фашистов, находившихся в госпиталях, необходимо было тоже как-то развлечь.

В начале декабря 1942 г. по всему Краснодону были развешены объявления, в которых сообщалось, что с разрешения бургомистра 2 декабря 1942 г. открывается клуб при шахте № 1-бис, начинают функционировать кружки: драматический, струнный и цирковой. Директор клуба Е. Мошков и администратор И. Земнухов приглашали лиц, имеющих музыкальные инструменты, записываться в кружки.

Работа в клубе давала возможность почти легально собираться группами, обсуждать планы действий и боевых операций. Многие молодогвардейцы по рекомендации штаба записались в различные кружки. Виктор Третьякевич был назначен художественным руководителем оркестра. Клуб имени А.М. Горького стал центром всей работы молодых подпольщиков.

А между тем вербовочная комиссия «Бавария II» подготовила огромные мобилизационные списки. Так называемые рабочие карточки получили более двух тысяч краснодонцев в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет. Фашистских рабовладельцев прежде всего интересовали молодые, здоровые, в расцвете сил девушки и юноши. В середине декабря оккупанты собирались отправить первую партию насильно за вербованных людей на станцию Верхне-Дуванная, где для них уже готовились специально оборудованные вагоны.

В ночь на 5 декабря 1942 г. молодогвардейцы Тюленин, Шевцова и Лукьянченко устроили поджог здания немецкой биржи труда, где хранились списки людей, предназначенных к угону в нацистскую Германию. Туркенич и Земнухов вместе с Ниной Ивановой в эту ночь прикрывали действия ребят, а чтобы отвести от себя подозрения, акт возмездия совершили во время своего первого концерта в клубе, где находилось много немцев и их пособников. Сбежавшиеся со всех концов города жандармы и полиция не смогли потушить пожар. Более двух тысяч советских юношей и девушек были спасены от насильственного вывоза.

Земнуховым, как и многим другим семьям, очень тяжело жилось во время оккупации. Дома не было ни продуктов, ни денег. От постоянного недоедания и холода снова заболел отец Вани. Поднять его можно было только хорошим питанием, а об этом можно было только мечтать.

Однажды Анастасия Ивановна по многолетней привычке наводила порядок и в тумбочке сына обнаружила большую сумму денег. Оторопев, она не знала, что и подумать. Очень обидевшись, она не могла понять, как мог ее Ваня скрывать от семьи эти деньги в такое время. Но пришедший домой Иван строго ответил маме, что она видела чужие деньги, на которые он не имеет никакого права, более того отвечает за каждую копейку перед своими товарищами. Это было сказано искренне и твердо, так что Анастасия Ивановна почувствовала облегчение.

Это были деньги, принадлежавшие штабу «Молодой гвардии», на них юные подпольщики помогали оставшимся на оккупированной территории семьям бойцов, печатали листовки, и даже однажды Люба Шевцова подкупила вражеских охранников, которые помогли бежать из плена двум красноармейцам.

Желая помочь наступающим бойцам Красной Армии, молодогвардейцы дважды создавали партизанский отряд и пытались связаться с партизанами под г. Каменском для совместных действий с тыла по ненавистным фашистам. Но оба раза были неудачными.

Родные видели, что Иван собирался куда-то уходить, приготовив

ботинки, теплую фуфайку и вещевой мешок, но он так никуда и не ушел.

В ноябре и декабре 1942 г. Клава Ковалева часто бывала в Краснодоне. По рекомендации Земнухова она стала членом «Молодой гвардии». Он же передал ей задание штаба создать в Новоалександровке боевую группу. Клава с присущей ей решительностью и твердостью взялась за это дело, и вскоре ее «пятерка» начала активную деятельность.

В один из декабрьских вечеров в комнате на квартире Ксении Толстеновой Земнухов, забыв законы конспирации, в присутствии хозяйки, не имеющей никакого отношения к «Молодой гвардии», расспрашивал у Клавы об оружии, закопанном в землю в районе Новоалександровки. Девушка сказала, что знает, где оно находится и готова со своей группой доставить его в Краснодон (кроме них троих этого разговора не слышал никто, но вскоре содержание его стало известно полиции).

В это же время полицейский патруль задержал члена «пятерки» Земнухова Бориса Главана, который переносил детали радиоприемника в футляре патефона на другую конспиративную квартиру. Дело приобретало нежелательный оборот, и Земнухов как администратор клуба и «доверенное лицо» смело пошел к главному инженеру дирекции – шефу клуба С.К. Андрееву, который пользовался большим доверием у властей и часто пьянствовал вместе с начальником полиции Соликовским. Иван сумел его убедить в невиновности Бориса и, после звонка Андреева в полицию, Главана отпустили, так и не проверив футляр.

Накануне Нового, 1943 года молодогвардейцы готовили восстание и взрыв здания немецкой администрации (дирекциона), а также осуществили кражу из неохраняемых немецких грузовиков новогодних подарков для гитлеровских солдат. Жандармы и полиция сбились с ног в поисках похитителей «подарков фюрера».

Проведение акта возмездия над фашистами и их прихвостнями планировали особенно тщательно. Продумали все до мелочей, даже спланировали для прикрытия новогоднюю вечеринку на квартире Ксении Толстеновой, куда пригласили и сына бургомистра Георгия Стаценко, одноклассника Земнухова, который нужен был ребятам как свидетель их алиби для доказательства своей непричастности к взрыву дирекциона. К большому разочарованию ребят в последний момент акт возмездия пришлось отложить по решению подпольной партийной организации. Настроение было испорчено, но вечеринку не стали отменять.

Борис Главан

Собралось тринадцать человек парней и девушек, в том числе Земнухов, Кошевой, Третьякевич, братья Левашовы, Загоруйко, Арутюнянц. Каждый принес несколько поленьев дров или немного угля. Было весело, они пели, сочиняли стихи, пародии, играли в «почту», танцевали под патефон. В полночь Виктор Третьякевич произнес символический тост: «За Родину! За Победу!». Вскоре Иван ушел, сославшись на болезнь отца, а все остальные веселились до утра, ничего не подозревая. А в это время группа Сергея Тюленина за городом взорвала несколько вражеских машин.

Утром 1 января 1943 г. в квартире Земнуховых было очень холодно, так как Иван унес из дома на вечеринку последний уголь, и мама направила его с ведром к железнодорожной колее, что шла к шахте. По обеим сторонам насыпи можно было найти куски угля, упавшего когда-то с груженных вагонов. Вдоль насыпи с мешочками в руках уже ходили несколько женщин и мальчишек. Иван присоединился к ним и, пройдя с километр, кое-как набрал полведра угля.

В это же время на рынке один из полицаев поймал мальчишку, продававшего немецкие сигареты. На допросе паренек не выдержал пыток и назвал тех, кто их ему дал (Мошков и Третьякевич). Молодогвардейцы и раньше именно таким образом реализовывали добытые у врага вещи, водку и сигареты, а вырученные деньги поступали в кассу организации, которой ведал Иван Земнухов. Но в этот раз необходимо было повременить, уж слишком рьяно немцы вели расследование. Это и стало роковой ошибкой.

На втором этаже городского клуба им. Горького, под старыми декорациями, начальник полиции Соликовский с тремя полицейскими обнаружили мешки с немецкими подарками. Он тут же избил Мошкова и, бросив окровавленного Евгения в сани, через весь город повез в полицейский участок. Виктор Третьякевич спал после вечеринки. Полицай ворвался в дом и, не дав ему опомниться, провели обыск и арестовали.

Убедившись, что все содержимое украденных мешков целое (за небольшим исключением), начальник полиции доложил об успешно проведенной операции в жандармерию.

Возвращаясь домой, Земнухов увидел Сергея Левашова, от которого узнал, что арестованы Мошков и Третьякевич, но за что их арестовали было неизвестно. Весть об этом быстро распространилась среди молодых подпольщиков, многие посчитали, что это провал. Иван постарался успокоить Сергея, потребовал передать всем молодогвардейцам прекратить панику, не ходить в клуб и на квартиры к Евгению и Виктору, а также собрать экстренное заседание штаба «Молодой гвардии».

Левашов поинтересовался у Земнухова, что тот собирается делать, и по молчаливому выражению лица Ивана догадался, что он собирается добровольно идти в полицию. Сергей понимал, что друга отговорить невозможно, но все же попытался. Ваня успокоил своего товарища, сказав, что еще не решил, и отправил его выполнять задание.

Когда Левашов свернул в переулочек, Иван взял ведро с углем и спокойно зашагал к дому. Он уже знал, что не изменит своего решения, и теперь принялся не спеша обдумывать линию своего поведения, ответы на предполагаемые вопросы полицейских следователей и свои собственные вопросы к ним. Он не испытывал страха, но предчувствие беды не оставляло его. Иван понимал, что дорога каждая минута, время нельзя упустить, завтра может быть поздно. Ведь сумел же он выручить Бориса Главана, а Олег Кошевой Нину Иванцову из лап полщаев, а о том, что может не выйти из полицейских застенков, не хотелось верить и думать. Других вариантов действий для Земнухова просто не было, посоветоваться с товарищами не хватало времени, да и желания. Он, как всегда, был уверен в своей правоте и очень хотел помочь ребятам во что бы то ни стало. О предательстве в организации, не имея фактов, Иван даже не думал, тем более, что был уверен в каждом из товарищей. Не вызывала сомнений и тщательно продуманная им самим система конспирации.

Дома Иван, поставив ведро с углем у печки и раздевшись, долго шагал по своей комнате из угла в угол, о чем-то размышляя. Он догадывался, что полиция арестовала его товарищей за кражу подарков, значит, кто-то видел, как они таскали мешки в клуб ночью, а следовательно, скоро придут и за ним, ведь он администратор этого клуба. Значит, надо полщаев перехитрить и классифицировать похищение как мелкое хулиганство, да и на немцев постараться свалить вину за то, что те не выставили охрану...

Скоро из города вернулась сестра Нина и с порога сообщила новость об аресте Мошкова и Третьякевича. Иван стиснул зубы и побледнел. Он подошел к этажерке, погладил корешки книг, взглянул на портрет Пушкина. Потом тихонько пропел: «А куда ж ты, паренек? А куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, да во солдаты!...» Он знал много песен и часто их напевал, но песню Демьяна Бедного «Проводы» («Как родная меня мать провожала») очень любил и в трудную минуту искал в ней какую-то душевную опору. Эта песня навсегда осталась с ним в его недолгой, но такой яркой жизни.

Иван снова оделся, замотал вокруг шеи свой длинный серый шарф и забросил один конец за спину. Он всегда делал так, когда надолго уходил из дома. На пороге обернулся и сказал, что арестованы его знакомые ребята и надо срочно идти в полицию, узнать, в чем дело. Мама

и сестра заволновались, боясь его ареста, и стали отговаривать. Пытаясь успокоить Анастасию Ивановну, Земнухов сказал: «Знаешь, мама, есть хорошая поговорка: «Сам погибай, а товарища выручай!» Вот и мне надо выручать товарищей». Что он чувствовал в этот момент и на что надеялся – теперь уже не узнать, но его безупречная логика и исключительное хладнокровие вселили в материнское сердце надежду, ведь ее Ваня «был умница», не зря же мечтал стать юристом.

Дело о краже новогодних «подарков фюрера» находилось на контроле в окружной жандармерии, поэтому начальник полиции Соликовский не стал слушать так хорошо подготовленные доводы Земнухова, а, обрадовавшись еще одному соучастнику кражи, немедленно арестовал его и избил.

Ваня не мог похвастаться своей силой. Выйдя из мальчишеского возраста, он никогда ни с кем не дрался, не боролся. Часто он раздумывал, как бы поступил, если бы кто-то его сильно оскорбил или ударил. Рассчитывать на то, что он может дать сдачи обидчику, не приходилось, а как поступить?

Когда Соликовский при первой встрече ударил его в лицо, Ваня потерял сознание. А придя в себя, вспомнил мучивший его вопрос. И решение пришло само собой: «Если нельзя дать сдачи, нужно победить врага железной выдержкой и презрением».

Ребят разместили в разных камерах и по очереди вызывали на допросы. Их больше двух суток секли плетью, пытаясь заставить признаться в воровстве, требовали назвать соучастников. Но Мошков, Земнухов и Третьякевич все отрицали. Они, не сговариваясь, заявили, что даже не представляют, как пропавшие мешки оказались на чердаке клуба.

Начальник полиции часто повторял: «Ангел в полицию не попадет!» Но, не добившись от ребят никаких признаний, все же приказал своим подчиненным в целях профилактики «всыпать им плетей побольше» и отпустить. Но в этот момент произошло предательство.

Член подпольной группы из поселка Первомайка Геннадий Почепцов, испугавшись своего ареста, написал донос, в котором раскрыл практически всю структуру неуловимой подпольной организации «Молодая гвардия» и ее руководство.

С этого момента Земнухова и его товарищей стали подвергать нечеловеческим пыткам. В пыточной камере по три раза в день Земнухову связывали сзади руки проволокой и секли в две плетки, сделанные из электрических проводов. Палачи поочередно наносили по распластанному телу Земнухова удар за ударом. При каждом ударе кожа лопалась, кровь брызгами разлеталась по комнате. В одну из таких пыток Земнухову было нанесено более 60 ударов, но он молчал. Он знал, что у него в руках были

жизни десятков людей. Ивана подвешивали за ноги в петле через специальный блок к потолку и оставляли на длительное время до потери сознания, пока из ушей и рта начинала литься кровь. Отливали водой и снова подвешивали. Выкручивали руки и ноги, но он молчал.

Из материалов дела № 20 056 (архив ФСБ): Мария Андреевна Борц: «...Когда я вошла в кабинет, Соликовский сидел за столом. Перед ним лежал набор плетей: толстых, тонких, широких, ремни со свинцовыми наконечниками. Рядом сидел следователь и держал на ремне огромную коричневую собаку. У дивана стоял изуродованный до неузнаваемости Земнухов Ваня. Глаза у него были красные, веки сильно воспалены. На лице ссадины и кровоподтеки. Вся одежда у Вани была в крови, рубашка на спине прилипла к телу, и через нее проступала кровь...

Ночью я решила лечь на пол, но я еще не успела устроиться, как услышала душераздирающие крики, затем были слышны глухие стоны. Я подошла к дверям, стала на колени и через замочную скважину стала наблюдать за коридором. По коридору пробежал полицейский с ведром в руках, скоро дверь кабинета открылась и на пороге, пошатываясь, появился Земнухов. Громовой голос орал: «Давай сюда Третьякевича!» – «Третьякевича! Третьякевича!» - пронеслось по коридору.

Палачи выводили раздетого Ивана во двор полиции и на снегу избивали до потери сознания, загоняли под ногти сапожные иглы.

Когда после очередного безрезультатного допроса взбешенный полицией ударил его плеткой, Ваня сказал: «Разве так допрос снимают?» И плюнул ему в лицо. Фашистский палач не простил ему этого оскорбления. Свалив молодоговардейца на пол ударом кулака, в исступлении принялся избивать его ногами. При этом он разбил очки, и осколки стекла вонзились Ивану в глаза.

На очередном допросе присутствовал начальник жандармерии гауптвахмистр Зонс. Когда привели Земнухова, то он остановился на пороге и близоруко прищурился. Иван был без очков и казался сутуловатым. Магдебургский «мясник» приказал ему подойти поближе и стал расспрашивать, где спрятано оружие. Иван рассеянно потер переносицу, привычным кивком отбросил назад пряди своих светлых, с запекшейся кровью, волос и вдруг широко улыбнулся, блеснув зубами, и спокойно сказал: «Этого я вам не скажу». Начальник полиции Соликовский, желая выслужиться, не удержался и ударил кулаком в лицо Земнухову, но Зонс остановил его и продолжил допрос. Его интересовали молодоговардейцы, спрятавшие оружие. Но Иван, опять улыбувшись и явно насмехаясь над начальником жандармерии,

ответил, что у него слабое зрение, и он ничего и никого не видел. Фашисту надоело, и он взмахом руки, словно направлял бешеную собаку, рвущуюся с цепи, приказал Соликовскому продолжать допрос. Два часа поденок избивал Ивана, который несколько раз терял сознание, его окатывали водой и снова били до беспамятства, тщетно пытаясь вырвать хоть одно слово...

Мучения молодогвардейцев усиливались еще и тем, что их морили голодом. На всех арестованных изверги не затратили ни одного грамма хлеба. Только на третий день начальник полиции разрешил принимать для арестованных передачи. Каждый день родители приносили Ивану что-нибудь покушать, а, получив обратно от дежурных полицейских кастрюльку, на дне находили приклеенные записки сына с ободряющими словами для родителей: «Обо мне не беспокойтесь. Чувствую себя героически. Привет всем. И.З.» Не выдержав такого нервного удара, вскоре заболели отец с матерью и передачи стала носить сестра Нина.

В холодной камере Земнухов старался поддержать остальных узников: кому-то отдаст свой пиджак, кого-то напоит водой или молоком, которое приносила ему мать, кого-то поддержит добрым словом...

В начале января родные заметили, что Клава была чем-то взволнована и не находила себе места. Она уже знала, что Ваню и других ребят арестовали. Вскоре краснодонские полицейские приехали в Новоалександровку и на квартире Ковалевых учинили допрос, сказав, что знают о ее разговоре с Земнуховым про доставку оружия в Краснодон (а ведь в комнате, в которой состоялся разговор, их было только трое). Ничего не добившись от отважной девушки, полицейские арестовали Клаву и доставили в полицейский участок города. Она наравне со всеми юными подпольщиками подверглась страшным пыткам, фашистские изверги отрезали Клаве правую грудь и левую руку, сожгли ступни ног, но она никого не выдала.

До последних минут Иван Земнухов и Клава Ковалева были вместе, поддерживая и ободряя друг друга.

Поздно вечером 15 января 1943 г. в обстановке строжайшей секретности два крытых брезентом грузовика с арестованными коммунистами и молодогвардейцами подъехали к невысокому террикону заброшенной шахты № 5 на далекой окраине города. Арестованных вытолкали из машин и, подталкивая прикладами, повели по узкой тропе к шурфу. Фашисты отделили шестерых коммунистов и направили их к месту казни. Тем временем полицейские затолкали молодогвардейцев в полуразвалившуюся сторожку и торопливо принялись стаскивать с них одежду.

Расправившись со взрослыми, пьяные полицейские поволокли к месту казни

почти голых молодогвардейцев и, чтобы ускорить расправу, связанных юношей сбивали с ног, а у девушек поднимали и закручивали над головой платья. Потом по одному подтаскивали к стволу шахты, стреляли в затылок или живыми сбрасывали в шурф.

Стоя на краю пропасти, обращаясь к своим товарищам, Иван сказал: «Я Земнухов, не бойтесь ребята, мы идем за правое дело, за Ленина, за Сталина», но договорить ему не дали, столкнув в страшный провал.

В эту ночь были казнены двадцать два подпольщика, в том числе и Клава Ковалева. А родные продолжали носить передачи своим детям и близким. Вскоре на дверях полицейского участка вывесили список арестованных, которых якобы увезли в Луганск. Но уже на следующий день весь город знал, что случилось непоправимое, о чем боялись даже подумать.

Полиции беспорядочно пьянствовали, продав вещи казненных патриотов, а когда закончилось спиртное, они пошли по домам убитых ребят требовать одежду, якобы для отправки в Луганский лагерь. Они шарили по квартире Земнуховых и забрали все мужские и другие вещи, которые попадались под руку (Нинино платье, материнскую праздничную шерстяную юбку и др). Когда мародеры уже собрались уходить, мать спросила их – можно ли передать сыну еду, мыло и полотенце. На что, криво усмехнувшись, один из полицейских ответил: «Мы его уже и накормили, и умыли, и спать уложили. У них там хорошее общежитие!» Анастасия Ивановна ничего не поняла, а отец сразу обо всем догадался. Он схватился за сердце и стал медленно оседать на пол. «Все, нету больше нашего Вани», – шепнул он Нине, когда ушли полицейские.

Александр Федорович стал на глазах утасать, плакал и убивался по Ивану. Через четыре дня, 20 января 1943 г., не выдержав потери любимого сына, он умер. Соседские женщины помогли похоронить отца, а мать, окончательно убитая горем, очень долго не могла подняться с постели.

Казни молодых подпольщиков продолжались...

14 февраля 1943 г. советские войска, преследуя отходящих фашистов, освободили Краснодон, и уже через три дня, 17 февраля 1943 г., специальная бригада шахтеров стала извлекать из шурфа обезображенные трупы казненных молодогвардейцев. Близкие были вынуждены опознавать своих родных по остаткам волос, одежды и обуви.

Анастасия Ивановна с дочерью Ниной больше недели ходили к этому страшному месту. Ивана Земнухова, почти раздетого, подняли в числе последних. Собравшимся представилась страшная картина: труп был обезглавлен, руки выкручены, одна – с плеча, другая – с локтя, туловище перебито, ноги подпеченные, а на тело без содрогания невозможно было смотреть. Но мать сразу узнала своего сына по майке и рубашке и, как

подрезанный колос, не вскрикнув, потеряла сознание и опустилась на чьи-то руки. На Ване был жакет Володи Осьмухина, на одной ноге – надета бурка с галошей, а на другой – не было даже носка. В карманах нашли холщовый мешочек зеленого цвета и, весь в крови, девичий платочек.

Придя в себя, Анастасия Ивановна ощупала, словно слепая, его ноги, ставшие почему-то маленькими, как у подростка, и все просила: «Покажите мне его лицо... Я ж его в лицо еще не видела...»

Вместе с Иваном обезглавленными подняли тела Демьяна Фомина и Лилии Иванихиной (следствием было установлено, что молодогвардейцы были обезглавлены подонками-палачами на глазах своих товарищей еще перед тем, как их сбросили в шахту).

Клаву Ковалеву достали из шурфа в одном платье, босиком. Ее нашли в стороне от всех казненных, поэтому предположили, что сбросили ее в шурф живой, и она сумела отползти.

Для небольшого шахтерского города массовое убийство молодых людей, в основном школьников, стало огромным горем, трагедией, тронувшей сердца всех жителей Краснодона. 1 марта 1943 г. молодые герои-антифашисты, в том числе и Иван Земнухов, с воинскими почестями были захоронены в братской могиле в самом центре Краснодона. В последний путь молодогвардейцев провожали все жители города.

Скоро весь мир узнал о подвиге молодых подпольщиков, о зверствах фашистов на земле Донбасса, о десятках юношей и девушек, бесчеловечно замученных, расстрелянных и сброшенных живыми в шурф шахты.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. члену штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Ивану Александровичу Земнухову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он был также награжден и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Именем И.А. Земнухова названы улицы и переулки в больших и малых городах России и стран СНГ, в том числе в г. Воронеже (переулок Земнухова в Западном поселке Советского района).

В советское время многие пионерские дружины носили его имя. В средней школе, где он учился, была создана классная комната его имени. О его жизни и подвиге рассказывают документы и материалы Музея «Молодая гвардия» и других музеев.

Образ героя запечатлен в памятниках и бюстах в Краснодоне, Луганске и Санкт-Петербурге.

В 1990-х гг. появилось много публикаций, особенно на Украине, в которых сообщалось, что фамилия героя-молодогвардейца не Земнухов, а Зимнухов. Основанием для этого послужили воспоминания Нины и Ольги Ивановых (май-июль 1943 г.), протокол допроса О.А. Лядской (3 апреля 1943 г.), материалы расследования деятельности «Молодой гвардии», проведенного инструктором Ворошиловградского ОК ЛКСМУ Крыльком (6 июля 1943 г.) и др. Авторы этих публикаций утверждали, что ошибка в написании его фамилии кроется в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г.

Я, как автор исторического исследования, дозволился в Государственное учреждение культуры ЛНР «Краснодонский ордена Дружбы народов музей «Молодая гвардия» и поговорил лично с директором Натальей Ивановной Николаенко, которая категорически заявила, что это утверждение не является истиной.

Но, когда книга была уже издана, ко мне по почте пришли документы, выпущенные этим музеем еще в 1960 - 1970 гг. Их прислала мне родная племянница В.И. Левашова Нина Николаевна Подвижкая (Левашова) из г. Феодосия, которая на протяжении десятилетий по крупицам собирала все материалы, связанные с деятельностью «Молодой гвардии». Изучая один из выпущенных в то время буклетов, я обнаружил несколько сделанных в цвете фотографий подлинных документов молодых героев, в том числе и Ивана Александровича. Снимок его комсомольского билета я предоставляю на суд моего читателя.

На снимке отчетливо видна запись на русском и украинском языках. Ошибиться райком комсомола г. Краснодона, который готовил и выдавал этот комсомольский билет, однозначно не мог. Поэтому ошибается Н.И. Николаенко или просто обманывает решать Вам, мой дорогой читатель.

Герой Советского Союза

Кошевой
Олег Васильевич
(08.06.1926 — 09.02.1943)

Комиссар
(с декабря 1942 г.),
член штаба, ответственный за безопасность –
начальник разведки
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»

Олег Васильевич Кошевой родился 8 июня 1926 г. в г. Прилуки Черниговской области (Украина) в семье служащего Василия Федосеевича (1903 – 1967) и Елены Николаевны (1906 – 1987) Кошевых.

Отец, потомок казацкой знати, окончил педагогический техникум, но работал бухгалтером, а мать родилась в семье сельских интеллигентов (бабушка Олега, Вера Васильевна Коростылева, была дворянского происхождения), училась в Прилуцкой женской гимназии (в 1920 г. гимназия была реорганизована в трудовую школу), где получила хорошее образование, и с 1922 г. работала воспитателем, а потом заведующей детским садом. Елена Николаевна вышла замуж в семнадцатилетнем возрасте. Олег был единственным ребенком в семье.

Мальчик стал любимцем не только для родителей, но и для бабушки с бабушкой. Дед, Федосий Осипович, никогда не повышал на внука голоса: «Наш хлопец – вылитый батька мой Осип Кошевой! Такой же дотошный!» Василий Федосеевич часто рассказывал сыну о Запорожской Сечи, о нашествии орды, о разгроме шведов под Полтавой, и тот, затаив дыхание, жадно слушал, а с повестью Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», с прототипом главного героя которой дед связывал свою родословную, впервые познакомился в пересказе отца.

В 1929 г. Елена Николаевна окончила Переяславский техникум дошкольного воспитания. Она много внимания уделяла воспитанию сына, поэтому в четыре года Олег умел уже читать и писать.

В 1932 г., когда Олегу исполнилось шесть лет, семья переехала в Полтаву, куда перевели на работу Василия Федосеевича. Вместе с мамой они обошли все исторические места, о которых так красочно рассказывал отец. Посетили и краеведческий музей, и шведские могилы, и многое другое. Олег всегда останавливался и замирал перед памятником Петру I.

Молодая семья Кошевых часто гостила у родных Елены, живших недалеко, в поселке Згуровка. В этой дружной и гостеприимной семье Олег чувствовал себя вольготно, быстро сошелся с «дядей Колей», тогда еще пионером, с интересом слушал истории бабушки Николая Николаевича Коростылева.

Первого сентября 1934 г. в Полтаве Олег впервые пошел в школу. Не по годам крепкий, грамотный и интеллигентный мальчик привлек к себе внимание. К этому времени он мог уже свободно читать, хотя немного заикался, писать и решать задачи, а таблицу умножения знал наизусть, поэтому в первом классе средней школы № 8 он проучился только три дня, после чего был сразу переведен во второй. Олег поражал учителей своими познаниями, к тому же знал наизусть много

стихов и хорошо рисовал. Первые отзывы о нем его учительницы были самые хорошие: со взрослыми вежлив, с ребятами дружен и отзывчив, в учебе по всем предметам успевает. Школьником Кошевым все были довольны, а отец и мама очень гордились своим сыном.

Олегу очень нравилось в школе, но неожиданная болезнь прервала его учебу. Однажды на уроке у него случился приступ аппендицита, и его отвезли в больницу. Боли у Олега были и раньше, но он терпел. После операции он пролежал в больнице десять дней и почти месяц не ходил в школу. Его стали проводить ребята из класса, помогая не отстать от школьной программы.

Но так сложилась судьба, что брак родителей был недолгим. Супруги разошлись уже осенью 1934 г. Елена Николаевна, оставив сына со своей матерью на мужа, сошлась с Ильей Кашуком, который работал заврайфин-отделом в г. Ржищев, и уехала к нему. (Кашук был их соседом по дому еще в Прилуках, где они и познакомились. Позже его назначили на должность заместителя председателя райисполкома в г. Канев. Долгое время они жили в гражданском браке и официально поженились лишь в 1938 г. Именно тогда Елена Николаевна сменила фамилию, взяв русскую интерпретацию – Кашукова. Однако после войны она вновь стала Кошевой).

Устроившись на новом месте, Елена Николаевна вернулась за сыном, так что учиться в полтавской школе ему уже не пришлось. В середине ноября 1934 г. они с бабушкой приехали в Ржищев (Киевская область) по Днепру на пароходе. Это путешествие оставило у Олега глубокое впечатление. Его невозможно было увести с верхней палубы, с осеннего ветра, он быстро и легко познакомился с матросами, с важным капитаном и, не переставая, засыпал их вопросами, даже ночью, во время остановок, Олег просыпался, будил бабушку и маму и выходил на каждой пристани посмотреть, что там делается.

В Ржищеве Елена Николаевна работала по профессии – заведующей детским садом, а ее мама, Вера Васильевна Коростылева (член ВКП(б) с 1929 г.), в соседнем совхозе была избрана парторгом.

После приезда в Ржищев Олег сразу же пошел в школу № 1. Двухмесячный перерыв не отразился на его знаниях, он быстро освоился с новой для него обстановкой и новыми товарищами.

Здесь, на высоких кручах правого берега, он любовался красотами Днепра и всю свою любовь к могучей реке, родному краю выражал в стихотворениях и рисунках. Олег научился плавать и уже в девятилетнем возрасте переплывал на отдельных участках Днепр. За окончание начальной школы с Похвальной грамотой мать с отчимом купили ему настоящую лодку, массу крючков, удилиц, всяких сеток и переметов. Олег был счастлив, ведь не каждый взрослый мог себе позволить иметь свою собственную лодку.

Вскоре его приняли в пионеры. Олег стал строже следить за своей внешностью, чаще задерживался в школе, выполняя различные общественные поручения. Его избрали старостой класса, редактором школьной газеты, с товарищами он построил модели самоходного танка и «настоящего» самолета. Ко всем праздникам Олег рисовал плакаты, и на праздничной демонстрации руководство школы доверяло ему нести школьное знамя.

У бабушки в совхозе Олег научился верховой езде, а сдав нормативы по физической подготовке, стал значкистом БГТО и записался в ОСВОД. Иногда казалось, что он только и ждал того, чтобы кто-нибудь упал из лодки в воду, чтобы броситься на помощь и спасти. Плавал Олег хорошо и однажды спас своих двоюродных сестер Светлану и Лену, которые не умели плавать и перевернулись в лодке.

На летние каникулы в Ржищев к маме и сестре приезжал студент Горного института младший Николай Николаевич Коростылев. Его приезд для Олега становился праздником. Дом превращался в гудящий улей. Сюда тянулись школьные товарищи Кошевого. «Дядя Коля» вызывал у ребят тайную зависть и открытое обожание, именно это располагало к нему ребят. Каждый день шумные разговоры, споры, игра в шахматы, а сборы на рыбалку и в походы не прекращались ни на минуту.

Олег был красив, терпелив, по-своему нежен, и это тянуло к нему девочек. Летом они часто просили его покатать на лодке. Веселая компания с песнями, смехом и визгом плыла вдоль берега прославленной реки, и над днепровскими просторами несло вдохновенное, чудесное девичье пение. Часто девочки одевались в разноцветные украинские костюмы с развевающимися лентами и веночками на головах, поэтому казалось, что по Днепру плывет огромный живой букет цветов. Олегу на голову они надевали такой же венок, что смущало не только его, но и его друзей, которые не могли различить своего товарища среди этого «цветника».

Небольшой провинциальный городок Ржищев находится недалеко от Киева, поэтому мама с Олегом не раз ездили на пароходе в гости к родным, знакомым и просто так побродить по его улицам и паркам, знакомились с памятниками старины. Город поражал своим многолюдьем, праздничным Крещатиком, Владимирской горкой, густыми каштанами и тополями.

Только в 1937 г. Елена Николаевна и Василий Федосеевич официально оформили развод. Олег в глубине своей души до последнего надеялся, что его любимые родители помиряются и, рассорившись с матерью, решил переехать к отцу. Ему было очень жалко расставаться с друзьями, с полюбившимся и ставшим родным Ржищевом, Днепром, но отступать было поздно. Олег очень волновался, раздал на память своим друзьям

удочки, коллекцию крючков, сеть, сачок, и даже свою любимую лодку. В день отъезда к нему пришли все его товарищи, с которыми он подружился в школе, в ОСВОДе, с кем вместе рыбачил.

Василий Федосеевич вскоре женился на учительнице Марии Ивановне Чуб и переехал с женой и сыном в поселок Боково-Антрацит, районный центр Ворошиловградской области. Он устроился по специальности бухгалтером на шахту, а Мария Ивановна стала работать в средней школе № 1 этого городка, туда же пошел учиться и Олег.

Отец чаще, чем кто-либо из родителей, приходил в школу и интересовался делами сына, понимая, что ему тяжело приходится учиться в русской школе, так как в Ржищеве и в Полтаве он учился в украинской. Тем более, что Олег тяжело переживал распад семьи, и это сказалось на его поведении.

Отца пугало, что у сына нет тяги к какому-либо ремеслу. Парня интересовали только книги, музыка и танцы. У него появились девушки, причем по возрасту старше его, а когда отец пробовал возразить против этого, то в ответ слышал: «Я уже взрослый, так что прошу не указывать, в котором часу мне приходиться домой». Вседозволенность и веселая жизнь с матерью и отчимом избаловали его. Олег часто твердил: «У меня двое пап, двое мам, двое бабушек и двое дедушек».

Василий Федосеевич жил со своей второй женой тихо и скромно, своих детей у них не было, поэтому всю свою любовь и ласку они старались передать Олегу, которого жизнь в шахтерском городке, без речки, без старых проверенных друзей тяготила. Эта жизнь была прямой противоположностью той, которой он жил с матерью в Ржищеве, поэтому летом старался уехать из Боково-Антрацита к бабушке, Вере Васильевне, в приднепровское село Ходорово, в котором она жила и работала. Там при местной школе был пионерский лагерь, там был Днепр, там было весело.

В 1939 г. нового мужа Елены Николаевны перевели на работу в г. Канев Черкасской области на вышестоящую должность заместителем председателя райисполкома. Ржищев пришлось покинуть и переехать в такой же тихий городок над Днепром, расположенный среди глубоких балок.

18 июня 1939 г. в Каневе на могиле поэта Т.Г. Шевченко был открыт мемориал. В это время Олег гостил у матери, и они вместе были на празднике, куда на открытие памятника съехался народ со всех концов нашей огромной страны. Снова было весело и беззаботно, и мама очень часто повторяла, что скучает и переживает, уговаривая сына остаться с ней.

В конце июля 1939 г. Олег вернулся в Донбасс. Вначале он заехал в г. Краснодон Ворошиловградской области, погостить у своего друга – «дяди Коли», теперь уже работавшего инженером-геологом в тресте

«Краснодонуголь». Вместе с Олегом они спускались глубоко в шахту, где он впервые познакомился с нелегким трудом горняков.

В Боково-Антраците Кошевой сообщил отцу о своем решении переехать к матери и, собравшись, к началу учебного года возвратился в Канев. Это расставание оказалось для них последним при жизни. (С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. Василий Федосеевич и его жена эвакуировались в Иркутскую область, звали с собой и Олега, но он категорически отказался и предпочел остаться с матерью. В 1945 г. семья Кошевых переехала в Краснодар, отец устроился на работу бухгалтером на шахту № 21 имени своего сына – Олега Кошевого и прожил так более двадцати лет до своей смерти. Его жена, Мария Ивановна, работала учительницей в той же школе, где до войны учился Олег. По другой версии, Василия Федосеевича призвали на службу в Красную Армию осенью 1939 г. Он принимал участие в Советско-Финляндской, а затем в Великой Отечественной войнах, раненый попал в немецкий плен, совершил побег и закончил войну в ГУЛАГе... Тем не менее, до последнего дня своей жизни практически никто, за исключением очень близких людей и работников музея, так и не узнал, что он является отцом героя, хотя Василий Федосеевич часто заходил в музей «Молодой гвардии», слушал рассказы о своем сыне и по его щекам текли слезы...).

1 сентября 1939 г. хорошо отдохнувший, полный впечатлений Олег Кошевой переступил порог средней школы № 1 г. Канева. Новая школа – памятник архитектуры XVIII века, была хорошо отреставрирована и прекрасно выглядела. Это бывшее здание базилианской школы, открытой в период, когда территория Украины еще принадлежала Польше (сейчас в этом здании располагается музей декоративно-прикладного искусства).

Олег охотно рассказывал новым друзьям о том, что видел в Краснодаре и Боково-Антраците. Он уже учился в седьмом классе, поэтому учеба требовала больше времени и сил. Вскоре Кошевой стал одним из лучших учеников класса, прибавилась и общественная работа. Олег выделялся среди своих одноклассников, все запомнили его как веселого, энергичного, любознательного и старательного юношу.

Но Елена Николаевна заметила, что ее мальчик очень изменился. Он стал тверд в своих убеждениях, у него проявилась какая-то суровая неприимчивость к несправедливым поступкам товарищей и даже людей старше его. Олег не побоялся рассказать классному руководителю, директору школы и, наконец, заведующему отделом народного образования, что учитель по химии предвзято относится и оценивает знания его товарища Юры Коляденко. Но в школе этому факту не придали особого значения. Тогда Олег написал в Киев и вскоре приехала комиссия областного отдела

народного образования. Дело уладилось. Олег торжествовал.

На школьном новогоднем вечере Кошевой читал свои стихи в костюме настоящего шахтера, в черном шахтерском шлеме, подаренном «дядей Колей», с фонарем на груди, за что получил премию – книгу «Война и мир» Л.Н. Толстого. Олег был очень рад этому подарку.

«После Нового года (1940 г. – авт.), – вспоминала в своей книге «Повесть о сыне» Е.Н. Кошечкина, – мой муж тяжело заболел. Его отвезли в Киев, в больницу, и больше домой он уже не вернулся...» (Она не уточнила, что же с ним случилось, и многие исследователи подвига Олега Кошевого, не утруждая себя, принялись фантазировать. Большинство посчитало, что Василия Федосеевича поместили в психиатрическую больницу, где он и умер, так как в своих воспоминаниях она не поведала читателям о своем разводе и втором браке с Ильей Кашуком. Наиболее досужие посчитали, что это случилось с ее вторым мужем, а куда делся первый – никого не волновало. И лишь некоторые предположили, что Кашука арестовали за растраты и посадили в тюрьму, уж больно не по средствам весело жил в Ржищеве бывший заврайфинотделом с Еленой Николаевной. Отсюда и такая туманная формулировка, и поспешный переезд в Краснодон к брату, так как, скорее всего, ее настойчиво попросили освободить служебную квартиру мужа, а своей жилплощади у Елены Николаевны никогда не было, хотя и работала она директором детского сада, да и привлечь могли вслед за мужем). «Теперь нам незачем было оставаться в Каневе, – продолжала повествовать Е.Н. Кошечкина, – и мы согласились на приглашение моего брата переехать в знакомый уже Олегу город Краснодон. Приехали мы туда 15 января 1940 года...».

Николай Николаевич Коростылев проживал с женой и маленьким сыном в трехкомнатной квартире с отдельной кухней одноэтажного каменного дома, так что Олег с матерью не очень стеснили его, тем более, что в это время многие рабочие со своими большими семьями жили или в одной комнате в деревянных бараках, или в глиняных землянках-«хатах». В небольшом дворе стояли сарай, летняя кухня, а под домом был подвал.

Брат принял их тепло, и они поселились с ним в одной квартире. Вскоре в Краснодон к сыну и дочери перебралась бабушка Олега, Вера Васильевна, с приездом которой квартира засияла чистотой и всегда пахла чем-нибудь вкусным. В самой большой комнате – столовой, где на диване спал Олег, на тумбочке стоял патефон, который редко простаивал, потому что музыку любили все, начиная с маленького Валерика, сына дяди Коли, и заканчивая бабушкой Верой.

Проучившись в Каневе только четыре месяца, семиклассник Олег Кошевой продолжил свою учебу в краснодонской школе № 1 им. А.М. Горького.

В отличие от других школ, в которых пришлось учиться Олегу, она была просторная и светлая, окон было так много, что здание казалось стеклянным. Солнце заливало почти все классы и полукруглый, прекрасно оборудованный спортивный зал.

Елена Николаевна устроилась на работу в детский сад шахты, в 5 км от Краснодона, и Олег иногда ходил провожать ее, потому что дорога шла по степи. Весной пышный степной простор с бесчисленным количеством полевых цветов завораживал, и Олег собирал огромные букеты для бабушки и мамы, которые сами уже начали озеленять и приводить в порядок двор, посадили фруктовые деревья, кусты сирени и роз, и он с увлечением им помогал.

В то время Кошевой много писал стихов на украинском и русском языках. 12 мая 1940 г. на районной художественной олимпиаде детского творчества его наградили книгами: «Основы ленинизма», «Капитал» и «Кобзарь». Молодой поэт уже много знал наизусть стихотворений Т.Г. Шевченко и очень надеялся, что когда-нибудь сможет прочесть и остальные книги.

На следующий день в городском парке Кошевой, слегка заикаясь, сделал замечание мальчишке, который от нечего делать сломал ветку кустарника. Тот набросился на него с кулаками, но, узнав вчерашнего поэта, опустил руки и сконфуженно извинился. Так Олег познакомился с Сергеем Тюлениным и его другом Кимом Иванцовым, которые учились в другой школе.

В июне 1940 г. Кошевой окончил семь классов. За отличные успехи он вместе с другими школьниками был премирован бесплатной туристической путевкой в Крым. Это для него было первое в жизни большое путешествие. За три недели они объездили почти весь полуостров, и, кажется, не было ни одного примечательного места, о котором Олег не мог бы дать исчерпывающей справки, так как много успел прочесть о Крыме еще до поездки. Ему было только четырнадцать лет, а он мог поддержать разговор на любую тему и с любым собеседником, будь то десятиклассник, студент или инженер, поэтому и казался всем старше своих лет.

Среднего роста, крепкий, широкоплечий, хорошо сложенный, с широким лбом, длинными бровями, большими карими глазами с густыми черными ресницами, светло-шатеновыми волосами, зачесанными набок на левую сторону, розовощекий – вот портрет Олега тех лет. Он был жизнерадостен, умел и любил хорошо говорить, ценил остроумное слово, смеялся искренне и весело, заражая других, увлекался музыкой и часто, возвращаясь домой из кино, во весь голос распевал или насвистывал песенку из нового кинофильма. Кошевой был похож на семнадцатилетнего юношу, недаром он так нравился девочкам, особенно старше его.

Олег не пропускал ни одной кинокартины. Он восторгался Чапаевым,

а фраза Д.А. Фурманова: «Александр Македонский великий был полководец, но зачем же стулья ломать?» – стала его любимой. Позже, успокаивая своих родных и товарищей, потерявших выдержку и начинавших кричать, доказывать свою правоту, он часто повторял эту фразу.

Олег крепко дружил со своим «дядей Колей». Внешне они очень были похожи на братьев, часто вместе читали книги, говорили о прочитанном, без конца спорили, решали различные кроссворды, викторины, ребусы, увлекались фотографией. Уже тогда в мечтах о будущем Кошевой видел себя вначале студентом, потом инженером и обещал матери помощь, отдых, любовь и уважение в старости. Но та смеялась, до старости было так далеко – ведь ей всего 34 года.

Дядя учил Олега всему, что знал и умел делать сам, он брал его с собой в шахту, в поле, на геологические работы, рассказывал о строении Земли, о полезных ископаемых. Кошевому очень нравилась работа с чертежами, и он не упускал случая, чтоб не почертить самому на белом, как снег, листе бумаги. Это заметил Николай Николаевич и предложил Олегу подзаработать в свободное от школы время, на что тот с радостью согласился. Вскоре он протянул удивленной маме флакон духов, корзинку с пирожными и деньги. Это стало для нее самым дорогим подарком.

В Краснодаре за короткий срок Олег завоевал авторитет среди товарищей и учителей. Директор школы восхищался аналитическим складом ума Олега, который мог цитировать «Войну и мир» Л.Н. Толстого целыми главами. Учитель П.И. Улизько нашел в нем достойного противника, играя в шахматы и иногда проигрывая своему юному партнеру, хотя сам держал первенство в районе. При встрече с учителями Кошевой всегда останавливался, пропуская старших, здоровался, а его постоянная готовность к учебе, активность, озабоченность и деликатность иногда вызывали у учителей просто восторг: «Вот хлопчик, что за прелесть! На уроке весь – слух и внимание...» Здесь он познакомился и подружился с будущими молодогвардейцами Валерией Борц, Георгием Арутюнянцем и др.

Не по годам рослый, широкогрудый, с крупной, красивой головой, Олег был несуетлив в движениях, всегда уравновешен. Говорил он неторопливо, словно обдумывая каждую фразу, каждое слово.

Все заметили у нового ученика небольшое заикание, которое усиливалось с волнением. Чем медленнее была речь Олега, тем меньше он заикался, и, напротив, в минуты волнения этот его недостаток становился заметнее. Поэтому часто учителя, вызвав его к доске и дав задание, делали паузу, спрашивая других ребят и предоставляя тем самым время, чтобы Кошевой смог успокоиться, собраться с мыслями и ответить уверенно, четко, не заикаясь.

Олег старательно учился и преуспевал в учебе. Любил он преимущественно гуманитарные дисциплины: историю, географию, русскую литературу. Кошевой увлекался произведениями М. Горького, Т. Шевченко, Э. Войнич, Н. Островского. Герои любимых книг учили его самому святому чувству – любви к Родине.

В школе Олег стал одним из самых активных членов литературного кружка и вскоре его избрали членом редакции общешкольной стенной газеты «Смена». Здесь он познакомился с Иваном Земнуховым, который был старше его почти на три года. Вместе они выпускали и общешкольную сатирическую газету «Крокодил», которая выходила каждый понедельник. В это время родилась и окрепла их дружба, и разница в возрасте этому не помешала. Вместе с другими ребятами они увлеченно выпускали общественные газеты. Олег оказался мастером на все руки: умел оперативно и толково написать и отредактировать любую заметку, мог с ходу сочинить остроумную пародию на какого-нибудь нарушителя школьной дисциплины, придумать хлесткий заголовок, нарисовать карикатуру, но главное – он был хорошим организатором, умел находить энергичных, зубастых ребят-юнкоров, спланировать их вокруг газеты.

Еженедельный выход газеты «Крокодил» каждый раз был большим событием в школьной жизни. Однажды Олег с ребятами нарисовали карикатуру, изображавшую среди опоздавших на урок самого Кошевого. Он был нарисован просунувшим голову в дверь. Получилось очень похоже, и Олег вместе с другими ребятами хохотал до слез, а потом, успокоившись, сказал: «А что? Так и надо! Самокритика – большое дело».

Дружба Земнухова с Кошевым крепла. Ивана в новом товарище привлекло его увлечение поэзией, потому что и сам ее любил. Вскоре он добился зачисления Кошевого в старшую группу литературного кружка. Так Олег познакомился со старшими ребятами. В альманахе «Юный литератор», который издавался в школе, стали часто появляться его рассказы, стихотворения, сказки, рассказанные бабушкой Верой. Иван Земнухов стал желанным гостем в квартире Н.Н. Коростылева, где жил Олег с мамой и бабушкой, они много рассказывали друг другу разное и играли в шахматы.

Кошевой с удовольствием выступал в художественной самодеятельности и продолжал оставаться душой любой веселой компании, а когда ему делали какое-либо замечание, то Олег смущался, сильно краснел и, умоляюще глядя большими карими глазами, слегка заикаясь от волнения, оправдывался, чем приводил в неописуемый восторг знакомых девушек.

Общительный по натуре, он везде находил себе друзей, среди которых были не только юноши, но и девушки. Большая и серьезная дружба была

у Олега с Ниной Иванцовой (сестрой Кима), которая была старше его почти на три года. Вместе они часто разговаривали о жизни, о будущем, о своих товарищах. Но первой среди девушек стала для Кошевого Лина Темникова. Этой красивой девушке, с тяжелыми косами и выразительными черными глазами, в своем дневнике он посвятил немало записей и стихов. Она хорошо училась, играла на пианино и красиво танцевала.

Летом почти каждый выходной вся дружная семья вместе с друзьями Олега выезжала за 20 км на отдых к реке Северский Донец.

Но, к сожалению, среди одноклассников авторитетом он не пользовался. Дети рабочих в основном жили бедно: штаны, застиранная рубашка, ботинки, и у девочек не лучше, поэтому Кошевой вымытый, всегда празднично одетый в новенький отутюженный костюм, в белоснежной рубашке и до блеска начищенных туфлях вызывал зависть и раздражение у многих ребят класса, так как костюм для них был верхом желаний. И хотя он постоянно улыбался учителям и сверстникам и все сидело на нем ладно, по большей части Олег держался особняком от сверстников, к тому же, имея справку об освобождении от уроков физкультуры и физического труда, участия в субботниках по уборке территории школы не принимал. Это, да еще замкнутость и высокомерие Кошевого по отношению к некоторым ученикам не вызывали уважения со стороны одноклассников. Школьная кличка «барчук» крепко прилипла к его фамилии.

Может быть поэтому он так сблизился с «пухленькой, стерильно чистенькой», с неизменно белым накрахмаленным подворотничком, почти круглой отличницей Линой Темниковой, которая за партой сидела молча, ни с кем не общалась, а на школьных субботниках и в классе за нее наводила порядок, сажала деревья, убирала листву и мусор пожилая домработница. Это беспрдельно возмущало ее одноклассников, особенно Сергея Тюленина и его маму.

В июне 1941 г. закончились занятия в школе. Олег перешел в девятый класс. Ему исполнилось пятнадцать лет.

Летом он собирался вместе с бабушкой провести родных в Прилуках, а потом съездить в Бердичев, где жила сестра матери Наталья. По дороге Олег мечтал заглянуть в Ржищев. Представлял себе, как встретится со своими друзьями. Начали готовиться в дорогу и укладывать чемоданы. Но Николаю Николаевичу срочно потребовался чертежник и поездку пришлось отложить.

22 июня 1941 г., в воскресенье, у Олега собрались друзья. Разговаривая и перебивая друг друга, они завели патефон. Кто-то включил радио, и смех резко оборвался. Началась война.

Краснодон стал жить напряженной жизнью. Рабочие записывались в народное ополчение, формировали истребительные батальоны, на фронт шло пополнение. Вскоре над городом появились фашистские самолеты, на головы мирных людей посыпались бомбы. Горели дома, под обвалами погибали дети, на смену счастью и благополучию пришло великое горе.

Семейство Коростылевых пополнилось. Бабушка успела эвакуировать и привезти из Бердичева в Краснодон свою дочь Наталью с двумя дочками, Леной и Светланой. В свободные минуты Олег не отходил от репродуктора, и, слушая сообщения о зверствах фашистов, он, волнуясь, писал стихи:

«На милую и горделивую,
На наш родимый мирный край,
На нашу Родину счастливую
Напал фашистский негодяй.

Все, как один, возьмем винтовки,
В бою не дрогнем никогда!
За нашу кровь, за наши слезы
Мы отомстим врагу сполна!..»

Вместе со школьниками Кошевой работал на колхозных полях, помогал раненым, собирал посуду для госпиталя, выпускал сатирическую газету, изучал боевое оружие, внимательно следил за сообщениями с фронта, оформлял «молнии» со сводками Совинформбюро, рассказывал младшим ученикам о борьбе советских воинов с фашистами.

Но иногда, явно провоцируя некоторых одноклассников, он отказывался от трудовой повинности, которую руководство школы возлагало на 9-й класс. Так, его одноклассница А.Г. Титова вспоминала, что, когда старшим школьникам сказали вырыть окопы вокруг школы, чтобы в случае бомбежки было где укрыться, и ребята дружно взялись за работу, Олег спокойно похаживал недалеко и смотрел, как работают другие, мотивируя тем, что освобожден от физического труда, и, хитро улыбаясь, говорил, что в случае бомбежки перебежит на другую сторону школы. Это, конечно, вызывало недовольство ребят.

Осенью 1941 г. трест «Краснодонутоль» стал вывозить свое имущество в эвакуацию. Требовалось в кратчайшие сроки демонтировать станки и оборудование и отправить их к новому месту. Одновременно часть рабочих и служащих мобилизовали на строительство оборонительных рубежей на левом берегу Дона у станицы Верхне-Курмоярской. Выехал туда и Н.Н. Коростылев. Но немцы наступали столь стремительно, что вскоре были захвачены Сталино (Донецк) и Ростов-на-Дону. Началась срочная эвакуация населения.

Большое семейство стало собираться в дорогу. Олег остался единственным мужчиной в доме, и на его плечи легли все заботы, связанные с эвакуацией. Но проходили дни, а эшелонов для населения все не было. Кошевой ходил на станцию, расспрашивал, нервничал. Это вынужденное бездействие угнетало его, и он начал проситься у матери поехать к дяде на строительство оборонительных рубежей.

Елена Николаевна собрала сына в дорогу, и вместе со своим товарищем Николаем Шелупахиным Олег уехал в станицу Верхне-Курмоярскую.

Вскоре советские войска перешли в контрнаступление и освободили Ростов-на-Дону. Фронт стабилизировался, и опасность оккупации миновала. Рабочие и служащие были отозваны с оборонительных рубежей в Краснодар на ремонт шахт. Возобновили свою работу учреждения, школы и детские сады.

В конце ноября 1941 г. возбужденный и обветренный Кошевой вместе с дядей возвратился в Краснодар. Он похудел, изменился, повзрослел, но жизнь налаживалась и входила в свою колею. Через несколько дней Олег пошел в школу, и скоро опять в коридоре на стене появился «Крокодил».

Краснодон стал прифронтовым, поэтому в городе размещалось много подразделений обеспечения и госпиталей. В гостинице офицерам не хватало мест, поэтому они часто размещались в домах жителей. На квартире Коростылевых–Кошевых вначале поселился комиссар, майор В.Д. Говорушенко, потом военный врач, хирург П.П. Кондратов.

Под новый 1942 г. в Краснодар прибыла с подарками для фронтовиков делегация трудящихся Цимлянского района. Майор Говорушенко должен был сопровождать их на передовую, и Кошевой упросил его взять с собой. Вернувшись, Олег с гордостью рассказывал родным и друзьям, что на передовой оборону занимали кавалеристы и ему с товарищами приходилось переползать от окопа к окопу в глубоком снегу, вручая бойцам подарки, а «один пожилой солдат разрешил ему пострелять из карабина по немецким окопам» и не беда, что кавалеристы в это время были в резерве фронта и располагались в тылу.

В январе 1942 г. из газет все узнали о подвиге и смерти Зои Космодемьянской. Статья очень сильно взволновала Кошевого, на его лице появились слезы, и, когда пришли газеты с портретом героини, Олег вырезал его, заботливо вставил в рамку и повесил над своей кроватью. А после уроков спешил в госпиталь, читал раненым газеты и книги, для тяжело раненных писал письма родным и знакомым.

От военврача П.П. Кондратова Олег узнал печальную историю молодого бойца-сапера, которому пришлось ампутировать обе ноги, иначе бы он умер от гангрены, и врач с горечью рассказывал, как тот просил и умолял его оставить хотя бы одну ногу. История задела Кошевого, и он стал

навещать больного. Они много разговаривали, Олега интересовало буквально все. Он от имени бойца под диктовку писал письма матери и сестре, но любимой девушке тот отказывался признаться в своем несчастье. Тогда Олег сам написал ей письмо, и через две недели радостно сообщил матери, что за бойцом приехала его девушка и забирает его с собой на родину.

В марте 1942 г. Кошевого приняли в ряды комсомола. Рекомендацию ему дал его старший товарищ и друг Иван Земнухов.

Закончился учебный год, прошли экзамены. Кошевой перешел в десятый класс. У него стало больше свободного времени, и Олег по совету и при поддержке своего дяди устроился на работу в шахту помощником бурильщика, где проработал больше месяца. Вот когда емугодились знания, которые он приобрел раньше.

В это же время Кошевой познакомился с начальником политотдела 13-го управления военно-автомобильной дороги батальонным комиссаром В.И. Грачевым, который проживал у них на квартире. Вячеслав Иванович, видя огромное желание Олега встать на защиту своей Родины, посоветовавшись с матерью, устроил его воспитанником в подчиненном ему дорожно-строительном батальоне, где он помогал оформлять различные документы. Кошевой быстро познакомился с офицерами и солдатами, ревностно исполнял все возложенные на него обязанности, в глубине души очень надеясь вместе с частью отправиться на фронт. Грачев поддерживал в нем эту надежду и уверял Елену Николаевну, что будет беречь Олега, как родного сына.

28 июня 1942 г. началось летнее наступление вражеских войск на Воронежском направлении, и вскоре войска Южного фронта, оборонявшие Донбасс, были глубоко охвачены противником с северо-восточного фланга и оказались в тяжелом положении. Поэтому Ставка приказала отвести советские войска из этого района и закрепиться на заранее подготовленных рубежах в районе Ростова-на-Дону.

Начались сборы. Вячеслав Иванович, оставив свои вещи в квартире Кошевых, с пятью офицерами управления срочно выехал в подчиненную часть и... пропал без вести. А на следующий день Краснодар покинули подразделения дорожно-строительного батальона, не предупредив Олега, который очень расстроился, узнав об этом.

В городе началась вторая эвакуация. В доме Коростылевых-Кошевых тоже готовились к отъезду. Все переживали, и Олег всячески старался их успокоить. По дорогам, по всем улицам Краснодона двигались бесконечные людские потоки. Хрипло мычал голодный скот, причитали женщины, плакали дети. На телегах, на тачках, а то и на себе люди уносили свой

скарб, уходили от немцев. Солнце жгло без жалости, и тяжелая донбасская пыль вставала плотной стеной, затемняла солнце, высушивала рот, слепила глаза, скрипела на зубах.

Перед самым отъездом тяжело заболела брюшным тифом бабушка Вера, и Елена Николаевна решила остаться с матерью. Остальным же следовало немедленно выезжать. Олег не хотел оставлять их одних в оккупации и решил тоже остаться. Пришлось его отговаривать. Руководство шахты выделило для шести семей лошадь и подводу, на которую они погрузили свои вещи. 16 июля 1942 г., попрощавшись, Коростылевы пошли пешком на восток. Олег долго еще оборачивался и махал кепкой маме.

Когда через Краснодон прошли последние советские части, город опустел и, казалось, вымер. Все, кто не уехал, попрятались в домах и с тяжелым предчувствием ожидали врага, как смерти.

20 июля 1942 г. в город вошли фашисты. В квартиру Коростылевых-Кошевых быстро заскочили два немецких ефрейтора, все осмотрели, забрали в свои мешки все, что нашли, и предупредили, что здесь будет жить «большой офицер». Вечером в квартире поселился важный немец, у которого было столько чемоданов и сундуков, что их некуда было ставить. Имнi забили кладовую, коридор, и в квартире стало тесно. Дом стал чужим. Елену Николаевну успокаивало только то, что ни брата, ни Олега здесь не было.

В короткий срок город изменил свой облик. Фашисты стали вводить свой новый порядок. Везде на стенах домов, заборах и столбах были расклеены приказы оккупационных властей, гласящие: «Всем, кто имеет огнестрельное или холодное оружие, сдать его в комендатуру г. Краснодона в течение 24 часов. Кто уклонится от сдачи, будет немедленно расстрелян»; «Всем коммунистам, комсомольцам и евреям явиться на регистрацию. За неявку – расстрел»; «Населению запрещается появляться на улицах после 6 часов вечера. За невыполнение – расстрел». Красавица-школа была превращена в дирекцион № 10 «Восточного акционерного общества». В помещении районных яслей расположилась городская управа, городская больница была превращена в гестапо.

В это время гитлеровское командование предприняло еще одну попытку окружить отходящие соединения Южного фронта в районе Ростова-на-Дону, но советские войска сумели выйти из-под охватывающего удара немецкой армии и к 24 июля 1942 г. отступили за Дон.

Колонна беженцев, в которой шли Коростылевы с Олегом, направлялась в Новочеркасск. Однажды ночью в пути поднялся ураганный ветер и над раскаленной пыльной степью прошел ливень, который потоками воды затопил дорогу, но тысячи людей, по колено в грязи, шли вперед, толкая свои

застревающие повозки. А днем колонну беженцев постоянно бомбили фашистские самолеты и в открытом поле трудно было спастись. Много людей погибло. Похоронив убитых в братской могиле, выкопанной тут же в степи, люди шли дальше на юго-восток, но все дороги были уже отрезаны врагом. У города Шахты колонну беженцев догнали первые немецкие танки и мотоциклисты, которые согнали всех в кучу и забрали у людей все ценное, что смогли увезти. Было очень страшно. Беженцы повернули на юг, все-таки надеясь выйти к своим войскам, но было уже поздно. Пришлось возвращаться.

Днем 25 июля 1942 г. все вернулись домой. Невеселой вышла встреча. Это был уже не тот Олег. Перед матерью стоял не веселый и жизнерадостный мальчишка, а серьезный, уже познавший горе, немного грустный юноша. Кошевой впервые так близко увидел смерть людей, на лице его уже не появлялась улыбка, он ходил из угла в угол хмурый, угнетенный, о чем-то разговаривая сам с собой. То, что делалось вокруг, уже не поражало, а страшным гневом давило душу молодого патриота. И по ночам, при тусклом свете свечей, он писал стихи:

«...И я решил, что жить так невозможно.

Смотреть на муки, самому страдать?

Скорей, пора! Пока еще не поздно,

В тылу врага – врага уничтожать!

Я так решил, и это я исполню,

Всю жизнь отдам за Родину свою,

За наш народ, за нашу дорогую,

Любимую Советскую страну!...»

Присутствие фашистов в доме приводило Кошевого в ярость. Он напрягал все свои силы, чтобы не показать гитлеровцам всей своей ненависти.

Немецкий офицер вскоре уехал, и на квартиру стали заселять солдат, которые ночевали одну–две ночи, однажды остановились даже эсэсовцы.

Потом квартира понадобилась для важного немецкого генерала. И он перебрался со своими многочисленными чемоданами и денщиком, высоким, сытым, рыжим эсэсовцем, который неплохо говорил по-русски и постоянно с фашистской злобой и пренебрежением отзывался обо всем русском. Фашистский генерал восседал в столовой за столом, на котором постоянно стояли бутылки с шампанским, печенье, фрукты, всевозможные конфеты, шоколад. Для маленького трехлетнего Валерика, сына Николая Николаевича, было большим испытанием проходить мимо этого стола, хотя бабушка и строго внушала ему, чтобы он даже не оглядывался на стол. Мальчику было очень тяжело, ведь и хлеба он не ел вдоволь.

Однажды немецкий денщик в присутствии Олега начал громко ругать русских, обзывать некультурными свиньями, диким народом. Кошевой, бледный и страшный, долго сдерживался, кусая губы, а потом, забыв все предупреждения, громко ответил фашисту, что свиньи – это они, потому что пришли грабить и убивать беззащитных женщин и детей. Фашист, вначале опешивший от крика Олега, вдруг подскочил к нему, сильно ударил кулаком в лицо и, схватившись за винтовку, дико заорал, что сейчас убьет «этого комсомольца». Но Кошевой не растерялся, он в ярости схватил немца за борт мундира и с силой потряс его так, что в бесцветных глазах подонка мелькнули страх и беспомощность. В этот момент подоспела Елена Николаевна, которая встала между ними, и Олег выбежал из комнаты.

Успокоивши фашиста, мать вышла во двор и нашла сына, который сидел на лавочке, сжав голову руками, словно от боли, и плакал. На его лице горел след от удара фашиста. В доме он больше не появлялся до тех пор, пока генерал с денщиком не съехали с квартиры.

Вся большая семья голодала. Пришлось дяде, Николаю Николаевичу, устраиваться на работу к немцам. Начальник дирекциона № 10 «Восточного акционерного общества» барон Швейде как главный представитель немецкой администрации в городе был безусловно рад появлению в его окружении такого высокообразованного специалиста, так как перед ним стояла задача в кратчайшие сроки восстановить взорванные при отходе советских войск угольные шахты и начать поставки топлива в Германию. Рабочих катастрофически не хватало, и самый главный в городе немец принимал всех желающих, несмотря на то, что некоторые из них были коммунистами (Ф.П. Лютиков, Н.П. Бараков и др.). Это вызывало недовольство гестапо и жандармерии, но они вынуждены были помалкивать, ведь самым строжайшим предписанием из Берлина было приказано всемерно оказывать всестороннее содействие барону и любой его звонок напрямую в Берлин мог стоить им не только должности, но и отправки на фронт, чего они страшно боялись.

Вскоре барон Швейде назначил инженера-геолога Н.Н. Коростылева членом совета дирекциона № 10 с хорошим жалованьем, выделил для его семьи еще одну отдельную квартиру, в которую переехали Олег с матерью и бабушкой. По настоятельной просьбе главного инженера С.К. Андреева дядя Олега стал еще и членом городской управы. Одновременно начальником Центральных электромеханических мастерских назначили Н.П. Баракова, а Ф.П. Лютиков там же приступил к работе техническим руководителем. Барон был доволен их работой и надеялся восстановить не только электроподстанцию и водокачку, но и шахты. Коммунисты же, используя свое служебное положение, рекомендовали на работу в мастерские своих

товарищей по борьбе и, рискуя жизнью, сделали все для того, чтобы оккупанты не получили ни одной тонны донецкого угля.

В августе 1942 г. в Краснодоне стали нелегально создаваться антифашистские группы из числа комсомольцев и молодежи. Одну из таких групп, в которую активным членом вошел Олег Кошевой, возглавил Иван Земнухов. Вместе друзья составляли тексты листовок, тиражировали и расклеивали их по городу, предварительно нарисовав схему Краснодона и окрестностей.

В конце сентября 1942 г. отдельные группы молодежи объединились в подпольную комсомольскую организацию «Молодая гвардия». Инициаторами ее создания были Виктор Третьякевич и Иван Земнухов. Для руководства всей деятельностью молодых патриотов создали штаб. Начальником штаба избрали Земнухова. Олег был рад за своего товарища, всеми силами старался помогать ему во всем и, несмотря на молодость, оказался великолепным организатором. Мечтательность соединялась в нем с исключительной практичностью и деловитостью. Высокий, широкоплечий, инициативный, он не раз сам был участником смелых вылазок против врага.

В организацию молодых патриотов вступали все новые и новые члены. Серьезная, смертельная борьба переплелась с юношеской романтикой. Недавние школьники в условиях оккупации стали настоящими подпольщиками. Законы войны требовали строжайшей конспирации, поэтому многие молодые патриоты имели свои персональные подпольные клички. Третьякевич стал «Славин», а Кошевой – «Кашук» (он не сказал даже лучшим друзьям, что это не производная от Кошевого, а реальная фамилия отчима, к которому он очень тепло относился, не подумав при этом, что его мать была... Кашуковой).

Вместе с Земнуховым Олег принимал наиболее отличившихся молодых патриотов в комсомол, призывая их к беспощадной борьбе против оккупантов. По заданию штаба Кошевой часто бывал в молодежных группах горняцких поселков Первомайка, Изварино, селах Шевыревка, Герасимовка, давал им боевые задания, иногда вручал временные комсомольские билеты и собирал членские взносы. Но самая близкая довоенная подруга Олега Лина Темникова не разделяла его взглядов, она также играла на пианино и весело танцевала, но теперь уже с немецкими офицерами. Кошевой порвал с ней всякие связи, прекратив даже здороваться при случайной встрече на улице.

Молодым подпольщикам необходимо было оружие. Его собирали все, особенно активно действовала группа Сергея Тюленина, но еще до трагической гибели шахтеров от рук фашистских оккупантов в сентябре 1942 г. ребятам удалось узнать от арестованного коммуниста А.А. Валько, что в

одной из заброшенных шахт у села Верхнедеревечка спрятано оружие. Настало время достать его.

В октябре 1942 г., прихватив противогазы на случай, если в шахтах скопились ядовитые газы, Олег и Иван Земнухов ушли на разведку. Быстро разыскав шахту, они после недолгих поисков обнаружили в замаскированной нише тщательно смазанные и уложенные в ящики пистолеты, винтовки, гранаты, динамит, запалы и бикфордов шнур. У ребят был настоящий праздник, когда о результатах разведки они доложили на заседании штаба.

С помощью дяди Кошевому удалось достать немного аммонала (взрывчатого вещества), который вместе с найденными и извлеченными минами молодогвардейцы заложили в поле, где румыны прогоняли овец. Когда несколько животных подорвалось, а остальные разбежались по полю, солдаты врага не рискнули их собирать обратно в стадо. В то же время Олег с Сергеем Тюлениным, под видом сбора терна у поселка Изварино, перерезали телефонные и телеграфные провода и подпалили две копны с сеном.

Однажды вездесущий Тюленин, забежав к Олегу, сообщил, что в город прибыла новая румынская часть. Солдаты загнали свои машины во дворы, разместились по домам и отправились смотреть немецкую кинокартину, не выставив охраны. Ребята сбежали в разведку и обнаружили в машинах ящики с гранатами и оружие. Спрашивать разрешение штаба времени не было, кино скоро заканчивалось. План созрел быстро. Олег вместе с Сергеем и Евгением Шепелевым, поставив Клаву Ковалеву в охранение, вытащили из машины два ящика с гранатами, три винтовки и ползком перетащили все через двор в

Евгений Шепелев

разбитый дом, который без окон и дверей находился рядом, а потом, как ни в чем не бывало, пошли в парк. Елена Николаевна слышала, куда и за чем собрались ребята, очень волновалась, ведь было еще светло, и проследила за ними, а когда юные патриоты, довольные собой, отправились гулять, быстро убрала все оставленные ими следы у машин и возле разрушенного дома, хотя и ее мог кто-нибудь увидеть. Немного побродив по городу, юные герои вернулись домой. Елена Николаевна не сдержалась и стала их ругать за неосмотрительность, а в ответ все только улыбались и выглядели «ангелочками», особенно Клава. Румыны скоро уехали, а

оружие и гранаты молодогвардейцы успешно перенесли на свой склад.

В это же время Земнухов случайно встретился в городе с двоюродными сестрами Иванцовыми, Ниной и Ольгой. Он был очень удивлен, так

как знал, что еще до оккупации они были направлены в Ворошиловград на курсы специальной подготовки радисток для работы в тылу врага. Обе были комсомолками и работали в райкоме вместе с Иваном до оккупации.

Его откровенность при первой встрече их насторожила. Ведь Земнухов прямо спрашивал об имеющемся у них оружии, где расположены немецкие войска, когда они были за Северским Донцом и как производится переправа через реку. Они догадались, что Иван интересуется этим не из праздного любопытства, а то, что в городе действуют подпольщики, было понятно по расклеенным листовкам. Вскоре Земнухов зашел домой к Нине Иванцовой и рассказал о подпольной комсомольской группе, в которую входят проверенные ребята, и предложил сестрам войти в ее состав. Он не скрывал надежды, что через сестер будет установлена связь с партизанскими отрядами для совместных действий.

От Иванцовых Иван узнал, что они были направлены для проведения разведки в г. Орджоникидзе (до 1937 г. – Рыково, после 1943 г. – Енакиево). Девушки должны были информировать советское командование о расположениях баз, аэродромов, войск противника, выяснять действия оккупационных властей. Но связи с подпольем нарушились, средств к существованию не было, к тому же девушки стали объектом внимания не только местных жителей, но и полиции. Заболевшие, голодные и измученные долгой тревожной дорогой, сестры были вынуждены вернуться в Краснодар. Дома девушки долго не выходили на улицу, боясь провокаторов, так как об их направлении в Ворошиловград на курсы радисток в школу НКВД знали некоторые соседи и знакомые.

Ольга Иванцова (подпольный псевдоним «Приходько», «Оксана») еще в августе 1942 г. ушла на восток в Ростовскую область за 100 км менять в селах и станицах вещи на хлеб. Там, в хуторе Пиховкин, она встретила со знакомым парнем, который представился «Андреем». Это была его подпольная кличка. Ольга училась вместе с ним еще в 1941 г. в Индустриальном институте в г. Новочеркасске и хорошо знала его фамилию и имя, но даже после войны ни в одном из своих многочисленных интервью (для открытой печати) и на допросах не раскрыла этой тайны. «Андрей» в разговоре с ней предложил вступить в партизанский отряд. Ольга дала согласие. Для связи с партизанами были установлен пароль и отзыв, указано место встречи.

Ольга Иванцова

Нина Иванцова

Нина Иванцова (подпольный псевдоним «Донская») долго болела и лишь в конце сентября 1942 г. смогла выйти из дома на улицу. В это время началась первая мобилизация молодежи в Германию. Полиция и жандармы хватили молодых людей прямо на улице, загоняли в товарные вагоны и отправляли на каторжные работы, поэтому Нина быстро собралась и ушла к родственникам в с. Петровка в 18 км от города на север, где и скрывалась. Здесь она встретила со старым знакомым по школе НКВД Николаем Чернявским, который был связан с митякинскими партизанами. Он предложил Нине организовать подпольную группу в Краснодоне для помощи партизанам и Красной Армии.

Этими сведениями сестры поделились между собой, но вначале Земнухову ничего не сказали. Только после откровенного разговора Нина сообщила Ивану о связи Ольги Иванцовой с ростовскими партизанами, но о своей встрече в Петровке пока промолчала.

Уже на следующий день к сестрам пришел Кошевой. Они знали друг друга очень хорошо еще по довоенной жизни. Олег также поинтересовался, почему Нина и Ольга в тылу врага до сих пор не в подполье. Девушки были готовы к такому разговору и сообщили ему, что согласны вступить в подпольную организацию и вместе с другими товарищами вести беспощадную борьбу с фашистскими оккупантами. Так группа Земнухова пополнилась еще двумя хорошо подготовленными бойцами.

Еще в конце октября 1942 г. между членами штаба Третьякевичем и Земнуховым часто стали возникать противоречия и споры. Оба были сильными лидерами, и Ивану не нравилось, что в работу организации стал все настойчивее, иногда не советуясь ни с кем, вмешиваться Виктор, и в этом Третьякевича стали поддерживать некоторые члены штаба. Тогда на одно из заседаний в ноябре 1942 г. Земнухов, не согласовав с остальными, пригласил Кошевого и предложил ввести его в состав штаба ответственным за безопасность в организации (начальником разведки). Все знали Олега и, несмотря на то, что его дядя работал у немцев, избрали в состав штаба «Молодой гвардии». Кошевой стал иметь право голоса в решении всех задач, стоящих перед молодыми патриотами, и «правой рукой» начальника штаба Земнухова.

После ноябрьских праздников поздно вечером на квартире у Олега собрались Туркенич, Земнухов, Тюленин, Осьмухин, Арутюнянц и Валерия Борц. Кошевой представил сестер Иванцовых, рассказал членам

штаба и приглашенным молодогвардейцам о том, что девушки окончили специальную школу, работали в тылу врага, и предложил принять Ольгу и Нину в их подпольную группу.

Девушки стали одними из самых активных членов организации, участвовали в ряде боевых операций, и вскоре штаб утвердил Нину Иванцову связной командира «Молодой гвардии» Ивана Туркенича.

В Краснодаре не было электричества. Немецкие административные здания освещались лишь привезенной из Германии бароном Швейде передвижной дизельной электростанцией. Н.Н. Коростелев ухитрился нелегально провести свет в свою квартиру и к товарищам. У его друга В.Л. Кистринова был радиоприемник, который они установили в доме С.М. Выборного и вместе с Олегом слушали последние известия из Москвы, записывали их и распространяли в Краснодаре и окрестностях. Через некоторое время приемник установили в квартире Николая Николаевича, и молодогвардейцы могли вместе слушать сводки Совинформбюро, радоваться успехам наших войск на фронте, а потом на бумаге, которую доставал дядя Кошевого в дирекции, в большом количестве писать, печатать и распространять по городу и окрестным поселкам листовки. Часто по вечерам Олег повязывал себе белую повязку полицейского на рукав пальто, брал с собой листовки и, скрытно передвигаясь по городу, расклеивал их на дверях домов и квартир, на калитках, разбрасывал на улицах.

Кошевой отвечал за ведение разведки, поэтому он часто ставил задачи молодогвардейцам следить за отдельными людьми, за полицейскими, за кандидатами в «Молодую гвардию». Но Олег был не только организатором, вместе с другими подпольщиками он принимал участие и в боевых операциях. Так, совместно с Виктором Третьякевичем и ребятами из Первомайской группы они заминировали деревянный мост на шоссе на дороге, на котором подорвалась немецкая машина с боеприпасами.

Случались и комические случаи. После разгрома румынских армий под Сталинградом их жалкие, оборванные, голодные остатки пробирались через Донбасс в Румынию. На квартиру к Кошевым как-то зашел румынский солдат с винтовкой, принялся ныть и жаловаться, что война – это не хорошо, винтовка – не хорошо, и немцы очень плохие, потому что их не кормят. В это время к Олегу пришла Ульяна Громова. Они переглянулись, и Кошевой, взяв кусок хлеба, предложил румыну обмен. Голодный вояка без лишних слов вырвал из рук Олега хлеб, отдал ему винтовку и, что-то бормоча, вышел вон. Склад молодогвардейцев пополнился еще одной вражеской винтовкой.

С особым увлечением занимались молодые патриоты порчей вражеской телеграфной и телефонной связи. Немцы не успевали чинить повреждения. Особенно методически портилась линия между Краснодonom и Ровеньками, где находились окружные полиция, жандармерия, гестапо и комендатура. Сеть портилась очень искусно и ловко. Провода не просто обрывались, а переламывались в нескольких местах, так чтобы не нарушалась изоляционная оболочка кабеля. Найти поврежденные места для фашистов было большой проблемой.

В «Молодую гвардию» вступали все новые и новые патриоты. Необходимо было срочно организовать связь с другими подпольщиками и партизанскими отрядами для организации совместных действий. На заседании штаба решили направить с письмами Любовь Шевцову в Боково-Антрацит, а Ольгу Иванцову в Каменск.

Возвратившись в Краснодар, Ольга сообщила руководителям «Молодой гвардии», что в Каменске также есть подпольная группа и связь с ней налажена через членов штаба партизанского отряда, которые носят подпольные клички «Дядька Данило» и «Гришка-Ванька». Встречалась она и с «Андреем».

Вскоре от каменских подпольщиков в штаб «Молодой гвардии» прибыл связной, который принес письменное указание комиссара партизанского отряда прислать двух отважных подпольщиков для совместных действий. На заседании штаба было решено отправить к партизанам двух друзей: Василия Пирожка и Василия Левашова. Вернувшись обратно, они доложили, что помогали партизанам при взрыве железнодорожного полотна у ст. Должанская, по которому двигались эшелоны с танками, автомашинами и снарядами. Вскоре за их хорошую работу «Дядька Данило» прислал благодарность молодогвардейцам.

Ольга Иванцова стала связной начальника штаба «Молодой гвардии» Ивана Земнухова со штабом ростовского партизанского отряда.

В конце ноября 1942 г. в Краснодаре появился связной митякинских партизан Николай Чернявский. Он быстро нашел Нину Иванцову и через нее связался с Туркеничем, Земнуховым и Кошевым. Он предупредил ребят, что основной деятельностью молодых подпольщиков должна стать разведка, распространение листовок и устная агитация. Диверсионная деятельность в задачи «Молодой гвардии» не входила. Одновременно Николай дал ряд хороших советов членам штаба по организации, конспирации и работе подполья. Встреча была короткой, но поучительной для юных патриотов. Чернявский предупредил, чтобы связи с митякинскими партизанами самостоятельно не искали, что он сам, при необходимости, их разыщет. Больше в Краснодаре он не появился.

А Ольга Иванцова, находясь в тесной связи с ростовскими партизанами, участвовала вместе с ними в боевой операции при уничтожении в районе Волчанского леса фашистской автомобильной колонны с оружием, теплым обмундированием и продуктами, отражала атаки немецких солдат и предателей-казачков, была ранена в руку, но позиции не оставила. Впоследствии через нее молодогвардейцы передали партизанам две посылки с медикаментами для раненых. От Ольги юные подпольщики узнали, что партизаны понесли потери, а «Дядька Данило» имел звание генерал-майора. Узнав об этом, Земнухов с Кошевым предложили Ивану Туркеничу отобрать наиболее подготовленных ребят, вооружить их и отправить для пополнения рядов ростовских партизан. Зашифровав свое донесение и предложения руководству партизанского отряда, они послали «Оксану» в Каменск.

В это время ее знакомые патриоты «Гришка-Ванька» и «Андрей» получили задание заминировать понтонный мост через Северский Донец. Они взяли с собой уже проверенную в боях Ольгу в охранение, чтобы она успела предупредить их об опасности, если такая возникнет. Успешно выполнив боевую задачу, партизаны скрылись. Последней отходила Иванцова, но из-за угла дома выскочила собака и стала лаять, что привлекло внимание полицейского патруля. Ее арестовали и отправили в полицейский участок Каменска. Опытная разведчица успела выбросить оружие и уничтожить все компрометирующие ее документы. Умелым поведением на допросах («шла из станицы Гундоровка на базар в Каменск продавать масло, но в пути задержалась...») она ввела следователя в заблуждение. Ей не поверили, прежде всего потому, что вскоре в районе, где ее задержали, был взорван мост вместе с машиной, перевозившей боеприпасы (взрыв был огромной силы), но прямых улик не было, а Ольга настойчиво повторяла свою версию, несмотря на уговоры, подкуп, избиения и пытки.

Каменские подпольщики сумели договориться с полицией о выкупе Ольги, те не возражали, но затребовали большую сумму. Срочное сообщение от партизан пришло в Краснодар, и Кошевой вместе с Земнуховым стали собирать необходимые средства.

Через неделю, собрав 5 тысяч рублей, в Каменск отправился Олег Кошевой с Ниной Иванцовой. Там они встретились с «Андреем», который под видом родственника передал начальнику полиции выкуп в размере 7 тысяч рублей и свои золотые часы (остальные средства собрали каменские подпольщики и партизаны), и «Оксану» выпустили. Удивленная Ольга во дворе полицейского участка встретила сестрой, которая и рассказала, как ее удалось спасти. Вместе они дошли до окраины Каменска, где у развалин встретились с Олегом и вторым

возвратились домой. На квартире у Кошевых Ольга Иванцова доложила руководству молодогвардейцев о причинах ее задержания и о том, что поручение, данное ей, она выполнила.

В начале декабря 1942 г. Любовь Шевцова узнала, что отправка молодежи на принудительные работы в Германию возможна в ближайшие дни. Многие молодогвардейцы получили повестки, и некоторые запаниковали, не зная, что делать. На срочном заседании штаба «Молодой гвардии» комиссар Третьякевич и начальник штаба Земнухов предложили деятельность подпольщиков прекратить, организацию распустить и всем срочно уйти из Краснодона. Впервые за много заседаний они были единодушны, может, потому, что не желали рисковать жизнями ребят, так как сами по состоянию здоровья были освобождены немецкой медицинской комиссией от насильственной депортации на каторжные работы. Но командир Туркенич и Кошевой предложили: на повестки не обращать внимания, на сборный пункт не являться, остаться и продолжать работу, а ненавистную биржу поджечь. Их поддержали Тюленин и Шевцова. Разгорелись нешуточные споры, и окончательное решение не было принято. Инициативу проявила Любовь Шевцова. Она вместе с Тюле-ниным и Лукьянченко провела разведку в здании биржи и разработала молниеносный план, который доложила на заседании штаба. Кошевой и Туркенич поддержали, с планом пришлось согласиться и остальным. Одновременно стали разрабатывать план поджога здания городской управы, но он так и остался нереализованным. В ту же ночь, которая совпала с Днем Конституции СССР, запылала проклятая биржа. Потушить ее не удалось, и все документы на молодежь для отправки в Германию были уничтожены. Более двух тысяч юношей и девушек были спасены от рабства у немецких господ.

Фашисты не нашли виновных. Этот поджог стал единственным громким диверсионным актом молодогвардейцев в самом Краснодоне.

Вскоре связной ростовских партизан передал, что вопрос о приеме в отряд молодогвардейцев решен положительно и «Дядька Данило» просил, чтобы штаб «Молодой гвардии» доложил о проделанной работе, дальнейших задачах и о составе группы.

С отчетом в Каменск была послана «Оксана». Там она рассказала о составе организации и ее руководстве. Фамилия Виктора Третьякевича оказалась знакомой «Дядьке Данило», он знал о гибели в сентябре 1942 г. партизанского отряда под командованием секретаря Ворошиловградского горкома КП(б)У И.М. Яковенко и что комиссаром отряда был брат Виктора М.И. Третьякевич. Но почему младший брат оказался в Краснодоне и, со слов «Оксаны», был направлен командиром партизан, насторожило его. Поэтому он передал через связную, что пока они не разберутся, в состав

партизанской группы молодогвардейцев его не включать и быть с ним поосторожней. Об этом по возвращении Ольга Иванцова доложила Туркеничу, Земнухову и Кошевому, которые решили готовить ребят скрыто, не сообщая об этом Третьякевичу и остальным членам штаба. А Шевцовой была поставлена задача постараться все узнать в Ворошиловграде.

Вернувшись 15 декабря 1942 г., Люба сообщила членам штаба «Молодой гвардии», что партизанский отряд, о котором рассказывал Третьякевич, был разгромлен фашистами еще в сентябре 1942 г., а, значит, он не был направлен командиром в Краснодар. Виктор оправдывался, но всех возмутило, что он не сказал правду. С должности его сняли, оставив членом штаба, а комиссаром организации выбрали Олега Кошевого. Но как ни скрывали эту информацию, очень скоро об этом узнали почти все члены организации.

С этого момента молодогвардейцы стали чаще собираться у Олега, а Елена Николаевна выходила на улицу и была на страже, каждый раз предупреждая ребят об опасности. Но когда к ним на постой ставили то немецких, то румынских солдат и офицеров, собираться в квартире Кошевых было небезопасно. Помогал Олегу и его дядя, Н.Н. Коростылев. Зная немецкий язык, он всю подслушанную от врагов информацию передавал племяннику для передачи партизанам.

Кошевой стал непосредственно заниматься отбором людей в партизанский отряд и вскоре через связных получил зашифрованное письмо от «Дядьки Данило», в котором тот советовал молодому комиссару, как добывать оружие, и выражал желание встретиться с ним, поговорить, дать советы и указания. Олег этим очень гордился.

Перед отправкой молодогвардейцев к партизанам Кошевой и Земнухов стали настаивать на организации личной встречи с руководителями ростовского отряда. Те не возражали, но по разным причинам встреча постоянно откладывалась. Партизанской группе молодых патриотов Краснодона присвоили имя «Молот». Командиром назначили Туркенича, комиссаром – Кошевого. Уже к 19 декабря 1942 г. было отобрано 15 наиболее подготовленных человек, куда вошли и три девушки (сестры Иванцовой и Валерия Борц), все приняли новую присягу партизан и, разделившись на пятерки, стали готовиться, с нетерпением ожидая вызова.

Перед своим уходом ребята решили обеспечить семьи всех молодогвардейцев углем и дровами. Но получить уголь при немцах было не так-то легко. Олег куда-то бегал, хлопотал, хитрил и выдумывал, пока через своего дядю не добился наряда на уголь, который возили все вместе, помогая один другому, по три человека на тачку, а дрова взяли, разобрав деревянные крепления небольшой заброшенной шахты.

Выход молодых партизан по различным причинам откладывался. И только через несколько дней радостная Ольга сообщила, что соединение группы с отрядом состоится на следующий день. Ребята по три человека в разное время должны были покинуть Краснодар, чтобы потом, объединившись, выступить в назначенный район.

Но радость молодогвардейцев оказалась преждевременной. Ночью к Ольге пришел «Андрей» и передал, что по указанию командира их выход откладывается, они остаются в Краснодоне, для них подготовят базу и оружие, их группа станет ядром нового партизанского отряда, в который будут вливаться другие вновь создаваемые группы патриотов. Организацией нового партизанского отряда будет заниматься лично «Дядька Данило», который назначил встречу Кошевому и Туркеничу на 17 часов 29 декабря 1942 г. после того, как вернется из Горловки. Этот вновь отложенный выход партизанской группы молодогвардейцев сильно подорвал авторитет штаба.

25 декабря 1942 г. немцы отмечали католическое Рождество. По этому поводу оккупанты установили в клубе пушистую, увешанную разноцветными игрушками елку. Слева от нее укрепили свой флаг — огромное красное полотнище с белым кругом и черной свастикой посередине. В зале проходили торжественные мероприятия и показ кинофильма. Воспользовавшись моментом, Сергей Тюленин спрятался, а когда все ушли и остался один сторож, тихо, без шума, сорвал фашистское знамя (заодно выколол глаза на портрете Гитлера) и принес его на квартиру к Кошевым. Увидев его, Олег был очень удивлен смекалке Тюленина и, узнав, что тот собирается срезать свастику и сделать из него знамя «Молодой гвардии», очень обрадовался. Но вмешалась Елена Николаевна, которая подслушала их разговор. Она понимала, что знамя будут искать и непременно расстреляют за его хищение, поэтому строго запретила хранить его в их квартире (хотя в своей книге, описывая этот эпизод деятельности организации, она утверждала, что спрятала фашистское знамя под крышкой стола). Свидетелем этого была Валерия Борц, вечный помощник Тюленина, которая в квартиру не заходила, и Елена Николаевна ее видеть не могла. Знамя, привезенное из Германии бароном Швейде, действительно искали и жандармы, и гестапо, а сторожа клуба и десять заложников пригрозили расстрелять, если к следующему дню флаг не будет возвращен. На заседании штаба Тюленина строго предупредили за самовольную инициативу и приняли решение фашистский флаг вернуть. Тогда Сергей разорвал этот стяг на мелкие куски и подбросил к зданию клуба.

События на советско-германском фронте развивались стремительно. Советские войска подходили к Донбассу. Молодогвардейцы решили помочь войскам Красной Армии и поднять восстание в Краснодоне.

Начать восстание планировали в новогоднюю ночь, взорвав здание дирекциона, в котором фашисты собирались с концертом и банкетом встречать Новый, 1943 год. После взрыва шесть молодогвардейцев должны были войти прямо в зал и забросать оккупантов гранатами. Организация и проведение взрыва были поручены Евгению Мошкову, которому передали весь подрывной материал. Одновременно молодогвардейцы готовили нападение на здания городской полиции и полиции пос. Первомайка, а остальные члены штаба должны были уничтожить руководителей немецкой администрации, жандармерии, гестапо и полиции. Олегу Кошевому было поручено убить начальника полиции Краснодона Соликовского и одного немца из жандармерии. Ждали только разрешения от ростовских подпольщиков и партизан.

28 декабря 1942 г. в доме Третьякевича на заседании штаба молодогвардейцев Земнухов в очередной раз предложил в состав партизанского отряда «Молот» включить Ковалева и Григорьева, забыв (или сделав вид, что забыл) о том, что Виктор ничего об этом не знал. Возмущению Третьякевича не было предела, он обвинил прежде всего Кошевого в предательстве организации, так как ни Олег, ни Туркенич никогда лично не видели руководителя ростовских партизан «Дядьку Данило» и других, а списки отряда им представили. Виктора поддержал Евгений Мошков. Растерявшийся Кошевой, сильно заикаясь, стал оправдываться, но в его защиту никто не стал. Тем не менее, несмотря на все голословные обвинения Олега в предательстве и отрицая само существование партизанского отряда в Ростовской области, Третьякевич, самовольно возглавив заседание штаба и не спрашивая мнения остальных, объявил: «Командиром назначаю Земнухова, миссию (любимое словечко Виктора) комиссара беру на себя...» Все это происходило на таких эмоциях, что присутствующие на заседании сестры Ивановы и Анатолий Лопухов были просто шокированы.

Разговор о Ковалеве и Григорьеве так и не довели до конца, потому что ворвавшиеся, как вихрь, Сергей Тюленин и Валерия Борц с пылом рассказывали, что немецкие машины с новогодними подарками стоят без охраны около городской управы, и предложили их «огрбить». С ними быстро согласились Земнухов, Мошков, Третьякевич и Лопухов. Не думая о последствиях, они поздно вечером во время комендантского часа быстро стащили мешки из машин, спрятали в ближайшем доме у Лопухова в сарае и погребе, а часть мешков, не зная, что в них, принесли домой. Ночью родители Третьякевича и Земнухова еще долго сжигали в печке немецкую почту, Тюленины ели немецкий шоколад и печенье, Валерия Борц пришла домой в...шубе, а мать Лопухова целую ночь убирала дорогу, на которой юные подпольщики оставили обрывки бумаг и упаковки. Лишь на

следующий день 30 декабря 1942 г. все остальное, сделав две ходки на двух санках, они отвезли в клуб, директором которого был Мошков, и спрятали на втором этаже в бывшей библиотеке.

А для Олега Кошевого этот день выдался крайне неудачным, еще и потому, что «Дядька Данило» на встречу не пришел и через связного, который вышел на Ольгу Иванцову, передал шифровку о том, что его отряд при выполнении задания в Горловке был обнаружен и партизаны вынуждены скрываться. «Дядька Данило» предупредил штаб «Молодой гвардии»: ничего самостоятельно не предпринимать, ждать указаний и одновременно искать связь с митякинскими партизанами.

Проведение акта возмездия фашистам и их прихвостням планировали особенно тщательно. Продумали все до мелочей, даже спланировали для прикрытия новогоднюю вечеринку на квартире Ксении Толстеновой, не имеющей никакого отношения к «Молодой гвардии». Но ровно за час до взрыва Ольга Иванцова сообщила, что связной «Дядьки Данило» принес шифровку с распоряжением об его отмене, так как на торжество, организованное немцами, «хозяева» пригласили не только подонков-предателей, но и местных работников, среди которых оказались и члены партии из других подпольных организаций (в том числе и Ф.П. Лютиков). Советские войска были еще далеко от Краснодона, поэтому фашисты легко могли расправиться не только с молодыми патриотами, но и с почти всеми жителями города, если учесть, что у оккупантов было указание - за одного убитого немца расстреливать 50 человек мирного населения, а за одного убитого румына – 20, а на новогоднее торжество было приглашено только немцев более 50 человек. Поэтому большевики посчитали, что преждевременное выступление молодогвардейцев могло сорвать намеченные планы и погубить много мирного населения.

Вскоре и Евгений Мошков заявил, что он получил указание эту операцию не производить, а за 15 минут до взрыва к командиру «Молодой гвардии» Туркеничу ворвалась Люба Шевцова и передала такой же приказ от подпольщиков Ворошиловграда: немедленно отложить взрыв.

Многие ребята, в том числе и Кошевой, были очень расстроены, а Иван Земнухов сказал: «Эх, жалко, не дали поработать». Акцию возмездия пришлось отложить. Настроение было испорчено, но вечеринку отменять не стали. 31 декабря 1942 г. на квартире у Толстеновой собрались парни и девушки, в том числе Земнухов, Кошевой и Третьякевич. Было весело, они пели, сочиняли стихи, пародии, играли в «почту», танцевали под патефон. В полночь Виктор Третьякевич произнес тост: «За Родину! За Победу!» Веселились до утра, не подозревая, каким черным оно будет.

Жандармы и полиция долгое время пытались раскрыть организацию и на ее след напали совершенно случайно, даже не подозревая об этом. Первым был арестован мальчишка, который продавал на рынке немецкие сигареты. В полиции он рассказал, что их ему дал Мошков в присутствии Третьякевича. Начальник полиции Соликовский вместе с нарядом выехал в клуб, директором которого был Евгений, и, обнаружив пропавшие мешки с немецкими подарками, избил и арестовал Мошкова. В это время за кулисами находился Тюленин, который видел, как арестовали Евгения, он сообщил об этом всем молодогвардейцам. В первую очередь Сергей предупредил Туркенича и Кошевого, а затем побежал к Третьякевичу, который после вечеринки спал у себя дома. Виктор выслушал предупреждения друга, но не придал им особого значения и...завалился досыпать. Родителей дома не было, они предусмотрительно закрыли двери снаружи, повесив замок. Но подъехавшим на санях полиция замком преградой не стал. В этот же день был арестован и Иван Земнухов, который сам пришел в полицию, пытаясь выручить своих товарищей. Арестованные молодогвардейцы все сводили к обыкновенному воровству, вызванному страшной бедностью. Говорили они настолько убедительно, что им поверил даже начальник полиции Соликовский. Но, когда ребят уже собирались выпустить, член подпольной группы из поселка Первомайка Геннадий Почепцов, испугавшись своего ареста, написал донос, в котором раскрыл неуловимую подпольную организацию и ее руководителей.

Вечером 1 января 1943 г. состоялось последнее заседание штаба «Молодой гвардии». Вел его Олег Кошевой. Многие посчитали, что это провал, и единогласно приняли решение: всем подпольщикам разобрать оружие и немедленно уйти из города навстречу Красной Армии или укрыться в соседних хуторах. Туркенич разработал задания боевым группам в районе Волочанского леса с целью уничтожения отдельных групп фашистов и оказания помощи советским войскам в освобождении города. Все члены организации были предупреждены об угрожающей опасности, но, к сожалению, не все осознали ее серьезность и остались в городе, на что-то надеясь.

3 января 1943 г., убедившись, что арестованным товарищам помочь невозможно, Кошевой зашел к Тюлениным и согласовал с Сергеем место сбора в селе Шевыревка. В самый последний момент перед уходом из дома обнаружилась пропажа зимней шапки Олега, которую забрали румынские солдаты, останавливавшиеся на ночлег в квартире Кошевых. Выручила Нина Иванцова, она вспомнила, что ее брат Ким, после возвращения из партизанского отряда осенью 1941 г., оставил дома свою серую солдатскую шапку, поэтому быстро сбегала и принесла ее. Ночью, попрощавшись с родными, Олег вместе с Ниной и Ольгой Иванцовыми ушел из Краснодона.

На следующую ночь, 4 января 1943 г., полиция начала массовые аресты молодых подпольщиков и их родных, а пятерка молодогвардейцев: Кошевой, Тюленин, Борц и сестры Иванцовы – под покровом ночи шла навстречу приближающемуся фронту. Вначале, по предложению Нины, они пошли на северо-восток в хутор Широкий, где жила мать Николая Чернявского (связного митякинских партизан), но, к сожалению, его не застали. Он за три дня до их появления ушел из дома. Тогда Ольга взяла инициативу на себя и предложила двигаться на восток через Митякинский лес в Ростовскую область навстречу фронту (она еще в августе 1942 г. была в этих краях, хорошо ориентировалась и знала практически все незаметные подходы к станции Тарасовка). С большим трудом, рискуя жизнью, юные герои преодолели по тонкому льду Северский Донец и углубились в лес, где, по слухам, базировался партизанский отряд, но молодые герои никого так и не встретили. Дальнейший их путь лежал по открытой местности.

Ребята обходили села и поселки, шли околицами, ночевали в шалашах и заброшенных сарайчиках. Днем, при движении по талому снегу одежда и обувь размокала, а вечерами она дубела на них от мороза. Под видом меняльщиков они прошли по многим хуторам Ростовской области и, подходя к Дяткинскому разъезду, от встречных жителей узнали, что всех юношей и мужчин фашисты арестовывают и отправляют в концлагеря. Пришлось двигаться по ночам, обходя все вражеские посты.

Наконец, измученные, голодные и замерзшие, они добрались до хутора Фокино, где с начала оккупации жила одноклассница Ольги Иванцовой Анна Шиловская. Решили у нее остановиться, сказав, что пришли обменять вещи на продукты. Аня, чем могла, накормила ребят и разместила их в избе у своей тетки на окраине хутора, но оставаться было очень опасно. Все чаще полиция делала облавы и арестовывали молодежь. Днем молодогвардейцы вынуждены были прятаться в поле на морозе. Иногда Шиловская приносила им поесть кукурузную похлебку и рассказывала новости. От нее ребята узнали, что в Краснодоне будут вешать молодых партизан.

Фронт был близко. Советские войска уже окружили фашистов под Миллерово, а передовые части 3-й гвардейской армии наступали в 10 – 15 км от станции Тарасовка и хутора Россошь, но перейти линию фронта большой группой было невозможно, да и оставаться в Фокино было опасно. Посоветовавшись, ребята разделились на две группы. Кошевой и сестры Иванцовы решили вернуться обратно в Краснодон и сделать все, чтобы спасти своих арестованных товарищей, а Борц и Тюленин остались, все же надеясь перейти линию фронта. Однако их новая попытка также не удалась.

За все дни изнурительного и страшного путешествия ребята ни разу

не ели даже хлеба, с трудом выменивали одежду, какая была, на пустую картофельную похлебку. Только раз им удалось по-настоящему обогреться. Как-то вечером они добрались до здания бывшей сельской школы, где жило несколько семей, дома которых были разрушены вражеской бомбежкой. Ребят охотно пустили, и они с наслаждением грелись у печки «буржуйки». Когда сушили обувь, сапоги Олега настолько рассохлись и потрескались, что в Краснодар ему пришлось возвращаться в галошах от бурок Нины Иванцовой.

А в это время, 4 января 1943 г., в дом к Кошевым, выбив дверь, ворвались полицейские во главе с заместителем начальника полиции Захаровым. Не застав никого дома, они перевернули все вверх дном, старательно осматривая все вещи, но ничего подозрительного не нашли, так как Елена Николаевна предусмотрительно все убрала, сожгла и хорошо спрятала. Полицейские искали Олега и, когда Кошечкина вместе со своей матерью (бабушкой Олега) вернулась домой, с криками и руганью обрушились на нее. Елена Николаевна, не теряя собственного достоинства, спокойно сказала, что он ушел в кино, поинтересовавшись при этом, зачем им ее сын. Спокойный тон женщины немного умирил пыл зарвавшихся полицейских. Захаров заговорил с ней более спокойно, даже пригласил в другую комнату, утверждая, что пришел только поговорить с сыном. Но мать уверенным голосом спокойно утверждала, что Олег никогда ничего плохого не делал. Захаров, теряя выдержку, громко объявил, что она плохая мать, если не знает, что вытворял ее сын в течение нескольких месяцев. Ничего не добившись от Елены Николаевны и ничего не найдя, полицейские ушли, оставив в доме засаду из двух подонков, которые, сменяя друг друга, дежурили в доме Кошевых трое суток.

8 января 1943 г. Елену Николаевну вызвали в полицию на допрос. Следователь Кулешов, расспрашивая Кошеву о сыне, проговорился, и она узнала, что полиции очень много известно о деятельности подпольной организации «Молодая гвардия». Ее избили и арестовали, заставив сидеть в холодном, еле освещенном, грязном коридоре до утра следующего дня. Елена Николаевна, прижавшись к стене, из своего темного угла видела, как вели на допрос избитых до неузнаваемости молодогвардейцев, и сердце матери сжималось от горя. Отпуская Кошеву, полицейские предупредили, что если через три дня сын не объявится, то ее расстреляют. Дома врагами вновь была устроена засада.

Аресты молодых подпольщиков продолжались до 11 января 1943 г. Вместе с ними арестовали родных и близких молодогвардейцев, успевших уйти из Краснодона, и членов большевистского подполья. Всех подвергали пыткам.

Вечером 11 января 1943 г. трое измученных, обмороженных, голодных и

оборванных молодогвардейцев – Кошевой и сестры Иванцовой, подойдя к Краснодону со стороны станции Верхне-Дуванная, решили дальше двигаться поодиночке. Они расстались с уговором: разузнать в городе все о товарищах, взять с собой продуктов и встретиться в условном месте. Но, придя домой, сестры поняли, что оставаться там нельзя ни минуты, так как полиция день и ночь следила за родителями, а мать Ольги Иванцовой была арестована. Сразу же развернувшись, сестры ушли в село Шевыревку к знакомым, которые их спрятали, а на следующий день родители доставили туда все необходимые продукты и белье. Не имея возможности предупредить Олега и не желая подвергать опасности приютивших их знакомых, Ольга и Нина в тот же день ушли из села навстречу фронту. Они не знали, что одновременно с ними вернулся в Краснодар и Сергей Тюленин, который два дня прятался и отогревался у старшей сестры Натальи, а затем вновь ушел в направлении фронта, но теперь уже со своими сестрами Надеждой и Дашей.

Кошевой, соблюдая осторожность, в дом не вошел, а спрятался в сарае у соседей. Потом он осторожно постучал в окно Л.М. Поповой, которая, открыв дверь, обмерла, едва узнав изменившегося Олега. Она завела его на кухню, заперла дверь, одеялами занавесила окна, с трудом сняла промокшую, замерзшую обувь и увидела, что левая нога Олега была обморожена. Лидия Макаровна, ни о чем не спрашивая Олега, закрыла его со своей маленькой дочуркой, предупредив, чтобы они сидели без света, и поспешила к Елене Николаевне, которая в это время была в доме своего брата, ухаживая за больной Верой Васильевной.

К этому времени барон Швейде быстро покинул Краснодар «по срочным делам» и уехал в Германию. Воспользовавшись этим, гестапо вместе с жандармерией и полицией приступили к арестам всех «неблагонадежных» людей, которые работали у барона и пользовались его защитой. Первыми арестовали всех сотрудников Центральных электромеханических мастерских во главе с коммунистами Н.П. Бараковым и Ф.П. Лютиковым и подвергли их нечеловеческим пыткам. А затем очередь дошла и до дяди Олега Н.Н. Коростылева. Так что, когда Лидия Макаровна зашла к ним на квартиру, то увидела много полицейских и жандармов, которые пришли арестовывать спрятавшегося в подвале Николая Николаевича. Чтобы не вызвать у них подозрения, Попова попросила одолжить ей немного соли и ведро, а когда Елена Николаевна вышла, тихо сказала ей, что вернулся Олег и хочет ее видеть.

Вокруг дома дежурили полицейские, и никто не мог даже подумать, что именно там был разыскиваемый всеми Кошевой. Он рассказал матери о зверствах немецких захватчиков в прифронтовой полосе, что

пройти к своим им не удалось и последние три дня ребята шли без пищи, обходя населенные пункты, хотя наши войска наступали всего лишь в 80 км от Краснодона. Только теперь мать разглядела своего любимого единственного сына. Скулы его обострились, в громадных глазах за густыми ресницами стояло страдание. Он постоянно повторял, что никак не может себе простить, что уступил советам старших и не взорвал дирекцион. Мать молча гладила его волосы и целовала жесткую кожу обветрившихся щек. Немного погодя, увидеться с Олегом прибежал дядя Николай. Они обнялись и стали обсуждать, как же вырваться из клещей врага. Времени было мало. Олегу не хотелось покидать свой город, уходить от товарищей, которые мучились в застенках гестапо и полиции, но что же делать, как им помочь, как связаться с партизанами и прийти на помощь друзьям? Ответов, к сожалению, не было, а дальше оставаться было опасно и рискованно.

Прошли тревожные ночь и день. Лидия Макаровна с тревогой рассказала Кошевой, что в городе уже знают, что Олег возвратился и где-то прячется. Нужно было немедленно уходить, ведь соседи знали, что они дружат. Женщины пошли на хитрость. Переодев Олега в женскую одежду и надев на него бабushкины валенки, они проводили его глухими улицами за окраину Краснодона, а затем степью и балками направились на хутор Таловое к хорошей знакомой Анне Акименко. Олег переждал там до утра и дальше пошел на Должанку к родственникам Лидии Макаровны. После этого маршрут Кошевого пролегал в направлении Боково-Антрацита, где он раньше жил с отцом и его знали. Уходя из дома, Кошевой попросил маму отдать ему наган, в котором был только один патрон. Он говорил, что если встретит одного врага, то убьет его, если встретит много, то сам застрелится, но живым в руки палачам не дастся. Олег просил Елену Николаевну не беспокоиться о нем, так как был глубоко убежден, что будет жить. Кошевой уходил уверенный, что еще отомстит коварным врагам за своих товарищей. Но не знали ни сын, ни мать, что прощаются навсегда.

Через несколько дней (по одной из версий 22 января 1943 г. – авт.) недалеко от г. Ровеньки Ворошиловградской (Луганской) области у станции Карпушино на блокпосту полевой немецкой жандармерией при рутинном обыске во время перехода через железнодорожный переезд (по другой версии – во время облавы) у Олега Кошевого был обнаружен пистолет. Его арестовали и отправили под конвоем в полицию. Начальник Ровенской окружной полиции И.А. Орлов хорошо знал Олега и всю его семью, так как еще до назначения в Ровеньки служил у фашистов начальником полиции Краснодона и по некоторым сведениям даже являлся кумом Н.Н. Коростылева, который крестил у

него ребенка. Подонки старались жить в свое удовольствие, не брезговали «реквизициями» и часто устраивал пьянки, на которые приглашал и своего кума. Иван Орлов уже знал, что Олег являлся не только активным членом «Молодой гвардии», но и одним из ее руководителей. На допросе, обозвав Кошевого «красивым и умным дураком», полицейский спросил: «Что тебя заставило пойти в эту организацию?» Ответ для подонка был неожиданным: «Любовь к Родине!» Об аресте комиссара молодогвардейцев Орлов доложил своим хозяевам в жандармерию и по их приказу, не раздумывая, отконвоировал его в окружное отделение, где при тщательном осмотре в подкладках пиджака и пальто обнаружили зашитые бабушкой, по настоятельной просьбе Олега, печать «Молодой гвардии», несколько чистых бланков временных комсомольских удостоверений участника подполья и его комсомольский билет, который он отказался оставить дома, вопреки требованиям конспирации.

По версии матери Олега, Елены Николаевны (неподтвержденной – авт.), Кошевого выдал бывший кулак Крупеник, с которым семья была знакома еще до войны, а в момент ареста ее сын «отстреливался и ранил полицейского, но в пистолете был всего один патрон...»

В окружной жандармерии Кошевого долго пытали и, ничего не добившись, перевели в застенки гестапо. Гитлеровцы хотели выяснить недостаточно известные им формы и методы деятельности краснодонского подполья и выявить новых участников антифашистского движения. Олега подвергли пыткам и истязаниям раскаленным железом и плетью, но палачи не смогли поколебать воли и стойкости молодогвардейца. У молодого 16-летнего комиссара от пережитого в тюремных застенках поседели волосы, во время одной из пыток ему выкололи глаз, но он не предал своих товарищей и то святое дело, за которое боролся. Кошевой только подтвердил, выкрикивая и преодолевая боль, что являлся членом штаба комсомольской подпольной организации и комиссаром партизанского отряда «Молот».

«Чем жить на коленях, лучше умереть стоя. Лучше смерть, чем рабство!» – часто повторял в камере Олег и слову своему не изменил, на колени перед оккупантами не упал.

По одной из версий, 23 января 1943 г. Кошевой при помощи молодого полицейского пытался совершить побег из камеры ровеньковской жандармерии, однако, обессиленный пытками, потерял сознание во дворе тюрьмы и был вновь схвачен охраной.

В это же время в Краснодаре арестовали дядю Олега Н.Н. Коростылева, его жену, бабушку Веру Васильевну и соседку Кошевых Е.П. Соколан за знакомство с ними. Старую женщину полицейские избили и отпустили только на третьи сутки, убежденные в том, что до дома она не дойдет. Через десять

дней, ничего не добившись, выпустили жену Коростылева и Елену Петровну. А еще через четыре дня Николаю Николаевичу удалось бежать вместе с комсомольцем Колотовичем. Ночью они, воспользовавшись суматохой среди немцев и полицаяв, лихорадочно готовившихся к бегству, повязали на рукава белую материну, похожую на повязки полицейских, отогнули проволоку на запоре, открыли дверь камеры, вышли во двор и, смешавшись там с полицаями из других районов, бежали. По ним открыли стрельбу и бросились в погоню. Николая Николаевича спрятал в своем погребе пожилой шахтер. Немцы и полицаи обыскиали все, стреляли в погреб, но спуститься в него побоялись. Коростылев просидел там больше суток, а жена шахтера приносила ему воды и поесть.

Через неделю после того, как Олег ушел из Краснодона, к ним на квартиру ворвался заместитель начальника полиции Захаров. С ним были немецкие солдаты и полицаи. С порога подонок заорал, что поймали «звереныша» в Ровеньках и теперь его повесят. Захаров был пьян и, продолжая ругаться нецензурной бранью, жестоко избил Елену Николаевну и бабушку Олега, которая кинулась к дочери на помощь. Он бил долго, бил ногами, пока она не потеряла сознание и его не оттащили немецкие солдаты.

В последних числах января 1943 г. (в одном из источников – 26.01.1943 г.) Олег Кошевой вместе с другими арестованными был расстрелян на окраине г. Ровеньки. Расстрелом руководил заместитель командира ровенской жандармерии Фромме, а исполнителями были фашисты Древитц, Пич, Шульц, Голендер и несколько полицейских.

Из протокола допроса Отто-Августа Древитца от 6 ноября 1947 г.: «...Во дворе я увидел полицейских, которые охраняли девятых арестованных, среди которых был также и опознанный мной Олег Кошевой. Когда к нам подошел Шульц и еще несколько жандармов, мы повели по приказу Фромме приговоренных к смерти к месту казни в городской парк в Ровеньках. Мы поставили заключенных на край вырытой заранее в парке большой ямы и расстреляли всех по приказу Фромме. Тогда я заметил, что Кошевой еще оставался жив и был только ранен. Я подошел к нему ближе и выстрелил ему прямо в голову. Когда я застрелил Кошевого, я возвратился с другими жандармами, которые участвовали в казни, обратно в казарму. К месту казни послали несколько полицейских с тем, чтобы они зарыли трупы...»

Из протокола допроса жандарма Якова Шульца в ноябре 1947 г.: «...В конце января 1943 г. я участвовал в расстреле членов подпольной организации «Молодая гвардия», в числе которых находился руководитель организации Кошевой. Эту группу расстреляли в Ровеньковском лесу.

Кошевого я запомнил особенно потому, что в него пришлось стрелять дважды. После первого выстрела все арестованные упали и лежали неподвижно, только Кошевой привстал и, обернувшись, пристально посмотрел в нашу сторону. Это сильно разозлило заместителя командира жандармского взвода Фромме, и он приказал жандарму Древитц добить Кошевого, что тот и сделал, выстрелив ему в затылок...».

1 февраля 1943 г., после расстрела палачами последних молодогвардейцев в Краснодоне, полиция и жандармерия эвакуировались в Ровеньки, забрав с собой последнюю партию обреченных на смерть арестованных, среди которых были молодогвардейцы Любовь Шевцова, 15-летний Семен Остапенко, Виктор Субботин и Дмитрий Огурцов. После пыток их расстреляли в лесу под Ровеньками 9 февраля 1943 г. Эта дата и стала официальной датой смерти Олега Кошевого, и никто из исследователей жизни и подвига шестнадцатилетнего комиссара «Молодой гвардии» не стал ее оспаривать, что в последующем дало повод лжеисторикам «самостийной» Украины оклеветать молодого героя, которым гордилась и гордится вся страна.

Часть полицейев во главе с Захаровым оставалась в Краснодоне. Фронт все ближе приближался к городу, уже слышны были огонь артиллерии и даже пулеметная стрельба.

9 февраля 1943 г. в квартиру к Кошевым зашел незнакомый человек, который рассказал, что пришел из Ровенек, и отдал записку от Н.Н. Коростылева, в которой он сообщал: «Дорогая мама! Нахожусь в ровеньковской тюрьме. Выдал меня Крупеник в Боково-Антраците. Не знаю, вырвусь на этот раз или нет. Пригнали сюда много краснодонских ребят. Часто нас гоняют на работу. Как хочется увидеть вас! Целую. Коля». Вскоре ему вновь удалось бежать из-под охраны во время бомбежки немецкого аэродрома, куда арестованных гоняли на работу.

12–13 февраля 1943 г. фашисты совместно с полицией провели облавы в квартирах, погребах и сараях. Искали мужчин. Удалось захватить около ста человек разного возраста. Их согнали в пустующие камеры полиции. Вечером 13 февраля оккупанты и их прихвостни начали в панике покидать Краснодон. Поднялась невероятная суeta.

Утром 14 февраля 1943 г. в Краснодоне не было уже ни одного гитлеровца и, когда первые советские танки въехали в полицейский двор, никто не отозвался, камеры молчали. Трупы расстрелянных лежали во дворе, их было полно и в камерах. Немцы не оставили в живых ни одного человека из тех, кого захватили накануне.

Но радости оставшихся в живых жителей Краснодона не было предела, они бежали за советскими танками, плача и поднимая к танкистам руки,

благословляя своих освободителей. Никто не мог усидеть дома в этот день. К вечеру Краснодон был заполнен войсками Красной Армии.

17 февраля 1943 г. советские войска освободили г. Ровеньки, и в этот же день бригада шахтеров стала извлекать из темного шурфа шахты № 5 обезображенные трупы казненных молодогвардейцев.

Нина и Ольга Иванцовы сумели перейти линию фронта у хутора Дубового и сразу же стали санитарками в медсанбате одной из наступающих стрелковых дивизий. Работали не покладая рук, по двое, по трое суток не спали, ухаживая за ранеными, и 22 февраля 1943 г. вернулись домой. От своих матерей и знакомых они узнали о страшных расправах фашистов над их товарищами.

Нина побежала на Садовую улицу к Кошевым. Елену Николаевну она застала в ужасном состоянии. Она лежала в одежде на небранной постели и стонала. Лицо ее было в кровоподтеках. Увидев Нину, она нашла силы встать, подойти к умывальнику. На ходу сообщила, что у нее часто из горла идет кровь. Вера Васильевна тоже лежала в постели с перевязанной головой, но находила в себе силы вставать и ухаживать за дочерью, которой после побоев было намного хуже. Они рассказали Иванцовой, что, несмотря на тяжелое состояние, выходили на улицу встречать советские танки и плакали от радости.

В доме было холодно и пусто. Не было ни угля, ни дров, чтобы истопить печь. Нина достала топор, сломала во дворе забор, растопила печь, сварила пшеничную кашу из концентрата, который до этого раздобыла у наших солдат. Но Елена Николаевна и бабушка есть отказались, их беспокоила судьба Олега. Кошечкина со слезами говорила, что надо немедленно отправляться в Ровеньки и узнать, где сейчас ее сын.

В город входили пехотные, артиллерийские и другие части. На улице стоял мороз, и солдаты располагались на ночлег в домах. Краснодонцы принимали их как родных. В квартире Кошевых стало очень тесно - остановилось много солдат. Бабушка непрерывно плакала, целовала освободителей, как сыновей, и вместе с Еленой Николаевной, забыв о болях и усталости, стирали солдатскую одежду, готовили чай и пищу, даже ночью. Печь в доме теперь топились круглосуточно. Нина была изумлена, что полуживые женщины как будто заново воскресли, и, пробыв у них два дня, ушла домой, но потом стала навещать Кошевых ежедневно.

Вскоре военные сообщили, что добраться до города Ровеньки нет никакой возможности, все дороги туда основательно заминированы, кроме того, город все еще находился под обстрелом немецкой артиллерии. Бои шли рядом. Оставалось одно – ждать.

1 марта 1943 г. вместе со всеми жителями Краснодона они хоронили юных героев в братской могиле в городском парке с воинскими почестями. А уже на следующий день Елена Николаевна с мамой и соседкой пошли искать своего сына в Ровеньки. Но лес, где были расстреляны патриоты, был фашистами заминирован и периодически простреливался. Пришлось вернуться. В душе еще теплилась надежда, что Олег жив и скоро вернется домой.

11 марта 1943 г. Елена Николаевна вместе с сестрами Иванцовыми, взяв с собой большие санки и две фотографии Олега, ушли в Ровеньки. Путь был нелегким, шли по заснеженной степной дороге, а в лицо дул пронзительный, холодный ветер с мокрым снегом. Пришлось заночевать на хуторе. Добрые люди обогрели их, напоили горячим морковным чаем. На другое утро они вновь двинулись в путь и в Ровеньки пришли, когда уже стояла ночь. Их приютила одинокая старушка, ее дом находился неподалеку от клуба, где расположился штаб наших внутренних войск, в котором уже знали о краснодонских партизанах.

Ранним утром офицер из штаба сообщил, что командование категорически запретило пропускать в Гремучий лес кого бы то ни было, потому что уже были человеческие жертвы, что в этом лесопарке захоронено более трехсот расстрелянных и замученных советских граждан, и предупредил, чтобы они никуда не выходили и сидели в погребе. Несколько дней им пришлось жить у старушки. Немецкие самолеты продолжали бомбить город и близлежащие дороги, артиллерийские налеты сотрясали землю, поэтому в подвал приходилось спускаться часто. Раз в день солдат приносил на всех один котелок каши или супа с солдатской кухни. Этого было мало, и жить приходилось впроголодь.

Только 18 марта 1943 г. ранним утром, в сопровождении двух солдат, им разрешено было пойти на розыски в Гремучий лес. Там уже собралось много народу. В основном это были жители города Ровеньки и близлежащих шахт, разыскивавшие своих близких. В первый день поисков нашли изуродованные трупы Шевцовой, Огурцова, Остапенко и Субботина. Их отвезли в здание школы на центральной городской площади, в котором находился госпиталь.

Только на другое утро, как только откопали первую могилу, увидели труп Олега. Яма оказалась мелкой, тело почти не было засыпано землей. Зато снег и мороз сберегли его тело. Даже через полтора месяца после смерти сын был как живой. У Олега был разбит затылок, но на хорошо сохранившемся лице, на щеке, в уголке губ, был небольшой след от фашистской пули, на высокий лоб падали седые пряди волос, длинные

черные ресницы оттеняли спокойную бледность его лица и седые виски. Олег был босой, фашисты стянули с него пальто и сапоги. Рубашка и брюки были разорваны. Гестаповцы выкололи ему левый глаз, наполовину отрубили кисть руки, грудь была в ссадинах от ожогов.

Елена Николаевна сразу потеряла сознание, и ее долго приводили в чувство. Потом тело Олега положили на большие санки и повезли в город, в госпиталь. Труп обмыли, переодели в свежую солдатскую форму. Занималась этим та же старушка, которая пустила их на ночлег.

На следующий день, 20 марта 1943 г., состоялись похороны в Ровеньках. Гробы вынесли на центральную площадь и поставили возле клуба. Крышки приоткрыли наполовину. К гробу Олега прикрепили его фотографию. Елена Николаевна сидела на табуретке у изголовья.

Весть о том, что хоронят краснодонских партизан и их комиссара, разнеслась по городу. Об Олеге уже ходили слухи, похожие на легенды. Все удивлялись, что он очень молодой. Самодеятельный духовой оркестр играл траурные мелодии. А народ все шел и шел сплошной веренищей. Оля и Нина поддерживали Елену Николаевну, которая часто теряла сознание.

Во время похорон Нина Иванцова в короткой прощальной речи дала на могиле клятву, что она отомстит за гибель своих товарищей, за смерть своего друга Олега Кошевого. Прозвучал «Интернационал». Приспустили принесенные на площадь траурные знамена. Грянул прощальный ружейный и автоматный залп. Когда труп Олега стали опускать в могилу, Елена Николаевна пыталась броситься вслед за ним. Нина и Оля с помощью солдат еле удержали ее.

На следующий день Елену Николаевну и сестер Иванцовых отправили в Краснодар на военной санитарной машине. Ее привезли домой в бессознательном состоянии. Потеряв единственного сына, она на долгое время слегла в постель.

Нина Иванцова свою клятву выполнила и подала заявление об уходе на фронт. Просьба ее была удовлетворена.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. члену штаба, комиссару подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Олегу Васильевичу Кошевому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его наградили также и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Кошевому О.В. были установлены памятники и бюсты в городах Прилуки, Луганске, Харькове, Полтаве и Каневе.

Его именем названы улицы во многих городах России, а также Украины, Беларуси, Казахстана, Армении, Киргизии и Болгарии.

Одна из вершин в популярном среди альпинистов районе Ала-Арча Киргизского хребта высотой 4350 м в 1953 г. названа пиком Олега Кошевого.

Его именем названы шахты, училища, школы, библиотеки, детские оздоровительные (пионерские) лагеря, судно Министерства морского флота и буксирный пароход Министерства речного флота.

В Комсомольском районе Хабаровского края России на берегу Амура есть село под названием Пионерский лагерь имени Олега Кошевого, которое входит в состав Бельговского сельского поселения.

В 1943 г. молодежь Донбасса собрала подписи под письмом к руководству государства для получения по ленд-лизу американского самолета North American B-25 Mitchell. (Норт Американ Б-25 «Митчелл» –двухмоторный цельнометаллический пятиместный бомбардировщик среднего радиуса действия). Присланный самолет получил почетное наименование «Олег Кошевой» и был передан во 2 *гв. бап* 11 *гв. бад*. На этом самолете летал и бомбил Берлин дважды Герой Советского Союза гв. майор А.И. Молодчий, один из самых известных асов авиации дальнего действия.

В 1952-1994 гг. имя Олега Кошевого носило гидрографическое судно проекта 650 Тихоокеанского флота.

В 1974 г. был построен прогулочный катер «Олег Кошевой», приписанный к Ялтинскому морскому торговому порту.

Потеря единственного, горячо любимого сына, ее материнской гордости, надежды и опоры, сильно подорвала здоровье Елены Николаевны. Ей все казалось, что ее мальчик скоро вернется из школы веселый, улыбающийся, с непокрытой головой... Она воспитала Олега настоящим патриотом своей Родины, помогла познать самого себя, открыть ему дорогу в жизнь столь короткую и столь яркую, вдохновить на подвиг. Суровое военное время велело ему, как и его товарищам по борьбе, выбрать одну единственную дорогу – защищать Родину.

Е.Н. Кошечая всеми силами помогала и следственной комиссии ЦК ВЛКСМ, и приехавшему в Краснодар А.А. Фадееву в сборе материалов о деятельности молодогвардейцев. Конечно, как мать, она преувеличивала роль Олега в создании и разноплановой деятельности организации, с ее слов сын стал более солидным, более значительным, чем был в реальной жизни. И она свято верила в это.

Вскоре на страницах газет, в том числе и фронтовых, появились статьи о деятельности и гибели «Молодой гвардии», а уже осенью 1943 г. фронтовые корреспонденты В.Г. Ляковский и М.И. Котов написали книгу «Сердца смелых» о подвиге молодых патриотов Краснодона. Вся

страна узнала о зверствах фашистов на земле Донбасса и о подвиге бесчеловечно замученных, расстрелянных и сброшенных живыми в шурф шахты молодогвардейцах.

Елене Николаевне Кошевой стали приходиться письма от красноармейцев, воевавших на фронте и обещавших матери героя отомстить фашистам за смерть ее сына, от молодежи, школьников, от таких же матерей, потерявших в этой страшной войне самое дорогое в их жизни – своих любимых сыновей. Она стала отвечать на их письма и вскоре поняла, что от ее теплого материнского слова, поддержки зависит очень многое, что необходимо собирать различный материал для увековечения памяти ее сына и его товарищей.

В конце 1943 г. Е.Н. Кошечкина и оставшиеся в живых молодогвардейцы были вызваны в Москву в ЦК ВЛКСМ. Руководителей государства и комсомола интересовало все: и жизнь в оккупации, и действия фашистов, и настроения среди населения, и конечно же борьба молодежи Краснодона за свободу и независимость нашей Родины.

Здесь Елена Николаевна не побоялась вступить за своего брата Н.Н. Коростелева и его товарища В.Л. Кистринова перед руководством страны, которые к этому времени уже были арестованы НКВД как пособники немцев, и вскоре уголовные дела были закрыты, а они оправданы.

В июне 1944 г. в своей квартире Елена Николаевна создала и открыла первый Музей «Молодая гвардия». Посетители могли увидеть комнату Олега, где проходили заседания молодогвардейцев, их личные вещи, части радиоприемника, ознакомиться с деятельностью юных патриотов.

Е.Н. Кошечкина впоследствии вспоминала: «...Мы разложили и расставили экспонаты, подмели пол, растянули дорожку...В торжественной тишине родные и близкие молодогвардейцев первыми переступили порог...»

Квартира Кошевых сразу стала центром притяжения, школой воспитания молодого поколения. Сюда шли жители города и окрестных рудников, близлежащих сел и хуторов, взрослые и дети, солдаты проходивших через Краснодон воинских частей, воины, находящиеся на лечении в местном госпитале, каждому хотелось прикоснуться к возвышенному, воистину благородному делу героев. Они выходили из музея нравственно чище, светлее душой и мыслями, полные горячего желания отдать все свои силы делу скорейшего разгрома фашистских захватчиков. Директором этого музея и единственным его сотрудником стала Ольга Иванцова. Оставшиеся в живых члены «Молодой гвардии», их родители, энтузиасты-горожане по крупицам собирали материалы, воссоздававшие жизнь и боевые дела героев комсомольского подполья, их духовные портреты. Они

приносили и присылали комсомольские билеты и временные комсомольские удостоверения, одежду, книги, дневники, школьные тетради, листовки, и даже оружие. Прошло совсем немного времени, и для музея пришлось подыскивать новое помещение. Этого требовали растущее число экспонатов и большой поток посетителей.

В 1946 г. на основе материала, собранного после освобождения Краснодона со слов нескольких оставшихся в живых участников событий, родных и близких молодогвардейцев, вышла в свет книга А.А. Фадеева, в которой автор изложил подлинную историю «Молодой гвардии». Это было литературное произведение, в котором автор имел право показать события так, как их видел. Но книга не всем понравилась, особенно деятельность Олега Кошевого и его роль как комиссара в подпольной организации. Началась, по выражению Александра Александровича, «мышьяная возня».

Одним из первых к этому делу подключился молодогвардеец Василий Левашов. Он в переписке с оставшимися в живых патриотами начал всячески пропагандировать мысль о том, что комиссаром «Молодой гвардии» был Виктор Третьякевич, роль же Олега Кошевого в романе слишком возвеличена, а заслуги остальных руководителей организации в борьбе против фашистов отражены не полностью. Он был абсолютно уверен, что Виктор Третьякевич не предатель организации, который не выдержал пыток. Ранее свое независимое расследование проводил и старший брат Третьякевича Владимир. Свою негативную роль сыграли и взаимоисключающие друг друга показания двух девушек Ольги Иванцовой и Валерии Борц. К этому подключились и родители Земнухова, Арутюнянца, Тюленина, Громовой, Шевцовой.

В большинстве своем родители молодогвардейцев были людьми малообразованными, и Елена Николаевна выгодно отличалась от них молодостью, интеллигентностью, красотой. Она держалась несколько обособленно, практически никто из родителей не поддерживал с ней контактов. Тем не менее, именно ее избирали делегатом на всевозможные партийные и комсомольские съезды. И народная молва не смогла простить ей повышенного к себе внимания. Даже появились слухи о близких отношениях Кошевой и Фадеева, потому что писатель во время своего приезда в Краснодон поселился в квартире Елены Николаевны.

Уже в январе 1947 г. в докладной записке редактора издательства «Молодая гвардия» А.В. Лукина в ЦК ВЛКСМ «О результатах поездки в г. Краснодон работников издательства и центральной студии документальных фильмов» было недвусмысленно сказано, что «роман А.А. Фадеева подвергается самой беспощадной и справедливой критике со стороны не только молодежи, но и учителей, и родителей молодогвардейцев,

которые обвиняют Фадеева в том, что он незаслуженно выдвинул на первый план Кошешого и снизил образы остальных, особенно Ивана Земнухова, которого весь город считал организатором, руководителем и душой «Молодой гвардии». Они утверждают, что Фадеев неверно показал и всю организацию в целом, не раскрыл полностью образы основных героев, их внутренний и духовный облик, потому что ограничился только рассказами Е.Н. Кошевой, которая, как многие утверждают, не имеет ни малейшего представления о деятельности «Молодой гвардии»...

Уже тогда Елену Николаевну стали обвинять в подтасовке фактов в пользу своего сына, который якобы не пользовался авторитетом среди молодежи Краснодона и ему не доверяли. Обвинили ее и в дружбе с Еленой Позднышевой, которая ездила гулять к немецким офицерам и была осуждена на десять лет лагерей, а Кошешая, «нечестная, беспринципная, умеющая устраивать личные дела», наоборот, стала «героиней» и даже сумела реабилитировать своего брата. Досталось и бабушке Олега, Вере Васильевне. Даже гибель Кошешого отрицалась и была создана легенда о том, что он был предателем и уехал вместе с немцами.

Людская молва обвинила также сотрудника НКГБ А.В. Торицына и приезжавших с ним следователей.

Дошло до того, что сестра Сергея Тюленина, Надежда, от лица всех недовольных написала открытое письмо в ЦК ВЛКСМ. Александр Александрович Фадеев вынужден был также открыто и резко ответить клеветникам и завистникам. Вот лишь некоторые отрывки из его письма в Управление пропаганды и агитации ВКП(б) от 6 августа 1949 г.

«Письмо Надежды Тюлениной в части освещения деятельности «Молодой гвардии» отражает ту обывательскую возню, которую подняли над памятью погибших юношей и девушек некоторые из их родителей и кое-кто из оставшихся в живых членов этой молодежной организации.

Цель этой возни: задним числом возвысить себя, сына или дочь из своей семьи, а заодно и всю семью, для чего принизить и опорочить тех из героев «Молодой гвардии» и их семьи, которые получили более высокую награду Правительства или более высоко были оценены нашей печатью...

Материал этот представляет из себя почти стенографическую запись рассказов всех оставшихся в живых молодогвардейцев, их родителей, учителей, товарищей по школе, свидетелей, а также дневники самих участников, фактические документы, многочисленные фото и т.д. Я лично был в Краснодоне в сентябре 1943 г. и также лично опросил, по меньшей мере, около ста человек, в том числе и Надежду Тюленину. В то время решительно никто не давал мне никаких сведений и

показаний, которые противоречили бы официальному материалу ЦК ВЛКСМ. Этот материал и лег в основание моего романа.

Как известно, я не писал истории «Молодой гвардии», а писал художественное произведение, в котором, наряду с действительными героями и событиями, наличествуют и вымышленные герои, и события. Об этом мной неоднократно заявлялось и в печати, и в выступлениях по радио, и на многочисленных собраниях читателей, и в письмах к краснодонцам. Само собой понятно, что иначе и не может быть создано художественное произведение...». А.А. Фадеев в очередной раз напомнил обвинителям, что «образ предателя Стаховича - образ собирательный, что без этого не обойтись, что лиц, виновных в арестах молодогвардейцев, было много и отразить эту ситуацию в художественном произведении без собирательного образа невозможно...»

В Краснодар приехала очередная комиссия ЦК ВЛКСМ, провела беседы с родственниками молодогвардейцев, и страсти поутихли.

А Елена Николаевна (член КПСС с 1950 г.) всю свою жизнь продолжала заниматься патриотическим воспитанием молодежи, была страстным пропагандистом подвига «Молодой гвардии», сделала большой вклад в дело борьбы за мир и дружбу между народами, вела обширную переписку с молодежью зарубежных государств, встречалась в Краснодаре с иностранными делегациями.

Ее роль в развитии Краснодона была колоссальной. Много раз городские власти лишь благодаря ее имени и бумагам, подписанным ею, получали дополнительные средства на ремонт дорог, озеленение города, на строительство Дворца пионеров. Она помогла сотням людей, которые в разные годы обращались к ней за помощью и советом, для каждого находила доброе слово, стремилась принять участие и помочь по мере своих сил и возможностей.

Е.Н. Кошечкина была награждена орденами Отечественной войны II степени, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, а также удостоена нагрудного знака «Отличник народного образования УССР». Умерла 27 июня 1987 г.

Но после развала Советского Союза уже в 1994 г. Луганские доморощенные псевдоученые, забыв о совести, чести и достоинстве, вновь подняли из небытия старые легенды и голословно обвинили сестер Нину и Ольгу Ивановых, а заодно Олега Кошевого и его дядю Н.Н. Коростылева в предательстве молодогвардейцев. В этом деле особо отличился член Национального союза журналистов Украины, «ясновельможный науковец», дипломированный ученый В.И. Подов, который был ровесником молодогвардейцев,

но всю Великую Отечественную войну прослужил в 1-м отдельном ремонтно-восстановительном батальоне средств связи центрального подчинения, поэтому в никаких боях себя не проявил. А тут такая возможность. 83-летний разоблачитель предательства и корыстности семейства Коростылевых-Кошевых издал в 2007 г. в Луганске свою книгу «Загадки и тайны «Молодой гвардии», в которой на 304 страницах изложил все свое презрение к коммунистическому прошлому и, опираясь на большую фантазию таких же подонков, попытался опорочить и принизить дела и подвиги молодых патриотов Краснодона. А цель была одна – посеять сомнения, недоверие в головах современной молодежи, принизить великий подвиг молодогвардейцев, добровольно вставших на защиту своей Родины.

Бывшему коммунисту Подову на протяжении многих лет в унисон рассказывал сказки о бендеровском подполье Краснодона недобиток с Западной Украины, предатель и подонок, бежавший после войны в Канаду и США, Евгений Стахив. С развалом Советского Союза настало их время.

И в этом большую помощь им оказали чиновники из различных министерств. Из школьных и вузовских программ был изъят известный советский писатель А.А. Фадеев и его роман «Молодая гвардия».

Но этот факт не меняет отношения к подлинному герою нашей Родины, не струсившему перед немецкими оккупантами, не ставшему на колени перед палачами, не нарушившему присягу, не предавшему товарищей по борьбе, – 16-летнему парню Олегу Кошевому.

**Левашов
Василий Иванович**

(24.06.1924 — 10.07.2001)

капитан 1-го ранга

Член штаба – командир центральной группы, один из организаторов подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия»

Старший преподаватель кафедры партийно-политической работы Высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища радиозлектроники им. А.С. Попова (г. Петродворец)

Василий Иванович Левашов родился 17 марта 1924 г. (по другим данным 24 июня) 1924 г. в поселке Амвросиевка (с 1938 г. – город) Донецкой губернии (Донецкая Народная Республика).

Его отец, Иван Иванович (1882 – 1952), участник Первой мировой войны, в 1907 г. женился на Анне Тимофеевне Курьяновой, которая родила ему четверых детей, но в 1918 г. в возрасте 33 лет сильно заболела и умерла, оставив мужу трех сыновей: Петра (10 лет), Александра (6 лет) и Владимира (4 года). Доченька Лида, не прожив и года, умерла еще в 1911 г. Трудно было Ивану Ивановичу справляться с малолетними детьми, хотя ему и помогала многочисленная родня братьев – Михаила, Николая, Сергея и Василия, поэтому в 1920 г. он женился второй раз, взяв в жены Марию Гавриловну Левашову (1891 – 1966), которая и взвалила на свои плечи все домашнее хозяйство и воспитание сыновей Ивана. Вскоре у них появились и общие дети: Николай (1921 г.р.), Василий (1924 г.р.) и Анатолий (1927 г.р.).

Иван Иванович работал механиком на цементном заводе, а мать была домохозяйкой и воспитывала шестерых сыновей. В конце 1920-х гг. в СССР началась коллективизация. В это время на границе с Румынией была создана Молдавская АССР, которая вошла в состав Украинской ССР. В 1929 г. в селе Воронково Рыбницкого района этой автономной республики были организованы два колхоза: «Красный Октябрь» и «Молдова Рошие», а для оказания им технической помощи – Воронковская МТС – одна из первых в СССР. Вот в это село на должность главного механика МТС в 1930 г. и был направлен Иван Иванович. Вместе с ним туда же переехала и вся семья, кроме старшего сына Петра, которого 17 ноября 1930 г. призвали в ряды РККА. Но отношения с коллективом и жителями села не заладились, к тому же жить приходилось по чужим хатам, где хозяева постоянно говорили на другом, непонятном языке. Не было в селе русской школы, и старшие сыновья с огромным трудом понимали, что преподают на уроках. Поэтому, посоветовавшись, родители решили вернуться обратно на родную донбасскую землю и в 1931 г. Левашовы переехали в Сорокино (Краснодон с 1938 г.), где еще год назад обосновалась семья его родного брата Михаила Ивановича. Здесь уже построили для рабочих двухквартирные дома и общежития, а опытных механиков с рабочими золотыми руками в Сорокинском и Краснодонском шахтоуправлениях не хватало, поэтому приезду Левашовых все были рады. Особенно радовался Вася, ведь ему предстояла встреча с двоюродным братом-одногодкой Сергеем, который уже учился в подготовительном классе.

В 1932 г. Василий пошел в первый класс школы № 1 им. А.М. Горького, в которой учился безотрывно все годы. Здесь он познакомился с будущими

молодогвардейцами, хотя учились они в основном или в старших классах, или в параллельных. К сожалению, отца брата постоянно переводили по работе с одной шахты на другую и Сергею пришлось поменять несколько школ при шахтерских поселках. Василию постоянно ставили в пример учебу брата, который был круглым отличником. Это иногда напрягало, но при встрече с Сергеем все обиды сразу же забывались. По его примеру Вася стал посещать струнный кружок и постепенно научился играть на балалайке. Сергей же обладал замечательным слухом и играл на многих музыкальных инструментах, особенно на мандолине. В старших классах Василий Левашов увлекся фотографией, и это наконец-то стало его отличительным от брата увлечением, который уже с 6-го класса занимался автоделом, а позже серьезно изучил радиодело и стал посещать авиамodelьный кружок, даже переписывался с авиаконструктором А.С. Яковлевым.

В 1935 г. в семье Ивана Ивановича Левашова случилось большое горе – заболел и умер 20-летний сын Владимир. Велико было горе родителей и многодетной родни, но жизнь продолжалась.

В 1939 г. школьные товарищи приняли в комсомол Василия и Сергея, который в это время учился в средней школе № 29 поселка шахты № 12.

Старший брат Петр, окончив артиллерийские курсы и став офицером, командовал гаубичной батареей, а 1 сентября 1939 г. в ряды РККА призвали брата Николая. (Александр Левашов уже отслужил в армии и вернулся домой, но жил отдельно – у него была своя семья). С родителями остались только Василий и Анатолий.

Приезжая не часто в отпуск, Петр с удовольствием рассказывал родителям и ребятам об армейских буднях, что будоражило мальчишеское воображение, особенно Сергея. Он немного завидовал Василию, ведь в своей семье он был единственным мальчиком, а остальные - девчонки.

Девять классов братя закончили накануне Великой Отечественной войны. Весть о ее начале вызвала у них не смятение, а повышенную активность. Ребятам сразу же, без промедления, захотелось отправиться на фронт. Настроение у них было боевое. В это время Сергей находился в Дома отдыха, а когда возвратился, то всем сказал, что будет проситься добровольцем на фронт, поэтому вместе со своими товарищами из поселка пришел в Краснодар. Но идти в райком комсомола Василий ему отсоветовал, потому что с такой просьбой он с группой комсомольцев школы №1 уже побывал там. Один из руководящих комсомольских работников выслушал внимательно ребят, записал их фамилии и... поручил им ночное дежурство в райкоме. Отправить их на фронт он даже не обещал.

Тогда ребята со своим друзьями пошли в райвоенкомат. Но уже издали

увидели огромную массу людей на площади перед входом. Это были те, кого мобилизовали и готовили к отправке на фронт. Им все-таки удалось остановить одного работника военкомата, когда тот вышел из кабинета, и изложить свою просьбу. Он выслушал, задал несколько вопросов, а потом сказал: «...Нам сейчас не до вас. Заканчивайте десятилетку, тогда пошлем вас в военные училища...» Юные добровольцы обиделись на его слова: «Ведь пока будем заканчивать десятый класс, война кончится».

Но вскоре их кипучей энергии все же нашли применение. Всех старшеклассников направили в колхоз помогать сельским труженикам убирать урожай. Работали с энтузиазмом, а в свободное время много спорили, обсуждая обстановку на фронте. У каждого были свои предположения о том, как долго война продлится, каких рубежей достигнет противник, прежде чем будет разгромлен. Но никто тогда не допускал даже мысли, что враг придет в Донбасс.

Работали в колхозе до конца лета. Новый учебный год начался без задержки. Но уже чувствовалось приближение фронта. В городе появились беженцы, в школе - новые ученики. Вскоре занятия были прерваны. Всех старшеклассников снова направили в колхоз. Теперь они видели, как по дорогам с запада на восток на автомашинах, на повозках, пешком двигались люди, которым удалось избежать фашистской оккупации.

Наступил октябрь 1941 г., ребята возвратились домой, но занятия не возобновились. В школе разместился военный госпиталь.

Фронт приближался. Райком комсомола превратился в штаб, и добровольцев-комсомольцев постоянно направляли на задания: то помогать транспортировать раненых из санитарного эшелона в госпиталь, то разносить по адресам повестки мобилизованным на фронт, то совместно с военными патрулями в ночное время проводить проверку документов с целью выявления вражеских агентов.

Началась эвакуация учреждений и предприятий. То, что невозможно было вывезти, уничтожалось. Взрывались шахты.

В один из этих дней родители получили похоронку. В Новгородской области, Любытинском районе, у деревни Верхнее Заозерье от пули фашистского снайпера погиб командир артиллерийского дивизиона 70 *ган* 92 *сд* капитан Петр Иванович Левашов, старший сын. Для ребят Петр был примером во всем, поэтому они решили: никуда не уходить, а с приближением фронта вступить в Красную Армию и отомстить за смерть Петра. На фронте в это время уже воевал брат Александр, а Николай Левашов окончил Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии им. П.И. Баранова и в звании техника-лейтенанта защищал небо Ленинграда от налетов фашистской авиации.

Ожидание затянулось, тогда Василий со своим одноклассником Борисом Машенко вновь пошел в райвоенкомат с просьбой направить их в военное училище. К удивлению, им не отказали, вместе с другими такими же настойчивыми включили в одну из команд и в ноябре 1941 г. отправили в Сталинград. Но вместо военного училища их зачислили в ремесленное при Сталинградском тракторном заводе. Повозмущавшись, друзья вскоре смирились, потому что пришла радостная весть: крупное поражение немцев под Москвой, да и утешало то, что они учились делать танки на оборонном предприятии.

Однажды поздним вечером, укладываясь спать, Василий разговаривал с высоким светловолосым парнем, расположившимся на соседней койке, и узнал, что тот родом из Краснодона, из района Первомайка. Это был Анатолий Попов.

Вскоре родители сообщили, что фронт остановился в 70 км от Краснодона. В город стали возвращаться эвакуированные учреждения, предприятия. Вернулись многие жители. Восстановили и начали давать уголь шахты. Возобновились занятия в школах. Родители звали домой. Ребята задумались. В военное училище их не послали, а Краснодон гораздо ближе к фронту, и они рискнули.

В середине февраля 1942 г. Василий с Анатолием самовольно покинули училище и вернулись домой. Город встретил их деловым и сосредоточенным. Чувствовалась близость фронта. Расставаясь, ребята даже не могли себе представить, что через несколько месяцев встретятся снова.

Василий сразу же поинтересовался у матери о Сергее, но та уклончиво ответила, что, когда пойдет в школу, сам увидит. Это вызвало неподдельный интерес юноши, и на следующий день он быстро собрался и, когда

Владимир Загоруйко

вошел в свой класс, то увидел за партой сияющего брата, родители которого с семьей переехали жить и работать в Краснодон, а Сергей продолжил свое обучение в 10-м классе средней школы № 1 им. А.М. Горького. Его попытка попасть на фронт также не удалась.

Наступила весна 1942 г. Занятия в школе по военной подготовке проводил новый военрук, практически их сверстник, который слегка прихрамывал на левую ногу. И ребята по инициативе любителя подурачиться Владимира Загоруйко решили на одном из уроков по строевой подготовке подшутить над молодым учителем и, когда тот скомандовал:

«Бегом марш!» - всем классом убежали в парк. Просто так, зная, что преподавателю за ними не угнаться. Команды учителя они слышали, но продолжали бежать. Минут пятнадцать побегали по парку, а затем строем вернулись на школьный двор. Военрука застали на том же месте, где оставили. Остановились и ждали, когда же он начнет их стыдить. Но преподаватель сделал вид, что поверил ребятам, которые «не слышали» его команд.

После занятий класс оставили в школе. Пришел директор. Все подумали, что военрук пожаловался, но директор, не повышая голоса, сказал, что в последние дни был очень занят и не мог представить нового учителя. Оказалось, что этот молодой парень с первых же дней войны был на фронте, храбро сражался против фашистов, во время боя был серьезно ранен в ногу, лечился в госпитале и представлен к правительственной награде. Боец был в отпуске и долечивался дома. И только по просьбе директора и направлению райвоенкомата он согласился обучать ребят военному делу, хотя с больной ногой ему очень трудно это делать. Директор через окно своего кабинета видел, как старшеклассники забавлялись. Всем было стыдно за свой поступок, они опустили головы.

А Олег Кошевой в очередном номере школьного «Крокодила» мастерски изобразил группу старшеклассников, убегающих от преподавателя, где многие, в том числе и братья Левашовы, узнали себя.

В начале апреля 1942 г. ребят вызвали в райком комсомола и сообщили, что они рекомендованы для учебы на специальных курсах в Ворошиловграде, и дали три дня на сборы. Вместе с ними для этой учебы были отобраны Володя Загоруйко и Николай Рудов, все из одного класса.

Им завидовали многие, в том числе и Олег Кошевой, который был младше их по возрасту, а братья гордились оказанным им доверием. Никто толком не знал, кого из них будут готовить, но это не очень волновало. Если такая оперативность и секретность — значит, учеба связана с фронтом. А самым важным для ребят было скорее включиться в борьбу с фашистами. Да, им, конечно, очень хотелось узнать, кем они станут, но узнать об этом можно было только тогда, когда доберутся до назначенного места.

В Ворошиловград ехали поездом. Всего из Краснодона к месту учебы было направлено семь человек, в том числе две девушки и один парень из средней школы № 4 им. К.Е. Ворошилова — Шелупахин. Всеобщее внимание привлекла очень веселая и симпатичная девушка с гитарой. Познакомились. Это была Любовь Шевцова. Вторую звали Шурой Панченко. Молодость брала свое, и вскоре все купе пело песни. На гитаре играл Сергей Левашов, Люба запевала, а остальные дружно подхватывали припев. Веселье не прекращалось всю дорогу. Песня сменялась шуткой, веселым рассказом,

но чаще других был слышен голос Любы. Она была неумоима, запас веселья неиссякаем. С ней было просто, легко и весело. Когда поезд пришел к месту назначения, всем казалось, что эту девушку они знали очень давно.

10 апреля 1942 г. в Ворошиловграде ребята разыскивали нужное учреждение, предъявили документы. После короткой беседы их посадили в грузовую автомашину и отправили к месту назначения. А куда и зачем – все еще было неизвестно. Только с прибытием в конечный пункт стало понятно, что они находятся на курсах связистов в разведшколе, которая расположилась в 13 км от города на берегу реки Северский Донец и занимала все помещения бывшего Дома отдыха «Лысяя гора». Это место выбрали не случайно, потому что оно было удалено от населенных пунктов и посторонних глаз.

Ребятам наконец-то объяснили, что из них будут готовить радистов для работы во вражеском тылу. Все обрадовались, что им доверяют такое ответственное дело, и несколько дней были под большим впечатлением от этой новости.

Сроки, отведенные для подготовки радистов, были в два раза короче довоенных, всего три месяца, поэтому занятия проводились в течение всего дня с перерывом на прием пищи и сон. Василий с Сергеем и Володя Загоруйко оказались зачисленными в одну учебную группу. Им очень хотелось оправдать оказанное доверие и как можно лучше освоить специальность радиста. Других краснодонских ребят встречали редко, как правило, только в столовой, и то издалека. Руководил учебной группой Иванский. Жили на втором этаже здания. Из окон казармы открывался красивый вид на реку, но ребятам было не до него.

В шесть утра подъем, физзарядка, умывание холодной речной водой, завтрак, занятия. Учились владеть всеми видами стрелкового оружия как отечественного, так и противника, осваивали подрывное дело, искусство ориентирования на местности как в дневное, так и в ночное время с помощью карты и компаса, умению побеждать в схватке с противником и мн. др. Изучали все то, что требовалось для овладения специальностью радиста. Именно на это и тратилась большая часть учебного времени. Ведь к концу срока обучения каждый должен был уметь уверенно принимать на слух текст азбукой Морзе со скоростью 80 знаков в минуту и передавать 120 знаков. Не менее важным было также овладеть радиоаппаратурой, на которой предстояло работать после заброски в фашистский тыл. Овладеть настолько, чтобы суметь самостоятельно устранять возможные неисправности. Во вражеском тылу в таких делах можно было надеяться только на самого себя, на свои знания. Сергей не упускал случая глубже разобраться в технике. Он до глубокой ночи просиживал над схемами, старался

разобраться в устройстве приемника и передатчика ради. Занимался он этим не ради удовольствия. Если в школьные годы радио было одним из его увлечений, то теперь уровень подготовки каждого по специальности радиста определял степень пригодности его для выполнения боевого задания.

Эта черта характера Сергея – докапываться до самой сути – была по достоинству оценена несколько месяцев спустя, когда он смог отремонтировать давно заброшенный радиоприемник и регулярно принимать с его помощью сводки Совинформбюро из Москвы.

Загруженность учебными занятиями, которые проводились не только днем, но и ночью, не оставляла курсантам свободного времени.

Однако в письмах, которые отправляли ребята домой, все выглядело иначе. Они уже приняли партизанскую клятву и не имели права ни родителям, ни друзьям даже намеком обмолвиться о том, где учатся, кем являются, куда и с какой целью будут отправлены.

Но даже по сокращенной программе доучиться им не пришлось. Едва минула половина срока обучения, как поступило распоряжение досрочно выпустить двенадцать человек. В их числе оказались Василий с Сергеем Левашовы и Загоруйко, которого за отличную учебу премировали часами.

17 мая 1942 г. первым провожали Владимира. Он должен был в составе небольшой группы выполнять задание в одном из оккупированных городов Украины. Ребята ему завидовали, ведь он первый, мечтали оказаться на его месте, хотя прекрасно понимали, что для этого задания подходил именно он, потому что даже в минуты опасности Загоруйко не оставляло чувство юмора. Его самообладанию оставалось только позавидовать. (Как потом выяснилось, в составе разведывательно-диверсионной группы из шести человек Владимир был заброшен в тыл врага в район г. Днепропетровска, где участвовал в диверсиях, вел разведку, сообщал командованию данные о дислокации противника на оккупированной территории. Но в конце июля 1942 г. их группа попала в засаду, завязался бой, в результате которого все боеприпасы, питание, оборудование оказались в руках немцев, а группа разведчиков была рассеяна. 8 августа 1942 г. уставший и худой Владимир вернулся домой к маме и сестренке на хутор Водяной, попросил их не говорить о нем ничего односельчанам, а сам устроился возчиком и работал в степи, иногда заезжая домой, пока в Краснодаре не встретился с братьями Левашовыми).

Сергей Левашов

Вскоре пришло время прощаться с товарищами Василию и Сергею. Их на машине привезли в Ворошиловград, где формировались специальные группы для действий в тылу противника. Перед отправкой ребятам предложили отпуск на пять дней. В Краснодоне им очень хотелось побывать в школе, встретиться с одноклассниками, учителями, но пришлось отказаться от этих встреч, иначе расспросам не было бы конца. Ведь не станешь же объяснять каждому, чем ты занимаешься и что изучаешь. Поэтому свой краткосрочный отпуск братья провели в кругу семьи, самых близких родственников. И очень скоро они убедились, насколько это было оправданно.

Возвратившись в Ворошиловград, братья были включены радистами в одну из разведывательно-диверсионных групп (ДРГ). Им выдали радиостанцию, оружие и различное снаряжение, но за линию фронта не перебросили, а направили на доучивание в особый отряд при разведывательном отделе Юго-Западного фронта, который располагался в Воронеже.

Перед отъездом в свободное время братья решили прогуляться по Ворошиловграду и случайно встретили Виктора Третьякевича, соседа Василия по «шанхаю», друга его детства и школьных лет. Все несказанно удивились и обрадовались такой неожиданной встрече. Начались расспросы, ответить на которые было сложно, а врать не хотелось, поэтому Василий отвечал уклончиво, а Сергей помалкивал. То, что ребятам предстоит сложная, ответственная работа, Третьякевич догадался и рассказал братьям, что родители хотят отправить его в эвакуацию на восток, а он останется в Ворошиловграде и будет заниматься «тем же, чем и они». Они расстались, даже не догадываясь, что скоро встретятся снова, но уже при иных обстоятельствах. Характеризуя брату Виктора, Василий сказал, что тот был одним из самых активных организаторов общественной работы и всегда чем-нибудь руководил. То он был вожатым в пионерском лагере, то секретарем комитета комсомола школы, то руководителем струнного кружка и мн. др.

Лишь в начале июня 1942 г. их группа прибыла в Воронеж и разместилась в трехэтажном здании гостиницы «Центральная» на проспекте Революции, 44, которое напоминало сказочный терем. (Ребята так и не узнали, что в этом уникальном здании в свое время останавливались такие русские писатели, как А.П. Чехов, Г.И. Успенский, И.А. Бунин, В.В. Маяковский и др.). Здесь, ожидая отправки за линию фронта, находилось несколько специальных групп. В каждой из них оказались знакомые радисты, с которыми вместе учились в разведшколе под Ворошиловградом. Поочередно группы отправлялись на задание. Точной даты вылета никто не знал. Обычно днем братья с товарищами из других групп знакомились с городом, вечерами вместе ужинали в столовой. А утром следующего дня во время завтрака

неожиданно узнавали, что сидящих вчера за соседними столиками уже нет – минувшей ночью самолет доставил их в тыл врага.

Каждая группа до вылета была обязана пройти парашютную подготовку. Ведь никто из них никогда не летал самолетом и тем более не прыгал с парашютом. До обеда инструктор объяснял устройство парашюта, подвешивал каждого на ремнях и учил, как правильно держать ноги при спуске, как разворачивать свое тело спиной к ветру, чтобы в момент приземления не сломать ноги. Для закрепления полученных знаний каждый курсант по одному разу прыгнул с парашютной вышки. Вся теоретическая и практическая подготовка завершилась ободряющим заверением инструктора, что все парашюты раскроются и он гарантирует это на «все сто».

Однажды братья, уставшие от дневных занятий, медленно поднимались в свой номер. Внезапно здание гостиницы потряс сильный взрыв. Когда они вошли в свою комнату, то увидели, что входная дверь наполовину сорвана, окна выбиты, кровати засыпаны битым стеклом и обвалившейся штукатуркой, вещи разбросаны. Но самое ужасное было за окном. Сброшенная фашистским самолетом фугасная бомба взорвалась во дворе гостиницы, и погибли ребята, ученики школы фабрично-заводского обучения, стоявшие у входа в столовую.

С того дня Воронеж ежедневно бомбили фашистские самолеты. Сперва прилетали ночью и, напуганные огнем зенитной артиллерии, беспорядочно сбрасывали свой смертоносный груз. Затем стали бомбить большими группами в дневное время и уничтожать жилые кварталы в центре города.

28 июня 1942 г. немецко-фашистские войска перешли в наступление на юге страны. Воронеж стал еще больше подвергаться жестоким бомбардировкам. Враг стремился посеять панику и страх среди советских войск и жителей города. Но результаты оказывались прямо противоположными.

Однажды после очередного налета фашистских самолетов, когда город пылал от пожаров, Василию и Сергею приказали связаться по радио с центром. Они быстро развернули радиостанцию между небольшими, уцелевшими от бомбежки домами, но сразу же были окружены группой горожан. Их приняли за вражеских агентов, которые наводили на цель немецкие бомбардировщики, и весь свой гнев, всю ненависть к фашистским варварам эти жители обрушили на ребят. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы вовремя не подоспел сопровождающий группу командир в форме войск НКВД. Но и ему не сразу поверили. Пришлось предъявить удостоверения.

Через несколько дней город оказался под угрозой захвата противником, и начальник штаба партизанских отрядов Украины Т.А. Строкач приказал всем разведывательно-диверсионным группам, ожидавшим отправки в тыл врага,

перебазироваться в район Сталинграда на противоположный берег Волги в рабочий поселок Средняя Ахтуба. А скоро ребята узнали из сообщений Совинформбюро, что Ворошиловград и Краснодон заняли фашисты.

В начале августа 1942 г. из Воронежа в Среднюю Ахтубу, где уже разместились штаб партизанских отрядов Украины, прибыл особый отряд, занимавшийся переброской партизан за линию фронта.

Фашисты, не считаясь с потерями, рвались к Сталинграду.

Только 23 августа 1942 г. наконец-то наступил тот день и час, которого братья так долго ждали, к которому так долго готовились. Они получили все необходимое снаряжение, радиостанции, оружие и продовольствие, подогнали парашюты. Вечером десять бойцов, пять коммунистов и пять комсомольцев, погрузив все имущество в машину, выехали на аэродром.

С полным снаряжением они построились у самолета. На каждом по два парашюта, оружие, боеприпасы, запас продовольствия. Ноги едва выдерживали такой груз. У братьев на груди вместо запасных парашютов радиостанция и блок электропитания, смонтированные в двух упаковках. Проводить группу приехал на легковом автомобиле начальник штаба партизанских отрядов Украины Т.А. Строкач. Тимофей Амвросиевич пожал каждому руку, сказал напутственные слова, и группа разведчиков-диверсантов поднялась в двухмоторный ЛИ-2. Все разместились на сиденьях вдоль борта. Было неудобно – за спиной мешали парашюты.

Уже почти стемнело, когда самолет оторвался от земли. Внизу горел Сталинград. Через час на большой высоте перелетели линию фронта, она обозначилась горящими селами и станицами, вспышками осветительных ракет, разрывами зенитных снарядов вокруг самолета. Сидели молча. Время шло. Клонило ко сну, и, чтобы его разогнать, начали петь песни, стараясь перекричать монотонный шум двигателей. Для братьев это был первый полет в их жизни, а впереди еще и первый прыжок с парашютом, да еще в неизвестность ночного неба, и первая встреча с врагом.

Самолет подходил к намеченной точке и стал снижаться. Последовала властная команда инструктора: «Приготовиться!» Все встали, поправили прикрепленный груз, парашюты и по пять человек выстроились у обеих дверей. Сергей стоял первым у правой двери, а Василий вторым у левой. По команде бойцы один за другим покинули самолет, проваливаясь в бездну.

Напряжение было такое, что Василий почти не ощутил динамического удара в момент раскрытия парашюта, только ясно услышал громкий хлопок и увидел над собой большой купол. Немного успокоившись, он осмотрелся и в свете луны насчитал еще девять таких же куполов. «Прав был инструктор. Все парашюты раскрылись», – подумал он.

Приземлились благополучно на скошенное поле, только боец Поляков подвернул ногу и хромотал, а Сергей Левашов потерял кепку. Ветром всех разбросало, поэтому собирались в группу больше часа. По распоряжению командира (кличка Коба, учитель из Ворошиловградской области) ножами изрезали купола парашютов и зарыли в землю и только потом отправились в путь, чтобы до рассвета подальше уйти от места приземления.

Местность в Боровском районе Харьковской области, где приземлилась группа, была равнинной, поэтому на рассвете укрылись в подсолнечнике. Утром был первый самостоятельный сеанс радиосвязи. Братья быстро развернули радиостанцию, по подсолнухам разбросали антенну и попытались установить связь с центром, но никак не получалось. Только когда время сеанса подходило к концу, Сергей, наконец, услышал свои позывные. Оказалось, что их давно слышат. Сказалось отсутствие опыта. Ребята все же успели передать в центр свою первую зашифрованную радиограмму, были счастливы, поздравляя друг друга.

Так началась партизанская жизнь. Днем отдыхали, скрываясь в лесопосадке, кукурузном или подсолнечном поле. Ночью, обходя населенные пункты, двигались дальше по маршруту, который знал только командир, к интересующим объектам. Особенно центр интересовала железная дорога Красный Лиман – Купянск, по которой шли постоянно воинские эшелоны с техникой, горючим и войсками в направлении Воронежа. Во время ночных остановок уходили и возвращались разведчики, собирая информацию, отлучались по заданию подрывники, а Левашовы передавали в центр зашифрованные радиограммы. Настроение у всех было боевое.

Радисты иногда просились у командира послать их на задание, но он был решительно против. Только однажды сделал исключение для Сергея и лишь потому, что тот был физически самый сильный боец группы.

Необходимо было срочно уточнить местонахождение и разведать обстановку, поэтому командир послал в близлежащее село разведчика Владимира Кузнецова и Сергея Левашова. Ночью ребята осторожно подкрались к окраине села, но ничего подозрительного не обнаружили. Не создавая шума, направились в центр села. У здания управления они увидели спящего полицая, которого быстро, без шума обезоружили, заткнули рот, связали за спиной руки и увели в лесопосадку к своей группе...

Удача сопровождала советским разведчикам. Группа, выполнив поставленную задачу, быстро меняла место дислокации. Но выполнять новые приказы становилось все сложнее. Местность, на которой они действовали, была открытой, и укрываться можно было или в лесополосах, или в поле, с которого еще не убрали кукурузу или подсолнечник.

29 августа 1942 г. партизаны совершили длительный ночной переход по степной равнинной местности, но рассвет застал группу в 4-5 км от леса. Пришлось свернуть в сторону и укрыться в ближайшем подсолнечнике. Устроились на отдых, выставив охранение. Пока сохранялась утренняя прохлада, все спали, но к полудню стало сильно припекать солнце. Все проснулись, хотелось пить, но воды ни у кого не было. Фляги опустошили еще ночью во время перехода, а по дороге не попалось ни одного ручья или колодца. Тогда командир, взяв с собой двух бойцов, ушел в поисках воды. Наступил вечер, а трое партизан так и не вернулись. В полночь Левашовы, развернув радиостанцию, стали передавать в центр очередную радиogramму и, когда в эфир уходили последние сигналы, слышали шум голосов и топот ног. Затем со всех сторон стали раздаваться одиночные выстрелы. Ребята поняли, что их окружают враги, которые хотят схватить их живыми. Из отрывочно подаваемых команд бойцы группы поняли, что совместно с немцами их атакуют и полицаи, которые время от времени кричали, предлагая партизанам сдаться в плен. Но оставшиеся бойцы живыми сдаваться не собирались, прекрасно понимая, что никто и никогда не узнает, где и как они погибли. По радио не сообщить. Вечерний сеанс связи только что окончен, до утреннего в такой ситуации еще надо дожить, а на это шансов мало.

Левашовы быстро уничтожили шифровальные записи. Осталось выполнить последний пункт инструкции - взорвать радиостанцию. Братья попрощались друг с другом и достали пистолеты. Но в этот момент по цепочке тихо передали приказ заместителя командира коммуниста Полякова: «Приготовить автоматы и гранаты. Будем с боем прорываться».

Команда командира действовала отрезвляюще. В самом деле, зачем стреляться, не израсходовав боеприпасы, не причинив врагу урона. Фашисты хоть и догадывались, что партизаны где-то в подсолнухах, но не знали точно где и, судя по их нерешительным действиям, опасались открытого боя с бойцами группы. Все приободрились, стали готовиться и ждать команды.

Поляков шепотом отдавал нужные распоряжения. Когда фашисты приблизились совсем близко, все разведчики по его команде быстро вскочили и гранаты полетели в сторону врага. Еще не успели отгнать взрывы, как раздалась автоматная очередь бойцов ДРГ. А когда прекратили стрельбу, то на какой-то миг наступила зловещая тишина, которую нарушал вопль раненого фашиста. К нему присоединился второй, третий... Одни громко кричали, другие глухо стонали. У немцев и полицаев произошло замешательство. Этим воспользовались бойцы и по команде Полякова быстро побежали в сторону, противоположную той, откуда доносились стоны раненых фашистов.

Последним отходил Василий Левашов. Он должен был подорвать радиостанцию, как только товарищи начнут отход. Василий отполз в сторону, бросил гранату в рацию и тут же прижался к земле, чтобы не задело осколками, и в этот момент увидел бегущего рядом брата. «Ложись!» - крикнул Василий, и Сергей рухнул на землю рядом, а вслед за этим разорвалась граната. Осколки со свистом пролетели над спинами. Не задело. Они быстро поднялись и помчались догонять своих.

Враг не ожидал встретить такой отпор и все еще молчал. Это затрудняло ориентировку: ребята могли попасть в засаду.

Пока пробирались в подсолнухах, Василий в темноте не видел, кто бежит впереди. Он был абсолютно уверен, что следует за братом. Но когда взошла луна и стало чуть светлее, увидел, что впереди только трое партизан. Сергея среди них не было. Они остановились, чтобы сориентироваться, попытаться найти своих. Совещаясь, разведчики заметили погоню, открыли стрельбу по преследователям и стали отходить в лес. А за спиной, в подсолнухах раздавались то автоматные очереди, то одиночные выстрелы. Каждый тогда подумал, что кто-то из своих в темноте попал в засаду.

Сергей отстал от группы сразу же и осторожно, не создавая шума, пробирался в подсолнухах. Подсолнухи были высокие, но он еще выше (рост 184 см, размер обуви – 46). Пришлось передвигаться ползком. Когда он достиг края подсолнечного поля, взошла луна, и он сразу увидел лес. Несколько минут лежал, прислушиваясь. Никаких подозрительных звуков. Сергей поднялся в полный рост и быстрым шагом устремился к лесу, на подходе к которому услышал стрельбу. Где-то в районе поля раздавались автоматные очереди, взвивались в небо осветительные ракеты. Карателей что-то заставило встревожиться. «Вероятно, группа столкнулась с преследователями и ведет бой», – подумал он и стал пробираться глубже в лес. Двое суток в одиночестве, питаясь зеленью, Сергей пил болотную воду и стремился подальше уйти от места, где группа была окружена, и думал, что делать дальше: «Присоединиться к партизанам или подпольщикам, но где их найти и как установить с ними связь?» Оставалось только одно: двигаться на восток, переходить линию фронта, а по пути зайти в Краснодар, узнать судьбу своих близких.

В это время Василий вместе с оставшейся группой, двигаясь по лесу, вышел к железнодорожному мосту через Северский Донец на линии Красный Лиман – Славянск. Здесь было принято решение выходить из леса, переходить на легальное положение и идти дальше в Донбасс.

На противоположном берегу виднелось село, но мост взорван. На левом берегу реки в полуразрушенном блиндаже у моста партизаны

спрятали оружие и все, что могло выдать членов группы при встрече с оккупантами или полицией. В зарослях камыша обнаружили полузатопленную лодку, которой и воспользовались, переправившись на противоположный берег. По железнодорожному полотну дошли до ближайшего села Райгородок. Как только вошли в него, услышали чей-то окрик. Голос требовал остановиться. Все повернулись и увидели человека в штатском, который бежал в их сторону. Уже темнело. Когда окликнувший подбежал, увидели, что он вооружен винтовкой, а на рукаве – белая повязка. Василий не сразу сообразил, что перед ним «живой» полицейский, настоящий предатель, изменник Родины, который прислуживал оккупантам. Бойцы подошли вплотную и стали вокруг него. Четверо, а он один. Винтовку с плеча ему не снять. Ждали команды Полякова. Но тот раньше других понял, как следует вести себя в случае, если принято решение легализоваться, и уже вступил в разговор с полицейским. Остальные стояли рядом и слушали их.

Полицейского интересовало, кто они такие, как оказались в лесу, откуда и куда идут. Затем он заявил, что задерживает их как подозрительных и будет держать под охраной до прибытия инспектора полиции из г. Славянска. Повернувшись спиной к разведчикам, полицейский направился к ближайшим домам. Поляков за ним. Остальные, явно не желая, тоже. Пришлось входить в новую роль, как предусматривала предварительная договоренность.

Вечером в комнате, где их разместили на ночь под охраной, собрались женщины из соседних домов. У каждой кто-нибудь из близких сражался в Красной Армии. Они пришли расспросить, не приходилось ли ребятам встречать их родственников. Ведь разведчики выдавали себя за людей, мобилизованных на строительство оборонительных сооружений под Воронежем, а с приходом в те места немецких войск возвращаются к себе домой в Донбасс. Полицейский в комнате не было. Он находился во дворе, охранял, как бы не сбежали, поэтому бойцы постарались узнать от женщин побольше об особенностях жизни наших людей на оккупированной территории, чтобы не попасть впросак при встрече с полицейским инспектором на следующий день.

Впервые за много дней ночь прошла спокойно. Бойцы спали мертвецким сном в доме, да еще под охраной полицейского, и только утром, надевая свои пиджаки, по едва заметным признакам догадались, что в их карманах побывала чья-то рука. Но это был напрасный труд: там ничего компрометирующего не было. Снова появились женщины. Их собралось еще больше, чем вчера. Некоторые из них принесли еду, что было очень кстати. Затем начались расспросы о событиях на фронте, рассказы о нелегкой жизни на оккупированной территории, где фашисты хозяйничали уже год.

В разгар оживленной беседы вошел инспектор полиции из Славянска. Он рассчитывал произвести ошеломляющий эффект своим внезапным появлением, но этого не получилось. Его просто не заметили. И он какое-то время молча наблюдал за всем происходящим. Когда его заметили, все сразу умолкло и повернулось к нему. Инспектор строгим голосом спросил ребят, не партизаны ли они, но только Поляков собрался ответить, как его опередила одна из женщин, которая встала на их защиту. Тут же, не сговариваясь, ее поддержали и другие. Эта неожиданная поддержка сразу разрядила обстановку и подействовала на полицейского инспектора, который уже иным тоном, переходя на шутку, не стал задерживать ребят (хоть проверка должна была занять две недели), разрешил отдохнуть и идти дальше. К тому же он назвал свою фамилию и предупредил, что в пределах Славянского района ребят никто не задержит, потому что их проверил «сам» инспектор полиции.

Разведчики вначале удивились, что их так просто отпустили, но по приказу Полякова не стали торопиться уходить, чтобы не вызвать подозрений и убедить полицаев в своей легенде. Только после полудня все вместе отправились в путь. Дорога проходила вдоль правого берега Донца, где часто попадались села. Вскоре на левом берегу, где был сплошной лес, появилась вооруженная группа людей. Их можно было принять за партизан, если бы один из них не прокричал, требуя остановиться. Переправившись на лодке, четверо полицаев потребовали документы, но услышав от Полякова, что их проверил инспектор славянской полиции, тут же сменили тон и отпустили бойцов, разрешив им идти дальше.

В ближайшем селе последний раз отдыхали вместе. Дальше решили идти по-одному, чтобы не привлекать внимания полицейских. Перед расставанием, обращаясь ко всем, Поляков сказал: «Действовать группой нам больше не придется. Каждый в отдельности должен найти партизан или подпольщиков и присоединиться к ним. Кто не сможет этого сделать, пусть переходит линию фронта и возвращается в штаб. Желаю всем удачи».

Василий решил идти на восток, в сторону фронта, но вначале зайти в Краснодон, до которого оставалось чуть более 100 км. Идти одному было, действительно, удобнее. Меньше подозрений, но трудности все же оставались. Самая большая из них: как добывать еду. Ее приходилось просить у местных жителей, которые и сами жили впроголодь.

Однажды днем, проходя по улице небольшого поселка, Василий зашел в небольшой дом почти на окраине и постучал в дверь. В доме была молодая женщина с девочкой лет шести. Она приветливо улыбнулась, когда тот вошел. Левашов, глядя в ее большие голубые глаза, никак не мог произнести

то, ради чего зашел. Но деваться некуда, и он попросил хлеба. Лицо женщины сразу же изменилось и стало строгим. Она стала корить его, что они, мужики, вместо того чтобы их защищать, бросили на немцев, а сами ходят и еще просят у них же хлеба. Сраженный ее справедливым упреком, Василий невнятно пробормотал извинения, с опущенной головой вышел из дома и медленно побрел прочь из поселка. Горько, очень горько было слышать эти слова, но они были справедливы. Уже за поселком он услышал детский голос и, обернувшись, увидел бежавшую к нему маленькую девочку. «Возьмите, мама сказала!» - и она вложила в ладонь парня большой кусок хлеба. Вложила и тут же убежала. Более дорогого куска хлеба Василий Иванович Левашов за всю свою долгую жизнь в руках не держал. . .

Первым в Краснодон 2 сентября 1942 г. пришел Сергей Левашов. Он хорошо запомнил район совхоза «Новая жизнь» Боровского района, где была разбита их разведывательная группа, и географические координаты места последней их остановки в поле. Сергей был одет в гражданскую одежду, как и все разведчики группы, придумал себе дежурную версию, закопал свой пистолет и смело пошел по проселочной дороге, где иногда встречались местные жители, которые с живым интересом рассматривали его.

В одном из сел пожилая женщина, у которой сын служил в Красной Армии, накормила Сергея и указала дорогу на Луганск. Путь предстоял не близкий – через Красный Лиман, Северск, Золотое, Луганск, а там уже рукой подать до Краснодона. Шел только по открытым дорогам, так как в лесах были устроены засады немцев и полицаев–карателей.

Мост через Северский Донец появился как-то сразу из-за поворота. На нем стояли два полицая и внимательно рассматривали Сергея. На другой стороне три немца чем-то занимались, не обращая никакого внимания на подходившего парня. Поворачивать и прятаться было уже поздно. И Сергей уверенной походкой пошел прямо на полицаев, охранявших мост. Поравнявшись с ними, он учтиво поздоровался, чем снова удивил стражей немецкого порядка. . . и прошел мимо них. Его никто не окликнул и не остановил. Оправданием такого поведения врага Левашов посчитал отсутствие на голове кепки, которую он потерял во время прыжка. Все местные жители, в том числе и полицан, имели головной убор, а к мосту подходил «высокий, городской пижон со стильной стрижкой», что явно не совпадало с представлением о партизанах у охранников моста. Это и спасло Сергея Левашова. Дальше он двигался быстро, нигде не останавливаясь надолго.

Вначале он зашел в рабочий поселок шахты №3-бис, в котором прошло его детство, где была исхожена каждая тропинка, обследован каждый овраг. Ему необходимо было узнать, что происходит в Краснодоне,

живы ли его родители и младшие сестры. Он осторожно обошел дом, где до недавнего времени жила их семья, отворил калитку, вошел в соседний двор и постучал в дверь. На пороге его восторженно встретила Аня Карлова, которая помогла умыться похудевшему и уставшему с дороги Сергею, выставила на стол все, что было в их доме из еды, ответила на все его вопросы и уложила спать на приготовленную в отдельной комнате постель. Уставший физически, переполненный впечатлениями, молодой боец мгновенно уснул. Он спал крепким сном и проснулся, вопреки укоренившейся привычке, поздним утром.

Уже через два часа Сергей увидел первые краснодонские постройки. Внешне город не изменился. Он решил вначале побывать у родителей Василия и направился на улицу Пархоменко. Ему обрадовались и встревожились одновременно, потому что знали, что ребята учились в Ворошиловграде вместе. Сергей, успокаивая свою тетю Марусю, не мог смотреть ей в глаза, потому что сам уже не верил в возвращение брата.

Домой он пришел вечером, когда стемнело. Вошел без стука и произвел переполох. Его появление вызвало бурю восторга, и встреча затянулась до глубокой ночи. Все с упоением слушали рассказы сына и брата, который старательно обходил то, о чем упоминать не полагалось. А когда сестры улеглись спать, мать строго спросила Сергея: «Так, где же Вася? Вы же на задание уходили вместе!» Этим вопросом она ввела Сергея в замешательство. Лидия Даниловна уже давно знала об этом от командиров и преподавателей школы радистов, которые при отступлении случайно зашли в их дом и, увидев фотографии и похвальные грамоты сына, намекнули матери о деятельности братьев.

Сергей слушал маму и удивлялся такому совпадению. После этого стал откровеннее и рассказал все о последнем бое, о его предположении, что Василий погиб, и о том, что не решился об этом сказать его матери. А за стеной их квартиры вовсю гулял новый сосед, подонок полицией Мельников. Их пьяная ругань, песни, смех были хорошо слышны Сергеем...

Все следующие дни он не имел покоя, чувствовал себя так, словно был виновником гибели своего брата.

А в это время Василий подходил к Краснодону. 5 сентября 1942 г. с возвышенности он увидел свой родной город. Дальше по дороге он не встретил никого из знакомых. Уже в городе Левашова поразило зрелище, когда навстречу ему двое фашистов с оружием вели местного жителя со связанными руками. Он не знал, кто это, но предположил, что коммунист, советский патриот.

Во дворе своего дома Василий сразу же попал в объятия мамы. Тут

же появился и отец. Радуюсь встрече, обнимая и успокаивая родителей, Василий в то же время думал, что скажет им о Сергее, ведь они в последнее время были всегда вместе. Он также был почти уверен, что Сергей погиб при выходе из окружения, но об этом пока рассказывать не собирался. На этот случай он уже придумал свою версию, как их разлучили. И когда мама сказала, что ждут его уже три дня и замучили Сергея вопросами, с трудом скрыл радостное волнение.

К родственникам послали младшего брата Анатолия, предупредив, чтобы ничего не говорил о возвращении Василия, и когда Сергей с сосредоточенным лицом и каплями пота на лбу от «предстоящего допроса», немного согнувшись, просунул голову в дверь и увидел Василия, то растерялся, не веря своим глазам. Неожданность была полная. Ребята впервые по-мужски обнялись, а потом долго рассказывали друг другу о том, как возвращались в Краснодон после расставания в поле, когда были окружены фашистами.

Сергей уже знал, что в Краснодоне осталось много комсомольцев, бывших учеников, которые по различным причинам не смогли эвакуироваться, что в городе действуют советские патриоты. Мысль о том, чтобы присоединиться к ним, казалась вполне реальной. Решили действовать вместе и навестить некоторых одноклассников. Одного из них, Арутюнянца, Сергей случайно встретил на улице и немного поговорил. Василий и Георгий учились вместе с первого по десятый класс и хорошо знали друг друга, поэтому на следующее утро братья направились в небольшой частный дом на окраине города.

Встретились по-дружески. Жора пригласил в комнату, завел патефон, но не стал спрашивать ребят ни о чем, а рассказал о своих приключениях. А

Анатолий Орлов

потом сообщил, что у него назначена встреча с Земнуховым, и предложил пойти вместе. Братья согласились, тем более что именно Иван предложил их кандидатуры в райкоме комсомола для направления в разведшколу.

Встреча была назначена в парке. Как только прошли ворота, то на открытом месте, которое просматривалось со всех сторон, увидели Земнухова и еще несколько парней. Братья очень удивились выбранному месту. Рядом с Иваном сидели Осьмухин, Орлов и совсем незнакомый парень. Все были на год младше Земнухова, за исключением незнакомца, которого тот представил

как Бориса Главана. Позже ребята узнали, что молдаванин Главан добровольцем воевал в истребительном батальоне по борьбе с диверсантами, а с августа 1941 г. служил в действующей армии переводчиком при штабе 296 сд. В звании старшего сержанта летом 1942 г. участвовал в тяжелых оборонительных боях, попал в окружение. Вырвавшись из вражеского кольца, пришел в Краснодон, где с осени 1941 г. поселились его родители. В оккупированном городе он появился в августе 1942 г.

Встретились приветливо, но сдержанно. Эмоций открыто не выражали. Расселись на скамьях и еще раз убедились, что их было видно со всех сторон. Иван специально избрал для встречи именно этот участок парка: кто подумает, что собравшиеся днем молодые люди обсуждают планы борьбы против фашистов, да и внезапно незамеченным никто к ним подойти не мог. Разговора не получалось. Никто не решался на откровенность в присутствии незнакомого парня. Наконец, Иван разрядил обстановку, сообщив, что доверяет Борису. Сразу наступило оживление. Начали обсуждать обстановку на фронте и как поступать дальше. Никто ни на секунду не сомневался в победе нашей армии, только не знал, когда она придет. Но все очень хорошо понимали опасность, нависшую над нашей Родиной. И это понимание прежде всего подталкивало ребят к активным действиям против врага. Нужно было нанести хоть какой-то ущерб фашистам здесь в тылу, поэтому против подполья никто не возражал, только Главан был сторонником того, чтобы всем комсомольцам мелкими группами уходить на восток, переходить линию фронта и вступать в Красную Армию. Молчавший Осьмухин вдруг предложил обратиться за советом к Лютикову. Филиппа Петровича в Краснодоне знали все, но он уже работал на оккупантов. Ребята понимали, что это лишь прикрытие, но предложение Володи вызвало интерес и в то же время вопрос, почему именно ему в голову пришла такая мысль.

Эта встреча не привела ни к какому результату. Она была не первой, да и не последней, только несколько менялся состав и проводились они в других местах города. Готовности многих юношей и девушек, оказавшихся в оккупированном Краснодоне, к активным действиям против врага было много. Энтузиазма хоть отбавляй, а опыта никакого. Вот и тратили время на дискуссии о том, что и как делать.

Земнухов, прислушавшись к совету Осьмухина, все же предпринял попытку встретиться с Ф.П. Лютиковым, но тот под различными предлогами от разговора с ним уклонился. Это было воспринято Иваном как оскорбление и недоверие не только к нему, но и ко всей патриотической молодежи города, и от дальнейших попыток наладить и поддерживать связь с

Филиппом Петровичем он и остальные отказались. Но опытный подпольщик расценил поступок Земнухова как явное нарушение правил конспирации. Он хорошо был осведомлен о всех беседах, которые вел Иван с комсомольцами, оставшимися в оккупированном Краснодоне, через ребят, работавших вместе с ним в мастерских, и в первую очередь через молодого коммуниста Евгения Мошкова, который уже воевал с фашистами в рядах действующей армии, попал в окружение под г. Миллерово, был в плену, бежал и вернулся в оккупированный Краснодон. А с отцом Осьмухина Филипп Петрович был еще до войны в дружеских отношениях, хорошо знал Володю, доверял ему и давал различные поручения.

Официально власть в городе осуществлял бургомистр, назначенный фашистами из местных предателей. Он опирался на полицию. Но всей фашистской карательной машиной руководил жандармский пост. Оккупанты, опираясь на этот аппарат, под страхом смерти держали в повиновении местное население. В дополнение к этому они вели тонкую пропагандистскую работу и выпускали фальшивые советские газеты, в которых из сводки Совинформбюро извлекали две-три фразы и меняли их вымышленными, грубо искажая действительный смысл того, что на самом деле сообщали наши средства массовой информации. Так, фашисты старались сеять сомнения в правдивости сообщений Советского информационного бюро об обстановке на фронте.

Иван Земнухов безусловно был лидером, к нему сохранилось и уважение, и доверие. Многие юноши и девушки стремились узнать, что же он думает о сложившейся обстановке, как ведет себя по отношению к оккупантам, что собирается делать. Но им интересовались не только комсомольцы. К Ивану внимательно присматривался бывший преподаватель истории М.Г. Евсеев, который тайно прислуживал оккупантам и был опаснее любого полиция. Он очень хотел склонить к предательству своих бывших учеников, особенно тех, кто имел среди них авторитет. Но у Евсеева ничего не получилось. Иван вовремя распознал личину предателя в своем бывшем учителе.

В конце сентября 1942 г. кто-то постучал в дверь квартиры Василия Левашова. Он вышел и чуть не вскрикнул от радостного удивления. Перед ним стоял и улыбался Виктор Третьякевич, которого братья случайно встретили в Ворошиловграде сразу же после выпуска из разведшколы. В течение двух часов они рассказывали друг другу откровенно о минувших делах. Третьякевич передал также, что встречался с Земнуховым, и предложил всем вместе собраться у Жоры Арутюнянца завтра. Василий согласился. На том и расстались.

Вскоре после ухода Виктора зашел брат Сергей. Он рассказал, что появилась возможность устроиться на работу в гараж дирекциона, в котором содержалось больше десятка грузовых и легковых автомашин фашистов. Это могло послужить прикрытием основной деятельности ребят, если они остаются в Краснодаре для подпольной работы, а разговор с Виктором, скорее всего, свидетельствовал об этом.

Лето 1942 г. слишком затянулось. Уже сентябрь на исходе, но никаких признаков осени не чувствовалось. Природа как будто замерла. Ни дождя, ни прохлады. Ночью Василий спал на веранде и просыпался очень рано, едва только занимался рассвет.

Встреча была назначена в полдень. Из дома он вышел за час до условленного времени, чтобы не спеша пройти по излюбленному маршруту через парк мимо клуба им. Ленина. До войны здесь собиралась молодежь и можно было встретить кого-нибудь из друзей. Не стал исключением и этот день. У клуба Василий увидел знакомое лицо – Олега Кошевого, они поздоровались и немного поговорили, вспомнив школу.

В доме Арутюнянца играл патефон, который крутил Виктор Третьякевич. Георгий встретил и провел Василия в комнату. Минут десять слушали музыку, беседуя о житейских делах. Затем пришел Иван Земнухов. После взаимных приветствий внимание всех сосредоточилось на Викторе. Третьякевич понимал, что все ждут его слова. Сдержанно улыбаясь, он обвел всех взглядом и сказал, что пора помогать Красной Армии, которая несет большие потери, и включаться в борьбу. Накануне они с Земнуховым уже обсуждали вопрос о создании подпольной комсомольской организации во главе со штабом. «А так как избирать нас некому, сами объявим себя членами штаба...» И, продолжая дальше, предложил избрать начальником штаба организации – Ивана Земнухова, ответственным за агитационную работу, информацию и выпуск листовок – Георгия Арутюнянца, а командиром назначить наиболее опытного, прошедшего школу подготовки НКВД по работе в тылу врага Василия Левашова, чем немало его смутил. (Сам В.И. Левашов в своих воспоминаниях по природной скромности этот факт не подтверждает, но и не опровергает. Об этом в своих мемуарах повествует Г.М. Арутюнянц). Оставалось только определить, кто же будет комиссаром организации, но из четырех собравшихся только Третьякевич не имел должности, поэтому политическим руководителем Георгий предложил избрать его. Возражений не поступило, и все согласились. Первыми членами вновь созданной подпольной организации стали ребята из группы Земнухова.

Затем Третьякевич поставил вопрос об ответственности за сохранение тайны в организации и предложил при вступлении в ее ряды давать

клятву, а за основу взять текст партизанской присяги, слова которой и Виктор, и Василий помнили наизусть. Обсудили еще возможные кандидатуры для привлечения в подпольную организацию, в том числе и девушек, а когда договорились о следующей встрече и уже собирались расходиться, Третьякевич, явно испытывая удовольствие от предстоящего, сделав паузу, многозначительно сказал всем, что знает, кто в городе распространяет листовки. Это была подпольная группа подростков во главе с Сергеем Тюлениным. Все так и ахнули. Никто не мог даже подумать, что этот озорной парнишка первым включился в борьбу против оккупантов, поэтому сразу же решили пригласить его на свою встречу.

На следующий день собрались на квартире у Земнухова. Все с интересом слушали Тюленина и понимали, что до этого не имели о нем никакого представления, хотя и знали его очень хорошо по мирной школьной жизни. Сергей оказался самым осведомленным человеком в городе, поэтому его буквально забросали вопросами, но Третьякевич напомнил, что пора приступать к делу, и возбуждение ребят утихло. Вначале Тюленин подтвердил свое согласие в составе группы вступить в организацию и действовать против фашистов совместно. Это вызвало улыбки радости на лицах ребят, и все единогласно решили ввести его в состав штаба как командира боевой группы, а потом рассмотрели другие вопросы: проверки и приема в члены организации новых ребят, обеспечения безопасности организации – и утвердили первоначальные задачи по сбору информации и выпуску листовок. Для этого нужен был радиоприемник, чтобы слушать последние известия и принимать сводки Совинформбюро. Решили поручить это Сергею Левашову, который еще до войны увлекался радиолюбительством и сохранил многие радиодетали. Осталось дело за малым – найти неисправный радиоприемник и наладить его.

Следующее заседание штаба наметили провести у Виктора Третьякевича. Но утром узнали о зверской расправе фашистов над тридцатью двумя шахтерами, коммунистами и беспартийными в городском парке. Это событие стало мощным толчком для ребят к переходу от совещаний и разговоров к действиям. Собравшись в доме у Виктора и подводя итоги двух дней, Третьякевич сказал, что с приходом в организацию действующей группы Тюленина в количестве девяти человек положено начало создания подпольной организации, а не только ее руководящего органа – штаба. Сергей предложил всем подключиться к сбору оружия, которое его группа уже начала добывать, чтобы в последующем перейти к более активным действиям в тылу врага. Затем окончательно отредактировали текст клятвы. В ходе обсуждения текста встал вопрос о названии организации и вспомнили, что накануне Тюленин,

рассказывая о действиях своей группы, упомянул, что листовки, которые они несколько раз выпускали, подписывались инициалами М.Г., что означает «Молодая гвардия». Все посчитали, что эти слова из неофициального гимна ВЛКСМ «Вперед, заре навстречу!» вполне уместны в качестве названия подпольной комсомольской организации. И после того как внесли в текст клятвы упоминание о названии, поочередно по-одному вставали и перед лицом своих товарищей торжественно клялись мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села... Каждое слово клятвы звучало сурово и грозно.

Так 30 сентября 1942 г. была создана героическая подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия» (в составе 25 человек), которая стала символом стойкости, верности долгу и клятве, нестигаемости духа, презрения к смерти для всех молодых людей нашей Родины.

В начале октября 1942 г. братья Левашовы, проходя мимо клуба (им. Ленина –авт.), увидели высокого парня, лицо которого показалось знакомым. Присмотревшись, узнали Ивана Туркенича. Василий хорошо знал его по школе, хотя и был на четыре года младше. Знал он и то, что Туркенич – лейтенант и воевал на фронте. Но как и почему он оказался здесь? Что собирается делать в оккупированном Краснодоне?

На очередном заседании штаба «Молодой гвардии» Левашов рассказал об этой встрече, но оказалось, что Третьякевич уже знал об этом от Анатолия Ковалева. Решили обязательно с ним встретиться. И вечером Третьякевич и Земнухов зашли в клуб, когда там шла репетиция. Они дождались перерыва, подошли к Туркеничу и предложили прогуляться по парку. Иван вначале держался настороженно, а потом расслабился и стал рассказывать смешные истории, а когда Третьякевич предложил ему «сыграть новую роль», сразу понял, зачем эти двое пришли, и лишь спросил: «Когда и куда мне пожаловать?» На том и расстались.

Вскоре вечером Сергей Тюленин встретил Ивана у клуба и проводил в «шанхай» к дому Третьякевича, где уже собрался весь штаб. Родители Виктора под видом прогулки вышли из дома, чтобы следить за обстановкой вблизи и в случае опасности своевременно предупредить ребят. Туркенич оказался в центре внимания. Он рассказал об ожесточенных боях на Дону, в которых участвовал, пленении, побеге, о нелегком пути в оккупированный Краснодон. Отвечая на многочисленные вопросы, он никак не мог понять, чем вызвано такое повышенное внимание к его боевому пути, а когда Земнухов сказал, что «наша подпольная комсомольская организация будет не только листовками заниматься, но и боевыми делами», многое разъяснилось. «Нам нужен боевой командир, и ты, Ваня, вполне подходящая кандидатура», – завершил Иван. Решение было единогласным.

Василий Левашов облегченно вздохнул, потому что груз ответственности с него был снят. Он никогда не был лидером и к этому не стремился, да и в школе НКВД учился на радиста, а не на диверсанта-разведчика. На столь высокую должность в организации Василий согласился только из уважения к своему другу Третьякевичу и теперь с удовольствием принял к действию решение товарищей – создать и возглавить группу подпольщиков, проживающих в центре города, оставаясь при этом членом штаба. Но и для молодого лейтенанта РККА столь быстрое предложение возглавить подпольную организацию стало неожиданным. Он был смущен и одновременно польщен оказанным доверием.

Теперь за подготовку и руководство боевыми операциями в организации отвечал командир «Молодой гвардии» Иван Туркенич.

В состав организации стали вливаться одна за другой все новые и новые группы добровольцев: спортсмены в составе Василия Пирожа, Михаила Григорьева, Василия Борисова во главе с Анатолием Ковалевым; молодые патриоты из поселка Первомайка (19 человек) под руководством Анатолия Попова и Ульяны Громовой; подпольщики поселка Краснодон (14 человек) под командованием Николая Сумского и др.

Состав членов штаба постоянно увеличивался. В него вошли: Ульяна Громова – командир боевой группы, Олег Кошевой – ответственный за безопасность (начальник разведки), Любовь Шевцова – связная коммунистического подполья.

Сергей Левашов, узнав от брата, что штаб поручил ему наладить работу радиоприемника и принимать сводки Совинформбюро из Москвы, искренне обрадовался. Он еще раньше не раз думал об этом и вспоминал, что у его хорошей знакомой из рабочего поселка шахты №3-бис Ани Карловой в сарае хранился неисправный радиоприемник, который еще до войны вышел из строя. Теперь осталось доставить приемник в Краснодон, отремонтировать и принимать передачи из Москвы.

Но все оказалось не так-то просто. Сергей принес приемник, а вот ремонт давался нелегко: не было схемы, и поиски неисправностей затруднились, приходилось ломать голову в поисках дефектов. И все это по ночам, да еще в подвале без электричества при свете коптилки. В доме заниматься ремонтом было нельзя – через стенку жил полицай, а то, что он ведет слежку за их квартирой, Сергей не сомневался.

Усилия Сергея оказались не напрасны. Радио заговорило, появилась возможность регулярно слушать Москву, получать достоверную информацию о событиях на фронте. Он стал ежедневно слушать сводки Совинформбюро, записывать, обобщать за неделю и передавать брату.

Василий по поручению штаба готовил тексты листовок, включая в них переданную братом информацию о положении на фронтах, потом ее обсуждали на заседании, размножали и распространяли в городе, окрестных поселках и селах.

Однажды вечером Василий зашел к Сергею, чтобы взять очередную сводку Совинформбюро, принятую им по радио. Неожиданно ему навстречу поднялся Загоруйко, который первым был выпущен из разведшколы и заброшен в фашистский тыл. Володя рассказал братьям, как нелегко ему пришлось под чужой фамилией вживаться в оккупированном еще в 1941 г. Днепропетровске и выполнять задания, а потом сотни километров пройти по занятой врагом территории. Теперь, когда все это было позади, Загоруйко, сохраняя боевое настроение, с радостью принял предложение вступить в «Молодую гвардию» и пополнил ряды подпольной группы Василия Левашова, в которой уже были его брат Сергей, Юрий Виценовский, Владимир Осьмухин и Анатолий Орлов. При этом двое из них – Орлов и Осьмухин работали в электромеханических мастерских под руководством Ф.П. Лютикова и часто выполняли его поручения, Сергей Левашов трудился в гараже дирекции, а Виценовский – на восстанавливаемой немцами шахте. Тем не менее все привлекались к выполнению отдельных заданий, распространению листовок и сбору оружия.

Штаб постоянно напоминал командирам подпольных групп, что организация является боевым отрядом и должна постоянно пополняться оружием, собранным на полях прошедших боев или добытым у врага.

Бывая вечерами в клубе, ребята обратили внимание на то, что немцы, приходившие туда, поступали несколько беспечно, они снимали ремни с личным оружием, вешали их на спинки кресел, сдвинутых к задней стенке зрительного зала, и шли танцевать. Иван Туркенич предложил похитить это оружие. Вместе с Василием Левашовым они разработали план и вскоре благополучно осуществили. Для хищения оружия выбрали вечер, когда в городе на ночлег остановилась большая немецкая автоколонна. Это означало, что в клуб зайвится много гитлеровцев. Так и случилось.

Действия подпольщиков были продуманы до мелочей. Вечером они заняли удобные для предстоящих действий места. Кроме немцев в клубе были и полицейские. Один из них все время прохаживался вблизи мест, где находилось оружие, поэтому нейтрализовать его поручили Сергею Левашову и Василию Борисову как самым физически крепким подпольщикам, но только в том случае, если тот заметит ребят, которые будут похищать оружие, и попытается их схватить или поднять тревогу.

Наступил условленный час. Сергей Тюленин оборвал электрические провода, и свет в зале погас. От неожиданности все притихли. Умолкла музыка, а подпольщики начали действовать. Отвлекающая группа юношей и девушек сгруппировалась в правом углу зала у сцены, и кто-то в темноте запел песню «Из-за острова на стрежень». Все дружно подтянули. И вдруг неожиданность. С противоположной стороны зала, как бы бросая вызов, донеслись звуки той же песни, но только на немецком языке. Оказалось, что немцам известна наша русская народная песня. Стали петь громче, кто кого перепоет. Это было очень кстати. Полицейский ослабил наблюдение за немецким оружием. Этим воспользовались ребята из группы Тюленина: в темноте они вытащили из кобур шесть фашистских пистолетов и благополучно скрылись. Полицейский так ничего и не заметил. Левашову и Борисову силу применять не пришлось, хотя они все время находились вблизи и не спускали с него глаз. В разных концах зала стали чиркать зажигалками, но это не помешало подпольщикам незаметно покинуть его.

Свет в зале восстановить так и не удалось, поэтому пропажу оружия фашисты обнаружили только тогда, когда местные жители из клуба уже ушли.

Василий Левашов как один из руководителей организации постоянно работал над расширением рядов подпольщиков, писал и распространял листовки, которые чуть ли не каждый день появлялись в городе, участвовал в боевых операциях, занимался сбором и захватом оружия и боеприпасов.

В конце октября 1942 г. в «Молодой гвардии» уже состояло более семидесяти человек. Подпольщики перешли к диверсионным действиям против оккупантов.

Группа молодогвардейцев ночью в степи возле села Шевыревка подожгла скирды немолоченого хлеба, подготовленного к отправке в действующую гитлеровскую армию. А Сергей Левашов в ту же ночь пробрался в гараж и вывел из строя три находившиеся там немецкие автомашины. Через несколько дней Володя Осьмухин с группой Сергея Тюленина напали на охрану, сопровождавшую стадо домашнего скота, отобранного у краснодонцев, и разогнали его по степи. Молодогвардеец Юрий Виценовский, слесарь шахты № 1-бис, подпилит многожильный стальной канат, и, когда стали опускать клеть с грузом, он лопнул. Тяжелая клеть при падении полностью разрушила в шахтном стволе опалубку, энергетические коммуникации и вентиляционные устройства.

Две боевые группы Тюленина и Левашова устроили засаду у железнодорожного моста недалеко от станции Семейкино. Рядом проходила автомобильная дорога, ведущая на Ворошиловград, по которой всю ночь двигались колонны немецких машин. И только перед рассветом одна из машин отстала

от остальных. Сергей Тюленин быстро бросил противотанковую гранату и попал прямо в мотор. Раздался взрыв. Шофера и рядом сидящего фашиста убило. Остальные немцы выскочили из кузова и стали подходить к мосту, в насыпь которого уперлась подбитая машина. В этот момент сидевшие сверху молодогвардейцы открыли огонь из пистолетов и винтовок и перебили всех фашистов. В наступившей тишине они быстро собрали оружие врага, ремни с патронташами и скрылись в темноте. В другой раз эти же боевые группы молодогвардейцев в составе 12 человек уничтожили фашистскую автоколонну из трех автомобилей с имуществом и боеприпасами на дороге между Краснодоном и небольшим городом Свердловск (с 2016 г. Должанск).

В канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции юные патриоты водрузили восемь красных флагов на самых высоких зданиях в г. Краснодоне и прилегающих к нему поселках, а на заборах, на стенах домов расклеили листовки, отпечатанные типографским способом, в которых подробно пересказывалось содержание доклада И. В. Сталина, сделанного 6 ноября 1942 г. в Москве на торжественном заседании Моссовета. На следующую ночь в городском парке молодогвардейцы убили предателя-полицая, оставив на его груди грозную записку: «Это ждет каждого врага Родины».

На хуторе Водяном подпольная группа Василия Левашова напала на вражескую машину с оружием, а потом доставила его в арсенал подпольщиков. Через несколько дней они же подготовили побег военнопленных, которых фашисты гнали через Краснодон, и некоторых спрятали в селах и шахтерских поселках.

Вскоре от каменских подпольщиков в штаб «Молодой гвардии» прибыл связной, который принес письменное указание комиссара партизанского отряда прислать двух отважных подпольщиков для совместных действий. На заседании штаба было решено отправить к партизанам двух Василиев – Пирожка и Левашова. Вернувшись обратно, они доложили, что помогали партизанам при взрыве железнодорожного полотна у ст. Должанская, по которому двигались эшелоны с танками, автомашинами и снарядами.

На тайном складе у молодых патриотов уже было 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 65 кг взрывчатки, несколько сотен метров бикфордова шнура...

Комсомольцы-подпольщики работали с увлечением. Чем опаснее было задание, тем с большей гордостью оно воспринималось. Всем хотелось ускорить разгром немецко-фашистской армии, приблизить час освобождения советской земли. «Молодая гвардия» действовала и приводила в трепет врага.

В декабре 1942 г. с разрешения бургомистра и военного коменданта

Краснодона при шахте № 1-бис открылся городской клуб им. Горького, в котором была организована концертная бригада и кружки самодеятельности. Василий Левашов, Володя Загоруйко и Жора Арутюнянц хорошо играли на мандолине, поэтому вошли в коллектив струнного оркестра, которым руководил Виктор Третьякевич. С этого времени клуб стал центром всей работы молодых подпольщиков и позволял вполне легально в любом составе собираться и решать свои подпольные дела, не рискуя привлечь внимание тайной агентуры и полиции. Для работающих в клубе фашисты установили бронь от вербовки в Германию, поэтому в случае получения повестки не нужно было прятаться. Здесь стали работать практически все члены штаба: Третьякевич, Земнухов, Кошевой, Левашов, Шевцова и Тюленин. Только командир Иван Туркенич по-прежнему работал в клубе им. Ленина.

В оккупированном Краснодоне самых достойных молодых патриотов, проявивших себя в деле борьбы с врагом, принимали в комсомол. Им выдавали временные комсомольские билеты, отпечатанные в подпольной типографии. Такие же комсомольские билеты были выданы и тем молодоговардейцам, которые сдали свои документы в партийные органы перед заброской в фашистский тыл. Временный комсомольский билет под № 1 был торжественно вручен Василию Левашову Олегом Кошевым днем в клубе им. Ленина, когда там еще никого не было, а двери были открыты.

Молодогвардейцы готовились к решительному открытому бою с врагом. Начать восстание планировали в ночь на 31 декабря 1942 г., взорвав здание дирекциона, в котором фашистами планировалась встреча Нового года. Но в последний момент большевики отменили тщательно спланированную акцию возмездия, посчитав ее преждевременной.

В это время немецкая контрразведка, гестапо, полиция и жандармерия активизировали усилия по поимке и ликвидации комсомольско-коммунистического подполья в районе Краснодона.

Все началось с кражи подарков для немецких солдат, которые на автомашинах доставлялись на фронт в канун Нового года через Краснодон.

Вот что вспоминал об этих трагических днях сам Василий Иванович: «Мы попались по трагической случайности. В конце 1942 г. мы действовали с полным размахом, не береглись. Вечером, дома у Третьякевича обсуждали план очередного нападения на фашистов. Хотели устроить оккупантам и местным полицаям «новогодний праздник», а затем уйти навстречу фронту. Пришли Сергей Тюленин и Валерия Борц и сказали, что в центре стоит машина с немецкими посылками. В дорогу нам были нужны продукты, и мы пошли ее «разгружать». Сергей с Валерией залезли внутрь, подавали посылки, а мы относили их в сарай Анатолия Лопухова.

Утром немцы начали искать пропажу с окраин города, а мы тем временем, переложив посылки в свои мешки, на санках перевезли их в клуб. Одна посылка выпала, ее заметил посторонний мальчишка. За молчание ему дали сигарет, он пошел продавать их на рынок. Там его схватил полицей, и мальчишка сказал, откуда сигареты...»

В клубе им. Горького на втором этаже под различными декорациями полицей обнаружили пропавшие мешки с подарками, арестовали Мошкова и Третьякевича. Иван Земнухов попытался их выручить и сам пошел в полицию, но его тоже арестовали как свидетеля и соучастника кражи.

Сергей Тюленин в это время был в клубе. Спрятавшись за сценой, он наблюдал за арестом Мошкова и через ребят из своей группы успел предупредить многих молодогвардейцев, сообщив им страшную новость.

Об этих арестах Василий узнал по дороге к Третьякевичу. Он шел к своему другу, ничего не подозревая, ведь перед этим они вместе хорошо по-взрослому встретили Новый, 1943 год на квартире у Толстеновой. Гуляли и веселились до утра. Недалеко от дома Виктора к нему незаметно подошел посланный Тюлениным Володя Лукьянченко. Он предупредил Василия, что Третьякевич арестован и в его доме – засада полицей. Озадаченный Левашов направился в клуб, но вовремя заметил на крыльце немецких жандармов и успел свернуть.

Аресты двух членов штаба и командира боевой группы прервали деятельность Краснодонского подполья. Вечером 1 января 1943 г. в доме Виценовских собралось шесть человек, в основном оставшиеся члены штаба. Единогласно было принято решение: всем подпольщикам разорвать оружие и немедленно уходить из Краснодона, укрыться в соседних хуторах, и это довести до каждого молодогвардейца.

Эту ночь Василий провел у Юры Виценовского, а утром, встретившись с братом, узнал подробности ареста Земнухова. Домой он уже не вернулся и вместе с Сергеем ушел в рабочий поселок шахты № 12, где до войны одно время проживала семья брата, и тот попросил знакомых ненадолго приютить Василия. Прощаясь, они даже не могли себе представить, что расстаются навсегда.

Сергей, несмотря на зимнюю стужу, в кепке и легкой куртке вернулся в Краснодон, где опасность быть схваченным врагами с каждым часом возрастала. Через три дня он передал через свою младшую сестру, что прошлой ночью за Василием приходили полицей, но, не застав его дома, арестовали отца, Ивана Ивановича, чтобы дознаться, где находится сын. Сергей советовал брату немедленно уходить.

В этот же день Василий Левашов ушел в юго-западном направлении

за пределы области в Амвросиевку, где родился и еще жили дальние родственники. Путь предстоял неблизкий, почти 150 км, по зимним дорогам, по территории, занятой врагом. Уходя все дальше от Краснодона, он с тревогой размышлял о случившемся, его больше всего беспокоила судьба товарищей: удалось ли им уйти? Но за брата Сергея почему-то был спокоен, может, потому, что тот, в момент прощания, заверил Василия, что в Краснодоне долго не задержится и в ближайшее же время уйдет в Новочеркасск к старшей сестре.

На четвертые сутки вечером замерзший и голодный Левашов пришел в Амвросиевку, но что его там ожидает Василий не знал, ведь поселок был в оккупации больше года и никаких сведений о родственниках в Краснодон за это время не поступало. Было только известно, что брат матери, Антифеев Петр Гаврилович эвакуировался на восток. А его семья, жена и двое взрослых детей, остались в оккупированном поселке. К ним и направился Левашов. Его сомнения рассеялись, когда на пороге дома он увидел двоюродного брата. Василий очень обрадовался, что застал всех троих живыми и здоровыми.

Родственники тоже обрадовались и одновременно удивились его появлению, ведь все местные жители имели удостоверение личности, выданное оккупантами, а он такого документа не имел, поэтому всякая задержка у них была чревата опасностью ареста. А то, что его рано или поздно выдадут тайные осведомители гестапо, сомневаться не приходилось. Посоветовавшись с родственниками, Василий решил идти на железнодорожную станцию Кутейниково Амвросиевского района Сталинской (Донецкой) области, где жили другие родственники и по линии отца, и по линии матери.

В поселке Кутейниково он остановился у двоюродной сестры Софьи Калмыковой, которая проживала с мужем и тремя маленькими детьми в частном доме, а потом – у своего дяди Антифеева Владимира Гавриловича. Его везде встречали приветливо. Долго расспрашивали о родственниках в Краснодоне. Потом обсуждали, как быть. Проблему решить было очень трудно. Надо было не только прокормить взрослого парня, устроить на ночлег, а главное – раздобыть ему разрешение на проживание.

Помог дядя Володя. Он выхлопотал для племянника временное удостоверение у местного старосты. (Впоследствии выяснилось, что староста был патриотом, а на службу к немцам пошел, чтобы помогать своим). Здесь Левашов надеялся дождаться прихода Красной Армии.

В 20-х числах января 1943 г. в поселок из Краснодона пришел брат отца, Николай Иванович Левашов, и сообщил новость, которая потрясла всех не столько своей жестокостью, сколько тем, что именно брат Сергей оказался в руках палачей.

«Через две недели появился дядя, брат моего отца. Я первым увидел его в окно и выскочил в коридор навстречу. «Сережу расстреляли!» – тихо, едва сдерживая рыдания, произнес дядя Коля.

Здесь, в этом пристанционном поселке Сергей Левашов родился. Здесь он сделал первые в своей жизни шаги. Здесь же меня застала весть о его гибели от рук фашистских палачей. Весть тяжкая. Ведь нас связывали не только родственные узы. Мы с Сергеем были большими друзьями...» – вспоминал Василий Иванович.

Лишь несколько месяцев спустя он узнал подробности гибели брата – когда полицаи тащили Сергея к шурфу, он оттолкнул их и сам прыгнул в ствол шахты, успев крикнуть: «Привет родителям!»

(Из всех воспоминаний о Сергее автор сделал свой вывод. Высокий, крепкого сложения парень. Открытый лоб, волосы зачесаны назад. Нос с горбинкой. Вид представительный, и парень внешне заметный. Он очень нравился девушкам, и об этом знал. В 16 лет выжимал две гири по 20 кг. Умывался и летом, и зимой во дворе, любил по пояс растереться снегом. Поражал круг его интересов. Много занимало и привлекало внимание Сергея еще с раннего детства. Он разводил кроликов, выращивал цветы и овощи, успешно ставил над ними опыты, хорошо играл на мандолине. Физика, математика, резьба по дереву, автодело, кружок немецкого языка, спорт – во всем Сергей проявлял свою незаурядность. Он сменил много школ, но при этом был круглым отличником, организовал авиамodelьный кружок и, создавая авиамodelи, консультировался у известного авиаконструктора А.С. Яковлева, и тот присылал ему в Краснодон отдельные детали. Все это было не просто его увлечениями. Богатырь, весельчак и умница, Сергей был нежным и заботливым сыном. И вот этот самый сильный и со всех сторон положительный воин в первом же бою диверсионно-разведывательной группы на поле подсолнухов совхоза «Новая жизнь» испугался. Испытывая животный страх, заметался по этому полю, чуть не подорвался на гранате, брошенной братом, и оторвался от своей группы..., а успокоившись, страшно разозлился и до конца своей короткой жизни постоянно корил себя, не понимая, как это могло с ним случиться. Он не знал, что чувство страха испытывает почти каждый молодой боец, когда впервые сталкивается со смертельной опасностью. Еще генералиссимус А.В. Суворов говорил, что «самым главным врагом солдата в бою является страх смерти». Так было и с моим отцом, 18-летним парнем, впервые попавшим под бомбежку фашистской авиации, так было и с автором, когда он служил срочную службу в мотострелковых войсках, а потом, уже будучи офицером, много раз наблюдавшим, как это липкое противное чувство животного

страха, когда твоё тело и сознание находятся как бы в разных реальностях, испытывали молодые бойцы его подразделения и даже офицеры в критические минуты боевой обстановки. Главное – преодолеть это чувство, и Сергей с честью справился с этим. Он доказал, прежде всего самому себе, что не трус, когда, оттолкнув полицая, смело шагнул в бездну шурфа).

Семью Василия враги не тронули, хотя отца трижды арестовывали, держали в застенках, допытывались о местонахождении сына, но пощадили.

14 февраля 1943 г. советские войска освободили Краснодар. Начала работать Чрезвычайная государственная комиссия по выявлению боевой деятельности и причин гибели участников «Молодой гвардии», писались статьи в газетах и журналах, собирал материал для своей знаменитой книги А.А. Фадеев, вся страна уже говорила о подвиге молодых героев Краснодона, но об этом ничего не знал Василий Левашов – член штаба и один из организаторов «Молодой гвардии». Он находился на оккупированной врагами территории, хотя до передовых позиций Красной Армии оставалось не более 60 км.

Еще в феврале 1943 г. немецко-фашистские войска сумели остановить наступление наших войск на рубеже реки Миус. Неоднократные попытки Южного фронта перейти в наступление весной и летом 1943 г. не привели к желаемому результату. Противник на «Миус-фронте» создал три мощные оборонительные полосы общей глубиной 40-50 км, и все атаки советских войск были отражены. И только победа нашей армии на Курской дуге и переход РККА в общее наступление по всему фронту позволили войскам Южного фронта 13 августа 1943 г. начать Донбасскую наступательную операцию, в ходе которой уже 23 августа была освобождена Амвросиевка. Но противник внезапно нанес контрудар силами двух танковых и одной пехотной дивизий и глубоко вклинился в боевые порядки наших войск, создав критическую обстановку для соединений 2-й гвардейской армии Южного фронта. Поэтому командующий армией генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров и командир 13-го гвардейского корпуса генерал-майор П.Г. Чанчибадзе приняли решение ввести в бой 295-ю стрелковую дивизию, которая лишь несколько дней назад прибыла из Кубани, где получала новое пополнение, разгрузилась на станции Должанская в 30 км к югу от Краснодона, вошла в состав 13 *зв.ск.* и, совершив 120-км марш пешим порядком, сосредоточилась в поселке Амвросиевка.

Завязались кровопролитные бои, в которых обе стороны несли ощутимые потери. Однако советские войска, умело используя огонь артиллерии и удары авиации, 30 августа 1943 г. перешли в наступление, и уже на следующий день освободили поселок и железнодорожную станцию Кутейниково.

Все эти месяцы Левашов не сидел сложа руки. Он действовал. Еще в феврале 1943 г. Василий стал собираться в путь навстречу к линии фронта в надежде перейти ее. Но вскоре через знакомых узнал, что вероятность успешного перехода к своим на этом направлении равна нулю. Всюду минные поля, проволочные заграждения и много вражеских войск. Безделье утомляло. Через свою двоюродную сестру Милу Антифееву он познакомился с Василием Бебешко и вскоре проникся к своему тезке доверием. Тот познакомил Левашова со своим другом Иваном Раковым. Потом еще с двумя. В первые дни знакомства ребята пытались создать видимость, что только собираются организовать для борьбы против оккупантов, но постепенно сознались, что они уже давно состоят в подполье. Левашов, не раздумывая, присоединился к ним и только тогда узнал, что ребятами руководил отец одного из парней.

Кроме железнодорожной станции в Кутейниково работал элеватор. Но все же основным военным объектом был немецкий аэродром, расположенный недалеко от поселка, на котором базировалась разведывательная авиация врага. Немцам постоянно требовалось восстанавливать взлетно-посадочную полосу, убирать уничтоженную взрывами бомб технику, ремонтировать постройки. Эти работы выполнялись советскими военнопленными, которые содержались в лагере вблизи поселка. Василий очень удивился, когда узнал, что пленных этого небольшого лагеря охраняют не немцы, а такие же бывшие советские военнопленные. Установить и поддерживать связь с одним из таких охранников поручили Ивану Ракову и Левашову.

Вначале Василий сомневался в разумности такого шага, но вскоре понял, что ошибался. Иван Раков был уже знаком с одним из охранников, которого звали Николаем. Тот был одет в немецкую форму, но без знаков различия. Когда ребята встретились с ним, то разговор как-то не клеился и виной этому была ненавистная фашистская форма. Оказалось, что этот охранник, для того чтобы выжить в концлагере, специально дал согласие фашистам на сотрудничество, чтобы потом бежать к своим с другими военнопленными. Но перед побегом они собирались перестрелять летный состав авиационной части, сжечь самолеты и только потом уйти за линию фронта, а может еще и угнать немецкий самолет. Стали совместно готовить акт возмездия и побег военнопленных. Но вскоре немецкая контрразведка стала что-то подозревать и срочно перевела весь лагерь неизвестно куда. Больше подпольщики Николая не видели.

Лето 1943 г. было в разгаре. Немцы готовились к обороне, поэтому многих местных жителей в принудительном порядке направили рыть

окопы и траншеи. Все пятеро молодых патриотов попали в их число. Посоветовавшись, ребята решили: не уклоняться, ехать вместе со всеми, а на месте решить, что делать. Недалеко от Амвросиевки сооружался оборонительный рубеж. В качестве надсмотрщиков были немецкие солдаты, но их было немного. И ребята начали действовать: где шуткой, а где и серьезным словом воздействовать на рабочих, побуждая их к саботажу и возвращению домой. На третий день, показав пример, подпольщики первыми покинули создаваемый их руками фашистский оборонительный рубеж, а вслед за ними в одиночку и группами потянулись остальные. Вскоре ни одного жителя Кутейниково среди работающих на окопах не было.

В августе 1943 г. немецкие войска, понеся колоссальные потери под Курском, быстро отходили на правый берег Днепра. Одновременно карательные части сжигали наши населенные пункты, взрывали все сооружения, мосты, дамбы, расстреливали мужчин, юношей и даже мальчишек, которые не выполнили их приказ об эвакуации в тыл с немецкой армией. С востока непрерывно доносились отзвуки артиллерийской канонады. Молодые патриоты Кутейниково приняли решение – повлиять на местную молодежь, чтобы она не поддавалась угрозам оккупантов. А ведь за невыполнение этого приказа фашистов – расстрел на месте. Об их зверствах жители поселка знали не понаслышке и хорошо понимали, что оккупанты не пощадят никого – ни взрослых, ни детей.

Семья Калмыковых стала собираться. Петр с Софией попросили Василия помочь им в дороге, ведь на их руках было трое маленьких детей. Вася не забыл, с каким теплом встретила его двоюродная сестра со своим мужем еще зимой, и с тяжелым сердцем согласился.

По пыльным дорогам потянулись люди, покидая родные места. У каждого – двухколесная тачка с самым необходимым. У многих к тому же – маленькие дети. Все верили, что это ненадолго, что Красная Армия, быстро наступая вперед, не позволит немцам далеко утнать мирных жителей. Но до этого часа каждая семья испытала много горя.

Несколько дней Калмыковы скитались по чужим селам. Левашов не находил себе места. Его мучения видели родственники и, когда он все же решился им сказать, что собирается самостоятельно идти назад, посоветовавшись, отпустили его. Василий извинился перед сестрой и ее мужем за то, что покидает их, но уходить на запад он уже физически больше не мог.

Прощавшись, он пошел один, налегке, на встречу фронту. По пути встречался с карателями, которые сжигали русские села, с обороняющимися немецкими частями, но без задержки шел дальше. Это была игра со смертью. Но Василию и в этот раз повезло. Он успешно

перешел линию фронта, встретился с передовыми частями советских войск и уже на следующий день шагал на призывной пункт полевого военкомата, расположенный в 40 км от Кутейниково в селе Успенка Амвросиевского района. На дворе был уже сентябрь 1943 г.

Вскоре Василий Левашов в пешем строю в составе маршевой роты шел вдогонку за фронтом. В пути, во время привалов, молодой политработник в новенькой форме и погонах часто проводил с бойцами политбеседы. Он рассказывал, что они будут служить и воевать в прославленной 295-й стрелковой дивизии, бойцы и командиры которой покрыли ее знамя неуязвимой славой в боях за освобождение городов и сел нашей Родины. Новобранцы были еще в своей гражданской одежде, не приняли присягу, но не перебивали офицера и узнали многое об успехах частей дивизии, их нумерации, о героизме воинов на фронте и партизан в тылу врага. В качестве одного из примеров молодой политработник привел мужество и стойкость подпольщиков из Краснодона. Василий не поверил своим ушам, это известие стало для него «как гром среди ясного неба». Оказывается, о «Молодой гвардии» уже знала вся страна. Вот это была новость! Он еле сдержал себя, никому ничего не рассказал и после беседы. Только сейчас Левашов всерьез задумался о том, что надо кому-то сообщить о своей судьбе.

После принятия присяги несколько новобранцев со средним образованием, в том числе и Левашова, отобрали для учебы в школе сержантов. Во время беседы с офицером отдела кадров дивизии Василий рассказал о своей подпольной деятельности в Краснодоне. Тот внимательно выслушал... и тут же с солдатом-конвоиром направил его в военную контрразведку.

Левашов, не таясь, рассказал следственным органам, что в составе диверсионно-разведывательной группы был заброшен в тыл, но их отряд попал в немецкую засаду, поэтому он вступил в подпольную комсомольскую организацию Краснодона и являлся ее членом до начала арестов в январе 1943 г. В детали он вдаваться не стал, так как все-таки давал присягу и подписку о неразглашении. Ему поверили не сразу, а вначале посадили под арест в сарай, в котором уже находился еще один красноармеец. Они разговорились. Парня многое интересовало, и Василий, не таясь, ответил на все его вопросы. (Что подлаешь – молодость, очень не хочется верить, что перед тобой предатель или просто провокатор. Также открыто он ранее предлагал вступить в организацию сыну бургомистра – предателю Георгию Стаценко, а Иван Земнухов показывал тому антифашистскую листовку). Через некоторое время Василия отпустили, больше не уточняя, кто он и откуда.

Все же начальник отдела контрразведки СМЕРШ 295 сд подполковник А.А. Федюшин отправил запрос в адрес руководства Центрального штаба

партизанского движения, которое впоследствии подтвердило рассказ Левашова, но интереса к дальнейшему использованию подготовленного радиоспециалиста в тылу врага больше не проявило, Василия зачислили подносчиком патронов в пулеметный расчет пулеметной роты 2-го стрелкового батальона 1038-го стрелкового полка. А ведь он мог стать связистом, разведчиком. Теперь, бегая по огненным позициям вместе со всем своим имуществом и винтовкой, Василий таскал еще дополнительно две металлические коробки с лентами по 10 кг каждая, снаряженные 250 патронами...

На левом высоком берегу реки Молочная фашисты заблаговременно оборудовали сильно укрепленную полосу обороны – стратегический оборонительный рубеж «Вотан», который проходил от Азовского моря, вдоль правого берега р. Молочной до Днепровских плавней и соединялся с линией «Пантера», создавая непрерывный Восточный вал от Азовского моря до Балтийского, – и прорвать ее сходу советские войска не смогли.

Наступила небольшая оперативная пауза, которой воспользовались и немцы, и части 295 сд. Непрерывно прибывало пополнение из освобожденных районов Донецкой и Запорожской областей, подвозились боеприпасы, имущество, продовольствие.

В это время из газет он узнал о мученической смерти своих боевых товарищей, о предательстве организации Почепцовым, который выдал оккупантам членов штаба молодогвардейцев и всю Первомайскую группу. Узнал он и том, что «основным» предателем организации московская комиссия считала Виктора Третьякевича, который, по ее мнению, не выдержал бесчеловечных пыток и рассказал врагам все о деятельности и составе «Молодой гвардии».

Василий никак не мог поверить, что его лучший друг – предатель. Все, что угодно, только не это. А после писем своего отца, который побывал в застенках полиции, сидел в одной камере с молодогвардейцами и лично видел, как Третьякевича полумертвого приволакивали с допросов и на следующий день опять избивали, стараясь любой ценой заставить его предать не только подпольщиков Краснодона, но и Луганска, а тот молчал, Левашов стал абсолютно убежден, что его друга обогнали враги. Но самое обидное для молодого патриота было то, что в эту провокацию поверили наши следователи и члены московской комиссии.

И Василий Левашов не стал молчать. Он начал писать письма своим оставшимся в живых товарищам: Георгию Арутюнянцу, Анатолию Лопухову, Ольге Иванцовой, Радику Юркину, которые подтвердили его сомнения и выразили уверенность, что Виктора Третьякевича оклеветали. Особую поддержку он получил от Арутюнянца как члена штаба,

стоявшего у истоков создания «Молодой гвардии». Вдвоем они посчитали, что провал организации стал трагической случайностью.

Пока шла проверка и уточнение личности Василия Ивановича Левашова, проекты указов Президиума Верховного Совета СССР и приказа начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК были готовы, поэтому в списки награжденных он не попал. А второй приказ № 91/Н о награждении оставшихся молодогвардейцев медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, подписанный начальником Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенантом П.К. Пономаренко, был подписан уже после всех проверок 21 сентября 1943 г.

Но и в этом приказе фамилии члена штаба и одного из организаторов «Молодой гвардии» Василия Левашова не было. Кроме него еще шестерых молодогвардейцев, по не совсем понятным автору причинам, так и не наградили, причем трое из них были казнены вместе со всеми еще 15 и 16 января 1943 г. Награды, даже медалью, не удостоились также: Анатолий Ковалев, единственный, кто из подпольщиков сумел бежать из-под расстрела, но потом без вести пропал в Запорожской области; Василий Борисов, который, выполняя последнее указание штаба «Молодой гвардии», ушел вначале в Ворошиловград, а затем вместе с матерью Анастасией Антоновной отправился в Новоград-Волынский Житомирской области к родному брату Ивану, участнику Новоград-Волынского подполья, стал связным партизанского отряда. Вместе с братом он распространял листовки и партизанские газеты среди населения, снабжал партизанский отряд солью, спичками, махоркой, которые Борисовы получали за работу в часовой мастерской, принимал участие в диверсиях на железной дороге, помогал пленным перебираться к партизанам, но в конце августа 1943 г. гитлеровцы по доносу провокатора арестовали Василия, Ивана и Анастасию Антоновну Борисовых и 6 ноября 1943 г. после жестоких пыток расстреляли в числе 126 подпольщиков Новоград-Волынского.

Не награжден был и Виктор Третьякевич.

Но этим же приказом г-л П.К. Пономаренко в числе членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» медалью «Партизану Отечественной войны» I степени наградил бабушку и мать Олега Кошевого – Коростылеву Веру Васильевну и Кошевую (Капук) Елену Николаевну, да к тому же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября

Василий Борисов

1943 г. за активную помощь, оказанную подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в борьбе с немецкими захватчиками, Е.Н. Кошечкина была награждена орденом Отечественной войны II степени. (Эти указы и приказы были зачитаны в сентябре 1943 г. в клубе им. В.И. Ленина в Краснодаре перед всеми оставшимися в живых молодогвардейцами и родителями погибших героев, чем уже тогда вызвали волну негодования среди них. А некоторые обратили внимание и на то, что к награде не был представлен Василий Левашов, который, в отличие от других, ничем себя «не запятнал». И по Краснодару поползла людская молва, что его так «поощрили» за ту правду о деятельности организации, ее комиссаре, которую он старался довести до различных руководящих органов).

Об этом знали все, но кроме разговоров дальше дело не пошло. Ни командир Туркенич, который был награжден орденом Красного Знамени и медалью, ни Арутюнянц, награжденный орденом Красной Звезды и медалью, а тем более оставшиеся в живых рядовые члены организации, также не обделенные высокими наградами и повышенным вниманием властей, официально не высказали даже недоумения по этому поводу. А природная скромность Василия Ивановича не позволила ему об этом напомнить ни товарищам, ни командирам, ни начальникам.

Ожесточенные бои продолжались с неменьшей интенсивностью, ведь еще много советских людей в городах и селах не было освобождено от фашистского рабства.

Однажды пулеметный расчет Василия Левашова выдвинулся на новое место и всю ночь не спал, зарываясь в землю. Ранним утром, когда пехота перешла в наступление, их пулемет огнем на фланге поддержал атаку стрелковых рот. Но и фашисты не дремали. Они с господствующих высот быстро обнаружили их пулеметную точку и открыли минометный огонь. Василий вместе с Володей Трошиным быстро прыгнули в небольшой окопчик, который успели вырыть на двоих, и прижались к его противоположным стенкам. С каждым близким разрывом вражеской мины их обдавало горячей воздушной волной, а иногда и землей. Левашов впервые попал под вражеский минометный огонь, поэтому, как новичок, не стесняясь, спросил у Трошина: «Что это?» Владимир был польщен. Ему хоть и было страшно, но все же он решил подшутить над Василием и сказал, что это над ними взрываются дополнительные заряды наших мин, которые пролетают в сторону немцев. И Левашов, наивная душа, поверил. Но когда обстрел прекратился, они увидели страшную картину. Вокруг на небольшом расстоянии, даже в паре метрах от их окопа, дымилось множество воронок от фашистских мин. Наводчик пулемета убит, а его помощник тяжело ранен. Только тогда Василий

понял, что Трошин пошутил, но не обиделся, а был даже ему благодарен, потому что легче перенес этот первый в жизни минометный обстрел.

Над всей полосой обороны дивизии у реки Молочная господствовала высота 115,0, которая имела важное тактическое значение. С ее вершины фашисты просматривали все боевые порядки частей и подразделений 295 сд. Враги постоянно обстреливали не только траншеи батальонов первого эшелона, но и позиции нашей артиллерии, и даже отдельные группы бойцов, машины и повозки. Было принято решение – высоту взять.

В это время фашистское командование издало приказ, в котором требовало от своих солдат обороняться до последнего человека. Офицерам вменялось в обязанность расстреливать на месте каждого, кто дрогнет или побежит с поля боя. В тылу передовых подразделений немцев были выставлены сильные заградительные отряды эсэсовских частей с пулеметами. Обороняющимся фашистам выдали дополнительный «шнапс» и увеличили денежное довольствие. Но все эти меры не повлияли на действия советских войск и 30 сентября 1943 г. после мощной огневой подготовки подразделения 1038 сн взяли штурмом эту высоту и стали переходить к обороне. Опомнившись, фашисты открыли ураганный огонь из всей своей артиллерии по подразделениям полка, а затем атаковали их силами до полка пехоты при поддержке более двадцати танков. С воздуха позиции батальонов и рот непрерывно атаковала немецкая авиация. Это был крошечный ад. На поле боя столкнулись две грозные силы, и победу одержать могли только самые смелые и стойкие. И советские солдаты не только отразили атаки фашистов, уничтожив их хваленые «тигры» и «пантеры», но и расширили участок прорыва. Фашисты захлебнулись в собственной крови, но и в наших подразделениях было много раненых и убитых. В этом бою умело и стойко воевал и красноармеец Василий Левашов, уничтожая ненавистного врага.

Через несколько дней, восстановив свою боеготовность, полки дивизии перешли в решительное наступление в юго-западном направлении, освобождая населенные пункты Запорожской и Херсонской областей, обходя с севера и запада г. Мелитополь и преследуя отходящего противника. Не зная отдыха и сна, по раскисшим осенним проселочным дорогам воины дивизии, сбивая заслоны промежуточных оборонительных рубежей врага, продолжали наступать к побережью Черного моря, чтобы окружить немецкую группировку войск, оборонявшуюся в Крыму.

Наступая, воины дивизии освободили северную часть заповедника Аскания-Нова. Кровь стыла в жилах солдат и офицеров от вида убитых редких животных и птиц, которых в звериной злобе уничтожили перед своим бегством из Северной Таврии фашистские нелюди. Разграбив

все, что попало под руки, они дотла сожгли все строения научно-исследовательского института – заповедника.

2 ноября 1943 г., освободив города Скадовск и Каланчак, части дивизии вышли к побережью Черного моря в районе села Тарасовка, расположенного на берегу Каланчакского лимана, завершив окружение фашистских войск в Крыму. Наконец-то личному составу был предоставлен долгожданный отдых, но долго радоваться не пришлось. Уже через сутки дивизия получила приказ выдвинуться в район легендарной Каховки. И снова пешком по раскисшим дорогам в походных колоннах, под непрерывными налетами вражеской авиации бойцы и командиры двинулись в путь.

Через несколько суточных переходов к утру 5 ноября 1943 г. части 295 сд подошли к указанному району, сменили войска 2-го гвардейского механизированного корпуса и перешли к обороне, одновременно продолжая уничтожать передовыми отрядами фашистов, которые разрозненными группами прятались в плавнях по левому берегу Днепра. Наступила оперативная пауза в наступлении советских войск. Части дивизии стали получать новое пополнение, вооружение, имущество, боеприпасы, проводить занятия по тактической и огневой подготовке, готовиться к преодолению такой крупной водной преграды, как Днепр.

За два месяца непрерывных боев постепенно ближайшее окружение, а потом и политработники 2-го стрелкового батальона 1038 сн узнали, что в их рядах служит рядовым красноармейцем один из легендарных героев всей страны молодого гвардеец Василий Левашов. Он уже был опытным бойцом, который умел стрелять практически из всех видов стрелкового вооружения, даже из трофейного, уничтожая врага. Это вызывало уважение старослужащих, но особенно новобранцев, и когда Василия утвердили политбойцом пулеметной роты, ни у кого не возникло сомнений в этом назначении.

В середине ноября 1943 г. его, как и других оставшиеся в живых молодого гвардейцев, вызвали в Москву в ЦК ВЛКСМ с отчетом о деятельности «Молодой гвардии». На встречу с председателем Чрезвычайной государственной комиссии, работавшей в Краснодаре, Василий Левашов пошел вместе с Арутюнянцем. Он, абсолютно не смущаясь чиновника столь высокого ранга, в присутствии и при поддержке Георгия открыто заявил сотруднику НКГБ А.В. Торицыну, что не верит в предательство Виктора Третьякевича, которого считает единственным, невыдуманным комиссаром «Молодой гвардии», а все остальное – это фальсификация.

Василий был не первым, кто обращался к А.В. Торицыну с таким заявлением, поэтому с Левашовым была проведена «разъяснительная» беседа, заодно попало и Арутюнянцу. Но рядовому пехоты угрожать было

бесполезно, он и так воевал в самом пекле войны и убить его могли уже много раз, и наград лишить не могли, так как их у него просто не было, поэтому на встречах с московскими рабочими, военными, школьниками, отвечая на их многочисленные вопросы, он прямолинейно рассказывал о деятельности своих товарищей и снова утверждал, что в предательство Третьякевича не верит, не умоляя и заслуг Олега Кошевого.

Руководящим сотрудникам ЦК ВЛКСМ это его поведение не очень понравилось, и они поспешили отправить Василия Левашова обратно на фронт в свою часть. К этому времени его полк в составе дивизии вывели во второй эшелон армии юго-восточнее Херсона в песчаные кучутуры (холмы высотой до 20 м), где подразделения продолжали совершенствовать свое боевое мастерство и готовиться к предстоящим боям.

В конце декабря 1943 г. отдохнувшие и полностью укомплектованные части 295 *сд*, сменив подразделения двух стрелковых дивизий на фронте более чем 70 км, перешли к обороне вдоль левого берега устья Днепра от озера Домаха (у Антоновского моста через Днепр) до острова Большой Соколин (у Кинбурнской косы). В этом районе немецко-румынские войска удерживали два небольших плацдарма: у железнодорожного моста через Днепр и на западной оконечности Кинбурнской косы. В руках врага также находились все большие и малые острова устья Днепра, а в оказавшихся на поверхности затопленных пароходах и крупнотоннажных баржах фашисты устроили пулеметные огневые точки, с которых уверенно простреливали старое и новое русло могучей реки. Все это обеспечивало немецкому командованию действенный контроль за Днепровско-Бугским лиманом и беспрепятственный вывоз по воде имущества, награбленного в Херсоне и Николаеве. Поэтому одновременно с совершенствованием оборонительных рубежей командир дивизии полковник А.П. Дорофеев решил: выделить две стрелковые роты 1038 *сп*, усилив их учебной ротой и двумя батареями дивизионной артиллерии, на штурм вражеских опорных пунктов на островах и баржах, а остальным приступить к непосредственной подготовке к преодолению широкой водной преграды и бою на правом берегу Днепра. Штурмовые подразделения в ожесточенных схватках справились с поставленной боевой задачей: часть немецко-румынских гарнизонов была уничтожена, остальная бежала. В этом им неоценимую помощь оказали местные рыбаки, жители прибрежных сел и хуторов, которые не только обеспечили штурмовые группы лодками и другими переправочными средствами, но и самыми короткими и скрытными путями, маневрируя в густых зарослях камыша извилистых рек и речушек, впадающих в Днепр, позволили

бойцам скрытно подобраться к опорным пунктам врага и нанести фашистам сокрушительный удар. Эти бои местного значения шли в болотах по пояс, а иногда и по грудь в ледяной воде и в дальнейшем спасли от верной гибели не одну сотню бойцов и командиров 295 сд.

В середине января 1944 г. части дивизии перенесли свой передний край ближе к Херсону и его пригородам на противоположном берегу Днепра и начали более широкую подготовку к форсированию водной преграды. 1038 сн в полном составе перешел к обороне от пос. Голая Пристань и далее на юг к селам Старая- и Новая Збурьевка. 2-му батальону и его пулеметной роте объявили, что они будут обороняться в плавнях Днепровского лимана. Никто не знал, что это такое, но то, что они вскоре увидели и ощутили на себе, вначале повергло всех в шок, а затем в уныние.

Днепровские плавни. Земли не видно. Кругом вода и густые заросли высоченного камыша. Пулеметчики шли по колено в воде, неся на себе пулемет, боеприпасы и все имущество, и если попадалась скрытая под водой воронка от разорвавшегося снаряда, то бойцы погружались по грудь или по горло в ледяную воду, а развести костер и высушиться не было никакой возможности. Свыше трех километров по камышовой тропе несли они свой разобранный «Максим». Наконец достигли точки. Это был самый левый фланг советско-германского фронта. Дальше лиман и Черное море. Только на островах оборонялись морские пехотинцы. Везде вода по колено и сплошной камыш, успокаивало лишь то, что он надежно скрывал пулеметчиков от глаз противника. Окоп не вырыть, укрытия тоже. Молча собрали пулемет и установили на торчащий из воды островок, образованный из связанных снопов камыша. Рядом оказалась рыбацкая лодка. Сразу решили, что если уровень воды повысится, то будут ставить пулемет в лодку и держать оборону на плаву. Недалеко от пулеметной точки рыбаками прямо на воде был сооружен шалаш, тоже из камыша, внутри которого основание (пол) было устлано снопами камыша в три слоя. На них могла ложиться спать отдыхающая смена, но, как бы не устал и не хотел спать боец, выдержать можно было не более сорока минут, так как сквозь камышовые снопы проникала холодная сырость.

«Иногда температура воздуха понижалась настолько, что не только в плавнях, но и в Днепре вода покрывалась льдом. Лед, конечно, был непрочный. Он только затруднял движение. На такой случай ох как пригодились бы болотные сапоги! Но не у всех из нас были обычные, солдатские. Ноги постоянно были в сырости, не просыхали. Однако никто не простужался, не кашлял, не было даже насморка. На своем опыте убеждались, как велики возможности человеческого организма», — вспоминал Василий Иванович.

Трудности были не только с отдыхом, но и с организацией питания. Походную кухню в плавник не доставишь. Поэтому питались всухомятку. Сухой паек получали по утрам на сутки. На каждого бойца выдавали по буханке черного хлеба, по 100 г свиной тушенки и около 200 г кукурузной крупы, а также, учитывая неблагоприятные условия, еще и по 100 г водки. С получением сухого пайка пулеметчики садились на снопы, выпивали свои 100 г «наркомовских» и после этого съедали суточную норму, за исключением кукурузной крупы. Приспособились и отдыхать, постоянно переворачиваясь на другой, не замерзший, бок и снова засыпая.

Так бойцы почти половину зимы провели в плавнях, ни на день, ни на час, не покидая своей пулеметной точки...

Начался март 1944 г. В первое мартовское воскресенье утром пулеметный расчет собрался пойти в тыл батальона помыться в бане и поменять белье. На огневой позиции командир оставил Левашова. Когда все ушли, Василий разжег самодельную плитку и поставил на огонь котелок с водой, чтобы сварить кашу, а сам уселся рядом у огня. Постепенно рассеялись тучи, показалось яркое солнце. Кругом тишина, будто и войны нет. Левашов расслабился, греясь в ласковых лучах весеннего солнышка, и не заметил, как предательская струйка дыма потянулась вверх. Немцы, заметив дым, сразу же начали минометный обстрел. Раздался свист, и где-то сзади разорвалась мина, затем вторая, но уже ближе, затем третья... Кругом вода, в окоп не спрячешься. Василий быстро загасил огонь и лег в лодку. Деревянные борта все же защищали от осколков. Так почти час, пока длился обстрел, лежал он в лодке. Вечером, когда наступили сумерки, возвратились товарищи. Они были веселы, оживленны. Левашов смущенно сообщил им, что кашу сварить не удалось, но командир успокоил, сказав, что они хорошо пообедали в батальоне, а его завтра утром должны принимать в партию. (Прошло уже почти два месяца с момента получения всех документов из Краснодона).

Как только рассвело, Василий попрощался с товарищами, взял автомат на грудь, вещмешок на спину и в путь. В последний раз шел Левашов налегке по плавням, проваливаясь в воду иногда чуть не с головой в скрытые под водой воронки, и все думал: «Почему командир роты велел явиться со всеми вещами?»

Все разъяснилось после заседания партийной комиссии. Вошел начальник политотдела дивизии полковник Г.Т. Луконин, поздравил и сказал:

— Мы решили назначить тебя комсоргом 3-го батальона. Если не возражаешь, получай предписание и на новом месте включайся в работу. Времени на ознакомление очень мало. Скоро пойдем в наступление. Будем освобождать Херсон.

Его появление в 3 сб ни у кого не вызвало удивления. И командир батальона, и его заместитель по политчасти заранее знали, кто к ним назначен комсоргом. Они сразу же усадили Василия вместе с собой за стол и за обедом в ходе беседы узнали о нем все, что их интересовало. В свою очередь и Левашов узнавал новых для себя руководителей. Командовал батальоном грузин майор Г.Д. Шенгелия, который только на днях вернулся из госпиталя после тяжелого ранения, полученного в боях еще в сентябре 1943 г., заместителем по политчасти был капитан И.М. Портной, парторгом батальона был младший лейтенант Н.С. Ткаченко.

К этому времени разведка установила, что перед фронтом дивизии обороняются войска 370 пд немцев, а непосредственно в Херсоне занимались грабежами в жилых домах, взрывали и поджигали здания промышленных предприятий, административные и культурные объекты батальоны СС и РОА (власовцев).

В ночь на 2 марта 1944 г. противник предпринял попытку забросить в тыл 1038 сн своих агентов-власовцев, но их вовремя обнаружили, захватили и доставили в штаб дивизии. Оказалось, что противник «потерял» две наших стрелковых дивизии, а также управления 13 зв.ск и 2-й гвардейской армии, которые еще 23 февраля 1944 г. передислоцировались на крымское направление, где войска 4-го Украинского фронта готовились к наступательной операции, а 49-я гвардейская и 295-я стрелковая дивизии были переподчинены 28-й армии под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречкина.

Войска этой армии 29 февраля 1944 г. успешно завершили Никопольско-Криворожскую наступательную операцию, освободили на правобережной части Украины города Кривой Рог и Никополь, создали угрозу окружения фашистских войск под Херсоном и Николаевом и в начале марта 1944 г. вошли в состав 3-го Украинского фронта, подготавливая Березнеговато-Снигиревскую наступательную операцию на правом берегу Днепра, с целью разгрома противника в междуречье Ингульца и Южного Буга.

6 марта 1944 г. дивизии 28-й армии начали наступление. Вскоре в тыл обороняющемуся под Херсоном противнику прорвалась и успешно наступала конно-механизированная группа 3-го Украинского фронта, которая перехватывала важнейшие пути отхода на запад основным силам 6-й немецкой армии и пыталась захватить переправы через Южный Буг. В тылах фашистов царил хаос. Начался поспешный отход их войск на запад, который четко определился нашими разведчиками.

В ночь на 11 марта 1944 г. за рекой в Херсоне были хорошо слышны взрывы большой мощности. Враг уничтожал город. Чтобы предотвратить превращение Херсона в руины и не дать врагу беспрепятственно

отойти на запад, 295 *сд* и 49 *гв.сд* было приказано форсировать Днепр и освободить город. Первым, выше по течению от Херсона, переправился батальон 149 *гв.сп* дивизии В.Ф. Маргелова, но, попав под сильный огонь противника, сумел только закрепиться в плавнях у деревни Садовое. Неудача преследовала и 1040 *сп* 295 *сд*. Лишь одной роте полка удалось закрепиться на правом берегу Днепра.

Только на следующую ночь повторная попытка форсирования Днепра сразу в пяти местах полками первого эшелона прошла успешно. На окраинах Херсона завязались кровопролитные бои, и к исходу 13 марта 1944 г. город был полностью освобожден от фашистов частями 295 *сд*. В это время 49 *гв.сд* отрезала пути отхода противнику из города и стремительно стала наступать на запад, не дожидаясь переправы своей артиллерии.

За операцию по освобождению Херсона 15 бойцов и командиров были представлены к высшей награде СССР – званию Героя Советского Союза, из них девять героев из 295 *сд*. Этого высокого звания были удостоены и командиры дивизий: В.Ф. Маргелов и А.П. Дорофеев. А 49-й гвардейской и 295-й стрелковым дивизиям было присвоено звание «Херсонские». (Для полковника Василия Филипповича Маргелова бой за Херсон стал знаковым в карьере. Его имя сейчас всем известно, Василий Маргелов («дядя Вася») стал в послевоенные годы отцом Воздушно-десантных войск СССР и вывел их на ранее недостижимый уровень организации и оснащения).

К званию Героя Советского Союза командир 1038-го полка подполковник Василий Николаевич Любко представил и своих офицеров: командиров 1 *сб* майора М.А. Золотухина, 3 *сб* майора Г.Д. Шенгелия и 2 *ср* лейтенанта Г.Г. Бахтадзе, а командир 2 *сб* капитан И.У. Гащенко был награжден полководческим орденом Александра Невского. Орденами и медалями были награждены около тысячи офицеров и красноармейцев дивизии, в том числе и Василий Иванович Левашов. Всему личному составу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, и Москва салютовала освободителям Херсона залпами из 224 орудий.

В представлении к награждению Левашова было написано: «Тов. Левашов при форсировании реки Днепр, в ночь с 12 на 13 марта 1944 года, находился в 8 стрелковой роте, где провел большую работу по разъяснению всему личному составу поставленной задачи. Будучи сам участником Краснодарской подпольной организации «Молодая гвардия» и имея большой опыт осторожных действий против врага, добился того, что рота была переправлена на правый берег реки Днепр, без шума, и не понесла потерь. Находясь в боевых порядках роты, преследовал противника, личным примером воодушевляя других, и уничтожил трех фашистов».

Приказом по 295 *сд* от 29 марта 1944 г. № 011/н комсорг 3-го стрелкового батальона 1038 *сн* красноармеец Василий Иванович Левашов был награжден орденом Красной Звезды. Это была его первая и самая дорогая награда. Ведь он не только проводил собрания и беседы, а вместе с рядовыми пехотинцами по ночам строил плоты, разъяснял молодым бойцам поставленную задачу и как правильно использовать защитные свойства местности, а потом с первыми группами советских воинов на рассвете форсировал Днепр, наступая вдоль правого крутого берега.

Части дивизии перешли к преследованию отходящего противника в направлении Николаева, а подразделения 1038 *сн* продолжили громить врага вдоль правого берега Днепра, освобождая советские села и хутора совместно с артиллерийско-пулеметными батальонами 1-го гвардейского укрепрайона.

28 марта 1944 г. частями 295 *сд* совместно с подразделениями 1 УРа и десанниками Черноморского флота («Десант Ольшанского») был освобожден Николаев. Бои за город шли и днем, и ночью. Жители, тайно выходя из подвалов и убежищ, показывали советским бойцам, где укрылись фашисты, выводили по дворам в тыл вражеских огневых точек и очень часто с трофейным оружием в руках помогали освобождать свой город от оккупантов.

Советские войска не остановились в Николаеве ни на сутки. С помощью табельных и подручных средств, по остаткам взорванного фашистами моста, подразделения дивизии переправились на правый берег Южного Буга, захватили плацдарм и, уничтожая на своем пути вражеские заслоны, устремились к городу русской воинской славы – Очакову. Только на небольших привалах командование и политработники довели до личного состава благодарность Верховного Главнокомандующего за освобождение Николаева. Москва вновь салютовала своим воинам-освободителям. К высоким правительственным наградам были представлены бойцы и командиры, а на боевом знамени 295 *сд* засверкал орден Красного Знамени.

На рассвете 31 марта 1944 г., попав под удары советских войск с суши и моря, фашистский гарнизон Очакова бежал в сторону Одессы. Город был освобожден. И вновь советским войскам, участвовавшим в освобождении Очакова, в том числе и воинам 295 *сд*, приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина была объявлена благодарность и в столице дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

28-я армия была выведена в резерв Ставки ВГК, а 295 *сд* в составе соединений 10-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й ударной армии, громя вражеские арьергарды, продолжала преследование врага и на следующий день вышла к границам Одесской области.

Наступающие советские части, преодолевая сопротивление крупных

вражеских заслонов, шаг за шагом приближались к Одессе, обходя с севера лежащие на их пути небольшие лиманы. Постоянно дул студеный, сырой, соленый ветер, свинцовые тучи роняли на землю холодные капли дождя, под ногами солдат чавкала весенняя грязь. Выбываясь из последних сил, молча шли бойцы и командиры, а когда на их пути оказалась взорванная фашистами дамба, они, не задумываясь, бросились в ледяную воду, доходившую до пояса, и вброд преодолели очередной лиман. Взмывленные лошади с трудом тащили полковые и дивизионные пушки, подводы с боеприпасами и продовольствием. Отстали походные кухни. Не часто в эти дни удавалось поесть горячей пищи, обогреться и обсушиться, но бойцы рвались к Одессе.

9 апреля 1944 г. полки подошли к пригородам знаменитого города, используя в качестве ориентира и укрытия железнодорожные насыпь и полотно. Бойцы 1038 *сп* завязали бой, выбивая гитлеровцев из каменных зданий и многочисленных дзотов в районе станции Одесса-сортировочная. От огня артиллерии, взрывов и поджогов фашистами зданий над городом повисла тяжелая дымовая завеса. Противник яростно сопротивлялся. Начавшийся еще днем бой продолжался и ночью. На улицах Одессы глухим эхом отдавались пулеметные и автоматные очереди, ухали разрывы снарядов, мин и гранат. Уже к утру противник, не выдержав натиска советских войск и прикрываясь засадами, начал отводить свои войска к морскому порту и в сторону поселка Затока.

10 апреля 1944 г. Одесса была освобождена. Еще на западной окраине слышны были взрывы и редкие пулеметные очереди, еще многие здания города были объаты языками пламени и клубами черного дыма, а красные флаги затрепетали над воротами многих домов. Тут были и самоделки из наспех прибитого к древку куска кумача, и красиво расшитые, заблаговременно приготовленные бархатные и шелковые знамена. Ни пролитая кровь горожан, ни разруха, ни огромные лишения, пережитые за годы оккупации, не смогли затмить той огромной человеческой радости, которой были наполнены сердца жителей. Они обнимались и целовались, смеялись и плакали слезами радости. «Одесса-мама» ликовала. Мрачным дням фашистской оккупации пришел долгожданный конец. Город стал свободным.

Многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями, и вновь Москва салютовала освободителям Одессы. Верховный Главнокомандующий всем войскам, освобождавшим город, объявил очередную благодарность, а на боевом знамени 295-й стрелковой Херсонской Краснознаменной дивизии засверкала вторая высокая правительственная награда – орден Суворова II степени.

На подступах к Одессе и в боях за город подразделения понесли большие потери, поэтому частям дивизии было приказано выдвинуться в район

Сухого Лимана для отдыха и доукомплектования. Совершив 30-км марш, бойцы и командиры разместились на заслуженный отдых, но уже на следующий день из боевого распоряжения штаба 10 *гв.ск* стало ясно, что 295 *сд* предстоит в кратчайшие сроки подготовиться и совершить длительный марш в пешем порядке в Молдавию.

Времени для отдыха явно не хватало. Личный состав необходимо было помыть, обстричь, заменить изношенное обмундирование. И снова на выручку своим освободителям пришли местные жители. А штаб дивизии, отдав необходимые распоряжения частям и подразделениям, приступил к планированию марша.

В ночь на 12 апреля 1944 г. батальоны 1038 *сп* в голове колонны дивизии прошли исходный рубеж и начали движение, выслав вперед и по сторонам походное охранение в составе усиленных рот. 295 *сд* предстояло занять оборону по левому берегу Днестра в тылу наших частей, упорно оборонявшихся на захваченном Талмазском плацдарме на противоположном берегу реки. В течение нескольких дней и ночей части дивизии, под постоянным воздействием вражеской авиации, совершали 120-км марш, вышли на указанный рубеж и сходу перешли к его обороне, а вся артиллерия дивизии, развернувшись, стала оказывать непосредственную поддержку своим огнем советским батальонам, сражающимся на плацдарме.

В этих боях и походах Василий Левашов не просто сражался - он мстил захватчикам за своих друзей-молодогвардейцев, за их мученическую смерть. О них он постоянно думал, как о живых, и никак не мог представить друзей мертвыми, хотя уже достаточно навиделся смертей. Он шагал по трудным дорогам войны вместе с ними, они стали одним неделимым целым. И эта причастность к делам «Молодой гвардии», непроизвольно для него самого, определила дальнейшую судьбу Левашова.

При политическом управлении 5-й ударной армии были открыты 3-месячные курсы по подготовке младших политруков, на которые из частей и подразделений были направлены наиболее отличившиеся воины, прежде всего политбойцы и комсомольские работники, не имевшие офицерских званий. На эти курсы и был направлен красноармеец Василий Левашов.

Все происходило в прифронтовой полосе. Размещались курсанты в землянках. Будущие младшие политруки сразу же были сведены в боевую роту, разбиты по взводам и отделениям, зорко несли боевое охранение и всегда были готовы вступить в бой. Но их главной боевой задачей стала учеба. Не было ни классов, ни лекций, с курсантами просто беседовали командиры, политработники, специалисты родов войск. Учили будущих офицеров на своем самом свежем боевом опыте разведке, обороне и наступлению.

Занятия проходили строго по расписанию. Будущие политруки учились: у саперов – правильно отрыть окоп и ход сообщения полного профиля, построить блиндаж; у артиллеристов – вести меткий огонь; мчались на танках, как десантники; распознавали по силуэтам вражеские самолеты. К главному же своему делу – политической работе курсанты приобщались в беседах с опытными комиссарами, знакомились с важнейшими партийными документами, получая практические напутствия и нужные теоретические ориентиры.

После окончания курсов всем курсантам официально было присвоено воинское офицерское звание младший лейтенант. Комсорг 3-го стрелкового батальона 1038 *сп*, еще вчера рядовой, В.И. Левашов впервые надел офицерские погоны и форму.

А в это время части и подразделения дивизии вошли в состав 34-го гвардейского стрелкового корпуса и, совершив очередной марш, сосредоточились южнее города Дубоссары, разгромили противника в глубокой излучине Днестра, откуда дальнобойная советская артиллерия приступила планомерно обстреливать железнодорожную станцию и пригороды столицы Молдавии – Кишинева. Затем в составе 32-го стрелкового корпуса армии 295 *сд* переправилась через Днестр и заняла оборону на плацдарме у села Шерпены в 50 км восточнее от Кишинева, где фашисты сосредоточили свои главные силы 6-й полевой армии.

Стояла невыносимая жара, от которой невозможно было спрятаться ни в блиндажах, ни в землянках, ни даже на берегу Днестра. А бойцы и командиры в этих условиях совершенствовали свои укрепления и постоянно находились в готовности к отражению вражеских атак. Фашисты прилагали огромные усилия, чтобы ликвидировать сравнительно небольшой (по фронту 7-8 км, в глубину 3-4 км) Пугачено-Шерпенский плацдарм советских войск, на котором оборонялись части 295 *сд*, но им это сделать не удалось. Бойцы дивизии, стойко и мужественно обороняясь, наносили противнику ощутимые потери в живой силе и технике.

Одна из самых удачных советских операций во время Великой Отечественной войны – Ясско-Кишиневская стратегическая военная операция началась 20 августа 1944 г. Она была проведена всего за девять дней, но результат был ошеломляющий: была полностью освобождена Молдавская ССР, Румыния вышла из войны на стороне Германии и перешла на сторону антигитлеровской коалиции, а советские войска стремительно подошли к границам Болгарии, Югославии и Венгрии. Южное крыло германского фронта было полностью разгромлено.

Но еще за два дня до ее начала 18 августа 1944 г. 295 *сд* и соседней с ней 60 *гв.сд* было приказано провести разведку боем перед передним краем

своей обороны с целью выявить положение противника и его огневых средств. В 295 *сд* эта задача была поручена 8 *ср* 3 *сб* 1038 *сп*. Командир роты старший лейтенант В.А. Рожков знал, что на командный пункт дивизии, оборудованный на плацдарме, прибыли командующий 5-й ударной армии генерал-лейтенант Н.Э. Берзарин, командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин и представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, и понимал, что от успеха выполнения поставленной задачи его ротой зависит судьба не только будущего наступления, но и жизни многих сотен бойцов дивизии. Понимал он и то, что в этом бою могут погибнуть многие его сослуживцы-подчиненные, потому что это самый страшный вид войсковой разведки, который применялся только тогда, когда все возможности других методов уже исчерпаны. Но он не знал, что основной задачей разведки боем было: своими решительными действиями приковать к этому направлению как можно больше резервов противника, не дать возможности фашистскому командованию разгадать замысел предстоящей стратегической операции и ввести его в заблуждение (эта атака была одним из элементов оперативной маскировки).

В этой роте во время подготовки к действиям постоянно находился и комсорг батальона младший лейтенант В.И. Левашов. Он проводил собрания актива, беседовал с молодыми солдатами, помогал политбойцам и вместе с ротой атаковал противника, силой своего примера показывая красноармейцам, как необходимо действовать.

Бой 8-й стрелковой роты сыграл огромную роль, потому что гитлеровцы до последних дней ожидали удара на этом кратчайшем от Кишинева направлении и не смогли отразить главный удар наших войск со стороны города Бендеры. Советские армии в первый же день прорвали главную полосу обороны врага, ввели в прорыв крупные подвижные соединения и успешно продвигались на запад к реке Прут навстречу войскам 2-го Украинского фронта, чтобы окружить фашистские войска и отрезать им пути отхода.

В ночь на 23 августа 1944 г. после короткой огневой подготовки подразделения 295 *сд* перешли в наступление и вновь первой в атаку поднялась 8 *ср* 1038 *сп* под командованием бесстрашного командира Василия Рыжкова. А рядом с ним бежал, подбадривая бойцов, неутомимый тезка – комсорг батальона Левашов. Громогласное «Ура!» потрясло поле боя, враг не выдержал и начал отступать, а воодушевленные первыми успехами советские воины перешли в преследование, сметая на своем пути вражеские заслоны.

К 17-00 часам передовые отряды советских войск, наступая на северо-запад, вышли к окраине Кишинева. Город горел, а по его дымным улицам

сплошным потоком двигались колонны войск и боевой техники немцев, которые в спешном порядке отводили свои главные силы из наметившегося котла окружения. Противник не ожидал столь стремительного наступления наших войск, которые с боями прошли 35–40 км, и стал отходить к городским окраинам. Завязались уличные бои, которые продолжались в течение ночи, то затихая, то вспыхивая с новой силой.

В 4-00 часа 24 августа 1944 г. город был полностью очищен от фашистских захватчиков. Над Кишиневом вновь взвилось Красное Знамя Победы. Москва в тот же вечер 24 залпами из 324 орудий салютовала доблестным воинам 3-го Украинского фронта, которые освободили город. Всему личному составу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего и его приказом № 173 от 24 августа 1944 г. 1038-му стрелковому полку (в числе 25 частей и соединений) было присвоено почетное наименование «Кишиневский».

В боях за Молдавию у всех политработников был один незаменимый помощник – герой Гражданской войны, уроженец молдавской земли, Григорий Иванович Котовский. Каждый из бойцов много читал о легендарном комбриге, видел кинокартину, а рассказы о его подвигах, исключительной храбрости, потрясающие эпизоды из его жизни вызывали зависть и восхищение, передавались из уст в уста. Важную роль в этом сыграл сам командир 295 сд Герой Советского Союза генерал-майор Александр Петрович Дорофеев, который в годы Гражданской войны служил в 45-й дивизии, не раз встречался с Г.И. Котовским и сам втайне старался во всем подражать Григорию Ивановичу. И это ему удавалось, так как рост, телосложение, широкая грудь и бритая крупная голова были очень схожи с легендарным комбригом.

28 августа 1944 г. передовые подразделения дивизии вышли к государственной границе СССР. Это был самый волнующий момент, который пережили воины-освободители, ни с чем не сравнимое радостное чувство. Красноармейцы даже стали пить воду из Прута.

Оказавшись в окружении, гитлеровцы начали крупными группами, а потом и целыми частями сдаваться в плен. На следующий день Ясско-Кишиневская стратегическая операция успешно завершилась полным разгромом врага.

30 августа 1944 г. на площади Победы в Кишиневе прошел парад частей и соединений 5-й ударной армии и ее войска были выведены в резерв Ставки ВГК. Дивизии и корпуса стали возвращаться по фронтовым дорогам в Одесскую область, где сосредоточивались на железнодорожных станциях, пополнялись личным составом, техникой, боеприпасами и другим военным имуществом.

Уже в середине сентября 1944 г., разместив личный состав в теплушках, а технику, вооружение, боеприпасы, материальную часть загрузив

на платформы, войска армии по железной дороге выдвинулись на северо-запад в район Ковеля и заняли район расположения в 12 км юго-восточнее города, сразу же приступив к регулярным тактическим занятиям и учениям по прорыву сильно укрепленной обороны противника.

Через месяц в ноябре 1944 г. полки 295 сд совершили марш к новому месту дислокации, переправились через Западный Буг и вступили на польскую землю, где в районе города Лукува до января 1945 г. продолжали занятия по боевой подготовке, находясь в резерве 1-го Белорусского фронта под командованием Г.К. Жукова.

В начале января 1945 г. бойцы и командиры дивизии впервые увидели Вислу, когда темной ночью, соблюдая строгий порядок и тишину, переправлялись по наплавному мосту через реку в район польской деревни Магнушев. Части дивизии спешили на противоположный берег Вислы, чтобы на плацдарме сменить войска 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. Все понимали, для какой цели шла перегруппировка. Ведь армия ударная – армия прорыва. Воины гордились этим, окрестив своего командарма Н.Э. Берзарина именем «генерал-вперед».

Еще вчера бойцы и командиры за празднично убранными столами в гостеприимных домах польских крестьян встречали Новый год, а теперь располагались в окопах в готовности к наступлению и освобождению Польши. Перед войсками армии была поставлена ответственная задача: в кратчайший срок прорвать мощную многополосную оборону немцев на левом берегу Вислы и развивать наступление в северо-западном направлении, обходя Варшаву с юго-запада.

Рассвет 14 января 1945 г. был морозным. На деревьях лежали хлопья снега и инея, всю местность окутывал густой туман, закрывавший от наблюдения передний край обороны немцев. И вдруг земля вздрогнула от могучих залпов советской артиллерии. На головы гитлеровцев обрушился всепокрывающий огневой вал металла. С последним огненным налетом в решительную атаку поднялись воины передовых батальонов, немного вперед вырвались танки непосредственной поддержки пехоты и самоходные орудия. Противник открыл ответный заградительный огонь и стал вводить свои полковые и дивизионные резервы в бой, но советские войска, отбивая одну за другой вражеские контратаки, шаг за шагом продвигались вперед, нанося фашистам чувствительный урон в живой силе и технике, и к исходу дня, продвинувшись на 12 км в глубину вражеской обороны, вышли к реке Пилица и форсировали ее. На следующий день войска армии, разгромив врага на отсечных позициях, стали стремительно продвигаться на запад, создавая условия для ввода в сражение соединений 2-й гвардейской танковой армии.

16 января 1945 г. противник, не выдержав мощного удара советских войск, стал поспешно отходить и дивизии 5-й ударной армии перешли к преследованию врага. Передовые отряды 295 *сд* обошли Варшаву с запада и перерезали пути отхода фашистским войскам, оборонявшим город, замкнув кольцо окружения. Особенно отличились бойцы и командиры 1038 *сп*. 17 января 1945 г. Варшава была освобождена войсками Красной Армии и 1-й армии Войска Польского. Москва вновь салютовала доблестным советским воинам, а Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За освобождение Варшавы» и наградил ею всех воинов 295-й стрелковой дивизии.

Через неделю наступательных действий оборона фашистов оказалась не только прорванной, но и брешь в ее фронте расширилась до 300 км. Не задерживаясь в населенных пунктах и не ввязываясь в затяжные бои, обходя отступающие вражеские колонны с флангов, полки 295 *сд* быстро продвигались вперед, делая по 30-40 км, а иногда и по 50 км в сутки, не давая фашистам передышки.

29 января 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта перешли границу Германии, а уже 1 февраля 1945 г. соединения 5-й ударной армии совершили решительный бросок к Одеру, частью сил форсировали реку и захватили на ее западном берегу плацдарм севернее города Кюстрин. Сам город и крепость продолжали оставаться в руках противника на восточном берегу Одера, и все попытки советских войск с ходу овладеть мощным районом обороны врага к успеху не привели. Возникла необходимость тщательно подготовить и провести частную наступательную операцию по ликвидации крупного вражеского гарнизона, блокированного полками 295 *сд*.

Командир 3-го батальона 1038 *сп* Герой Советского Союза майор Г.Д. Шенгелия, потомственный грузин, который в начале войны воевал, находясь на высоких должностях (был замначальника политотдела стрелковой дивизии, инструктором политуправления фронта), но по итогам своей работы был отстранен от партийно-политической работы в войсках и направлен командовать стрелковыми подразделениями, был очень скуп на похвалу, а тем более на награды подчиненным. Только этим объясняется то, что в ряду своих непосредственных подчиненных он старался не замечать героических поступков комсорга своего батальона В.И. Левашова, тем более что прекрасно знал, что Василий не верит в официальную версию предательства «Молодой гвардии» Виктором Третьякевичем и не был награжден даже медалью за свою деятельность в краснодонском подполье. Вот поэтому, когда на груди многих бойцов и командиров красовались медали и ордена за освобождение Николаева, Одессы, Кишинева,

комбат не подал на Левашова ни представления к награждению правительственной наградой, ни представления к очередному воинскому званию. Только за время этих боев Василий Иванович стал пользоваться таким огромным авторитетом среди рядовых бойцов, что на очередном комсомольском собрании его единогласно избрали своим организатором комсомольцы полка. И ситуация стала резко меняться.

8 марта 1945 г. приказом командира 32-го стрелкового корпуса № 021/н за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество младший лейтенант Василий Иванович Левашов, комсорг 1038 *сп*, был награжден орденом Отечественной войны II степени (хотя представлялся командиром полка и его заместителем по политической части к ордену Отечественной войны I степени).

В наградном листе, подписанном командиром 1038 *сп* полковником Василием Николаевичем Любко еще 23 февраля 1945 г., было указано:

«Тов. Левашов в период подготовки полка к прорыву вражеской обороны на реке Висла правильно организовал комсомольскую работу среди личного состава батальона. В каждой роте организовал полноценные комсомольские организации. Много работал над воспитанием комсомольцев и молодежи. Личный состав батальона в боях под городом Кюстрин (Германия) показал высокие образцы мужества. Тов. Левашов в этих боях постоянно находился в стрелковых ротах, личным примером воодушевляя личный состав на новые подвиги.

В период с 10 по 12 февраля 1945 года противник предпринимал неоднократные контратаки на 3 стрелковый батальон. Тов. Левашов, находясь в батальоне, организовал молодежь и, упорно сопротивляясь, отразил все контратаки противника, батальон прочно удерживает занимаемый рубеж.

Тов. Левашов за хорошо поставленную комсомольскую работу в полку, личную отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками, достоин Правительственной награды – ордена Отечественной войны первой степени».

Одновременно полковник В.Н. Любко по команде направил в штаб 5-й ударной армии представление к присвоению очередного офицерского звания комсorghу своего полка Василию Левашову.

Весь февраль ушел на разработку плана операции по захвату немецкого Кюстрина, и 6 марта 1945 г. наступление началось. Противник оказывал яростное сопротивление, ведь до столицы фашистской Германии – Берлина оставалось всего 80 км. Наступление развивалось медленно. Только 12 марта 1945 г. гарнизон фашистов был

разгромлен и части 295 сд. соединились с войсками 8-й гвардейской армии, захватившей плацдарм южнее Кюстрина. Фашисты бросали в контратаки против советских войск сотни танков и самолетов, но наши воины не только удержали столь важный стратегический плацдарм для решительного броска на Берлин, но и настолько его расширили, что он стал исходным рубежом для наступления главных сил фронта на столицу Германии. Только 30 марта 1945 г. бои под Кюстрином завершились полной победой и наши войска приступили к планомерной подготовке к Берлинской наступательной операции.

1038 сн понес большие потери, а прибывшему пополнению - молодым, еще не обстрелянным солдатам - предстояло сразу вступить в бой. И вот здесь Василий Левашов в полную меру ощутил воздействие примера «Молодой гвардии». Он воодушевленно рассказывал новичкам, как боролся с захватчиками его друзья-молодогвардейцы, как встретили они свой смертный час.

Вот как сам Василий Иванович описывал эти события: «...Мои рассказы о деятельности молодогвардейцев в тылу врага, об их героических делах вызвали у бойцов нашего подразделения жгучую ненависть к врагу, чувство мести за кровь погибших друзей, за наш пострадавший под игом фашизма народ...» И опять он, не стесняясь и не боясь последствий, рассказывал и о подвиге, и о мученической смерти своего друга Виктора Третьякевича, который вопреки клевете не стал на путь предательства и нарушения клятвы. После таких бесед нужно было видеть, с каким мужеством встретили атаки врага молодые воины. Им пришлось нелегко: заболоченная местность не позволяла рыть глубокие окопы. Но новички выстояли, отбросили назад отборные эсэсовские войска.

В десятых числах марта 1945 г. В.И. Левашову, который находился в боевых порядках 2-го стрелкового батальона, довели приказ командующего 5-й ударной армии о присвоении звания лейтенант. Новенькие погоны Василию на передовой вручил лично заместитель командира полка по политической части майор Николай Александрович Сергеев.

Полковник В.Н. Любко просто восхищался боевой работой своего комсорга и этого не скрывал. Совместно со своим замполитом 15 марта 1945 г. в боевых условиях они подписали и направили в штаб дивизии новый наградной лист на комсорга 1038 сн лейтенанта В.И. Левашова о награждении орденом Красного Знамени. При этом из наградного листа видно, что о награждении комсорга полка орденом Отечественной войны II степени командование не знало.

В представлении Василий Николаевич написал:

«Тов. Левашов как комсорг полка в своей повседневной работе

нацеливал комсомольские организации на оказание помощи командованию полка по воспитанию личного состава, поднятию воинской дисциплины. Главной задачей перед комсомольскими организациями ставилось обеспечивать успех боя. С первых дней марта 1945 года вся комсомольская организация полка в числе 182 человек была нацелена на подготовку штурма города Кюстрин.

За время боев с 1 февраля 1945 года из числа лучшей отличившейся в боях молодежи принято в комсомол 57 человек.

7 марта 1945 года в момент штурма города Кюстрин тов. Левашов, находясь в стрелковых ротах 2-го стрелкового батальона, который выполнял главную задачу, личным примером отваги и мужества воодушевлял личный состав на успешное выполнение поставленной задачи.

Тов. Левашов достоин Правительственной награды – орден Красное Знамя».

17 марта 1945 г. начальник политотдела 295 *сд* полковник Григорий Тимофеевич Луконин поддержал представление командования 1038 *сп* о награждении лейтенанта В.И. Левашова орденом Красного Знамени, но командир дивизии генерал-майор А.П. Дорофеев своим решением представил комсорга полка к ордену Отечественной войны I степени. Ну а начальник политотдела 32 *ск* полковник С.П. Дученко, не разобравшись, решил по-своему и вновь представил лейтенанта Левашова к ордену Отечественной войны II степени. Так приказом командира 32-го стрелкового корпуса от 3 апреля 1945 г. № 032/н за участие во взятии Кюстрина и проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Левашов, комсорг 1038 *сп*, был награжден орденом Отечественной войны II степени второй раз.

Но обо всем этом Василий Иванович не знал. Он с усердием продолжал выполнять свою работу, нацеливая комсомольцев и молодежь полка на выполнение поставленных боевых задач в короткие сроки и с наименьшими потерями. Лишь в двадцатых числах марта 1945 г. сослуживцы и друзья поздравили его с награждением первым орденом Отечественной войны II степени, который в торжественной обстановке, перед строем управления полка ему вручил командир.

Второй орден Отечественной войны II степени ему вручили как раз непосредственно перед началом долгожданного наступления на Берлин, а 1038-й стрелковый полк приказом ВГК был награжден орденом Красного Знамени за овладение штурмом города и крепости Кюстрин.

В начале апреля 1945 г., после отражения всех контратак и ликвидации окруженных группировок противника на левом берегу Одера, на плацдарме, размеры которого достигли 45 км по фронту и 10 км в глубину, наступило относительное затишье. Части 295 *сд* временно

перешли к обороне и развернули напряженную работу по подготовке решающего удара по фашистам в их логове – Берлине.

Наконец-то этот день настал. 16 апреля 1945 г. в 5-00 утра воздух вздрогнул от залпов десятков тысяч орудий, минометов и легендарных «катюш». В небе нарастал мощный гул советских самолетов, и на головы фашистов посыпались тысячи тонн смертоносного груза. Не успела закончиться огневая подготовка, как вспыхнули десятки мощных прожекторов, ослепляя врага, и в атаку на укрепленные позиции фашистов устремились советские танки и пехота. Яркий свет прожекторов ошеломял немцев, и советские воины, преодолев минные поля и проволочные заграждения, вклинились в их боевые порядки и захватили первую траншею. Но немцы ввели в бой свежие резервы при поддержке танков, артиллерии и авиации и яростно контратаковали, стремясь задержать наступление полков. Развернулись тяжелые встречные бои. И только к 14-00 частям 295 сд, после ввода своих вторых эшелонов, удалось овладеть второй позицией и завязать бой за третью. Особенно трудно пришлось советским воинам вести бой за высокую в несколько метров железнодорожную насыпь у поселка Бушдорф, на обратных скатах которой были оборудованы вражеские огневые точки. Только к исходу первого дня наступления этот участок вражеской обороны был захвачен.

Используя успех пехоты, утром следующего дня в прорыв были введены танки. Но фашисты, не считаясь с потерями, цепляясь за каждый рубеж, пытались удержать свои оборонительные позиции.

На четвертый день наступления полки 295 сд во взаимодействии с соседями ворвались на позиции внешнего оборонительного обвода Берлина и завязали бой за город Штраусберг с оборонявшей его 11-й добровольческой панцергренадерской дивизией Ваффен-СС «Нордланд», сформированной из иностранных добровольцев и призывников, которые были причастны к многочисленным зверствам среди мирного населения оккупированных фашистами государств, особенно на территории Советского Союза. Фашистские подонки знали, что пощады им не будет, поэтому пытались удержать город в своих руках любой ценой, предпринимая контратаки, но им это не удалось и к исходу 20 апреля 1945 г. Штраусберг был взят.

В течение следующего дня части дивизии продвинулись еще на 30 км к западу и в числе первых достигли восточной окраины Берлина, завязав бои на его улицах за каждый дом, этаж, подвал. Сразу же были созданы штурмовые группы, которые, захватывая квартал за кварталом, медленно продвигались к центральной части города. Уже 24 апреля 1945 г. глазам советских бойцов и командиров предстала одетая в бетон и гранит река Шпрее, делившая Берлин на две части.

В этот же день личный состав 5-й ударной армии облетела радостная весть – комендантом столицы Германии и начальником советского гарнизона Берлина приказом маршала Г.К. Жукова был назначен их командующий генерал-полковник Н.Э. Берзарин.

На следующий день кольцо вокруг Берлина замкнулось, но до окончательной победы было еще далеко.

Войска 5-й ударной армии, ведя ожесточенные бои на улицах города, успешно продвигались к центру Берлина, к площади Александерплац, к дворцу кайзера Вильгельма, берлинской ратуше, центральному банку и имперской канцелярии.

Последнее хмурое апрельское утро 1945 г. вставало над городом. Ночью прошел дождь и немного очистил воздух от пыли и копоти, но не смягчил тяжелый, особый, запомнившийся многим бойцам запах гари. Он стоял везде. В последние дни боев за Берлин фашисты перенесли главные очаги сопротивления в подвалы, на этажи зданий и в бункера, сооруженные на пересечении главных улиц, и стали действовать только тогда, когда были в полной уверенности в своей неуязвимости и превосходстве, с короткого, кинжального расстояния ведя огонь по нашим наступающим штурмовым группам. Но в это утро стрельба и взрывы слышны были лишь в отдельных очагах сопротивления, фашисты начали небольшими группами с поднятыми руками и вывернутыми карманами сдаваться в плен, наперебой твердя: «Гитлер капут». Воспользовавшись минутным затишьем, бойцы 295 сд водрузили Красное Знамя Победы над Бранденбургскими воротами. В это же время советскими бойцами было водружено самодельное алое полотнище на фасаде здания рейхстага.

В первом часу ночи 2 мая 1945 г. радиостанциями 1-го Белорусского фронта было получено сообщение на русском языке: «Просим прекратить огонь. Высылаем парламентариев на Потсдамский мост». Прибывший в назначенное место немецкий офицер от имени командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга сообщил о готовности берлинского гарнизона прекратить сопротивление. Ранним утром в сопровождении трех немецких генералов Вейдлинг перешел линию фронта и сдался в плен. Находясь в штабе 8-й гвардейской армии, он написал приказ о капитуляции, который при помощи громкоговорящих установок и радио был доведен до частей противника, обороняющихся в центре Берлина. Сопротивление фашистов постепенно в течение дня прекращалось. К концу дня советские войска полностью очистили от противника центральную часть города. Отдельные части врага, не пожелавшие сдаваться в плен, пытались прорваться на запад, но были уничтожены. Берлин пал к ногам советского солдата.

Началось великое ликование победителей. Раздавались салюты, везде стихийно возникали митинги, особенно у рейхстага и Брандербургских ворот. Многим бойцам и командирам 295 *сд* не удалось дожить до этого светлого дня, но радости оставшихся в живых не было предела. Вместе со всеми ликовал и Василий Иванович Левашов. Он выжил и выполнил данное на могилах своих товарищей обещание – добить фашистскую гадину прямо в ее логове – Берлине. И на стенах рейхстага он написал имена своих погибших в Краснодоне товарищей.

Еще шли ожесточенные бои на улицах Берлина, а командир 1038 *сп* полковник В.Н. Любко и его заместитель по политической части майор Н.А. Сергеев 29 апреля 1945 г. с достойным уважением завидным упорством подписали новое представление к награждению орденом Отечественной войны I степени комсорга своего полка В.И. Левашова, особо подчеркнув, что лейтенант уже дважды награжден орденом Отечественной войны II степени. (Но и это оказалось не пределом. Третий орден Отечественной войны II степени Василию Ивановичу в торжественной обстановке вручили уже в 1985 г. – авт.).

В наградном листе они, в частности, указали:

«В боях на подступах к городу Берлину тов. Левашов непосредственно в действующих подразделениях организовывал комсомольскую работу, нацеливал комсомольские организации и комсомольцев на быстрое выполнение боевых задач. За время наступательных боев в комсомольские организации было принято 16 человек. Тов. Левашов большую часть времени проводил в подразделениях, очень часто он находился непосредственно в боевых порядках, своим мужеством и смелостью воодушевляя комсомольскую молодежь на быстрое продвижение вперед, к Берлину.

Тов. Левашов достоин правительственной награды – ордена Отечественной войны первой степени».

Ни командование дивизии, ни командование корпуса больше изменений не вносили.

8 мая 1945 г. в предместье Берлина Карлсхорсте в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени (9 мая в 00-43 по московскому времени) был подписан Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и ее вооруженных сил. Германское правительство было распущено, а поверженные немецкие войска сложили оружие. Этот день стал одной из главных дат в истории человечества – Днем Победы.

32-му стрелковому корпусу за отличия при взятии Берлина было присвоено почетное наименование «Берлинский». Командиру 32 *ск*

генерал-лейтенанту Д.С. Жеребину присвоили звание Героя Советского Союза, а комсорт 1038 *сп* 295 *сд* лейтенант В.И. Левашов приказом по частям 32 ск от 18 мая 1945 г. № 047/н был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Судьба щадила Василия – за три года войны ни одного ранения, он остался жив, и это была самая высокая награда для него, его родителей и друзей. Вскоре грудь молодого лейтенанта украсили медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина» и «За освобождение Варшавы». Не было только ни одной награды за активные действия в комсомольском подполье Краснодона, но это не смущало и не огорчало Василия.

Война закончилась, а служба продолжалась. Еще в детстве Василий Левашов мечтал о море, об этом он рассказал замполиту полка майору Н.А. Сергееву. Николай Александрович по-отечески любил своего помощника по комсомолу и приложил немало усилий, чтобы его мечта сбылась.

В августе 1945 г. лейтенант В.И. Левашов был направлен на курсы при Ленинградском военно-политическом училище им. Ф. Энгельса, которое располагалось в центре великого города на Васильевском острове в здании первого губернатора Петербурга, ближайшего друга и соратника Петра I Александра Даниловича Меншикова (в 1732 г. в Меншиковском дворце был открыт Первый кадетский корпус, из стен которого вышли полководцы П.А. Румянцев-Задунайский, А.В. Суворов и многие другие великие личности России. Но об этом Василий Иванович узнал гораздо позже, когда дворец стал музеем).

По дороге в Ленинград Василий Иванович заболел, сказались огромные физические и моральные нагрузки военного времени. Его положили в стационар эвакогоспиталя № 992, который располагался на улице Гороховой, почти в центре города, недалеко от Эрмитажа. Лечили молодого лейтенанта-героя больше месяца и только 22 сентября 1945 г. выписали с улучшением здоровья, направив к месту учебы в Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса.

В 1946 г. в свет вышел роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», и для лейтенанта Левашова это произведение стало откровением, потому что автор на его страницах о Василии ни разу не упомянул. Но он не стал писать никаких опровержений, прекрасно понимая, что А.А. Фадеев был введен в заблуждение, так как в Краснодоне погиб его двоюродный брат Сергей.

Об этом он и рассказал удивленному руководству училища, которое приняло все меры к восстановлению справедливости по отношению к одному из создателей «Молодой гвардии» и стало настойчиво требовать от руководства комсомола Украины о награждении нашего героя. И результат не заставил себя ждать: приказом Украинского штаба партизанского движения от 8 мая 1947 г. Василий Иванович Левашов был наконец-то награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени (хотя всех остальных молодогвардейцев, в том числе и выживших, наградили медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, но и это обстоятельство ничуть не смутило лейтенанта Левашова).

В этом же году после окончания училища в новенькой блестящей форме морского офицера он был направлен для продолжения дальнейшей службы на Черноморский флот, где служил на крейсере «Ворошилов», а летом 1949 г. поступил в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, после окончания которой в 1953 г. Василия Ивановича направили на Краснознаменный Балтийский флот, заместителем командира по политической части эскадренного миноносца «Стойкий», а затем крейсера «Свердлов».

Он женился на красавице – Нинель, и вскоре в молодой семье героя родилась доченька Мария, которую назвали в честь бабушки – мамы Василия Ивановича.

Осенью 1954 г. В.И. Левашов за успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке, поддержании высокой боевой готовности корабля был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1959 г. капитан 3-го ранга Левашов сошел на берег в широком смысле этого слова и был назначен на должность заместителя начальника штурманского факультета по политчасти в Балтийское высшее военно-морское училище, которое располагалось в Калининграде. С этого момента началась его береговая служба. Не успел Василий Иванович насладиться ее преимуществами, как поступила команда готовиться к дальнейшему океанскому плаванию с курсантами продолжительностью полгода на океанографическом экспедиционном парусном судне «Седов». В таком далеком и длительном плавании за время службы на кораблях ему бывать не приходилось. Этот поход по Атлантике оставил в памяти Василия Ивановича неизгладимые воспоминания.

Вскоре началось значительное сокращение Вооруженных Сил. Летом 1960 г. было принято решение о сокращении Балтийского высшего военно-морского училища. В.И. Левашов получил новое назначение. В ноябре 1960 г. он прибыл к новому месту службы в г. Петродворец в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С. Попова на равнозначную должность заместителя начальника факультета по политчасти.

Все эти годы он целенаправленно продолжал отстаивать честное имя своего друга Виктора Третьякевича. Еще в 1956 г. вместе с Г.М. Арутюнянцем и А.В. Лопуховым они обратились с письмом к первому секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину, в котором убедительно утверждали, что комиссаром «Молодой гвардии» был только Виктор Третьякевич, а Олег Кошевой вступил в организацию несколько позже, чем другие члены штаба, и в его обязанности входило обеспечение безопасности организации от провокаторов и шпионов. Поэтому Василий Иванович с великой радостью встретил известие о реабилитации Виктора Третьякевича и награждении его посмертно орденом Отечественной войны I степени.

Капитан 2-го ранга В.И. Левашов был непоколебим в своей вере и правде. Не умолял он и заслуг Олега Кошевого, но после встречи с его матерью Еленой Николаевной в открытом письме для печати написал: «... Теперь о поступках Е.Н. Кошевой. В октябре 1962 года, когда я последний раз был в Краснодаре, за многие послевоенные годы побывал на квартире у Кошевой. Она пригласила для беседы. В разговоре спрашивала меня, почему я утверждаю, что комиссаром «Молодой гвардии» был Виктор Третьякевич, а не Олег Кошевой. Я ей стал рассказывать, как было. Она вступила со мной в спор. Короче говоря, из беседы с Е.Н. Кошевой я сделал одно совершенно определенное заключение. Если до посещения Елены Николаевны я считал, что в период работы в подполье Олег кое-что рассказывал ей о нашей деятельности, то в ходе беседы убедился, что она ровным счетом ничего не знает. О «Молодой гвардии» она знает не больше других родителей погибших подпольщиков. Да оно и неудивительно. Олег Кошевой тоже давал партизанскую клятву, в которой клялся хранить тайну «Молодой гвардии».

Елена Николаевна, конечно, знала, что Олег состоит в какой-то организации. Но кто ее участники, кто какие обязанности выполняет, что совер-

шал или не совершал – этого Елена Николаевна не знала так же, как и все наши родители.

Я не могу понять, почему она пытается присвоить себе право произвольно толковать деятельность «Молодой гвардии».

Ведь остались в живых 8 участников. Логичнее у них спросить, кто какие обязанности выполнял в штабе «Молодой гвардии». Е.Н. Кошевая как мать имеет право написать повесть о своем сыне. Но не следует браться за освещение событий «Молодой гвардии», коль ей они не известны...».

В 1966 г. капитан 2-го ранга В.И. Левашов был на очередной практике с курсантами 2-го курса на крейсере «Комсомолец». Ходили по Балтике, затем вошли в Балтийск, стали у причала к месту обычной стоянки крейсера «Свердлов», на котором он служил в 1957–1959 гг. Знакомые места. И вроде бы как вчера... Он впервые заметил, как быстро летит время...

В 1973 г. Василий Иванович перешел на преподавательскую работу. Его назначили на должность старшего преподавателя кафедры партийно-политической работы в своем же училище. Ему присвоили очередное звание капитана 1-го ранга.

За все послевоенные годы В.И. Левашов проделал огромный труд по пропаганде подвига молодогвардейцев среди молодежи. Вышли в свет его книги: «Юность боевая», «Дорогие мои товарищи», «Будни молодогвардейцев», «Брат мой - друг мой»; в журналах и газетах постоянно печатались его статьи и интервью о героях «Молодой гвардии». Десятки, сотни выступлений – по командировкам ЦК ВЛКСМ, по приглашению обкомов комсомола – в разных концах страны. Левашова слушали военные моряки Севастополя и Владивостока, участники Всесоюзного слета молодых рыбаков, ученые Новосибирского академгородка, молодежь Кишинева, Ростова, строители БАМа, многие другие трудовые и творческие коллективы. И везде он особо подчеркивал роль и заслуги Третьякевича как организатора и комиссара «Молодой гвардии», что даже и после реабилитации Виктора в начале 1960-х гг. не всем партийным и комсомольским работникам нравилось.

Еще в середине 1970-х гг. предельный срок его службы закончился, но Василий Иванович чувствовал себя хорошо, постоянно поддерживал свою спортивную форму, а в вопросах физической подготовки и выносливости не уступал молодым офицерам, поэтому командование ВВМУРЭ несколько раз ходатайствовало перед МО СССР о продлении сроков службы капитану 1-го ранга В.И. Левашову. И эти ходатайства старшие начальники удовлетворяли.

В 1986 г. Василий Иванович в последний раз вышел в море на учебном судне «Хасан» вокруг Европы и вместе с курсантами спасал турецких рыбаков, которые неудачно попытались их таранить своим рыболовецким судном. В нештатной ситуации он четко, слаженно, без тени волнения командовал молодыми ребятами, чем в очередной раз подтвердил свой профессионализм.

30 ноября 1987 г. капитан 1-го ранга В.И. Левашов в 63-летнем возрасте уволился в запас с правом ношения военной формы, но остался работать в родном училище на своей кафедре старшим преподавателем (гражданский персонал).

Годы шли. Давно выросла дочь, вышла замуж и уехала из родительского дома. В стране произошли радикальные изменения: не стало Советского Союза, запретили деятельность КПСС и соответственно кафедр партийно-политической работы, сократили все должности преподавательского состава на этих кафедрах. Василий Иванович, хотя и пользовался заслуженным авторитетом у руководства училища и не только как герой-молодогвардеец, но и как профессионал своего дела, не согласился с предложенными ему другими должностями гражданского персонала и в возрасте 67 лет ушел на заслуженный отдых.

Его жена Нинель Дмитриевна рано ушла из жизни, и Василий Иванович переехал жить во Фрунзенский район Санкт-Петербурга к дочери и ее семье. Но душа его оставалась в Петродворце и, посоветовавшись с родными, он вернулся обратно.

Здесь, недалеко от своего училища, переименованного в Военно-морской институт радиоэлектроники им. А.С. Попова, В.И. Левашов жил один в небольшой однокомнатной квартире. Иногда к нему заходили его друзья и бывшие ученики, которые служили рядом в институте, вместе они вспоминали былые лихие годы.

22 июня 2001 г. верный себе и своему долгу перед друзьями-молодогвардейцами В.И. Левашов написал и опубликовал последнюю свою статью, которую назвал «Обращение последнего молодогвардейца к молодежи».

Василий Иванович Левашов умер 10 июля 2001 г.

Коллеги и друзья только недавно отметили его 77-летие. Произнося здравицы в его честь, все, не стовариваясь, отмечали его исключительную скромность. Ведь его боевому пути многие из ветеранов могли бы позавидовать. Одно краснодонское подполье чего стоило. Но он никогда не хвалился своими подвигами. Даже говорил о них очень неохотно, часто повторяя, что таких организаций, как их «Молодая гвардия», в воюющем с фашистами Советском Союзе были сотни, если не тысячи. А им здорово повезло, потому что о них узнали сразу после освобождения Краснодона и еще в годы войны о их деятельности написали фронтовые журналисты и Александр Александрович Фадеев.

13 июля 2001 г. в последний путь героя провожали его коллеги, офицеры и курсанты из Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова, где Василий Иванович преподавал многие годы. И тишина военного кладбища Старого Петергофа в тот день была разбужена прощальным ружейным салютом.

За мужество и отвагу В.И. Левашов был награжден орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Отечественной войны

II степени, орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и 30 медалями, в том числе: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Партизану Отечественной войны» 2-й степени и «За боевые заслуги».

Именем его брата Сергея Михайловича Левашова названы улицы в Краснодаре, ПГТ Кутейниково Амвросиевского района ДНР. (На карте нашей необъятной страны в городах, поселках, селах и деревнях есть еще улицы, носящие имя Левашова, но прославленных людей, носящих данную фамилию, много – это и генералы, и академики, и другие заслуженные люди).

В Музее боевой славы Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова и Музее «Молодая гвардия» в Краснодаре боевой деятельности Василия Ивановича Левашова посвящены небольшие стенды. **И все!** Нет ни бюстов, ни мемориальных досок, ни улиц, носящих его имя. Даже в выпшедшей в 1980 г. книге мемуаров начальника штаба 295 *сд* полковника в отставке Ивана Константиновича Свиридова «295-я Херсонская трижды орденоносная» наряду с описанием многочисленных подвигов бойцов и командиров его соединения в годы Великой Отечественной войны, в том числе и сослуживцев В.И. Левашова по 1038 *сн*, ни строчки не написано о делах и подвигах красноармейца (младшего лейтенанта, лейтенанта) – члена штаба и одного из организаторов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Видимо, для наших государственных и партийных чиновников необходимы более строгие указания, и притом самого высокого ранга, а, может, надо было, как Ивану Туркеничу, сложить свою голову на полях той страшной войны или как его многие друзья-молодогвардейцы пасть от рук фашистских карателей. Видимо, только тогда наша многочисленная журналистская братия обратила бы свой взор на скромного, честного, неподкупного, настойчивого и настоящего героя Василия Ивановича Левашова.

Вечная ему память!

Герой Советского Союза

**Тюленин
Сергей Гаврилович**

(12.08.1925 — 31.01.1943)

**Член штаба,
командир боевой группы,
один из организаторов
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»**

Сергей Гаврилович Тюленин родился 12 августа 1925 г. в деревне Киселево Новосильского уезда (Корсаковского района) Курской губернии (Орловской области). Его отец, Гавриил Петрович, работал забойщиком на разных шахтах Донбасса, он рано овдовел и во время отпуска в 1924 г. приехал с девятилетним сыном Василием в родную деревню, но задержался, так как познакомился с одинокой женщиной, потерявшей мужа. Мама Сергея, Александра Васильевна, в первом браке родила восемь девочек (Дуня, Лена, Наташа, Марфа, Надежда, Феня, Мария и Даша). Кормильца не было, и семья жила очень бедно в полуразвалившейся избушке. Гавриил Петрович оказался настоящим мужиком, его не смутило столь большое, даже по тем временам, семейство. Они расписались в сельсовете, и старший Тюленин остался работать в Паньковском совхозе старшим колхозником.

Через год дружное семейство пополнилось еще одним громоздким членом – родился Сережа. Доходов от работы в совхозе явно не хватало, и Гавриил Петрович в марте 1926 г. перевез всю семью в рабочий поселок Сорокино (Краснодон с 1938 г.).

Руководство шахты, на которой работал отец, выделило семье Тюлениных небольшое помещение в деревянном бараке с широким коридором в рабочем районе, который в народе назывался «Деревянная колония», и участок земли для постройки своего дома на Овражной улице.

Сережа был самым младшим из всех, поэтому пользовался всеобщей любовью и заботой со стороны сестер и покровительством старшего брата. Живой, подвижный, любознательный, жизнерадостный, с настойчивым характером, его интересовало все. Больше всех от него страдал старший брат Василий. Сережа бегал за ним, слушал, старался сделать что-нибудь приятное, скакал и вертелся вокруг него, словно юла, и сыпал свои бесчисленные: «зачем?» и «почему?». Просто нести по дороге в школу сумку брата с книжками было для Сережи счастьем.

Каждый год Александра Васильевна с младшими детьми ездила на родину в деревню. Там Сережа ходил со старшими в лес за ягодами и грибами, помогал сельским конюхам ухаживать за лошадьми и купать их, а во время сенокоса подвозил воду на поле, где работали люди.

Вместе с сестрами и братом он «делал уроки», учил стихотворения, внимательно слушал чтение вслух, запоминал и старательно пересказывал во дворе своим сверстникам, поэтому пользовался среди них большим авторитетом. Еще до школы Сережа умел читать и считать.

Младший Тюленин очень любил животных и птиц, помогал матери присматривать за хозяйством. У него были собаки и голуби. С ними он проводил много времени. Овчарка по кличке Джульбарс слушала и

повиновалась только ему. А среди голубятников в своем поселке братья Тюленины были лучшими. Уход за голубями – процесс длительный, требует много времени, упорства, настойчивости. Для того чтобы приучить голубя к дому, нужно тренировать его, унося далеко от дома, в разных условиях, днем и ночью. И вот Сережа уносил голубей за много километров от поселка. А сколько ему еще других дел приходилось делать?!

В семье он был особенно дружен с Василием, Феней, Марией и Дашей, а когда Сережка им надоедал, они договаривались и убегали от него на речку Каменку, но он всегда их отыскивал и догонял.

Когда Сережа подрос, вся семья дружно проводила его в первый класс школы № 1 им. А.М. Горького.

Участок для постройки своего дома Тюлениным выделили в другом районе города, который назывался «Шанхай». Вначале они построили временку, а потом и мазанку. Завершив строительство своего дома, все дружное семейство в него переехало. И Сережа продолжил учебу в школе № 4 им. К.Е. Ворошилова, где и познакомился с будущими молодогвардейцами Виктором Третьякевичем и Любой Шевцовой.

Учился младший Тюленин в начальных классах хорошо. То, чему их учили, он уже знал, а поэтому на уроках отвлекался, усидеть на месте спокойно не мог, строил рожицы, толкал соседа и часто учительница удаляла его из класса. На переменках Сережа не мог стоять ни минуты. Он успевал и играть, и мешать другим. Сердить девочек было его страстью.

Однажды на уроке арифметики он долго почему-то рылся в парте. Учительница сделала замечание. Как бы в ответ на ее слова из парты вылетел воробей, а затем и еще несколько птичек. Урок был сорван. Совершал и другие шалости. Иногда по просьбе одноклассников Сергей приносил в школу своих любимых голубей и запускал их во время урока, что вызывало оглушительный восторг его многочисленных друзей.

Соседи часто видели младшего Тюленина на краснодонском рынке, где он с мальчишками играл в популярную среди пацанов «жесточку», которая заключалась в том, чтобы внутренней стороной ступни ударять по свинцовой пломбе, прикрепленной в центре к кусочку меха (для тяжести), и как можно дольше удерживать ее в воздухе. Или в «буцу» (буру, биту) на деньги. (На земле прочерчивалась прямая линия, в центре устанавливался столбик из монет разного достоинства (кон). Свинцовой битой необходимо было попасть на кон. Смысл игры заключался в том, чтобы битой перевернуть монеты с решки на орла. Счастливчик, угодивший в заветный столбик, сразу забирал всю выручку, а если не получалось, право разбить кон было у того, кто уложил буцу ближе к

деньгам. Монеты в карманах всегда были изогнутые, потемневшие от земли. В этом был особый шик, которым ребята дорожили).

В 1937 г. младший Тюленин попал даже на страницы краснодонской газеты «Социалистическая Родина», в которой была напечатана статья, где Сергей обещал стать хорошим пионером, больше не обижать девочек и не бить окна в кинотеатре, когда его туда не пускают.

Став постарше, он увлекся чтением книг, посещал различные кружки. Однажды заинтересовался вышивкой и сам научился вышивать по рисунку. Сережа был активным участником драматического и струнного школьных кружков, неплохо играл на балалайке и мандолине, иногда ему доверяли руководить струнным кружком. Он хорошо рисовал, особенно портреты. Не стеснялся выступать на сцене перед ребятами и взрослыми, исполняя отдельные сольные номера, пел частушки на злобу дня, танцевал. Часто школа устраивала вечера самодеятельности, в которых Тюленин играл ведущую роль. Спектакли школьной агитбригады, в составе которой были Виктор Третьякевич, Любовь Шевцова и некоторые другие будущие молодогвардейцы, пользовались популярностью на школьных праздниках, в шахтерском клубе им. А.М. Горького, на полевых станах. Кажется, трудно было найти занятие, которое не интересовало бы Сергея. Ему нравилось все: и футбол, и рисование, и художественная самодеятельность. Любимые предметы в школе – литература, физика.

Когда в класс пришла новая очень деятельная вожатая, Сережа Тюленин был избран председателем совета пионерского отряда. Вначале он очень старательно выполнял свои обязанности. Вместе с членами совета посещал квартиры ребят, пропустивших занятия, оказывал им помощь, но потом резко проявился его максимализм лидера, что не понравилось одноклассникам, хотя по результатам работы ему и объявили благодарность.

Сергей любил трудиться. Если его класс участвовал в школьных субботниках или отправлялся в колхоз на прополку, тут уж он был первым. Приглядывать за ним не надо было, делал все на совесть, а лентяев изводил насмешками, особенно круглую отличницу Лину Темникову, которая за партой сидела молча, ни с кем не общалась, а на школьных субботниках и в классе за нее наводила порядок, сажала деревья, убирала листву и мусор пожилая домработница. Это беспрдельно возмущало не только Тюленина и его маму, но и всех одноклассников. В нем, казалось, klokотали вулкан энергии, ищущей выхода, жажда деятельности, поиск нового, увлекательного.

Постепенно определился своеобразный характер Сережи. Необыкновенно живой, часто неуравновешенный, порой даже резкий, заводила в ребячьих шалостях, изобретатель всевозможных проделок, он вместе с тем

был правдив, смел, никогда не старался уйти от ответа за свои проказы и в любую минуту готов был прийти на помощь слабому, обиженному. Больше всего не выносил притеснения, насилия над собой. Он привлекал ребят неиссякаемой энергией, изобретательностью, ловкостью, а когда воодушевлялся, то темпераментом своим увлекал всех.

Любовь к книге росла у Сергея Тюленина год от года. Он много читал о героях Гражданской войны и, конечно, об авиации. Выбор литературы определялся мальчишеской жадой подвига. Любил Сергей и стихи. Особенно ему нравилась колючая поэзия Маяковского.

В седьмом классе он записался в технический кружок, в котором ребята мастерили авиамодели, и с одной из своих работ на выставке в г. Ворошиловграде занял первое место.

Вместе со школьным товарищем Николаем Камбуловым Тюленин бегал на аэродром ст. Верхнее-Дуванная и целыми днями наблюдал за полетами самолетов. Их уже знали и считали своими, вместе с курсантами они ели кашу, щи из полевой кухни и, казалось, что нет ничего вкуснее. Всеми силами юных душ они завидовали покорителям воздушного пространства, мечтали стать такими, как Чкалов. Тайно приспособив простынь под парашют, Сергей стал тренироваться в прыжках с крыши дома, в одной из неудачных попыток он потерял половину верхнего зуба. А его прыжок со второго этажа школы, на глазах всех учеников, привел в шок директора, учителей и отсрочил время приема в комсомол.

Мечтая стать пилотом, Сережа пересмотрел все кинокартины о летчиках, хорошо знал все типы самолетов, их технические данные и усиленно занимался легкой атлетикой, не слезил с турника, все учился крутить «солнышко». Конструируя новую модель, он видел в ней настоящий самолет, на котором будет летать.

После окончания семи классов в 1940 г. Тюленин со своим другом уехал сдавать экзамены в Ворошиловградскую военную авиационную школу. По состоянию здоровья он был признан вполне годным, но приемная комиссия быстро вычислила паренька, прибавившего себе годы, чтобы приняли. Сережу отправили обратно домой и пообещали рассмотреть вопрос, когда абитуриент повзрослеет. Обиднее всего было, что Кольке Камбулову поступить все-таки удалось, и, когда тот приезжал в отпуск, они возвращались обратно в летную школу вдвоем, за что обоим попадало от родителей, потому что обе матери приезжали за Тюлениным в Ворошиловград и забирали обратно.

Литература о героях Гражданской войны будоражила мальчишеские души, разжигала фантазии, романтику, звала на подвиг. Каждому хотелось совершить что-нибудь необычное и героическое. И если у кого-

либо отец или мать были участниками революции или Гражданской войны, да еще и имели награды, то эти ученики в глазах товарищей сразу же становились героями, поэтому многие приписывали своим отцам и матерям подвиги, которых те в действительности никогда не совершали. А самые отчаянные фантазеры шли еще дальше.

Летом 1940 г. в Красной Армии стали вводиться генеральские звания. На переменах мальчишки только об этом и говорили. Во время одной из таких бесед Сергей Тюленин неожиданно объявил, что командующий войсками Московского военного округа генерал армии Иван Владимирович Тюленев - не кто иной, как... его родной дядя. Все ахнули от изумления и зависти, их не смутила даже разница в фамилии и наперебой стали расспрашивать о знаменитом дяде. Сергей много читал о подвигах боевого начдива знаменитой Конной армии Буденного и так увлеченно рассказывал со всевозможными подробностями о жизни генерала, что все поверили. Теперь на переменах у дверей класса собиралось много желающих взглянуть на «племянника» знаменитого генерала. Старшие ребята засомневались, но Тюленин с твердой уверенностью сказал, что его фамилию перепутали в школьном журнале. Слух о «племяннике генерала» дошел и до учительской, пришлось учителю по истории серьезно поговорить с Сергеем. Больше разговоров на эту тему он не предпринимал. (Тем не менее, в 1990-е гг. нашлись «исследователи», которые со знанием дела стали утверждать, что фамилия Сергея вовсе не Тюленин, а Тюленев).

Продолжая свое образование в школе, Сережа поступил в кружок радиолюбителей, который был организован при Краснодонской радиостанции, сам сделал радиоприемник и установил его в квартире. Но авиацией он буквально бредил. Родители сшили ему форменный летный китель, на котором красовались настоящие «летчицкие» пуговицы.

В 1941 г. он снова попытался поступить в летную школу, подал заявление и документы в Сталинградскую военно-авиационную школу пилотов, но ответа не получил. Началась война, которая перевернула всю его жизнь.

Уже 23 июня 1941 г. Сережа был в военкомате, но его собак забрали, а Тюленина на фронт не взяли опять же по возрасту. Военком пообещал призвать в армию, если к 1943 г. не разобьют фашистов, и посоветовал поработать на шахте, пока воюют отцы и старшие братья. Сергей не хотел оставлять школу, однако идти работать было необходимо, так как болезни старого отца (65 лет) сказывалась на достатке семьи. И Сережа спустился в забой шахты № 1-бис, а после работы вместе с другими ребятами и девочками участвовал в строительстве оборонительных укреплений и продолжал учебу в вечерней школе.

Летом 1942 г. Сергей Тюленин был мобилизован на строительство оборонительных сооружений в трудармию и только за несколько дней перед оккупацией вернулся домой.

Бои гремели уже на территории Краснодонского района.

18 и 19 июля 1942 г. Сережа вместе с красноармейцами участвовал во взрывах зданий. Взорвали базу с горючим, хлебозавод и шахту N1 -бис. 20 июля 1942 г. немцы вступили в Краснодон. Тюленин в это время был на улице, он наблюдал за продвижением их передовых частей. Через несколько часов он вбежал в квартиру и возмущенно сказал родным: «Нет, с этим мириться нельзя!... Разве вы не видите, что делают эти варвары?...Заходят в квартиры, забирают все, что им понравится, заставляют наших женщин носить воду для их лошадей за 3 км. Они уже успели развесить свои гнусные приказы. Только, я думаю, что приказы никто не будет выполнять. Нужно срывать их, а этих гадов уничтожать». Уже на второй день оккупации Сергей на кусках старых газет написал первые рукописные листовки с призывом бороться с оккупантами, а ночью, прокравшись мимо немецких патрулей, расклеил их на заборах в центре Краснодона.

Недалеко от дома Тюлениных стояла брошенная, неисправная, тяжело груженная автомашина. Утром, проходя к колодцу, Александра Васильевна увидела двух соседок. Оглядываясь по сторонам, они торопливо поднимали с земли и складывали в передники какие-то бутылки, по принципу «в хозяйстве все пригодится», может, масло какое. В поллитровках поблескивала ядовито-желтая смесь. Когда дома Александра Васильевна внимательно рассмотрела наклейки, то со страхом отпрянула от этой находки, а Сергей, наоборот, очень обрадовался, так как бутылки были наполнены горючей зажигательной смесью. Два ящика «коктейлей Молотова» мама вместе с сыном спрятала под большими листьями выросших в огороде тыкв, присыпав их землей.

А на следующий день запылало здание треста «Краснодонуголь», где размещался штаб крупной фашистской воинской части, еще через день загорелась новая баня, в которой фашисты устроили вещевой склад и казарму. Все жители «Шанхая» вышли на улицу, а по дороге неслись соседские мальчишки и радостно кричали, что это зажег Сережка. Старшая сестра Тюленина быстро схватила пацанов и строго пригрозила им молчать. Вскоре пришел Сергей и сам рассказал, что сжег баню, чтобы «вшивые фашисты» не могли помыться. О том, кто это сделал, знали многие соседи, но никто не выдал отчаянного юношу.

Тюленин начал действовать. Сам, один, не оглядываясь на старших.

По городу немцы развесили плакаты с изображением девушки-украинки, которая доит 16 коров, нянчит немецких детей, убирает в комнатах и чувствует себя «счастливой» в этой жизни. Сергей, проходя мимо таких плакатов, постоянно срывал их.

В начале августа Тюленин принес в дом листовку, сброшенную с советского самолета. Это был призыв к молодежи срывать мобилизацию в Германию. Вместе с сестрой Надеждой они переписали текст от руки и разбросали листовки у колодца и в поле, куда многие жители Краснодона ходили собирать колосья пшеницы.

Вместе с друзьями Леонидом Дадышевым и Володи́ей Куликовым Сережа тайком ходил на оставленные отступающими красноармейцами позиции и собирал в окопах оружие убитых, гранаты, патронташи, прятал в укромном месте. Тюленин уже тогда решил создать свой молодежный партизанский отряд, а его надо вооружить. Мать запрещала, но чего стоят эти запреты для орлиного сердца, переполненного отвагой, дерзостью и жаждой подвига. В августе к их группе присоединилась девушка среднего роста, светловолосая с голубыми выразительными глазами, не по летам серьезная пятнадцатилетняя Валерия Борц. Она боготворила Сергея и стала одним из его лучших помощников. Потом присоединились Антонина Мащенко, Степан Сафонов, Семен Остапенко, Владимир Лукьянченко и Анатолий Попов. Так создавалась боевая группа Сергея Тюленина смелых и надежных ребят.

Первоначально их работа была агитационного характера. Они разрабатывали и вместе обсуждали тексты листовок, от руки или на пишущей машинке размножали, подписывали «Серп и молот» и скрытно распространяли их среди населения в клубах, церкви, на рынках. Собирали, размножали и расклеивали листовки об успехах Красной Армии, сброшенные с наших самолетов, проводили беседы среди молодежи и соседей.

Устроившись работать на элеватор, ребята, когда веяли зерно на току, заразили его черным жучком. Немцы, боясь привезти в Германию испорченное зерно, не стали грузить в вагоны «зараженную» пшеницу, а раздали ее жителям Краснодона и близлежащих деревень.

Леонид Дадышев

Владимир Куликов

Еще в первых числах сентября 1942 г. в Краснодаре, селах и шахтерских поселках района стали действовать не связанные одна с другой

Антонина Машченко

несколько подпольных молодежных комсомольских групп. Многие ребята знали друг друга, так как учились в одних школах, ходили в одни кружки и росли вместе. Но самой многочисленной была группа Тюленина.

Сергей со своей группой даже пытался освободить бывшего начальника шахты № 2 коммуниста А.А. Валько, арестованного гестапо. Он через сестру, работавшую в больнице, передал привезенному на перевязку Андрею Андреевичу, что поможет ему бежать, но тот отказался, так как очень ослаб после побоев и все его тело было в ранах.

Сергей был признанным вожаком, тем более что в его боевой группе только Анатолий Попов бы на год старше, а остальные все младше – 15-16 лет. Среди ребят он пользовался непрерываемым авторитетом и поддерживал строгую армейскую дисциплину, ротозейства и паники командир не прощал никому.

В конце сентября 1942 г. Лукьянченко доложил Сергею, что в городе появился Виктор Третьякевич, бывший секретарь комсомольской организации их школы, и расспрашивал его о подпольщиках города, но Володя ему ничего не сказал. Тюленин хорошо помнил, что именно Виктор на комсомольском бюро школы не рекомендовал принимать Тюленина в комсомол, но все же распорядился устроить наблюдение за домом Третьякевича. А когда убедился, что тот встречался с бывшими комсомольскими активистами, которые до этого себя ничем не замарали, поздно вечером 27 сентября 1942 г. решился на откровенный разговор и предложил ему вступить в свою подпольную группу, чем откровенно сильно удивил Третьякевича.

Через день Виктор предложил Тюленину встретиться в доме у Земнухова и обсудить его предложение. Тот согласился, но каково было удивление Сергея, когда, войдя в квартиру Ивана, ребята с радостными лицами кинулись к нему и стали наперебой расспрашивать о деятельности его подпольной группы. Оказалось, что они уже создали подпольную молодежную организацию и предложили ему и его группе в полном составе войти в нее, а Сергея единогласно включили в состав руководящего органа подпольщиков – штаба.

В ночь на 29 сентября 1942 г. А.А. Валько и еще 31 шахтера-коммуниста фашисты расстреляли, зарыв их тела в городском парке Краснодона. Поэтому на следующий день в доме у Третьякевича на правах

лидера Виктор предложил приступить к активным действиям против оккупантов, а Сергей Тюленин – назвать организацию «Молодая гвардия». Всем присутствующим название сразу же понравилось.

Вскоре к молодым подпольщикам присоединились бежавшие из плена и оказавшиеся в Краснодаре бойцы и командиры Красной Армии. Они также не намеривались отсиживать и прятаться, а жаждали возможности поквитаться с проклятыми фашистами за смерть своих боевых товарищей. В состав «Молодой гвардии» вливались одна за другой группы молодых патриотов. Позже в состав штаба были введены Ульяна Громова, Любовь Шевцова и Олег Кошевой. Подавляющее большинство молодогвардейцев были комсомольцами, вновь принятым выдавались временные комсомольские удостоверения, которые вместе с листовками печатались в подпольной типографии, шрифт для которой по заданию штаба собирали в развалинах районной типографии Сергей Тюленин, Степан Сафонов и Валерия Борц.

Группа Тюленина уже имела оружие, собранное на местах сражений. Собирали оружие и другие молодогвардейцы, а Борис Главан принес два пулемета. Под руководством красноармейцев началась боевая подготовка подпольщиков к действиям в партизанском отряде, но оружия явно не хватало.

Помогла Надежда Тюленина (член ВКП(б) с 1939 г.), старшая сестра Сергея. Она до оккупации работала в военном госпитале медсестрой и там познакомилась с бойцом-десантником Феодосием Бытченко, который перед самым уходом советских войск сообщил ей местонахождение склада с оружием и боеприпасами, оставленного для действий партизан и подпольщиков в Изваринском руднике и Чурилиной балке у деревни Гундровка. Зная, что Сергей собирает оружие, Надежда сообщила об этом складе брату.

Вся информация, и даже слухи о нахождении оружия, стекались к Тюленину, и вездесущий, и неутомимый Сергей сам все проверял. Так они нашли закопанный в саду автомат с двумя дисками патронов, потом украли с немецкого склада, куда фашисты складировали трофейное советское оружие, автомат, около десятка гранат и тысячи патронов. Еще два автомата, закопанных в саду, Земнухов нашел вместе с Клавдией Ковалевой. Не часто, но ребята попадали в поле зрения полиции, их арестовывали, сажали до утра в камеру, а утром выписывали штраф по 50 рублей или немецких марок и отпускали, ничего не проверяя, а ведь в корзинах и мешках юные патриоты переносили раздобытое оружие и боеприпасы. И они не скрывали своей радости, когда судьба в очередной раз их щадила.

Однажды вечером в Краснодар прибыла новая румынская часть. Солдаты разместились по домам, загнали свои машины во дворы, а сами отправились в парк, где для них показывали немецкую кинокартину. Острые

глаза ребят подметили, что у одного дома, между улицами Клубной и Садовой, стоят машины с оружием без охраны. Сергей вызвался проверить, так ли это, и быстро вернулся с сияющими глазами. Не долго раздумывая, Тюленин, Кошевой, Шепелев и Клава Ковалева вытащили из машин два больших ящика с гранатами, три винтовки и ползком переправили все в разбитое здание без окон и дверей, которое находилось недалеко, а потом как ни в чем не бывало пошли в городской парк. Румыны скоро уехали, а оружие и гранаты через день молодогвардейцы успешно перенесли на свой склад.

На одном из секретных заседаний штаба молодогвардейцев Тюленина принимали в комсомол. Вроде бы никто против Сергея выступать не соби-

Валерия Борц

рался, но он знал о своих прежних «грехах» и заметно волновался. Его лицо то хмурилось, то каменило, а когда ему предоставили слово, он сразу заговорил о своем небезупречном прошлом и о том, что, вступая в комсомол, будет бороться с ненавистными фашистами за счастье человечества, за красивую, полную радости жизнь до последней капли крови. Сергея Тюленина приняли единогласно. Вместе с ним в комсомол вступили и члены его группы Степан Сафонов и Валерия Борц.

24 октября 1942 г в Краснодоне немцы организовали парад полиции и продажного казачества. Ночью перед этим Сергей с сестрой написали призывные листовки. Утром на базарной площади собралось очень много народу. Ребята залезли на верх торговых ларьков (рундуков). Начался парад. Полиция проходила в немецкой форме, казаки — с красными лампасами. И в самый торжественный момент крыши рундуков рухнули, толпа смешалась, началась паника, а Сергей и его ребята в это время прилепили несколько листовок из школьной тетради со словами: «Смерть немецким оккупантам!» на спины полицейских и рассовали их в карманы предателям. Начался переполох среди перепуганных представителей «нового порядка», а когда они спохватились, группа Тюленина была уже далеко.

В это же время в городе началась поголовная вербовка молодежи. Людей хватали на улицах, приводили в полицию, под охраной сопровождали на станцию, сажали в вагоны и отправляли в Германию. Жить в таких условиях стало невозможно. В семье Тюлениных такой немецкой мобилизации подлежали три сестры и Сергей. Они стали уходить из дома и целыми днями бродили в степи, заходили в отдаленные села и часто скрывались за Северским Донцом в лесах. Это время было тягостным для Сергея, он сильно

переживал, потому что не знал, как помочь оставшейся молодежи. Возвратившись домой, они обнаруживали много повесток, которые уничтожали.

Сергей всецело отдавался подпольной работе. Находчивый, храбрый, умный и решительный, он выполнял самые рискованные поручения, участвовал почти во всех боевых операциях. Арсенал подпольщиков постоянно пополнялся оружием и боеприпасами, добытыми группой Тюленина. Если дела шли хорошо, то Сергей возвращался домой возбужденным, радостным и обязательно с песнями.

Когда Иван Туркенич узнал, что оккупационные власти конфисковали у населения скот и гонят большое стадо на станцию Должанка для отправки в Германию, решение пришло быстро: грабеж населения безнаказанно не оставлять. Захватить и разогнать коров и овец по степи поручили группе Тюленина. Вечером Сергей, Володя Осьмухин, Демьян Фомин и Семен Остапенко напали на охрану, сопровождавшую стадо (гурт), разогнали скот и, собрав брошенное полицией оружие, доложили командиру, что задание успешно выполнено.

В ночь на 7 ноября 1942 г., в канун 25-летия Октября, над городом взвились красные флаги. Это молодогвардейцы, выполняя боевое задание своего штаба, подняли алые полотнища над копрами шахт, над самыми высокими городскими зданиями.

В здание школы № 4 им. К.Е. Ворошилова ребята проникли через черный ход. Тюленин первым поднялся по скрипучей лестнице на чердак, держа наготове гранаты. По креплениям через небольшое окошко они вылезли на крышу. Моросил осенний дождь. Водрузив красное знамя, которое гордо зареяло на пронизывающем ветру, ребята уложили на чердаке противотанковую мину и прикрепили ее к древку. Рядом положили заранее заготовленную табличку: «Осторожно заминировано». Три дня гордо реял алый флаг над зданием школы (во время оккупации в нем размещалась администрация различных немецких частей и организаций), призывая на борьбу и вселяя веру в победу над врагом, пока не прибыли немецкие саперы, и только тогда выяснилось, что мина была учебной.

В начале декабря 1942 г. фашисты готовились отправить в Германию несколько тысяч молодых людей Краснодонского района. Об этом узнала Любовь Шевцова, которая и предложила сорвать планы оккупантов и сжечь биржу.

Выполнить эту задачу штаб поручил Тюленину, Шевцовой и Лукьянченко. Учеба Любы в школе НКВД, как и выработавшаяся у Сергея осторожность пригодились и на этот раз. Утром, после открытия биржи, ребята как посетители, выдерживая интервал в 30 минут, заняли очередь, вели себя тихо,

никого ни о чем не спрашивали, делали вид, что пришли что-то выяснить, оттого терпеливо ожидали своей очереди. Одновременно они осмотрели распо-

Володя Лукьянченко

ложение комнат, куда какие двери вели и, главное, — место хранения вербовочных карточек. Не задерживаясь долго, как опытные разведчики ребята не спеша вышли и, собравшись вместе в парке, обменялись мнениями и уточнили детали операции.

В эту же ночь на 5 декабря 1942 г. молодые патриоты осторожно подкрались к зданию биржи и тихо выдавили оконные стекла заранее приготовленными тряпками. Молодогвардейцы знали, что в одной из комнат может находиться полицай, поэтому бесшумно проникли в помещение. Облив бензином вербовочные карточки, а также заваленные бумагами столы и обитые тканью стены машинописного бюро, они затем раскидали по диванам и стульям, подложили под портьеры палочки артиллерийского пороха.

Подпалив одновременно три комнаты, ребята стремительно (насколько позволяли выбитые оконные стекла) выскочили на улицу. Деревянное здание быстро охватило пламя. Над домами шахтерского города оно поднялось в вихре искр, как знамя вечно боевой, свободной молодости, идущей на смертный бой за счастливую жизнь. Сгорели списки двух тысяч юношей и девушек, которых фашисты могли отправить на каторжные работы в Германию.

Отход группы смельчаков обеспечивали Туркенич, Земнухов вместе с Ниной Иванцовой. Сбежавшиеся со всех концов города жандармы и полицаи не смогли потушить пожар. Следов поджога обнаружить не удалось, поэтому своему начальству фашисты доложили, что биржа труда сгорела вследствие замыкания электрических проводов.

Это радостное известие для многих жителей Краснодона и сел района произошло в канун государственного праздника — Дня Конституции. Составлять новые списки гитлеровцам и их прихвостням было уже поздно.

Для того чтобы существовать легально, штаб предложил молодогвардейцам устроиться на работу, продолжая свою деятельность. Идти на восстановление шахт было не по характеру Сергея, и Тюленин поступил на работу в клуб им. А.М. Горького, при котором был организован струнный кружок. Этот и другие кружки состояли почти целиком из членов «Молодой гвардии» и являлись ширмой, которая спасала молодежь от угона на работы в Германию. Группа Тюленина составила ядро струнного кружка, а Виктор Третьякевич стал его руководителем.

Смертельная опасность поджидала молодогвардейцев на каждом шагу. Малейший промах, оплошность, случайность - и полный провал! А расплата одна – смерть. Ночью фашисты и их прихвостни вылавливали всех прохожих без пропусков, поэтому, сталкиваясь с полицейскими, молодые патриоты сразу же заходили в калитку или ворота ближайшего дома, а на вопросы полицаев спокойно отвечали, что просто вышли из дома «по нужде». Часто переодеваясь в их форму, подпольщики продолжали распространять листовки, которые ободряли местных жителей, вселяли в них надежду на освобождение.

Но этого уже было мало для молодых патриотов. Они имели достаточно оружия, чтобы под ногами фашистов горела земля Краснодона. Из своего числа молодогвардейцы отобрали наиболее выносливых, крепких, боевых ребят для действий в партизанском отряде, но выход не состоялся. Штаб объяснил это тем, что старшее руководство приказало остаться в Краснодоне. Тогда молодогвардейцы начали действовать самостоятельно. Они минировали дороги, устраивали засады на отдельные фашистские машины и небольшие колонны. В большинстве этих диверсий принимала участие боевая группа Сергея Тюленина.

В середине декабря 1942 г. ребята собрались в партизанский отряд вторично, но и в этот раз из-за несогласованности действий большевистского подполья и партизан Ростовской области выход отложили.

Для немцев наступали рождественские праздники. По этому поводу оккупанты установили в клубе пушистую, увешанную разноцветными шарами елку. Слева от нее укрепили свой флаг – огромное красное полотнище с белым кругом и черной свастикой посередине.

Вечером Сергей Тюленин с Валерией Борц пошли посмотреть кино в этом клубе. Когда фильм подходил к концу, Сергей пробрался на сцену и там спрятался. Вскоре зрители разошлись, сторож выключил свет. Не раздумывая долго, Тюленин подскочил к флагу, потянул его к себе, но хорошо закрепленное полотнище не поддавалось. Только Сергей собрался дернуть флаг еще раз, как неожиданно скрипнула дверь, в зал вошел сторож, который, не заметив Тюленина, взял два стула и тут же удалился. Сергей снова изо всех сил рванул фашистский флаг, в этот раз он упал ему на руки. Торопливо оторвав полотнище, спрятал его за пазуху и, испытывая распирающую радость от совершенного, незаметно вышел из клуба, возле дверей которого его ждала Валерия. Вначале они зашли на квартиру Кошевых, которая располагалась недалеко от клуба. Олег очень удивился и обрадовался, предложив спрятать немецкий флаг у себя дома, но его мама, Елена Николаевна, строго

запретила, понимая, что фашистский флаг будут обязательно искать и непременно расстреляют всех, кто это сделал, если его обнаружат у них. Поэтому Борц спрятала фашистский флаг под пальто, прошла с Сергеем до двухэтажных домов, и уже в «шанхае» они расстались. Фашистское знамя осталось у Тюленина.

Все это юный герой сделал на свой страх и риск, ни с кем не согласовывая. Утром, обнаружив пропажу, немцы всполошились. Начались облавы, обыски по всему городу, но они ни к чему не привели. Вечером фашисты объявили: к завтрашнему дню уворованный флаг должен быть возвращен. Если этого не произойдет, они расстреляют сторожа клуба и возьмут десять заложников. Если и после этого воры не одумаются, заложники тоже будут казнены.

Члены штаба «Молодой гвардии» срочно разыскали Тюленина. Сергей сразу сознался, но никак не мог понять, за что его прорабатывают. Лишь Туркенич смог объяснить незадачливому мстителю, почему фашистский флаг красный и что это не воинское немецкое знамя, за хищение которого могли бы и наградить, а обычный флаг, который привез из Германии барон Швейде. Разочарованный Тюленин, разорвав фашистское полотнище на части, следующей ночью подбросил его к зданию клуба.

События на советско-германском фронте развивались стремительно. Советские войска подходили к Донбассу. Молодогвардейцы решили поднять восстание в Краснодоне. Для этой цели ребята три ночи подряд перетаскивали в подвал старой бани свое оружие.

Тюленин со своей группой возглавил выполнение этой задачи. На третью ночь, возвращаясь в город, ребята зашли к Ульяне Громовой. Она помогла спрятать часть оружия, а остальное (пистолеты, гранаты и патроны) они уложили на дно корзин, сверху засыпав очистками от картофеля и кабачков (в городе есть было нечего, и многие жители спасались от голодной смерти обрезками овощей, принесенными из деревень), но в поселке Первомайка ребят задержала полиция. Узнав, что они из Краснодона, их под конвоем отправили в городское отделение. По дороге ребята договорились плакать и проситься, говорить, что у них больна мать и все голодные и что они ходили за «шкорками» к знакомым. В холодной камере полицейского управления их продержали всю ночь. Сергею и его группе и на этот раз повезло. Утром брезгливый немецкий офицер, посмотрев на их грязные, измазанные лица, выгнал ребят, не обращая внимания на корзины. Они быстро пришли домой и спрятали оружие.

29 декабря 1942 г., ворвавшись на очередное заседание штаба молодогвардейцев, которое проходило в доме Третьякевича, Сергей Тюленин с

пылом рассказал, что немецкие машины с новогодними подарками стоят без охраны около городской управы, и предложил их «ограбить». С ним быстро согласились Земнухов, Мошков, Третьякевич, Лопухов и Борц.

Не думая о последствиях, юные подпольщики поздно вечером во время комендантского часа быстро вытащили мешки из машин, спрятали в ближайшем доме у Лопухова в сарае и погребе, а часть мешков, не зная, что в них, принесли домой. Ночью родители Третьякевича и Земнухова еще долго сжигали в печке немецкую почту, Тюленины ели немецкий шоколад и печенье, Валерия Борц пришла домой в...енотовой шубе, а мать Лопухова целую ночь убирала дорогу, на которой юные подпольщики оставили обрывки бумаг и упаковки.

Лишь на следующий день 30 декабря 1942 г. все мешки отвезли, сделав две ходки на двух санках, в клуб, директором которого был Евгений Мошков, и спрятали на втором этаже в бывшей библиотеке.

Оружия и боеприпасов у молодогвардейцев теперь было достаточно, и они решили дать фашистам решительный бой. Начать восстание должны были вечером 31 декабря 1942 г., взорвав здание дирекциона, в котором фашистами планировалась встреча Нового года с концертом и банкетом. Ждали только команды Ростовского подпольного обкома, но вскоре пришло распоряжение: взрыв отменить, ничего не предпринимать и ждать указаний. Большевики посчитали, что преждевременное выступление молодогвардейцев могло сорвать намеченные планы. Все ребята были страшно расстроены, а группа Сергея Тюленина вышла за город и взорвала несколько немецких машин с имуществом и боеприпасами.

1 января 1943 г. Евгений Мошков и Виктор Третьякевич были арестованы полицией. В этот же день арестовали и Ивана Земнухова, который сам пришел в полицию, наивно пытаясь выручить своих товарищей.

В момент ареста Мошкова за кулисами в городском клубе находился Тюленин. Он видел, как избивали Евгения, и, выскочив в окно, со всех ног помчался к Третьякевичу, который спал дома после вечеринки, но тот никак не отреагировал на предупреждения Сергея. По дороге, встретив свою старшую сестру Надежду, Тюленин на ходу шепнул ей, что Мошков арестован и надо всех молодогвардейцев предупредить, а сам побежал к Туркеничу и Кошевому. Весь день Сережа метался по городу и успел сообщить страшную весть многим.

Вечером 1 января 1943 г. в доме Виценовских состоялось последнее заседание штаба «Молодой гвардии». Вел его Олег Кошевой. Единогласно было принято решение: всем членам организации разобрать оружие и немедленно оставить город, укрыться в соседних хуторах.

3 января 1943 г. в дом к Тюлениным прибежал Олег Кошевой и согласовал место сбора. Сергей быстро надел старенькое пальто и ушел вначале к старшей сестре Наталье, которая жила отдельно, а затем к знакомым, где встретился с Валерией, и под покровом ночи, избегая ареста, навстречу фронту из Краснодона ушла пятерка молодогвардейцев: Кошевой, Тюленин, Борц, Ольга и Нина Иванцовы. Сергей звал с собой и членов своей группы, особенно 15-летних Антонину Машенко и Семена Остапенко, но они по различным причинам отказались, ссылаясь на болезни матерей.

А на следующую ночь, 4 января 1943 г., полиция начала массовые аресты молодых подпольщиков и их родных. Дом Тюлениных был окружен

Радий Юркин

немцами и полицией, которые провели обыск и оставили в доме засаду. Арестовали Антонину Машенко и ее мать, а также мать Валерии Борц.

Двое суток фашисты и их прихвостни тщательно обыскивали дом Тюлениных, но сестре Надежде все же удалось под носом у дежуривших полицейских вынести автомат и передать его Радике Юркину и Степану Сафонову. Полицейские случайно нашли у нее коробку со смазкой для оружия и арестовали, продержав в холодной камере девять суток вместе с Антониной Машенко и Любой Шевцовой.

Вначале отважная пятерка молодогвардейцев пошла в хутор Широкий на встречу со связным митякинских партизан Николаем Чернявским, но его не застали дома. Тогда ребята двинулись навстречу фронту через Митякинский лес в Ростовскую область к станции Тарасовка.

С большим трудом юные герои преодолели по тонкому льду Северский Донец и под видом меняльщиков пошли по хуторам Ростовской области, так и не встретившись с партизанами. Подходя к Дяткинскому разъезду, от встречных жителей они узнали, что всех юношей и мужчин фашисты арестовывают и отправляют в концлагерь. Стали передвигаться по ночам, обходя все немецкие посты, но Тюленин и здесь отличился. В одной из деревень он украл у полицейского револьвер «наган» и вместе с Борц, у которой был нож, постоянно перерезал вражеские телефонные провода.

Измученные, голодные и замерзшие, они добрались до хутора Фокино, где жила одноклассница Ольги Иванцовой Анна Шиловская. Решили у нее остановиться. Аня чем могла накормила ребят и разместила их в избе у своей тетки, но оставаться было очень опасно. Все чаще полицейские делали облавы и арестовывали молодежь.

Днем молодогвардейцы прятались на морозе в поле. Иногда Аня приносила им поесть кукурузную похлебку и рассказывала новости. От нее ребята узнали, что в Краснодоне начались массовые аресты молодых патриотов и скоро фашисты собираются их повесить.

Фронт был близко. Советские войска уже окружили фашистов под Миллерово, передовые части РККА наступали в 10 – 15 км от станции Тарасовка и хутора Россошь, но перейти линию фронта большой группой было невозможно и оставаться в Фокино становилось опасно.

Посоветовавшись, ребята разбились на две группы. Кошевой и сестры Иванцовы решили вернуться обратно в Краснодар и не дать прилюдно повесить в городе своих товарищей, а Борц и Тюленин, выдавая себя за брата и сестру, остались, все же надеясь пробраться к своим в районе Тарасовки.

Следующей ночью по пути к линии фронта они наткнулись на немецкого солдата, который находился в охранении. Не растерявшись, Сергей выстрелил из «нагана» и убил фашиста, который с тихим стоном упал на землю. Воцарилась жуткая, зловещая тишина. Не теряя ни минуты, ребята быстро сняли с фашиста автомат и вернулись обратно, потому что могли наскочить на немецких патрулей. Очередные попытки перейти фронт оказались также безуспешными.

Тюленин был зол и хмур, его постоянно мучали сомнения, правильно ли он сделал, послушав старших, почему не помог своим товарищам, попавшим в беду. Значит, он трусил, бежал, перепугался и кто – он, Тюленин, гроза и гордость своего района? Они поссорились с Валерией, и каждый самостоятельно вернулся в Краснодар, причем Борц на обратной дороге дважды попадала в полицию, но плакала, рассказывала, что она беженка из Сталинграда, просила дать хоть кусочек хлеба, и немцы, и полиция ее отпускали. Дома она также чуть-чуть не угодила в засаду. Из товарищей в Краснодоне никого не осталось, мама и сестренка были на свободе. Мария Андреевна, побывав в застенках полиции, своими глазами видела, каким жестоким пыткам и истязаниям подвергались товарищи дочери – молодогвардейцы, поэтому, не теряя ни минуты, она снова быстро собрала дочь в дорогу к родственникам в Луганск (Ворошиловград) и, провожая ее, сказала: «В Краснодар тебе пути нет, здесь тебя ждет смерть. То, что они (фашисты –авт.) вздумают сделать с нами, они сделают, и ты не сможешь помочь ничем, а Родине ты можешь еще принести пользу. Помни одно, не попадайся живой в руки извергов, лучше умри в борьбе».

Аресты молодогвардейцев продолжались вплоть до 11 января 1943 г. Вместе с ними арестовывали и родных: матерей, отцов, сестер, братьев. Одновременно гестаповцы арестовали и членов большевистского

подполья, которое через своих связных пыталось организовать освобождение ребят силами подпольщиков из села Шевыревка совместно с партизанами митякинских лесов. Но что-то вновь пошло не так.

Вечером этого же дня измученные, обмороженные, голодные и обрванные, едва держась на ногах, разными дорогами Сергей, Олег Кошевой и сестры Иванцовы вернулись в Краснодон.

Подходя к городу, Тюленин от деревенских мальчишек узнал, что все семьи подпольщиков будут арестованы и зверски замучены фашистами. Тогда он окончательно решил освободить своих товарищей и родных вооруженным путем (оружия и боеприпасов было достаточно, и оставшиеся ребята были подготовлены для таких действий). В это время из застенков полиции освободили сестру Тюленина, Надежду. Два дня Сергей прятался у старшей сестры Натальи, отъедался, грелся, строил планы по освобождению из полицейских застенков своих друзей. Но время было упущено, а оставаться в Краснодоне было опасно не только для него, но и для всей семьи.

Александра Васильевна очень переживала за своих младших детей и, как ни страшно было ей отправлять их в дальний неизведанный, полный опасности путь, все же собрала и проводила Надежду, Дашу и Сергея.

В ночь на старый Новый год 13 января 1943 г. они покинули отчий дом и пошли на северо-восток, но уже по другому маршруту. Двое суток Тюленины пробирались по ночам, прятались в карьерах, балках, оврагах, а им навстречу шли отступающие, озлобленные немецкие войска. Здесь и пригодились знания местности, которые Сергей приобрел во время поисков оружия.

Ночью 15 января 1943 г., пройдя более 40 км, недалеко от села Давыдо-Никольское Тюленины перешли по льду Северский Донец и впервые встретились с советскими разведчиками из 23 тк 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. Красноармейцы выслушали их рассказ и отправили в поселок Глубокий, который был освобожден советскими войсками. Двигаясь на восток, обходя деревни Нижние и Верхние Грачики, они рано утром 16 января подошли к хутору Каранчев Глубокинского (Каменского) района Ростовской области. В 10-00 Тюленины услышали звуки близкого боя, это разведчики и пехотинцы 56 мотострелковой бригады (*мсбр*) громили остатки отходящего противника. Когда стихла стрельба, Сергей вместе с сестрами вошли в хутор. По сельской дороге двигались на запад наши войска. Несколько бронемашин остановилось, и Сергей подошел к ним. Он рассказал офицерам-разведчикам о расположении немецких войск на противоположном берегу реки и попросился на фронт вместе с ними. Взрослые военные поулыбались, но взяли отчаянного

парня с собой, посадив в бронетранспортер БА-64. Уже под вечер верхом на лошади он возвратился в хутор Караичев и рассказал сестрам, что будет служить в разведке и его часть находится в поселке Глубокий. Пробыв с сестрами несколько часов, он простился. Надежда и Даша не знали, что расстанутся с младшим братом навсегда.

Сестры Иванцовы также предприняли вторую попытку перейти линию фронта и в ночь на 17 января 1943 г. в районе села Тополи Тарасовского района Ростовской области встретились с советскими войсками. Олег Кошевой пошел на юг к родственникам, но на жандармском посту был арестован и после пыток расстрелян.

Разведчики 11-го отдельного разведывательного батальона (*орб*) 23 *тк*, с которыми Сергей встретился еще на хуторе Караичев, и офицеры СМЕРШа 23 *тк* присматривались к смелому и решительному юноше, расспрашивали его о положении в Краснодаре и ближайших селах и, наконец, по его настойчивой просьбе отправили воевать в 56 *мсбр*, которая наступала на направлении главного удара корпуса. Разведроты бригады в предыдущих боях понесла большие потери и шустрому, отчаянному пареньку, хорошо знающему местность, бойцы были рады.

Советские части 23 *тк* под командованием генерал-лейтенанта Ефима Григорьевича Пушкина, наступая на юго-запад в направлении Ростова-на-Дону, должны были окружить группировку фашистских войск, которая упорно оборонялась перед войсками Южного фронта. В планы командования не входило в кратчайшие сроки освободить Краснодар и арестованных молодогвардейцев, хотя до города и было не более 30 км. Это очень огорчало Сергея Тюленина, ведь о смертельной опасности, нависшей над его друзьями, он рассказал офицерам штаба корпуса еще в пос. Глубоком. И все же в глубине души Сережа надеялся на чудо.

Передовые подразделения 56 *мсбр* во взаимодействии с 39 *тбр*, 18 января 1943 г. с боем форсировав Северский Донец в районе села Малая Каменка, ворвались на окраину города Каменск (Каменск-Шахтинский) с запада. В ночь на 19 января батальоны совместно с танками 39 *тбр* перешли в атаку, овладели заводским районом и железнодорожной станцией, на которой было захвачено три вражеских эшелона с автомашинами, военным имуществом и продовольствием. Атака 3 *тбр* корпуса с севера через железнодорожный мост успеха не имела. В ночном бою батальоны 56 *мсбр* понесли большие потери и лишь отдельным группам красноармейцев удалось прорваться в центр города.

Разведчики, смело проникая сквозь боевые порядки фашистов, передавали командованию ценные данные о расположении пехоты и танков

противника, а также места огневых позиций артиллерии. В одной из таких разведгрупп действовал Сергей Тюленин. Советским воинам отчаянно, несмотря на смертельную опасность, помогали школьники Каменска. Они радостно встретили освободителей и рассказали красноармейцам о местах расположения вражеских позиций танков и орудий.

Противник упорно сопротивлялся, его разведка определила, что фланги бригады не прикрыты, так как полки 60 *гв.сд* отстали на переправе. Во второй половине дня после артиллерийской подготовки фашисты перешли в контратаку и вновь захватили центр города. Подразделения 56 *мсбр* вынуждены были перейти к обороне.

С утра 20 января 1943 г. совместно с полками 60 *гв.сд* мотострелки перешли в наступление, но на помощь осажденным фашистам прилетела авиация, которая своими точечными ударами совместно с артиллерией сорвала атаку наших частей. Успех сопутствовал только танкистам 39 *тбр*, которые, прорвав оборону врага, прошли через весь город до его южных окраин, сея панику среди фашистов, но без поддержки пехоты, потеряв подбитыми и сожженными 10 танков Т-34, вынуждены были вернуться в исходное положение. Атака 135 *тбр* через железнодорожный мост успеха опять не имела, а сожженный Т-34 закрыл проход через него даже пехоте. Эвакуировать танк под огнем противника не удалось. К этому времени враг подтянул резервы и нанес контрудар с южной окраины города из района химкомбината по правому флангу группировки советских войск и вынудил полки 60 *гв.сд* отойти, а танки фашистов вышли в тыл бригады и отрезали подразделения 56 *мсбр* и 39 *тбр* от главных сил корпуса.

21 января 1943 г. после массированного налета авиации и при поддержке артиллерии противник с двух направлений атаковал наши окруженные части и отрезал штаб бригады, разведчиков и два батальона от остальных сил в районе железнодорожного вокзала. Командир бригады подполковник Колодько погиб, остальные офицеры тоже погибли или были ранены. Лишившись управления, остатки 56 *мсбр* начали отход из Каменска на левый берег Северского Донца. Одновременно с этим командный пункт корпуса был атакован выходившими из окружения немецкими подразделениями. Судьба советских солдат и офицеров, окруженных в районе железнодорожного вокзала, до сих пор не известна. За трое суток боя бригада потеряла убитыми – 232 чел., ранеными – 816 чел., пропавшими без вести – 726 чел., ее вывели из боя и отправили в ближайший тыл для пополнения личным составом, вооружением и боевой техникой. А Каменск освободили войска 5-й танковой армии только 13 февраля 1943 г.

После того как немцы отбросили наши подразделения на левый берег Северского Донца и советские части перешли к обороне, в городе началась карательная акция фашистов. Они хватали на улицах подряд всех мальчиков подходящего возраста и, после допросов с применением пыток, расстреливали их в подвале здания школы № 1 (гимназия № 12). Уже после войны в Пионерском сквере Каменска был воздвигнут памятник-стела «Героям-пионерам».

За столь короткое время Тюленина не успели даже внести в списки бригады, поставить на довольствие, выдать оружие и, если бы он погиб или пропал без вести, о нем никто бы никогда не вспомнил, а родные не смогли бы отыскать место его гибели. Сергея даже не переодели в форму красноармейца, он воевал в одежде, в которой ушел из родительского дома.

Сейчас мы можем только догадываться, что произошло с окруженными батальонами 56 *мсбр*, оставшимися без командиров. Большинство советских воинов, конечно, погибло, до конца выполнив свой долг перед Родиной, кто-то раненым попал в плен, и лишь небольшой части бойцов и офицеров под покровом ночи удалось просочиться сквозь боевые порядки фашистов и выйти к своим, переправившись через Северский Донец. Так же мог поступить и Сергей Тюленин, ведь до позиций советских войск, куда он так стремился после провала «Молодой гвардии», было менее километра, но он пошел в другую сторону, в Краснодон, и шел по территории, занятой противником более 50 км, зная, что его ищут. Если бы он был красноармейцем, то его посчитали бы дезертиром и судили по законам военного времени, но он был абсолютно уверен, что его впервые в жизни бросили, не помогли, не выручили, не спасли. Сергей никак не мог понять, что все, что он делал до этого, было продолжением беспечного детства, игры, хоть и страшной, и смертельной. Тюленин, сам того не понимая, боролся с фашистами и их прихвостнями, наивно полагая, что с ним ничего не случится, так как за ним его большая семья: мама, папа, брат и сестры, которые, может быть, и поругают, но никогда в обиду не дадут. А здесь, на передовой, было все по-другому, по-взрослому. Оглушительные взрывы снарядов и бомб, от которых лопаются барабанные перепонки и течет кровь из ушей, скрежет металла гусениц чужих танков, которые ползут и давят еще не остывшие тела убитых красноармейцев, душераздирающие крики и стоны раненых, просящих пристрелить, остатки, фрагменты человеческих тел солдат и офицеров, которые только что с тобой разговаривали. Это крошечный ад со всех сторон, от которого нет спасенья, и никто не защитит...

Ему опять повезло, рана в правое предплечье была касательная, кость не задета, но боль, эта боль не давала покоя и страх, который пронизывает все тело и посещает каждого, кто впервые воочию увидел смерть своих боевых товарищей, смерть, которая и тебя подстерегала со всех сторон.

Ночью Сергей выбрался из города и, находясь в шоке от всего увиденного и перенесенного за эти часы, скорее по наитию, чем по здравому смыслу, пошел назад к родному дому под защиту родных и близких. Паники не было. Он так и не узнал, что в этом бою 20 января 1943 г. погиб его лучший друг, соратник по «Молодой гвардии» шестнадцатилетний Степан Сафонов, который, как и Тюленин, покинул Краснодон, перешел линию фронта в районе Каменска и воевал в одной из частей, освобождавших город. (С.С. Сафонов похоронен в Каменск-Шахтинском на площади Труда).

После войны жительница хутора Волченска Каменского района В.Д. Говорухина вспоминала, что «в январе 1943 г. к нам в хату зашел парнишка, раненный в правую руку, и назвался Сергеем Тюлениным. Мы жили очень бедно, и немцев у нас не было. Он рассказал, что ранили его в Каменске. В то время шли бои за этот город. Немцы бросили Сергея и других ребят в подвал и закрыли, а вечером начали расстреливать их. Сергея ранили в руку, он упал, на него начали падать другие. Когда все стихло, он пришел в себя, выбрался из-под трупов и ночью незаметно ушел из города. Мы обмыли его рану, покормили чем было, и он остался у нас ночевать. Я предлагала, чтобы он остался у нас, можно было перепрятаться, вокруг было много шахтенков, а кушать мы бы носили, но он отказался. Он прямо заявил: «Я их не боюсь!» После этого мы дали ему харчишек на дорогу, и он ушел в Краснодон».

Проходя ночью через одно из сел, Сергей случайно на повороте столкнулся с немцами, но не растерялся, а быстро заскочил в ближайшую хату, схватил ведро и спокойно вышел на улицу. Немцы приняли его за местного жителя и заставили носить воду на кухню. Рана страшно болела, рукава пропиталась кровью, заledenел, но Тюленин терпел.

Поздно вечером 25 января 1943 г., обессиленный, с кровоточащей раной Сергей добрался до города и постучался в дом к сестре Наталье. Открыв дверь, она увидела бледного, измученного младшего брата, его пальто было в крови. Сергей попросился передохнуть пару дней, а потом снова уйдет на фронт. Сестра покормила, обработала рану, переодела и уложила спать своего любимого братика, а на следующий день проводила в дом к родителям, так как он не хотел подвергать ее семью опасности. Родителям и сестрам Сергей рассказал, как они с Дашей и Надеждой перешли линию фронта, как он попал к разведчикам, как воевал и был ранен, что отказался идти в санбат,

а выполняя разведздание с двумя бойцами, попал в окружение, что один из разведчиков был убит, а второй тяжело ранен, что он вырвался из окружения, но, обессилев и потеряв много крови, был вынужден вернуться домой. О плене и расстреле Сергей не рассказывал больше никому.

Но залечить рану отважному молодого гвардейцу не удалось. Вечером 27 января 1943 г. к Тюлениным зашла соседка Лазуренко, сожитель которой служил в полиции и поручил ей следить за домом Сергея. Отец болел, а от маленького племянника, которому было чуть больше года, она узнала, что его дядя вернулся (мальчик радостно показывал незнакомой женщине на дверь в другую комнату, где Сергей лежал в постели). 66-летний Гавриил Петрович не придавал этому посещению никакого значения, думая, что она не заметила сына, но он ошибался.

В полночь, когда все спали, в дверь Тюлениных сильно и грубо постучали полицейские. Родители перепугались за сына. Света в доме не было, и Александра Васильевна сказала мужу, чтобы сразу не открывал, а сама, разбудив Сергея, сказала ему убежать через другую дверь, ведущую в сарай (хлев) из коридора. Было темно, полицейши все настойчивее стучали в дверь сапогами, пытаясь ее выбить. Матери показалось, что сын уже покинул дом и сказала отцу, чтобы тот открывал дверь. Вошедшие полицейши Изварин и Тарарин осветили фонарем лицо Гавриила Петровича, и, когда он инстинктивно отвернулся от яркого света, все увидели, что за его спиной стоит Сергей (видно, он попытался спрятаться за отцом, а когда полицейши прошли бы в комнату, он незаметно бы вышел). Александра Васильевна остолбенела, а сын рванулся к окну. Мгновение, и полицейши, вскинув оружие, передернули затворы. Испугавшись за Сергея, мать кинулась к нему и не пустила, загородив собой окно. До конца своей жизни она так и не смогла простить себе этой материнской слабости.

Полицейши приказали собираться. Александра Васильевна зарыдала и бросилась на колени перед полицейскими, целовала грязные сапоги, просила и молила их забрать все: корову и имущество, но отпустить сына, но они лишь посмеялись. Немного успокоившись, она встала, обняла и поцеловала Сергея, а он, простившись, быстро вышел из родительского дома, теперь уже навсегда.

Не прошло и часа, как полицейши вернулись и арестовали остальных Тюлениных: отца, мать, сестру Феню и ее маленького сына Валеру, а все имущество разграбили между собой (конфисковали). В полицейской управе, куда их привели, малыш, испугавшись, сильно плакал, чем раздражал полицейше, они щипали его, били по щекам, но под утро, не выдержав, отпустили Феню с сыном.

Допрашивали арестованных рано утром, поздно вечером или ночью, под шум патефона, но ужасные крики избиваемых людей на допросах проникали в камеры. Большая часть молодогвардейцев, арестованных в начале января, уже была казнена 15 и 16 января 1943 г.

На первом допросе родителей Сергея заместитель начальника городской полиции Захаров потребовал от них назвать фамилии подпольщиков и указать место, где спрятано оружие. Но старики плакали и ничего не сказали. Их втолкнули в разные, заполненные людьми камеры. Александра Васильевна, сильно ударившись, упала на пол, к ней подползла девушка, помогла приподняться и шепотом сказала, что она Шевцова. Ночью, забывшись сном, она проснулась от влажного холода, пронизывающего все тело, и сразу не поняла, где находится. Растерянно обвела глазами согнувшиеся на полу фигуры арестованных, услышала чей-то стон. Рядом с ней, тесно прижавшись друг к другу, под одним пальто лежали две девушки. Александра Васильевна узнала Любу Шевцову и Аню Сопову. И только тогда чувство реальности окончательно вернулось к ней. В сознании пронесли события прошедшего дня. И Александра Васильевна твердо решила, что перенесет любую боль, но никогда не скажет продажным гадам о сыне и его товарищах по борьбе. Тревожила только судьба Сергея и этих двух девочек.

На следующий день ее вновь вызвали на допрос. Полицай Захаров спросил, что она знает о действиях сына, но она ответила отказом. Тогда по его знаку полицаи-палачи Севастьянов и Плохих сорвали с нее одежду. Александру Васильевну обомлела от стыда, слезы застилали ей глаза. Ее схватили за руки и ноги, потащили и бросили на длинную лавку. Придавив ноги и набросив на голову платье, полицаи стали бить пожилую женщину (62 года) толстой плетью по голове, спине и ногам. Каждый удар рассекал кожу в кровь. Били до тех пор, пока она не потеряла сознание. Александрю Васильевну голой заволокли в камеру и бросили на пол вместе с одеждой. Девочки одели ее, перевязали исполованную спину оторванной полоской от своего небольшого покрывала и, когда она пришла в себя, дали глоток воды из бидончика. Позже они рассказали, что после нее допрашивали Сергея.

Перегородка между женской камерой и пыточной была деревянная, и девушки слышали, что на вопросы полицаев он не отвечал, а когда его начали бить, он только зубами скрипел. Это не понравилось палачам, они включили патефон погромче и втроем стали страшно бить Сергея, крики которого не приглушали даже звуки громкой музыки.

На следующее утро в небольшое окошко в дверях камеры мать увидела своего сыночка. Бледного, с синяками под глазами и окровавленным рукавом рубашки его вели на очередной допрос. И когда заиграл патефон, она поняла, что начали бить Сергея. Сердце матери сжалось.

Его били чаще остальных. Два раза в день Тюленин подвергался страшным пыткам, но не проронил ни слова о пощаде и не выдал никого из молодогвардейцев. После пыток его выбрасывали в коридор и отливали холодной водой. Враги так и не добились от Сергея, где находится оружие, кто является членом «Молодой гвардии» и с кем он связан, кто и какие им давал задания. На все вопросы ответом было молчание.

30 января 1943 г. Тюленину и Лукьянченко полицейс сделали очную ставку, но юные молодогвардейцы, даже после пыток, сказали, что они совершенно не знают друг друга.

В этот же день очная ставка была устроена матери с сыном. Палачи возлагали большие надежды на то, что кто-нибудь из них должен был обязательно сломаться и дать показания. Когда Александру Васильевну привели на допрос, в комнате, кроме полицаев, пошатываясь, стоял Сергей. Узнать его было трудно. Окровавленные тряпки еле прикрывали его худенькое тело, переносица была перебита, раненая рука висела как плеть, казалось, силы вот-вот покинут его. Но, увидев мать, он будто ожил. Его глаза, встретившись с глазами матери, стали что-то молча говорить, просить, требовать. Она поняла, чего хотел от нее Сережа, и ответила ему взглядом. Начальник полиции и его заместитель приказали полицаям раздеть мать догола при сыне, бросили на пол и начали избивать плетью, пока та не потеряла сознание. Ее долго отливали водой, а когда она очнулась, стали в ее присутствии избивать сына.

Палачи Плохих и Севастьянов стояли по бокам и методически, поочередно с тупыми мордами стегали Сергея плетью из электрических проводов, рассекая кожу. Затем на веревках подвесили вниз головой, и полицей Захаров раскаленным в печке шомполом начал тыкать в раненую руку. Сергей глухо застонал, а мать, чтобы не закричать, вся сжалась и стиснула зубы, закусив губу до крови. А когда и это не помогло, палачи вдвоем оттащили Сергея к двери и стали засовывать его пальцы между дверью и рамой, закрывая ее. Сергей страшно закричал, подломился в коленях и обмяк, мать не выдержала этой пытки и опять потеряла сознание.

Осознав, что ничего не добились, полицейс оттащили в камеры безжизненные тела матери и сына и бросили на пол вместе с окровавленной одеждой.

Но это были еще не последние пытки Тюленина, на следующий день они продолжились. Мужеству Сергея удивлялись даже палачи.

Из материалов расследования гибели молодогвардейцев:

«В конце января 1943 г. Соликовский и Захаров привели на очередной допрос Сергея. По свидетельству бывшего следователя полиции Черенкова: «он был изуродован до неузнаваемости, лицо покрыто синяками и распухло, из открытых ран сочилась кровь. Тут же вошли три немца и вслед за ними явился переводчик Бургардт, вызванный Соликовским. Один немец (начальник гестапо – авт.) спросил Соликовского, что это за человек, которого так избили. Соликовский объяснил, что это партизан, Сережка Тюленин, который вешал красные флаги в городе и держал связь с Красной Армией. Немец, как разъяренный тигр, ударом кулака в кожаной перчатке сбил Сергея с ног и коваными немецкими сапогами стал терзать его тело. Он со страшной силой наносил ему удары в живот, спину, лицо, топтал и рвал на куски его одежду вместе с телом. Вначале этой страшной экзекуции Тюленин подавал признаки жизни, но вскоре он умолк и его замертво выволокли из кабинета. При этом ужасном побоище беззащитного юноши присутствовал Усачев».

Необычайная стойкость, бесстрашие и выдержка Тюленина бесили гитлеровцев и вызывали у них чувство бессилия и растерянности. Бывший начальник краснодонского жандармского поста Отто Шен на следствии признал, что «Тюленин держал себя на допросе с достоинством, и мы удивлялись, как могла у еще молодого человека выработаться такая крепкая воля. По-видимому, презрение к смерти породило в нем твердость характера. Во время пыток он не проронил ни слова о пощаде и не выдал никого из молодогвардейцев», даже когда четыре толстые «цыганские» иглы по самое ушко вонзили под ногти в его пальцы.

Вечером 31 января 1943 г. Сергея в последний раз подвергли страшным пыткам и мученьям, избивая шомполами и плетью, ему вывернули руки, перебили челюсть и нос.

Через некоторое время полицаи стали выводить из застенков молодогвардейцев и строить в коридоре. Из женской камеры вывели Анну Сопову. Вначале она растерялась, но потом поцеловала Любу Шевцову, Александру Васильевну и попрощалась с ними, попросив, если останутся живы, передать матери, чтобы не плакала, так как ее дочь никого не выдала, прожила свою жизнь честно и перед Родиной чиста.

Полицаи широко распахнул двери камеры, пропуская Аню, и Александра Васильевна увидела в коридоре нескольких парней со скрученными за спиной руками. И среди них - Сережу. Выглядывая из-за чьих-то плеч, он отыскивал среди арестованных мать. На секунду они встретились глазами. Полицаи сделал перекличку: Лукьянченко, Ковалев, Тюленин, Виценовский, Григорьев, Загоруйко, Сопова...

Когда полицаи стали выводить ребят во двор, подталкивая прикладами, Сергей успел крикнуть: «Прощайте, мама!» Александра Васильевна, жадно хватая ртом ледяной воздух, медленно опустилась на цементный пол и оцепенела. Потом Люба Шевцова рассказала, что сквозь решетку видела, как девять пьяных полицаев с немецкими винтовками посадили ребят на две подводы по четыре человека, а ее Сережа до последней минуты смотрел на окна камер, очевидно, надеясь еще хотя бы раз увидеть родное материнское лицо...

По пути Ковалев предложил бежать, ведь терять нечего, все равно расстреляют. Идею побега поддержал Михаил Григорьев. Анатолий, благодаря физической силе, сумел вначале ослабить провод, а потом порвать его, освободив руки, которые стал держать за спиной, будто связанные, чтобы не заметили полицаи, а затем помог освободиться Григорьеву.

Когда молодогвардейцев подвели к месту казни, пьяный начальник полиции Соликовский приказал всем слезать с подвод и, глядя на Ковалева, сказал: «Ты будешь у меня 80-м». К провалу подвели подпольщиков с первой подводы: Тюленина, Сопову, Лукьянченко...и спиной поставили на самый край шурфа шахты № 5. Тихо зазвучала песня, это пела Аня Сопова. Полицаи стали бить комсомольцев прикладами винтовок, стрелять и сталкивать их в пропасть.

В это мгновение страшная злоба прибавила силы ребятам, Анатолий оттолкнул полицая Захарова, стоявшего на пути, и рванулся бежать, за ним устремился Михаил. Опомнившись, палачи стали стрелять наугад в темноту. Они ранили в левую руку Ковалева, но ему все же удался побег. Несколько дней он скрывался в семье красnodонского шахтера Куприянова, затем, опасаясь преследования фашистов и полиции, ушел к дальним родственникам в село Вербовку Запорожской области (дальнейшая судьба его неизвестна). Мише Григорьеву попытка побега не удалась, пуля попала ему прямо в голову.

Оставшихся арестованных поставили на краю шурфа и всех живыми столкнули в ствол шахты. Так, 31 января 1943 г. погиб Сергей Тюленин и его товарищи по борьбе.

Старенький сторож был единственным свидетелем этой жуткой расправы. Впоследствии он рассказал, что вслед за людьми каратели скинули в шурф шахтерские тележки и бросили несколько гранат, но еще несколько дней со ствола шахты были слышны стоны казненных ребят.

На следующий день советские самолеты бомбили город. Полицаи и фашисты бегали, как затравленные звери, чувствовали гады, что скоро настанет час расплаты.

14 февраля 1943 г. Краснодон был освобожден советскими войсками Юго-Западного фронта. Обезображенные тела казненных стали поднимать на поверхность. Сначала достали тела тех, которые зацепились за самые верхние балки и пострадали меньше всего, потому что взрывы гранат их не задели. Первым достали тело Антонины Елисеенко, которая была расстреляна 16 января. Вместе с ней в тот же день были подняты тела Василия Гукова, Михаила Григорьева, Юрия Виценовского, Владимира Загоруйко, Владимира Лукьянченко, Анны Соповой и Сергея Тюленина. С душераздирающим криком каждая мать узнавала своего сына или дочь, вещи своих детей, мелкие части туалета, разбросанные рядом. Стоны, крики, обмороки.

В этот же день был освобожден и Луганск (Ворошиловград), но фашисты с 20 февраля подвергали город ожесточенным 10-дневным бомбардировкам, в результате которых только за один день погибло 345 человек, но Валерии Борц вновь повезло, она выжила и вернулась домой.

1 марта 1943 г. юные герои были захоронены с воинскими почестями в братской могиле. На похороны пришли сотни людей. Среди них были и выжившие молодогвардейцы – Георгий Арутюнянц, Нина и Ольга Ивановцы, Валерия Борц, Радий Юркин.

На могиле героев был поставлен временный деревянный обелиск.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. члену штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Сергею Гавриловичу Тюленину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он также был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени.

Его именем названы улицы и переулки в больших и малых городах, поселках, селах России и в странах бывшего Советского Союза. Ему установлены памятники и бюсты.

В советское время многие пионерские дружины носили его имя. В честь Сергея Тюленина были названы рабочие коллективы, теплоходы. Его имя носит Государственное бюджетное учреждение Волгоградской области «Центр отдыха и оздоровления детей им. Сергея Тюленина».

О его жизни и подвиге рассказывают документы и материалы Музея «Молодая гвардия» и других многочисленных музеев и комнат Славы.

Только через несколько дней после похорон героев Краснодона сестра Тюленина, Наталья, передала Борц записку Сергея из застенков, которую Валерия Давыдовна хранила до самой смерти. В ней он писал: «Валя, прошу тебя лишь об одном, когда меня расстреляют, то приди на мою могилу. Не забывай, что я любил тебя, люблю и эту любовь я

унесу с собой в могилу. Если ты не забудешь меня, то вспомни незлым, тихим словом».

Вскоре Валерия Давыдовна Борц экстерном сдала экзамены за среднюю школу и в августе 1943 г. поступила в Москве в Военный институт иностранных языков. В сентябре 1943 г. ее наградили орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени.

В свои 16 лет она уже была знаменита, много выступала по радио, на многочисленных собраниях и митингах, пропагандируя мужество и подвиг своих друзей-молодогвардейцев. О ней писали статьи.

После окончания института Валерия Давыдовна работала переводчиком-референтом испанского и английского языков в Бюро иностранной литературы при Военно-техническом издательстве. В 1953 г. она вступила в ряды КПСС. В 1957 г. Валерия Борц и ее муж впервые стали участниками официальных соревнований по авторалли, и в 1960 г. она получила звание мастера спорта СССР по автомобильному спорту.

В 1963 г. Борц была командирована на Кубу – редактором технической литературы на испанском языке, а в 1971 г. – в Польшу, где продолжила службу в рядах Советской Армии.

В конце жизни подполковник запаса Валерия Давыдовна Борц жила в Москве. Скончалась 14 января 1996 г. в возрасте 68 лет. Ее прах по завещанию был развеян над Краснодоном.

В отличие от других молодогвардейцев Борц до конца своих дней утверждала, что организацию предал Виктор Третьякевич. При этом в молодые годы она неоднократно меняла свое мнение.

Валерия Борц

Герой Советского Союза

Громова
Ульяна Матвеевна
(03.01.1924 — 16.01.1943)

**Член штаба,
командир боевой группы пос. Первомайка
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»**

Ульяна Матвеевна Громова родилась 3 января 1924 г. в поселке Первомайка Краснодарского района Луганской области на Украине, в многодетной семье рабочего. Русская. В семье было пятеро детей, Уля – самая младшая. Отец, Матвей Максимович, часто рассказывал детям о славе русского оружия, о знаменитых военачальниках, о бывших боях и походах, воспитывая в детях гордость за свой народ, за свою Родину. Старший Громов пришел в Юзовку (Донецк) из Полтавской губернии на заработки, стал шахтером, забойщиком, а когда его призвали в армию, служил в гренадерском полку, участвовал в Русско-Японской войне, был несколько раз ранен, за спасение полкового знамени его наградили орденом св. Анны IV степени. Ранения подорвали его здоровье. После войны Матвей Максимович не смог вернуться на работу в шахту и стал кучером. Мать, Матрена Савельевна, казачка, родом с хутора Гавриловки. Она знала много песен, былины, была настоящей народной сказительницей.

Родители вспоминали, что в раннем детстве маленькая Уля боялась лягушек, любила жевать мел и была очень привязана к своему старшему брату Елисею. С пятилетнего возраста ее тянуло к книжкам, и вскоре она по слогам начала читать букварь. Ульяна не любила беспорядка и грязи, очень сердилась, когда кто-то разбрасывал свои вещи. Ее игрушки, карточки и книжки были всегда сложены в порядке и чистоте.

В 1932 г. Ульяна пошла в первый класс Первомайской школы № 6. Училась отлично, переходила из класса в класс с похвальными грамотами. Эта девочка своей необыкновенной аккуратностью, дисциплинированностью, выдержанностью, внутренним тактом и серьезным отношением к делу восхищала учителей. В ней никогда не было детской суетливости и растерянности, она всегда была сдержанной, вдумчивой, хорошо владеющей собой.

Отличительной чертой Ульяны было то, что она все делала хорошо и вовремя, она инстинктивно понимала, что и как нужно делать, а на уроках была воплощением внимательности и сосредоточенности. Ее книги и тетради были в образцовом порядке, а все записи написаны красиво и четко. Внешний вид этой тоненькой красиво одетой девочки, обращение с товарищами, поведение – все говорило о том, что Уля любила свою школу, учителей, учебу и общественную работу. Ульяна часами сидела за книгами, и не было такого предмета, к которому бы она не относилась с должным уважением. Она увлеченно читала книги, которые частенько брала у знакомых «только на одну ночь».

Шли годы. Ульяна хорошо училась и росла. В школе и дома младшая Громова была очень скромной девочкой и настолько тактичной в своих

поступках, что не только не вызывала чувства зависти и неприязни, но и пользовалась искренним уважением и любовью среди одноклассников.

Со старшим братом Елисеем они были дружны с самого детства, он играл с ней, маленькой, потом вместе ходили в школу, дома за одним столом делали уроки. Рослый, красивый, с вьющимся чубом любимый брат по особому комсомольскому набору стал курсантом 2-й военной школы авиационных техников имени Ленинского Краснознаменного комсомола (2-я ВШАТ) в г. Вольске Саратовской области, когда Ульяна только перешла в шестой класс.

Через два года в 1939 г., успешно закончив учебу уже в Вольском военном авиационно-техническом училище (ВВАТУ) [приказ НКО СССР № 67 от 13 мая 1938 г.], Елисей получил назначение в Ленинград. Молодой летный воентехник Е.М. Громов обещал младшей сестричке забрать ее с собой, чтобы она погостила у него и, если захочет, пойдет учиться в вуз.

В марте 1940 г. она вступила в ряды ВЛКСМ. Вскоре ей дали первое комсомольское поручение: работать пионервожатой в 3-м классе. С обычной для нее старательностью Ульяна принялась за воспитание детей во внешкольное время. К этому поручению она относилась как к почетной обязанности и очень огорчалась, если у нее что-нибудь не получалось. Ульяна Громова была передовиком, капитаном всю свою недолгую жизнь: старостой в классе, пионервожатой и членом учкома в своей школе.

21 июня 1941 г. в Краснодон приехал в отпуск старший брат. Стройный и подтянутый, в военной форме летного состава РККА Елисей был гордостью семьи. Вечером у Громовых собрались все, и родные, и друзья, а наутро он с любимой младшей сестрой решил пойти в город: зайти в школу № 1 им. А.М. Горького, где учился в старших классах, побродить по парку, встретиться со знакомыми.

Уля надела свою любимую светлую кофточку в полоску (подарок брата), серую шевитовую юбку и темные туфли на венском каблучке, накинула черный пиджак. На всякий случай прихватила книгу: это уже входило в привычку – а вдруг выпадет свободная минутка. Настроение было радостное, приподнятое. Разговаривали, смеялись, вспоминали, строили планы. Когда поравнялись с «Фотографией», решили зайти, сняться на память. Этот снимок оказался последним для них обоих. Через несколько часов они услышали сообщение, что началась Великая Отечественная война, и Елисей в тот же день уехал в часть.

Ульяна перешла в десятый, выпускной класс. Фронт приближался. Но до последней возможности Родина учила своих детей, давала им знания, чтобы они могли жить и бороться.

К этому времени у нее уже сложились твердые понятия о долге, чести, нравственности. Ее отличало замечательное чувство дружбы, коллективизма. Вместе со своими сверстниками Уля работала на полях колхоза «Конеvod» в селе Нижнедеревечка. От зари до зари ребята вместе с военнослужащими одной из летных частей косили хлеб вручную, а девушки вязали снопы и складывали их в копны. Работа спорилась, и над золотыми россыпями созревшего хлеба часто звучали песни и устраивалось громкое чтение газет, в которых сообщалось о положении на фронтах, о зверствах немецких захватчиков.

Однажды они прочитали статью, в которой рассказывалось о том, как фашисты в одном из сел Украины насиловали девушек, бросали в колодцы маленьких детей, сжигали людей живыми в домах. Все молчали, каждый по-своему переживал это всенародное горе. Только Геннадий Почепцов заметил, что «люди напрасно гибнут... нужно лишь заключить мир с немцами».

Своими словами он вызвал гнев всех слушавших это сообщение. Молоденький лейтенант, скрипнув зубами, рванулся к Почепцову, но его удержали старшие товарищи. Уля никогда не была многословной, ее от сверстниц отличала особая сдержанность, присущая глубоким и сильным натурам, но тут она вдруг быстро поднялась, у нее сразу побелел кончик носа и руки быстро-быстро начали перебирать свисающие на грудь косы. Она очень волновалась, голос ее дрожал: «Несчастный, память у тебя отшибло или разум помутился? Руки вешать! И когда? Неужели ты забыл слова Павла Корчагина?» – и она процитировала их.

Уже тогда вдали от районов боевых действий, от ужасов фашистской оккупации была видна трусливая, продажная душа этого подонка. Неужели Ульяна и ее товарищи через год забыли об этом?

В школе Громова старалась основательно изучить общеобразовательные предметы, а по вечерам ухаживала за ранеными в госпитале.

В 1942 г. Ульяна окончила школу. На выпускных экзаменах она получила блестящие оценки. 3 июня 1942 г. ей вручили аттестат, который свидетельствовал, что «при отличном поведении» Громова прошла курс обучения по двадцати предметам, получив при этом семнадцать «отлично» и три «хорошо». Даже городская газета «Социалистическая Родина» напечатала фотографию Ули как лучшей ученицы и активной комсомолки. Ей стала открыта дорога во все вузы СССР, но немецкая оккупация разрушила планы этой выдающейся девушки.

Некоторые члены многочисленной семьи Громовых эвакуировались. Предлагали это и Ульяне, но она не могла оставить больную маму и осталась ухаживать за пожилыми родителями.

Когда немцы стали приближаться к городу, Ульяна бережно сняла со стены портреты Ленина и Сталина, завернула их в холстину и вместе с комсомольским билетом закопала в саду, но потом, побоявшись, что комсомольский билет подмочится, выкопала и спрятала его в рамке за семейными фотокарточками.

20 июля 1942 г. фашистские войска оккупировали Краснодон. Дом Громовых заняли чужие солдаты, а семья вынуждена была ютиться в маленькой летней кухоньке.

Вначале, пока немцы, заполнившие двор и дом Громовых, не ушли, Ульяна со своей старшей сестрой не выходила из сарая, забившись в самый дальний темный угол. Уля редко выходила во двор и лишь иногда бегала к подругам и скоро возвращалась. Потом начались облавы, молодежь отправляли на каторгу в Германию. Родители беспокоились за свою дочь, которая ненавидела тех, кто разговаривал, заигрывал с немцами, а еще больше добровольцев, едущих в Германию. Родителям она сказала, что лучше умрет, чем поедет обслуживать фашистов. С болью наблюдала Матрена Савельевна, как буквально на ее глазах изменилась Ульяна. Раньше она до глубокой осени ходила с непокрытой головой, и ее пушистые волосы, заплетенные в тугие косы, красиво выделялись на платье - всегда отглаженном, безупречно аккуратном. Теперь же, словно задавшись целью спрятать свою расцветшую красоту, девушка не снимала черный материн платок и одевалась в старенькую темную одежду.

Ульяна нигде не работала, отказавшись батрачить на «гадов». Она уже освоилась и смелее выходила на улицу, чаще и дольше задерживалась у подруг, но тревога родителей не была напрасной. Тучи над ее головой сгущались. Тогда они сами пошли на биржу, оформили на младшую дочь карточку и забрали вместе с собой на земельный участок конторы «Заготскот», где она числилась чернорабочей.

Виктор Петров

Но Громова ни на минуту не забывала, что она комсомолка. Ульяна развернула среди рабочих участка агитационную работу против фашистов и их ставленников, открыто и смело входила в спор с немецкими холоуями братьями Акимовыми, Рытиновым и другими, к которым питала презрение и жгучую ненависть. Ульяна открыто в глаза бросала им колкие, справедливого гнева слова, а на увещания и просьбы матери отвечала, что «этим гадам она кланяться не будет».

Вскоре Громова возвратилась домой. Вместе с

Анатолием Поповым, Виктором Петровым и Майей Пегливановой она стала организатором борьбы с фашистами молодежи поселка Первомайка, их патриотическая группа вскоре вошла в состав организации «Молодая гвардия». Громову избрали членом штаба подпольной комсомольской организации Краснодона.

В доме Громовых часто стали собираться девчонки. Сюда приходили Иванихина Лилия, Герасимова Нина, Бондарева Шура, Пегливанова Майя, Самошина Ангелина и др. Приходили, собирались вокруг стола по 5-7 человек и вели, как казалось на первый взгляд, свои беззаботные разговоры. Но беззаботность их была для виду, а разговоры носили серьезный, деловой характер. Девушки составляли тексты листовок, которые вместе с Анатолием Поповым утверждали, размножали и расклеивали по всему поселку.

Но все это было только подготовкой, вступлением к тем большим боевым делам, на которые Громова шла, жертвуя собою. Ее лицо прояснилось, когда у ворот дома появлялся кто-то из ее друзей - Майя Пегливанова, Сережа Тюленин, Ваня Земнухов или Толя Попов. О чем говорили ребята, ни Матрена Савельевна, ни Матвей Максимович не знали, но всегда было заметно, что приход товарищей радовал и озарял Ульяну.

Клятву на верность Родине, на борьбу до последнего вздоха за ее освобождение от гитлеровских захватчиков Громова дала перед членами подпольной комсомольской организации осенью 1942 г., стоя друг против друга в маленькой горенке оккупированного фашистами Краснодона.

Она стала принимать активное участие в подготовке боевых операций молодогвардейцев, собирала медикаменты, вела агитацию среди населения, призывая срывать планы оккупантов по поставкам продуктов, по вербовке молодежи в Германию.

В центре Первомайки стоял небольшой скромный памятник «Борцам революции». Став полицейским комендантом участка, предатель Подтынный (лейтенант РККА, во время боя оставил на позициях свою батарею и дезертировал к немцам) сразу обратил внимание на этот памятник и решил

Майя Пегливанова

Нина Герасимова

отличиться. От таких же предателей он узнал, что в Первомайке живут в оккупации шесть горняков-коммунистов, приказал под конвоем привести

Ангелина Самошина

их в центр поселка и разобрать памятник.

Горняки молча переглянулись и не тронулись с места. Самый старший из них, седоусый шахтер с большими черными от ввевшейся угольной пыли руками, неторопливо положил на место лопату, достал из кармана кисет. Следом за ним побросали инструменты и остальные. Взмахнув плетью, Подтынный что было силы ударил по лицу старого шахтера. Тот вздрогнул, но не сдвинулся с места. Подонок хлестнул плетью еще и еще. На морщинистом лице шахтера вздулись кровавые рубцы.

— Гадина! — прорезал вдруг тишину звонкий девичий голос. — Подлец! Тебе все это зачтется, когда придут наши!

Подтынный обвел взглядом вокруг. На площади уже собралась толпа. Ему бросилась в глаза высокая стройная девушка с длинными косами, опущенными на грудь, она смотрела на него в упор карими, расширившимися от гнева глазами. Столько ненависти и презрения было в этом взгляде, что Подтынному стало не по себе. Он сделал шаг в сторону девушки, но навстречу ему угрожающе двинулся коренастый белобрысый парень, на плечо которого она опиралась. Толпа враз сдвинулась теснее, загудела, и подонок отступил.

Поздно ночью полицаи сами кое-как откололи несколько плит от памятника и вывезли их в глухую балку, но в жандармерию предатель доложил, что по его указанию памятник разбирали сами коммунисты.

В ту же ночь Подтынный с двумя полицаями нагрянул к Грозовым. В доме все спали. Предатель вошел в комнату и приказал все обыскать. Забеспокоились родители, а Ульяна стала у стены и со злобной усмешкой наблюдала, как полицаи роются в книгах, выбрасывают из комода белье, распарывают матрацы...

Ничего подозрительного найти не удалось, лишь на комоде стояла небольшая фотография молодого офицера-летчика. На вопрос Подтынного Матвей Максимович сказал, что это его сын, а Ульяна опять не сдержалась и громко, подчеркивая каждое слово, произнесла: «Все порядочные люди должны быть на фронте!»

Полицаи подошел вплотную к Уле, занес над головой плеть. И снова во взгляде девушки мелькнуло что-то такое, от чего ему стало не по себе. Опустив плеть, он только пригрозил: «Ну, погоди... Ты мне еще попадешься...».

В Первомайке все чаще стали появляться антифашистские листовки. Их находили на заборах, на базаре, в поле, на зданиях, даже на дверях полицейского участка. Подтынный с полицией обыскал чуть ли не каждый двор, допросил «с пристрастием» почти каждого жителя поселка, угрожал расстрелом, пытался даже подкупить кое-кого. Полицейские и жандармы круглосуточно патрулировали по улицам. А утром жители поселка снова читали расклеенные на заборах сведения с последней сводкой Совинформбюро. Члены организации были неуловимы и почти каждую ночь сотнями распространяли листовки.

Полиция изменили тактику и стали устраивать ночные засады на неуловимых подпольщиков. Каково же было удивление начальника полицейского участка, когда на утро все доложили, что ничего подозрительного не обнаружили, а по всему поселку вновь были расклеены листовки с призывами к борьбе против фашистских оккупантов, и даже одна из них красовалась на спине у самого здорового полицейского.

Вся работа Ульяны проходила скрыто. Записки и черновые материалы строго хранились, а лишнее уничтожалось. В ее комнате все скромно и просто. У окна стоял столик, за которым она раньше делала уроки. Над столом в старинной раме разбитое зеркало...

Улья всем членам семьи строго-настроено запретила подходить к ее столу и сундучку. Она запоминала расположение лежавших на столе книг и тетрадей, когда выходила. Горе было тому, кто дотрагивался до них. Она сразу видела, что кто-то был возле стола или открывал сундучок, и тогда с неподдельным гневом она обрушивалась на всех, допытываясь виновного. Но на столе и где бы то ни было Улья никогда ничего не оставляла, а всех родных, особенно маму и маленьких племянников, своей искренней, справедливой бранью приучала к дисциплинированности, чтобы не спрашивали и не пытались узнать, чем она занимается и для чего к ней приходят подружки. Часто Анатолий Попов через свою младшую сестренку вызывал Ульяну к себе. Сам в дом никогда не заходил. Иногда приходил к ней связной из Краснодона, низенький паренек лет 14-16 в синих штанишках (Радий Юркин), и тогда Улья задерживалась несколько дольше обычного. Составляя листовки, Громова также и распространяла их вместе со своими подружками.

В ночь на 7 ноября 1942 г. накануне 25-й годовщины Октябрьской революции Ульяна с двумя подружками вывесила красный флаг на здании своей школы, а Анатолий Попов с товарищами укрепил алый стяг на трубе шахты № 1-бис. На следующее утро пришла Вера Кротова и начала рассказывать Уле о вывешенных красных флагах на зданиях школы, шахтах, полиции, церкви. Громова весело засмеялась и с

деланным удивлением стала расспрашивать ее, что да как.

Ульяна постоянно вела дневник, в который записывала понравившиеся ей высказывания и афоризмы. Последнюю запись она сделала 9 ноября 1942 г. Громова знала, что озверевший враг беспощаден, что идет борьба не на жизнь, а на смерть, и она была готова умереть, но не склониться, для нее смерть - это тоже этап борьбы, смерть - это еще не поражение, она тоже может быть победой. «Гораздо легче видеть, как умирают герои, чем слушать вопли о пощаде какого-нибудь жалкого труса». Джек Лондон» – записала она в своем дневнике.

В условиях подполья происходил прием в ряды комсомола новых членов, на руки выдавались временные удостоверения, принимались членские взносы, самыми различными путями добывалось оружие и готовилось вооруженное восстание. В это же время ударные группы проводили диверсионные и террористические акты.

Лилия Иванихина

По предложению Ульяны и решению штаба молодогвардейцы начали сбор средств и медикаментов для Красной Армии. Громова собирала и складывала в углу кухонного стола флаконы с йодом, перевязочные пакеты, бинты и вату. Кроме того, принимала и прятала патроны от винтовок и пистолетов. Только гораздо позже, после прихода Красной Армии, родители случайно нашли пулеметную ленту, набитую патронами, принесенную ей Лилией Иванихиной.

Фашистская жандармерия, гестапо и полиция никак не могли напасть на след молодогвардейцев, они даже не предполагали, что такую сложную, скрытую от врага подпольную работу способны вести девочки и мальчики, в основном еще подростки, школьники. И эта эйфория от своего успеха вскружила головы многим членам «Молодой гвардии», и даже ее руководителям.

Все началось с кражи подарков для немецких солдат, которые на автомашинах доставлялись на фронт в канун Нового года. Сигареты «Люкс» стали появляться на рынках. 1 января 1943 г. полиция при очередной облаве в Краснодаре на городском рынке поймали подростка. Мальчишку избили, и он признался, что сигареты ему дали Евгений Мошков и Виктор Третьякевич. Их сразу же арестовали. В этот же день был арестован и Иван Земнухов, который сам пришел в полицию, наивно пытаясь выручить своих товарищей. Они были руководителями молодогвардейцев, поэтому многие посчитали, что это провал, и штаб принял решение: разобрать оружие, немедленно оставить город и укрыться в соседних хуторах.

Утром 2 января 1943 г. на квартире Анатолия Попова собралась вся первомайская группа, за исключением Почепцова. Ребята решили: без паники, небольшими группами пробираться к линии фронта или уходить к родственникам, знакомым в ближайшие села и без вызова в городе не появляться.

Всего этого не знали гитлеровцы. И они наверняка так бы ничего и не узнали, если бы в подпольной организации не оказался предатель.

Решение молодогвардейцами было принято правильное, но, к сожалению, лишь некоторые поспешили его выполнить, остальные понадеялись на русское «авось», в том числе и члены первомайской группы. Они так и не узнали, что подонки, который выдал всю организацию, был членом их группы. Это был Геннадий Почепцов.

3 января 1943 г. Ульяне исполнилось девятнадцать лет, а в ночь на 4 января начались аресты. Взяты были почти все члены первомайской группы, в том числе и Анатолий Попов. В числе первых был арестован и друг Почепцова — Демьян Фомин, который ходатайствовал о приеме предателя в организацию.

Когда пришли арестовывать Попова, в доме еще не спали. Мать Анатолия, Таисия Прокофьевна, ничего не подозревая, пригласила всех к столу поужинать. Но жандармы и полиция грубо ее оттолкнули и приказали Анатолию одеваться. Поторапливая его, Подтынный ударил Попова плетью, и в тот же миг короткий сильный удар под челюсть опрокинул подонка на пол. Падая, он ухватился рукой за край стола, свалил его вместе со стоявшей на нем керосиновой лампой. Стало темно. На какой-то миг Подтынный потерял сознание, а придя в себя, услышал в углу глухие удары, поднялся, чиркнул спичкой и увидел, как двое полицейских сидели верхом на спине Анатолия, а третий скручивал ему руки веревкой.

На следующий день начались допросы арестованных. Молодогвардейцев жестоко избивали плетью, резиновым шлангом, проволокой, чтобы заставить их дать показания и выдать своих сообщников.

Только теперь Подтынный вспомнил, что он уже встречался с этим парнем возле памятника «Борцам революции». Это за его плечо держалась тогда Ульяна Громова. Вспомнив об этом, подонки решили, что теперь он рассчитается с ней за все, хотя в первоначальном списке предателя фамилии Громовой не было, это его не смутило.

Каждый день приносил новые жертвы. Через день узнавали, кого нет. Ульяна встревоженно перечисляла арестованных.

Громову арестовали 10 января 1943 г. В день ареста она поднялась рано и стала убираться, вымыла полы. Потом подошла к окну, задумалась и вдруг запела: «Орленок, орленок, мой верный товарищ, ты видишь, что я

уцелел. Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел...» Матрена Савельевна, расстроившись, накрыла на стол, но Ульяна есть отказалась и ушла из дома. Ее не было целый день, а вечером пришли полицаи. Матвей Максимович открыл дверь, в дом вошел начальник участка Подтынный и двое полицаев, спросили, где дочка. Родители не знали, тогда отцу приказали идти ее искать. Не успел он одеться, как на пороге появилась Ульяна, сопровождаемая полицаем Красновым, который застал ее в доме подруги. (Весь день три девчонки Вера Кротова, Майя Пегливанова и Ульяна Громова строили планы, как пробраться в полицию, связаться с молодогвардейцами и устроить им побег).

Мама заплакала и стала собирать младшей дочери узелок, дала валенки, старшая сестра подсовывала ей вещи потеплее и с силой всунула под руку сверток с пирожками, а она все тихо твердила: «Мама, не плачь, они за все ответят...»

Ульяну никто не торопил. Она оделась, поцеловала своих родных, ласково и тепло посмотрела на маму, на столлик, где лежали книги, на свою кровать, на детей сестры, боязливо выглядывающих из другой комнаты, как будто молча прощалась со всеми. Потом выпрямилась и твердо сказала: «Я готова!»

Ульяна Громова была решительной, отважной подпольщицей, отличалась твердостью убеждений, умением вселить уверенность в других. Эти качества с особой силой проявились в самый трагический период ее жизни.

На первый допрос ее привели в пыточную камеру вместе с Лилией Ивановой. Пьяный начальник полиции Соликовский начал допрос. Он попытался узнать у девушек, кто им приказывал писать и расклеивать по городу листовки. Лилия молча пожала плечами, а Ульяна спокойно и громко, глядя в глаза Соликовскому, ответила: «Мне никто не приказывал. Это было почетное задание, и я выполняла его с большой радостью». Эта прямота вызвала гнев начальника полиции, он с размаху ударил Громову по лицу, но та молчала, лишь побелела и, гордо откинув голову, заложила руки за спину и выпрямилась. Лилия тоже встала.

Тогда Соликовский приказал девушкам раздеться. (Палачи-полицаи перед допросом и истязаниями раздевали свои жертвы догола и укладывали на лавку или на бетонный пол. Для молодых женщин и девушек этот стыд был страшнее смерти). Начальник полиции в пьяном угаре, чувствуя свою вседозволенность и безнаказанность, рванул на Громовой юбку, цинично выругавшись. Уля уперлась руками в его грудь, прошептала землистыми губами: «Не смей!.. Подлец!..», но подонок уже обхватил Ульяну и повалил ее на пол. Он долго сек плетью обнаженные девичьи тела. Девушки сначала глухо стонали, потом затихли.

Соликовский бросил плетель, не спеша натянул френч и закурил. Уходя, сказал полицейям-палачам продолжать допрос и бить, пока не сознаются. Когда девушки пришли в себя, со стоном поднялись и стали, преодолевая боль, натягивать на себя одежду, фашистский прихвостень Черенков с усмешкой сказал Громовой: «Будешь теперь знать, как распускать язык!» Ульяна с ненавистью посмотрела на него, а потом четко и внятно проговорила: «Не для того я боролась с вами, чтобы потом просить у вас прощения! Я жалею только об одном – что мало успела сделать!» Подонки, бледнея от злости, начали вновь избивать девушек, особенно Громову.

В фашистских застенках Ульяна вела себя исключительно мужественно, хотя ее и подвергали нечеловеческим пыткам. Она стойко переносила побои, не падала духом, подбадривала друзей, читала им стихи Лермонтова, которые знала наизусть. В камере Ульяна убежденно говорила товарищам: «Надо в любых условиях, в любой обстановке не сгибаться, а находить выход и бороться...» С достоинством держала себя Ульяна Громова на допросах, отказавшись давать какие-либо показания о деятельности подпольщиков.

Пытки продолжались долго и беспощадно до тех пор, пока Уля не теряла сознание, но она молчала. Ее подвешивали за прекрасные пышные волосы, вырезали на спине пятиконечную звезду, прижигали тело каленым железом, раны посыпали солью, сажали на раскаленную плиту, переломали ребра и правую руку.

Поздно вечером 15 января 1943 г. первых молодогвардейцев увели из камер, и девушки почувствовали, что они не вернутся, что их повезли на казнь. Они знали, что такая же участь ждет и их. Пощады никто не просил и не ждал. Ульяна собрала подруг в кучку и предложила спеть. Сперва тихо, потом все громче и громче рвались на волю песни из окон камеры. Они пели, несмотря на угрозы палачей, самим себе и всему миру доказывая, что они сдержали клятву, не сломались, выдержали все адские пытки, что они достойные дочери своей страны, своего народа, своей Родины.

Александра Бондарева

После перенесенных пыток лицо Ульяны было синее, в кровавых подтеках, но глаза по-прежнему блестели и горели огнем ненависти и твердой решимости бороться до конца. Боевые подруги прощались.

Громова где-то из двери вырвала кусочек ржавого гвоздя и начала царапать на стене камеры прощальное письмо:

Прощайте, мама,
Прощайте, папа,
Прощайте, вся моя родня,
Прощай, мой брат любимый Еля,
Больше не увидишь ты меня.
Твои моторы во сне мне снятся,
Твой стан в глазах всегда стоит.
Мой брат любимый, я погибаю,
Крепче стой за Родину свою!
До свидания.
С приветом Громова Уля.

На следующий день 16 января 1943 г. также поздно вечером в комendantский час, пугаясь каждой тени, полупьяные полицаи вместе с жандармами на телегах и санях повезли к месту казни остальных молодых патриотов.

Перед казнью полицаи загнали молодогвардейцев в полуразвалившуюся, сложенную из бутового камня сторожку и торопливо принялись стаскивать с них одежду, раздев почти догола. Затем по-одному поволокли ребят и девушек к пропасти шурфа шахты № 5. Едва держась на ногах, Ульяна, собрав весь остаток своих сил, обратилась к подругам: «Девушки! Не робейте, не бойтесь смерти. С нами Ленин и Сталин. Умрем за Родину. Смерть гадам...» Это были ее последние слова. Она хотела еще что-то сказать, но заместитель начальника полиции Захаров сдавил ей шею своими цепкими пальцами. Один из жандармов, приставив пистолет к груди Ули, выстрелил в упор, и вдвоем они сбросили тело Громовой в шурф.

Так погибли Ульяна Матвеевна Громова и ее товарищи по борьбе, так и не узнав, кто же их предал.

Краснодон был освобожден советскими войсками 14 февраля 1943 г.

В одной из камер внимание молодого корреспондента фронтовой газеты «Сын отечества» привлекли многочисленные надписи, сделанные карандашом и гвоздем на стене. Так мир узнал об узниках этой камеры, о прощальных стихах Ульяны Громовой, о надписях, сделанных другими молодогвардейцами, увидели нацарапанное сердце, пронзенное стрелой, в контуре которого четыре фамилии: Бондарева, Минаева, Громова, Самошина. И там через всю стену тянулся грозный клич: «Смерть немецким оккупантам! Уля Громова, 19 лет».

Через четыре дня после освобождения Краснодона обезображенные тела казненных молодогвардейцев стали поднимать из ствола шахты. И страшная картина предстала перед глазами обезумевших от горя родителей: тело Лилии Иванихиной подняли без головы; Антонине Иванихиной вырезали груди и выжгли глаза; Шуре Бондаревой отрезали правую грудь; Ангелине Самошиной выкрутили руки, отрезали уши, на щеке вырезали пятиконечную звезду; Майе Пегливановой отрезали груди, выжгли глаза, отбили губы, переломали ноги и выкрутили руки; Нине Минаевой переломали руки, выбили один глаз и резали ножом груди; Лидии Андросовой выжгли глаза, отрезали руку и ухо, а Ульяне Громовой вырезали на спине звезду, переломали правую руку и ребра... Большинство девушек поднимали из шурфа голыми или без верхней одежды.

Лидия Андросова

Похоронили юных героев-антифашистов 1 марта 1943 г. в городском парке Краснодона в братской могиле с воинскими почестями.

Родители Ульяны Громовой нашли в рамке с фотокарточками ее комсомольский билет и второе сложенный листок папиросной бумаги с записанной на нем зашифрованной азбукой. Больше ничего найти не удалось.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. член штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Ульяна Матвеевна Громова удостоена звания Героя Советского Союза (посмертно).

На Аллее героев в г. Луганске и Краснодоне установлены бюсты Ульяны Громовой и других молодогвардейцев.

Ее именем названы улицы и переулки в больших и малых городах России и стран СНГ, в том числе в Воронеже в Юго-Западном микрорайоне есть переулок Ульяны Громовой.

В советское время многие пионерские дружины носили ее имя. В настоящее время в Краснодоне средняя школа № 6 носит имя Героя Советского Союза Ульяны Громовой. В Музее «Молодая гвардия» хранятся материалы, рассказывающие о ее жизни и подвиге.

Герой Советского Союза

**Шевцова
Любовь Григорьевна**
(8.09.1924 — 9.02.1943)

**Член штаба,
связная с коммунистическим подпольем и партизанами
подпольной антифашистской комсомольской организации
«Молодая гвардия»**

Любовь Григорьевна Шевцова родилась 8 сентября 1924 г. в рабочем поселке Изваринского рудника (шт Изварино) Сорокинского района (Краснодонский городской совет) Шахтинского округа Донецкой губернии (Луганская область).

Ее отец, Григорий Ильич, воевал на разных фронтах Гражданской войны вместе с будущей супругой, Ефросиньей Мироновной. В начале 1920 г. они поженились. После окончания войны семья Шевцовых приехала в Донбасс и отец пошел работать на шахту Изваринского рудника. В 1924 г. у них родилась долгожданная доченька, которую назвали именем своей любви — Любовью, а в 1927 г. семья переехала в Сорокино (Краснодон).

В середине 1930-х гг. Григорий Ильич стал знатым шахтером-забойщиком, стахановцем, изобретателем, знаменитым Шевцовым не только на Сорокинском руднике, но и в Донбассе. О нем писали в газетах.

Люба была поздним и единственным ребенком в их дружной семье и очень любила Григория Ильича. Работа на шахте была трехсменная, вторая смена заканчивалась поздно вечером, но маленькая дочь, несмотря на ночь, часто встречала у проходной своего отца. Вместе они шли в сторону дома, но всегда проходили мимо, шли дальше, а потом, медленно возвращаясь, разговаривали. Люба часто просила отца рассказать о том, как он воевал.

Григорию Ильичу было что вспомнить. Его суровое, обветренное войной и тяжелой работой лицо горняка преображалось, когда он рассказывал любимой дочурке о том, как с 1915 г. воевал в Первую мировую, как добровольно вступил в Красную Гвардию, в Первый Самарский полк и четыре года боролся с многочисленными врагами молодой Советской республики на фронтах Гражданской войны, как в 1918 г. под Царицыном его ранили и во время перевязки он познакомился с ее мамой, удивительно смелой и старательной санитаркой передвижного полевого госпиталя, как поженились, любили и любят друг друга. Да и дома за разговорами в долгие зимние вечера вся семья засиживалась допоздна.

Ефросинья Мироновна тоже была общительным, веселым человеком. Она умела пошутить, да так тонко, что не сразу собеседник сообщал, «в чей огород камешек». Никто никогда не видел Ефросинью Мироновну сердитой, хотя испытаний в ее жизни и поводов для тяжелых переживаний было достаточно, так как родилась она в многодетной семье, которая рано лишилась отца-кормильца (умер), а пятеро детей-сирот постоянно голодали.

Росла Люба в ласке и добре, ценила родительскую заботу, знала о той суровой жизни, которую прожили в молодости отец и мать, видела, как они трудятся.

В детстве Люба очень часто болела, поэтому в школу № 4 им. К.Е. Ворошилова пошла только в 1933 г., когда ей исполнилось 9 лет. Училась она неравномерно: пятый класс окончила с Похвальной грамотой, но в шестом так увлеклась художественной самодеятельностью, что это плохо повлияло на успеваемость и в следующий класс Люба была переведена условно.

Младшая Шевцова была не избалованной, а трудолюбивой, отзывчивой и чуткой к чужому горю девочкой. Семья имела неплохой достаток, однако это не сказалось отрицательно на воспитании дочери.

Однажды родители купили Любе хорошие туфельки, но из школы она возвратилась в рваных тапках. На вопрос удивленной мамы она, не смущаясь, ответила, что отдала их другой девочке-сиротке, у которой никого нет, а она поносит свои другие, «не совсем еще старые», туфельки.

Увлекаясь естествознанием, Люба заботливо ухаживала за цветами и подопытными растениями на школьном опытном поле. Воспитывала ежа Мишку и черепаху Улитку. Они так привыкли к Любе, что немедленно появлялись, как только Люба усаживалась за стол завтракать и наливала им в блюдце молоко.

Шевцова была боевой и веселой девочкой, старалась быть одной из первых на уроках физкультуры и спортивных соревнованиях, на воскресниках, в подшефном колхозе, на закладке городского парка и на занятиях по биологии. Как-то Люба посадила больше всех деревьев, и ей дали в награду три молоденьких клена. Два деревца она посадила под окнами своего дома, а третье отдала соседке.

В подростковом возрасте выяснилось, что у Любы твердый и задиристый характер – настолько задиристый, что она была своей в любом мальчишеском коллективе, а школьные сорванцы, среди которых был и Сережка Тюленин, старались обходить ее стороной.

В четвертом классе живая и энергичная Шевцова села за одну парту с Тюлениным, но их рассадил быстро, потому что на уроках они соревновались, кто лучше стреляет из рогатки. Учителя прозвали ее «Тюленин в юбке».

Люба всегда была чем-то занята: то учила уроки, декламируя стихи; то мыла полы в комнатах, напевая песенку; то месила лапшу и мелко ее крошила. Она привлекала к себе взоры каким-то светлым и радостным сиянием улыбки, шуткой и веселым характером. Локоны светло-русых волос красивого золотистого оттенка на симпатичном белом лице, голубые глаза, черные брови и длинные,верху загнутые ресницы, а под глазами маленькие «конопушки». Это портрет Любови Шевцовой.

Часто школьники ездили в колхозы и совхозы, помогали убирать урожай. Привозила Люба оттуда охапки пахучих полевых цветов, отбирала лучшие, красивые, засушивала их, а потом для вышивки снимала с них рисунки и под руководством мамы вышивала дорожки и салфетки.

Родители души в ней не чаяли и всегда поддерживали все ее начинания. Вместе со своими друзьями Люба с увлечением занималась в кружке художественной самодеятельности школы № 4, посещала балетную студию при клубе им. В.И. Ленина. Выступления агитбригады с участием Нины Минаевой, Сережи Тюленина и Любы Шевцовой пользовались боль-

Нина Минаева

шим успехом у взрослых и школьников подшефного колхоза. Певунья и танцовщица, сообразительная и острая на язык, она хорошо пела, знала множество русских народных и советских песен, особенно о революции и Гражданской войне. Никто не видел ее сердитой, а всегда только с улыбкой, с шуткой, с песнями.

Шевцова была такой бесстрашной и отчаянной, что однажды ее чуть не исключили из школы за то, что она сделала «ласточку» на самом острне школьной крыши после того, как Сережка Тюленин прыгнул на простыне с той же крыши, изображая парашютиста. Досталось от руководства школы не только им, но и родителям, поэтому в комсомол ее приняли значительно позже, чем сверстников.

Редко кто в Краснодаре называл ее Люба или Любовь, только Любка Шевцова, Любка-артистка. Под этими именами ее, отчаянную, дерзкую, веселую, знали и любили все. Выступает ли агитбригада, балетный кружок, струнный оркестр - всюду Любка-артистка. Любе нравилось, что ее так зовут, она мечтала стать профессиональной актрисой, как Любовь Орлова, и для этого у девушки были прекрасные данные. Она красиво пела, танцевала и играла на гитаре.

В 1940 г. Люба окончила 7 классов школы № 4 им. К.Е. Ворошилова, заболела и не смогла дальше продолжить учебу.

В мае 1941 г. Шевцова послала запрос в Ростовский театральный техникум. За четыре дня до начала войны ей ответили, что можно высылать документы, но 22 июня 1941 г. свое заявление Люба подала в военкомат с просьбой отправить ее на фронт. Ей отказали, так как еще не исполнилось даже 17 лет.

С первых дней войны в шахтерском клубе им. А.М. Горького была создана агитбригада, в которую записалась и Шевцова. Она вместе с другими ребятами и взрослыми выступала на призывных пунктах, на шахтах, на полевых станах колхозов и совхозов. Самодеятельные артисты всюду были желанными гостями. В ее репертуаре преобладали шаловливые, а то и откровенно хулиганские песенки. Бывало, ткнет пальцем в кого-то из мальчишек и тут же зальется. Многие краснодонцы запомнили ее звонкий голос.

В это же время Люба окончила краткосрочные курсы медицинских сестер, работала в военном госпитале в Краснодоне, научилась стрелять из пистолета и винтовки и, доказывая офицерам военкомата, что она ловкая и выносливая, соревновалась наравне с юношами на турнике и других спортивных снарядах, но ей опять в призыве отказали (из-за возраста). Несколько раз она пыталась самостоятельно уехать на фронт, но каждый раз ее возвращали обратно в Краснодон.

Родители волновались за нее, но Люба, успокаивая их, постоянно говорила, что она боевая и смелая, везде сумеет постоять за себя, ничего не боится, нигде не пропадет. Она могла быстро собраться и пойти в темную ночь туда, куда надо было ей, не предупреждая отца и мать. Постепенно они смирились с этим и перестали задавать вопросы: захочет – сама расскажет.

6 февраля 1942 г. в прифронтовом Краснодоне Любовь Шевцова вступила в ряды ВЛКСМ, а уже 31 марта 1942 г. она написала заявление начальнику НКВД по Краснодонскому району: «Прошу начальника НКВД принять меня в школу радистов, так как я желаю быть радистом в нашей Советской стране, служить честно и добросовестно. И по окончании этой школы я обязуюсь выполнять все задания в тылу врага и на фронте. Гордо и смело выполнять боевые задания за Родину, за Сталина. Прошу не отказать в моей просьбе. Шевцова.»

Заявление 17-летней девушки и рекомендация Краснодонского райкома комсомола были удовлетворены.

10 апреля 1942 г. Любовь Шевцова стала курсантом Ворошиловградской разведшколы НКВД по подготовке партизан и подпольщиков, которая располагалась в 13 км от города, в бывшем Доме отдыха «Лысая гора» местного паровозостроительного завода. В школе спешно готовили связистов для работы на оккупированной территории.

Учиться Любе предстояло на трехмесячных ускоренных курсах. За это время Шевцовой необходимо было освоить законы конспирации, основы шифровального дела, работу с портативной радиостанцией, стрелковую подготовку. Времени на изучение и освоение всей работы

партизан и подпольщиков было недостаточно, поэтому основная часть (до 70 %) разведчиков ускоренных выпусков 1941-1942 гг. в первые месяцы работы во вражеском тылу попадала в гестапо, так как в неравной борьбе они противостояли отлично подготовленной немецкой контрразведке. Гитлеровцы громили советское подполье, заставляя отечественные разведслужбы начинать все сначала.

Вместе с Шевцовой в этой разведшколе по рекомендации комсомола Краснодона учились Владимир Загоруйко, двоюродные братья Сергей и Василий Левашовы (будущие молодогвардейцы), Шура Панченко и другие. Маме Люба написала, что учится на курсах фельдшеров, не хотела беспокоить, да и законы конспирации требовали соблюдать секретность, даже в отношениях с родителями.

Уже 9 июля 1942 г. Шевцова получила специальность радистки. Инструкторы, которые руководили ее подготовкой, отмечали, что она обладает боевыми качествами подпольщика.

Лейтенант госбезопасности Богомолов вынес решение о ее дальнейшей судьбе: «Шевцова Любовь Григорьевна, подпольная кличка «Григорьева», окончила курсы радистов в спецшколе с оценкой «хорошо». Обладает всеми необходимыми качествами для работы в тылу, а именно: сообразительна, находчива, способна выйти из затруднительного положения. Может быть зачислена в группу Кузьмина «Буря» для оставления в г. Ворошиловграде в немецком тылу для подпольной и разведывательной работы».

По окончании школы она дала клятву партизана на верность Родине:

«Я, красный партизан Шевцова Любовь Григорьевна, даю партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами красными партизанами, нашей героической Красной Армией и всем советским народом, что буду смелой, дисциплинированной, решительной и беспощадной к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Я клянусь, что буду всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни. Я буду до конца жизни верна своей Родине, партии, своему вождю и учителю товарищу Сталину.

Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара и презрение всего советского народа».

Можно ли считать 17-летнюю девушку, прошедшую трехмесячные курсы подготовки, с полным отсутствием опыта профессиональной

разведчицей? Нельзя. Но Люба и ее друзья-сверстники так не считали, им хотелось как можно быстрее включиться в непосредственную борьбу с фашистами.

17 июля 1942 г. советские войска оставили Ворошиловград, вместе с ними ушла и Люба, но через несколько дней, перейдя линию фронта, она вновь появилась в городе, в котором уже в полную силу действовала карательная машина фашистского гестапо. Одновременно здесь расположились СД (Служба безопасности рейхсфюрера СС), ГФП (Тайная полевая полиция) и жандармерия. Для борьбы с советскими патриотами они широко использовали местную полицию. В Старобельске расположился передовой пост немецкой контрразведки «Мельдекопф-Тайн», руководимой фашистом Фельске, в задачу которой входило находить и ликвидировать советских разведчиков. Он установил тесную связь с немецкими органами в Луганске (Ворошиловграде).

Разведывательно-диверсионная группа «Буря» состояла из пяти человек и агентуры из подпольщиков, подготовленных еще до войны, которые жили до оккупации в Луганске, хорошо знали город и окружающую местность. Подпольщики должны были устраивать диверсии на промышленных объектах и коммуникациях врага, вести разведку среди немецких и итальянских войск в городе и области. Для связи с центром группа имела рацию и два комплекта питания. Шевцовой был присвоен корреспондентский номер 314. Рация Любы сначала была в тайнике и находилась в доме слесаря-водопроводчика завода им. Октябрьской революции Андрея Наумовича Чеканова (ул. Заречная, № 56), но скоро выяснилось, что местная полиция проявляет интерес к его дому, и Шевцова унесла рацию в другое место, а сама поселилась под видом племянницы у одного из членов группы. Несмотря на опасность, Люба неоднократно устанавливала связь с Центром и передавала важнейшие сведения.

Вскоре полиция неожиданно арестовала одного из членов подпольной группы как антифашистски настроенного, но так как никаких данных о его связи с советской разведкой полиция не имела, вскоре он, с разрешения СД, был освобожден. Однако его неосторожность усложнила работу группы и командир приказал прекратить любую активную деятельность. Люба, предупредив своих товарищей, решила проведать родителей, которых не видела почти четыре месяца.

Немецкие войска еще 20 июля 1942 г. оккупировали Краснодон. Одноэтажный каменный дом Шевцовых находился в поселке Первомайка. Ефросинья Мироновна проводила в эвакуацию мужа (он был коммунистом и перед оставлением города участвовал во взрыве своей шахты № 1-бис) и

очень надеялась, что любимая доченька также с госпиталем эвакуировалась в тыл на восток, так как была абсолютно уверена, что Люба работает медсестрой. Каковы же были ее удивление и шок, когда к дому подъехала легковая машина и выскочивший немецкий офицер, открыв дверцу, галантно предложил выйти из нее... Любе. Одетая в красивое платье, улыбаясь и кокетничая, дочь поцеловала остолбеневшую Ефросинью Мионовну и прошла в дом. За ней вошли веселые немцы и быстро начали ставить на стол вино и закуску. Пришедшая в себя мать шепотом спросила: «Люба, как тебе не стыдно?» Но она, не моргнув глазом, ответила: «Молчи, мама, это все равно все наше, они награбили, сволочи; в общем, ешь, пей, а на меня не смотри: все будет хорошо».

Все это видели и удивленные соседи, по небольшому городку мгновенно поползли злые слухи. Заинтересовалась Шевцовой и полиция. Осторожно, чтобы не вызвать гнева новых хозяев, полицейские поинтересовались, откуда она приехала, на что Люба без малейшего стеснения нагло соврала, что училась, потом работала в одном из военных госпиталей, а когда Красная Армия стала «драпать», ее отпустили домой. Полицаям ничего не оставалось, как поверить на слово.

Погостив у матери, Любовь Шевцова вернулась в Луганск, но оказалось, что, пока она отсутствовала, в квартиру, где она жила, приходили два немца и с ними третий, одетый в штатское. Они интересовались именно Григорьевой (Шевцовой) и пытались узнать, где она сейчас находится. Возникла опасность ареста, поэтому Люба, забрав радиостанцию, срочно переехала на новую явочную квартиру.

К началу августа 1942 г. фронт уже был далеко от Донбасса, советские войска сдерживали натиск немцев на Дону. Коротковолновая радиостанция группы «Буря», на которой работала Люба, могла передать сведения на расстояние до 80 км, а расстояние от Луганска (Ворошиловграда) до разведцентра НКВД в Борисоглебске (Воронежская область), куда поступала информация, 400 км, поэтому, после безуспешных попыток, установить связь с Центром Шевцовой не удалось.

Во время оккупации группа успешно проработала только месяц, затем одного из подпольщиков неожиданно арестовало фашистское гестапо. Немецкая контрразведка знала о существовании школы НКВД под Луганском, аналитики спецслужб были убеждены, что часть ее выпускников оставлена в городе, поэтому немцы сразу же с началом оккупации начали розыск партизан и подпольщиков. К сожалению, никто из состава группы об этом не знал, а стремительное наступление немцев подорвало моральный дух некоторых, оставленных в тылу агентов и часто новоиспеченные

подпольщики оказывались морально сломанными еще до начала своей деятельности. Так случилось и в группе «Буря».

После начала массовых арестов фашистами жителей Луганска хозяин явочной квартиры Шпак, у которого жила радистка Шевцова, напрямую заявил, чтобы она съезжала, так как он не желает быть повешенным немцами, и однажды попросту не пустил девушку на порог квартиры. Он, как и часть других, оказался неготовым к борьбе с врагом и решил отсидеться.

Командир разведывательно-диверсионной группы Кузьмин также не стал искать других способов связи с разведцентром НКВД, он решил ждать до тех пор, пока потерявший своих разведчиков Центр сам не начнет их искать и пришлет связника. А до этого времени всем членам «Бури» следовало затаиться, не предпринимать никаких действий, чтобы не быть раскрытыми раньше времени. «Пианистке» (именно так на языке разведслужб называли разведчиков-радистов) Шевцовой он распорядился немедленно покинуть Луганск и не появляться в городе до особого распоряжения. Но Любу вариант отсиживаться явно не устраивал. В отличие от мужчин из разведгруппы нервы и моральный дух у девушки оказались крепкими. Сначала она пыталась убедить командира хотя бы собирать сведения о немецких воинских частях, так как, когда придет связник, будет что передать на «большую землю». Но тот лишь подтвердил приказ не рисковать без надобности. Тогда Шевцова решила действовать самостоятельно на свой страх и риск и переехала в Краснодон под видом устройства на работу в лояльное немцам кафе-варьете, так как по легенде Люба Григорьева была эстрадной певицей (пригодилось участие в художественной самодеятельности). Это кафе размещалось в здании городского клуба им. В.И. Ленина, в котором уже работали и выступали другие жители Краснодона, в том числе и будущие молодогвардейцы Иван Туркенич, Василий Гуков и Анатолий Лопухов.

Певунья и танцовщица, сообразительная и острая на язык, отчаянная и бесстрашная, Люба имела успех в немецком варьете. Ее шаловливые, а то и откровенно хулиганские песенки-частушки очень нравились немцам, особенно, когда она, пританцовывая, кружилась, показывая свои красивые ножки и ажурное белоснежное нижнее белье. Это приводило в восторг молодых вражеских офицеров.

Красивая, яркая, модно одетая, веселая, с точеной фигуркой, Любовь Шевцова позволяла немецким офицерам назначать ей свидания и провожать домой, ходила по улицам города под ручку с фашистами, провожаемая презрительными и недоуменными взглядами своих земляков, которые не забыли ее отца-передовика, коммуниста и прекрасно помнили Любу в довоенные годы («такая хорошая была девочка и вот...»).

Она ловила на себе эти взгляды, но улыбалась в ответ так, как могла только она: шаловливо, обаятельно, кокетливо. Девушка знала, что эта страшная игра помогала ей легко проходить туда, куда не было доступа остальным для сбора разведывательной информации. И Люба играла без перерыва, даже наедине с матерью, самым близким ей человеком, она не разрешала себе до конца выходить из роли, которую создала сама для большинства жителей оккупированного Краснодона.

Шевцова, конечно же, понимала, что война, тем более партизанская, – это не эстрадный концерт с хулиганским шансоном. Здесь можно погибнуть, испытать нечеловеческие муки, получить увечья. Однако молодость отгоняла страшные мысли. Любовь к Родине и свободе призывали ее, как и других девчонок, в ряды защитников родной страны. Она и ее товарищи по разведшколе НКВД готовы были выполнять самые опасные задания.

Поначалу это поведение дочери очень расстраивало Ефросинью Мионовну, стыдно было смотреть в глаза соседкам и знакомым, но однажды по городу гнали пленных советских солдат. Дочка без страха и стеснения бегала по соседкам и просила собрать что-нибудь из еды, а сама быстренько напекла блинов из кукурузы. Когда по улице мимо дома повели наших измученных, голодных военнопленных, Люба выскочила на улицу и, несмотря на угрозы конвоиров, бросилась в толпу, на ходу раздавая нашим солдатам лепешки и другие продукты. Ее примеру последовали другие женщины и девушки. И вдруг... Шевцова стала обнимать раненого молоденького пленного и голосить: «Ой, братик родненький, ой, отпустите его домой, а то не будет вам счастья». Суеверные румыны, сопровождавшие колонну, поддались уговорам и отпустили ошарашенного от такой встречи с «сестрой» солдатика. Но еще больше были удивлены соседки, которые хорошо знали, что у Любы нет никаких братьев и сестер. Женщины быстро сообразили, что задумала Шевцова, и, отдавая жадным немецким союзникам все, что попало под руки: одежду, обувь, кухонную посуду и другое, – стали упрашивать румын отпустить их «родных» сыновей, отцов и братьев. Конвоиры нехотя, но соглашались.

Русские женщины, униженные и оскорбленные, они готовы были пожертвовать собой ради спасения чужих сыновей, в душе надеясь, что может быть вот так же кто-нибудь поможет и их родным и близким – бойцам Красной Армии.

Приведя в свой дом, Люба с матерью быстро накормили, помыли, перевязали рану и переодели в гражданскую одежду спасенного из плена красноармейца, а грязную, порванную, окровавленную военную форму сожгли. Когда стемнело, девушка, несмотря на комендантский час,

проводила бойца за город, собрав в дорогу хлеба и медикаментов, указала, в каком направлении и как двигаться к линии фронта или к партизанам.

С этого времени Люба заранее узнавала, когда будут вести военнопленных через город или по окраинам и кто будет в охране – немцы или румыны (с румынами было легче договориться). Смело собирала женщин, и все повторялось вновь и вновь. Число спасенных из плена красноармейцев никто не считал – ни мать, ни Люба, их было много. Но вот однажды несколько красноармейцев бежали из лагеря, и Люба спрятала одного из них в погребке под полом в коридоре, хотя это и грозило расстрелом всей семье. Солдат был ранен, истощен, сильно избит, плохо видел (повреждены глаза) и самостоятельно передвигаться не мог, ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Но гестапо и жандармерия с полицией повсюду разыскивали пленных, прятать у себя в доме было опасно. Боец постепенно окреп, оказался земляком, родом из Луганска, и, понимая, какая опасность нависла над его спасительницами, всячески пытался любыми путями уйти из дома Шевцовых. Тогда Люба уговорила немецкого лейтенанта отвезти на его легковой машине пленного красноармейца в Луганск. Немец не только отвез, но и, вернувшись к вечеру того же дня обратно, весело доложил «фройлен Любка», что доставил ее больного «брата» по назначению без происшествий. (Этот красноармеец выжил, но лишился зрения. После войны он специально приезжал в Краснодар в дом Шевцовых поблагодарить за спасение, но, узнав о гибели Любы, стоя во дворе, горько плакал вместе с Ефросиньей Мироновой, понимая, что девушка его спасла, а сама погибла).

Обеспокоенный участием разведывательно-диверсионной группы «Буря», Центр заслал в тыл врага своего представителя для связи и оказания практической помощи. Но присланный связной не смог разыскать в Луганске хорошо «законспирированного» командира группы, тогда он связался с Шевцовой в Краснодаре и дважды был у нее.

Люба передала всю собранную информацию и стала связником представителя Центра в Луганской области. Она часто на несколько дней уходила из дома, устанавливая связь и передавая необходимые данные подпольщикам и партизанам во многих городах и районах Донбасса.

Перед поездкой броская, красивая и необыкновенно артистичная Люба всегда хорошо одевалась и брала с собой небольшой чемоданчик, а возвращаясь обратно и врываясь вихрем в родительский дом, на ходу весело рассказывала матери, где была, но никогда не говорила, что она там делала. Однажды Шевцова съездила на легковой машине со своей родственницей в Миллерово (140 км). Остановив немецкую машину на

дороге, Люба назвалась дочерью заводчика, а свою спутницу отрекомендовала прислужгой. Эта женщина долго вспоминала необычное путешествие в машине с немецкими офицерами.

Соседки заметили частое отсутствие Любы, особенно по ночам, и предположили, что она гуляет с немцами. Ефросинья Мироновна очень переживала по поводу этих разговоров, но Люба сказала матери, чтобы передала особо любопытным, что она ищет отца по лагерям, но о подполье никакого намека даже матери не подала.

На особо опасные задания Люба брала с собой пистолет, который ей выдали еще в разведшколе НКВД, и боевой нож «финка НКВД». Эта хрупкая девушка довольно умело пользовалась и огнестрельным, и холодным оружием. Шевцова, хорошо используя свою легенду, сумела быстро наладить связь представителя Центра с подпольем и партизанами, собирала и передавала ему ценную информацию, но держать связь с руководством советской разведкой, не имея рации, становилось все сложнее. И Люба, несмотря на смертельную опасность, поехала в Луганск.

Попытка установить связь с руководителем группы «Буря», забрать рацию и вывезти ее в Краснодар не удалась. Тогда Люба в тайнике оставила записку Кузьмину, которую написала карандашом на клочке нотной бумаги: «...Я была у вас, что у вас за поганое место... Если вам будет плохо жить здесь, то попробуйте пробраться ко мне, у нас еды значительно больше. А без моего разрешения ничего не делайте. Я, может быть, вывезу или вынесу понемногу все свои вещи. Если придете ко мне, мой адрес: г. Краснодар, ул. Чкалова, 27».

Рискуя жизнью, Шевцова еще несколько раз приезжала в Луганск, разыскивая командира группы и радиостанцию. Отважная девушка, которой 8 сентября 1942 г. исполнилось 18 лет, не знала, что в это время ее рация была уничтожена, а немецкие контрразведчики давно охотятся за ней как за советской радисткой. Любу выдал гестаповцам бывший соратник Шпак, хозяин явки, который трусил, прогнав из своего дома разведчицу. К поискам «пианистки» были привлечены большие силы гитлеровских спецслужб.

Однажды, находясь в Луганске, Шевцова заметила на улице знакомого, который шел рядом с немецким офицером. Это был Козюбердин, он знал агента «Григорьеву» по разведшколе НКВД. Она и не подозревала, что Козюбердин – бывший подхорунжий белоказацких войск, который до войны скрыл свое прошлое, втерся в доверие к Советской власти, и даже стал активистом. С началом оккупации он пошел на службу к фашистам и предал многих своих соратников по подполью. Эта встреча могла нанести непоправимый вред не только Любе, но и всей группе «Буря».

Козюбердин не обратил внимания на «размалеванную, бесстыжую девицу», которая шла под ручку с немецким офицером и о чем-то разговаривала. Это в очередной раз спасло Любе жизнь, так как он и еще несколько предателей из разведшколы под руководством шефа немецкой контрразведки «Мельдекопф-Тайн» Фельске и его помощника Купо разыскивали по городу и области неуловимую радистку «Григорьеву».

Эта неожиданная встреча дала основание Любове Шевцовой понять, что появляться в Луганске (Ворошиловграде) стало небезопасно. Немецкая контрразведка начала охоту.

Еще в августе 1942 г., проходя по улицам Краснодона, Люба видела написанные от руки на листах из школьной тетрадки листовки, призывающие к борьбе с фашистскими оккупантами. По корявому почерку она без труда догадалась, что это работа Тюленина (в классе, в котором они учились вместе, только у них были такие «каракули», за что учительница по русскому языку постоянно делала замечания). Сережка и его друзья люто ненавидели Шевцову и при встрече обходили ее стороной, но по распоряжению представителя Центра Любе было необходимо наладить связь и с этим еще не сформировавшимся молодежным подпольем.

В середине октября 1942 г. Шевцова, через руководителя большевистского подполья Краснодона Ф.П. Лютикова, встретила с Виктором Третьякевичем, которого знала еще по школе как секретаря комсомольской организации (это он отклонил кандидатуру Шевцовой при приеме в комсомол, когда она еще училась). О Любе у него и остальных членов штаба подпольной молодежной организации уже было сложено свое отрицательное мнение, но Филипп Петрович настоял.

С этого времени судьба Шевцовой стала тесно связана с «Молодой гвардией». Это была ее стихия. Непоседливая, энергичная Люба распространяла листовки, вела разведку, добывала медикаменты. Она стала активным членом подпольной молодежной организации, ей нравилось рисковать и действовать, а не только пассивно наблюдать и докладывать. Рядом с ней были такие же бесстрашные непоседы-сверстники, как Сергей Тюленин, которые, как и она, люто ненавидели оккупантов.

Среди молодогвардейцев она встретила с выпускниками разведшколы НКВД Володей Загоруйко, Сергеем и Василием Левашовыми, которые по различным причинам также оказались в Краснодоне. Но сила данной ребятами партизанской присяги была такова, что даже при личной встрече они ни разу не обмолвились между собой о своей учебе и заданиях (Володя Загоруйко и Сергей Левашов даже под страшными пытками, которыми их подвергали как молодогвардейцев, не выдали этой тайны).

Штабу «Молодой гвардии» необходимо было наладить связь с подпольным обкомом партии, и Шевцова вновь, несмотря на грозящую опасность, поехала в Луганск и сообщила руководству подполья области о молодежной организации Краснодона. Связь была налажена, и старшие товарищи рекомендовали руководству молодогвардейцев использовать Любу и Василия Левашова как разведчиков-радивов, умеющих работать на радиопередатчиках. После этой успешно проведенной операции ее единогласно ввели в состав штаба «Молодой гвардии».

Шевцовой хватало на все: она не только распространяла листовки, но собирала и передавала сведения другим подпольным организациям, помогала держать связь с ними, снова ездила в Луганск, Каменск и другие населенные пункты, установила контакт с партизанским отрядом Боково-Антрацита. Об этой стороне деятельности никто из членов штаба, а тем более рядовые молодогвардейцы, не только не знали, но даже не догадывались, а когда она долгое время отсутствовала и штаб, особенно его комиссар Третьякевич, требовал отчета, то Люба со свойственной только ей непринужденностью весело отшучивалась, а если и это не помогало, то просто грубо матерно посылала «куда подальше», и на этом расспросы прекращались.

Это была воистину героиня, патриотка, которая самозабвенно любила свою Отчизну, при этом продолжая работать в немецком кафе-варьете, танцуя и веселя ненавистных ей фашистов.

С немцами она обращалась вольно и смело. Однажды в квартиру Шевцовых на постой определили немецкого офицера, который пытался научиться говорить по-русски. Если они встречались с Любой дома, то немец подводил ее к географической карте и, указывая пальцем то на один город, то на другой, наполовину по-русски, наполовину по-немецки говорил: «Завтра будем пить кофе – вот здесь, а послезавтра здесь». Люба слушала, слушала, а потом взяла и ткнула пальцем в Сталинград: «А когда здесь будете пить кофе?» Это был вызов. Фашисты давно всему миру объявили, что Сталинград захвачен немцами, тем более все профашистские листовки и газеты ничего не сообщали о крупном поражении фашистов на Волге, поэтому немец рассвирепел, вскочил, забежал по комнате, потом снова сел и нервно забарабанил пальцами по спинке стула. Возникла тягостная пауза, Люба находилась на грани провала. Выручила молоденькая кошка Шевцовых. Она посчитала, что немец, стуча пальцами по спинке стула, с ней играет, притаилась и молниеносно прыгнула на руку немецкого офицера, поцарапав ее. Фашист от неожиданности вскрикнул, подпрыгнул, схватился за кобуру пистолета и заорал: «Лубка партизан, матка партизан, и кошка партизан!», – а Люба «покатилась со смеху».

Для досуга немецких офицеров в Краснодоне работало кафе-варьете, куда был запрещен вход фашистским солдатам, поэтому Шевцова подсказала членам штаба «Молодой гвардии», что можно восстановить деятельность довоенного коллектива художественной самодеятельности. Инициатива ребят вызвала поддержку у местной администрации и комендатуры, которые долго пытались воссоздать деятельность клуба им. А.М. Горького, но у них ничего не получалось, а тут такая «удача». В начале декабря 1942 г. при заново открытом немцами клубе стала организовываться концертная бригада. Евгению Мошкову в городской управе предложили стать директором клуба, а Ивану Земнухову – главным администратором. Виктора Третьякевича назначили художественным руководителем оркестра. Городской клуб становился центром всей работы молодых подпольщиков.

В это же время многие молодогвардейцы получили повестки для отправки в Германию. У некоторых началась паника, они предложили уйти из Краснодона и завершить деятельность организации, но большинство членов штаба поддержали командира Туркенича, который рекомендовал всем молодогвардейцам сжигать повестки, не являться на сборный пункт и продолжать работу.

На следующий день, провожая Любу с работы в варьете, не в меру говорливый немецкий офицер, осыпая Шевцову комплиментами, проговорился, что Германии для работы нужны здоровые и крепкие молодые люди и на днях они вывезут их на работу в «фатерлянд».

Вскоре, сославшись на плохое самочувствие, Люба распрощалась со своим «доброжелателем» и, побродив для безопасности по улицам, направилась к дому Олега Кошевого, где проходило заседание штаба «Молодой гвардии». Шевцова вбежала в квартиру и прямо с порога выпалила страшную новость. Она предложила сжечь ненавистную биржу. Ее поддержали Туркенич, Тюленин и другие, но некоторые засомневались, что это невозможно. Разгорелся спор, к общему решению не пришли, и разговор перенесли на завтра.

Когда вышли на улицу, Сергей Тюленин сказал Любе: «Пока они будут шевелить мозгами, давай завтра же встретимся около биржи через час после ее открытия и сами разберем все по косточкам и покумекаем». Шевцова с ним согласилась.

На следующий день Тюленин пришел не один, а с Владимиром Лукьянченко. Учеба Любы в школе НКВД, как и выработавшаяся у Сергея осторожность, пригодились и на этот раз. После открытия биржи ребята как посетители, выдерживая интервал в 30 минут, заняли очередь, вели

себя тихо, никого не затрагивали, делали вид, что пришли что-то выяснить, оттого терпеливо ожидали своей очереди. Одновременно они осмотрели расположение комнат, куда какие двери вели, и, главное, место хранения вербовочных карточек. Не задерживаясь долго, как опытные разведчики юные герои не спеша вышли и, собравшись вместе в парке, обменялись мнениями, уточнили некоторые детали расположения мебели и самих комнат, конкретизировали детали операции. Люба также предупредила, чтобы ребята переоделись в то, что не бросается в глаза: шапки, фуфайки, пальто, но не в то, во что они сейчас одеты.

Затем Шевцова и Тюленин направились в клуб, в котором находились другие члены штаба, чтобы известить их о своих намерениях. Выслушав Сергея и Любу, Третьякевич резко заметил, что это чистая анархия, его поддержал Земнухов, но Туркеничу и остальным план понравился. В конце концов, штаб вынужден был согласиться с операцией, которую уже нельзя было отменить. Иван Туркенич пообещал прикрыть отход группы с надежными ребятами, которые в случае опасности им помогут.

В эту же ночь на 5 декабря 1942 г. молодые патриоты осторожно подкрались к зданию биржи. Нет, они не пришли «еще засветло, засели в густом кустарнике и дождались темноты», потому что в это время по приказу начальника биржи Барабаша уборщица убирала вокруг дома скопившийся в кустах мусор, наводила порядок и могла их увидеть.

Ночь выдалась на редкость темной и ветреной. Тюленин с Лукьянченко, вынув предусмотрительно приготовленные тряпки, тихо выдавили оконные стекла. Помня, что в одной из комнат может находиться полицай, молодогвардейцы бесшумно проникли в помещение. Облив бензином вербовочные карточки, а также столы, заваленные бумагами, и обитые тканью стены машинописного бюро, они затем раскидали по диванам и стульям, подложили под портьеры палочки артиллерийского пороха. Подпалив одновременно три комнаты, ребята стремительно (насколько позволяли выбитые оконные стекла) выскочили на улицу. Отход группы смельчаков обеспечивала группа прикрытия Ивана Туркенича.

Деревянное здание быстро охватило пламя. Над домами шахтерского города оно поднялось в вихре искр, как знамя вечно боевой, свободной молодости, идущей на смертный бой за счастливую жизнь. В неистовом пламени сгорели документы более двух тысяч юношей и девушек, которых фашисты хотели отправить на каторжные работы в Германию. Только за одну эту операцию юные герои заслуживают вечной благодарности и памяти потомков.

Сбежавшиеся со всех концов города жандармы и полицаны не смогли потушить пожар. Следов поджога обнаружить не удалось, поэтому

своему начальству фашисты доложили, что биржа труда сгорела вследствие замыкания электрических проводов.

Это радостное известие для многих жителей Краснодона и сел района произошло в канун государственного праздника - Дня Конституции. Составлять новые списки гитлеровцам и их прихвостням было уже поздно.

После этой диверсии Тюленин с большой похвалой стал отзываться о Любе, о ее осторожности и предусмотрительности, и сожалел, что не знал о существовании разведшколы, которую окончила она.

А Шевцова, как ни в чем не бывало, как всегда красиво одетая, накрашенная, в этот вечер выступала перед немцами в кафе, и о том, что она совершила, даже подумать никто не мог. Домой Люба вернулась поздно, а утром мать от соседей узнала, что биржа сгорела дотла, и поспешила сообщить об этом дочери.

Это событие успокоило молодогвардейцев, получивших повестки, но штаб «Молодой гвардии» настоятельно рекомендовал членам организации временно устроиться на работу в клуб («для отвода глаз»), пока немцы вновь не восстановят картотеку. Тем более что артистам оккупанты выдавали документ, запрещающий использовать «верные Германии» таланты на грязной работе в качестве батраков. В концертной бригаде были быстро созданы: струнный ансамбль, танцевальная труппа, вокальная капелла, кружки атлетический и мелодекламации. Концерты слушали, в основном, немцы, и у прекрасной танцовщицы и певуньи Любы Шевцовой завелись новые поклонники, через которых она и ее друзья-артисты свободно добывали разведывательную информацию. Основной состав концертной бригады состоял из молодогвардейцев, а руководили кружками, как правило, члены штаба организации. Это позволяло вполне легально собираться, якобы для репетиций, и обсуждать вопросы деятельности подпольщиков.

Домой к Шевцовым стали приходить Тюленин, Мошков, Попов, Туркенич, Земнухов, Третьякевич. Они играли, пели и танцевали, репетируя перед выступлениями в клубе, и негромко обсуждали задачи «Молодой гвардии», да так, что Ефросинья Мироновна ничего не заподозрила.

А вечером броская, красиво одетая, с точеной фигуркой Любка-артистка выступала на сцене клуба, а потом в кафе, поражая окружающих врагов и товарищей по борьбе своей непосредственностью. Она вертелась перед немцами, пела и плясала, очень часто импровизируя. Так, на одном из первых концертов в клубе перед немецкими солдатами Люба исполняла лирическую песню о молодом шахтере «Спят курганы темные» композитора Н.В. Богословского из кинофильма «Большая

жизнь» (1939). Убедившись опытным взглядом, что в переполненном зале нет полицаяв, Шевцова красиво запела:

Спят курганы темные,

Солнцем опаленные,...

Вышел в степь донецкую

Фриц с одной ногой!!! (парень молодой – авт.)

Оркестр сбился с ритма, так как некоторые музыканты отчетливо слышали слова песни и были потрясены смелостью и дерзостью актрисы, а фашисты, не понимавшие ни единой строки, были в восторге.

Ее необыкновенная артистичность заводила не только немцев, но и молодежный молодогвардейский оркестр, который играл с таким наслаждением, как будто отмечал победу над ненавистным врагом, а отчаянная Любка-артистка, поражая всех, начинала петь веселые хулиганские частушки, пританцовывая:

«Когда мать тебя рожала,

Вся милиция дрожала,

Ты родился уркаганом

Чтобы лазить по карманам...»

И тут же без паузы и остановки:

«Клейст поехал на Моздок, (немецкий военачальник – авт.)

Да хреновый был ездок,

Подвела его кобыла,

До могилы дотащила...»

Зал взрывался овациями и восторженными криками вражеской публики, ей долго и бурно аплодировали немецкие солдаты и офицеры, задаривая шоколадом. С наименьшим восторгом и вдохновением покидали стены клуба после концерта и молодогвардейцы.

Шевцова стала «своим человеком» среди оккупантов, которые охотно посещали клуб. Она весело танцевала, игриво исполняла легкие песенки (иной раз на немецком языке, что очень нравилось гитлеровцам), звонко и заразительно смеялась, кокетничала с офицерами. Так казалось со стороны. На самом же деле Люба никогда не забывала, что она разведчица. Поэтому напряженно прислушивалась к разговорам и не так уж редко, вроде бы случайным вопросом, понуждала фашистов выбалтывать то, что интересовало подпольщиков.

В середине декабря 1942 г. связная областного коммунистического подполья Любовь Шевцова, вернувшись из Луганска, сообщила членам штаба «Молодой гвардии», что Виктор Третьякевич (кличка «Славин») соврал. Он не был направлен командиром партизанского отряда в Краснодар, его отряд

был полностью уничтожен фашистами еще в сентябре 1942 г. Третьякевич стал оправдываться, но всех возмутило то, что он не сказал правду, по предложению Шевцовой с должности его сняли (об этом свидетельствовала в своих показаниях Ольга Иванцова – авт.), оставив членом штаба, а комиссаром организации выбрали Олега Кошевого.

Для католиков немцев и румын наступали рождественские праздники, поэтому фашистское руководство Краснодона решило широко отметить эти дни для «освободителей»: провести концерт и праздничное застолье в здании дирекциона (администрации). Молодогвардейцы тоже готовились. Они заранее занесли, спрятали в подвале под клубом и подготовили к взрыву несколько килограммов взрывчатки и бутылок с зажигательной жидкостью. В условленный час после концерта, когда все выступающие молодогвардейцы покинут здание, решено было уничтожить фашистов и их прихвостней одним мощным ударом. Об этом доложили в Ростовский подпольный обком. Ждали только сигнала, но за 15 минут до взрыва к командиру «Молодой гвардии» ворвалась Люба Шевцова и передала приказ немедленно отложить взрыв, так как коммунисты-подпольщики считали, что после этого акта справедливого возмездия над врагами Родины немцы стерли бы с лица земли весь небольшой город.

Гитлеровцы долгое время тщетно пытались раскрыть организацию и на ее след напали совершенно случайно, даже не подозревая об этом.

Одним из самых страшных грехов для немцев, даже в Германии, считается воровство. На оккупированной территории они без суда и следствия расстреливали и вешали на фонарных столбах всех, кого только заподозрили в краже, а не только совершивших это зло.

1 января 1943 г., проверяя рынки, полицаи задержали 12-летнего подростка, который торговал сигаретами «Люкс». Мальчишку избили, пригрозили арестовать и избить маму, и он признался, что сигареты ему дали Евгений Мошков и Виктор Третьякевич (накануне молодогвардейцы осуществили нападение на конвой немецких грузовиков, который перевозил новогодние подарки для солдат вермахта). В городском клубе и на их квартирах провели обыски, в ходе которых были обнаружены украденные мешки с немецкими подарками. Сомнений не осталось, полицаи доложили в гестапо и приступили к допросам.

В этот же день был арестован Иван Земнухов, который сам пришел в полицию, наивно пытаясь выручить Мошкова и Третьякевича. Их долго секли плетью, пытаясь заставить признаться в краже, требовали назвать соучастников. Но Мошков, Земнухов и Третьякевич категорически отрицали свое участие в краже. Полицаи собирались уже их

отпустить, когда 3 января 1943 г. к начальнику полиции доставили Геннадия Почепцова из первомайской группы, который, испугавшись, написал донос и выдал молодогвардейцев. Но в списках членов «Молодой гвардии», которые составил подонок, фамилии Шевцовой не значилось, а ведь она была активным членом штаба организации.

4 – 5 января 1943 г. полиция и гестапо провели массовые аресты молодых патриотов и коммунистов.

Обеспокоенные члены большевистского подполья обратились к своему командиру Ф.П. Лютикову за советом, что можно сделать, чтобы выручить ребят, но Филипп Петрович направил их к... Любе Шевцовой, сказав, что она «большой человек» и через нее «можно большие дела делать».

К сожалению, до сих пор не рассекречены архивы НКВД (КГБ, ФСБ) и мы многого не знаем о деятельности разведчицы Шевцовой (Григорьевой), и лишь по воспоминаниям матери и оставшихся в живых молодогвардейцев можем судить о ее поступках.

Ефросинья Мироновна очень просила дочь скрыться, но Люба не согласилась. 7 января 1943 г. она быстро собралась, сказала маме, что не может бросить в беде своих товарищей, и уехала в Луганск. Шевцова, понимая всю смертельную опасность, все же направилась в дом предателя Шпака, где оставила свою радиостанцию, рассчитывая на внезапность появления и быстроту исчезновения. Но служба немецкой безопасности СД давно выставила засаду на «пианистку» и без приказа ее не снимала. Фашисты долго, упорно ждали на проваленной явке радистку и, когда Шевцова переступила порог дома, арестовали ее. Это произошло 8 января 1943 г. Попытка Любы попытаться связаться по радио с командованием Красной Армии, чтобы попросить помощи для попавшей в беду «Молодой гвардии», была обречена на провал. Удача отвернулась от нее.

Ее допросили, но она в очередной раз что-то соврала, тогда под конвоем Шевцову доставили в Краснодон. Используя все свое очарование, она уговорила немецких конвоиров по дороге в тюрьму заехать к ней домой, якобы переодеться. Ефросинья Мироновна уже слышала от соседок, что в город привезли какую-то «артистку-пианистку из Ворошиловграда», которая прятала рацию. Она в который раз была крайне удивлена и расстроена, когда на пороге дома под конвоем немцев и полицайев появилась ее дочь. Переодеваясь за шкафом, Люба успела шепнуть ошеломленной и подавленной матери, чтобы та немедленно сожгла все, что находится в чемодане, оставленном Георгием Арутюнянцем. Прощаясь с мамой, она не знала, что видит ее в последний раз, и все еще надеясь на свою удачу, взяла с собой туалетные принадлежности, лекарство и... губную гармошку.

Как только Шевцову увели, Ефросинья Мироновна раскрыла чемодан и быстро стала бросать в топку печки пачки бумаги, перевязанные шпагатом, с напечатанными листовками. Она успела вовремя. Еще не все сторело, и бумага тлела в печи, как в дом вернулись полицаи и стали проводить обыск, но в горящую печь заглянуть не догадались. У Шевцовых они ничего не нашли.

В Краснодар для допроса Любы немедленно выехал немецкий спецработник СД. Местной полиции и жандармерии было дано распоряжение никаких самостоятельных действий по отношению к Шевцовой не предпринимать. Гитлеровцы рассчитывали использовать ее в своих целях. С помощью радистки они намерены были организовать «радиоигру», передавая советскому командованию дезинформацию, а также собирались вскрыть ту часть советского подполья, которую не удалось обнаружить. Фашисты пытались добиться от Любы сведений о советской разведке, шифры для передачи сведений и явки.

Сначала на нее воздействовали обещаниями благ, потом перешли к угрозам. Но здесь проявился жесткий характер девушки, она попросту смеялась в глаза немцам и не сообщала никаких ценных сведений. Не добившись своего посулами и угрозами, гитлеровцы перешли к пыткам, но Шевцова даже в холодных фашистских застенках не падала духом, подбадривала и успокаивала других, старалась поднять дух арестованных товарищей, а своей дерзостью и строптивостью приводила в растерянность своих мучителей и палачей. Люба не скрывала, что она партизанка-подпольщица, но ни разу не обмолвилась о том, что была членом «Молодой гвардии».

Не добившись ничего, фашисты перевели ее в застенки полиции и к допросам Шевцовой подключили полицаев-предателей во главе со старшим следователем Усачевым, надеясь с их помощью ускорить ее признания. Но и этот ход ничего не дал.

Подонки перед допросом и истязаниями раздевали свои жертвы догола и укладывали на лавку или на бетонный пол. Для молодых женщин и девушек эта процедура была страшнее смерти. Но каково было изумление полицаев, когда на первом же допросе еще в коридоре Люба начала громко кричать и проклинать своих палачей. Этот крик и ругань продолжались и в пыточной, она не позволила полицаям сорвать с себя одежду, а сама разделась. Подонки с изумлением и восторгом смотрели на нее, ее белоснежное ажурное белье и тело, а когда приступили избивать шомполами, то она не просила о пощаде, не плакала, а еще больше стала кричать, переходя на такой отборный русский мат, что выдавшие в своей жизни многое полицаи, сами в большинстве своем отсидевшие в тюрьмах, были в шоке от услышанного, которое несло сплошным потоком из нежного ротика этой красивой белокурой девчонки.

Так продолжалось каждый раз, но Люба ни в чем не сознавалась. Мало того, она сочиняла и, выходя в коридор, громко пела частушки:

«Молодогвардейцы веселы,
Головы не вешали,
Наша армия идет,
Полицаям «бошки» оторвет».

А подругам, сидящим с ней в камере, говорила: «Любка сумеет умереть честно». Чтобы как-то успокоить маму, она сумела из застенков передать ей записку: «Здравствуйте, мамочка и Михайловна. Мамочка, Вам уже известно, где я нахожусь... Прости меня за все, может быть, я тебя вижу в последний раз, а отца, наверное, не увижу. Мама, передайте привет тете Маше и всем, всем... Не обижайтесь, с тем до свидания. Твоя дочурка Любаша».

В камере с ней сидели многие молодогвардейцы, и она уже знала, когда их выводили на расстрел. Это было страшнее пыток.

Краснодон стал прифронтовым городом, гитлеровские войска под могучими ударами частей Красной Армии быстро отходили на запад. Жандармы и полиция готовились к эвакуации.

В последних числах января была арестована семья Тюлениных. Родителей и сестру Сергея с маленьким сыном поместили в камеру, в которой кроме Шевцовой находились Аня Сопова, Рая Лавренова с матерью и отец успевшего сбежать Степана Сафонова. После допросов и пыток девушки, успокаивая друг друга, о чем-то тихо разговаривали, пели песни веселые и боевые, чем немало удивляли старших. Люба просила матерей молодогвардейцев не убиваться в горе, вселяла в них уверенность в скором освобождении, жалела, что «мало этих гадов прикончили».

31 января 1943 г. палачи расстреляли последних молодогвардейцев в Краснодоне. А Любовь Шевцову, по приказу начальника окружной жандармерии гауптмана Ренатуса, фашисты под усиленным конвоем доставили в г. Ровеньки, вместе с ней перевезли и Раису Лавренову, которая категорически отрицала свою связь с молодогвардейцами. Туда же по морозу, на телеге полицай Подтынный перевез связанных, полуголых Семена Остапенко, Дмитрия Огурцова, Виктора Субботина, хотя они и были уверены, что их сразу расстреляют, как только вывезут из краснодонской тюрьмы.

Семен Остапенко

Дмитрий Огурцов

В ровеньковской полиции Любу поместили в мужскую камеру, где находилось уже 14 человек. Сырая и темная, она была переполнена так, что мужчины даже лежали попеременно. К физическим мучениям фашисты прибавили моральные. Но Люба и здесь не унывала и не сдавалась. Потом ее перевели в женскую камеру, в которой она познакомилась с арестованными советскими разведчицами Анастасией Пикаловой, Марией Поповой и Софьей Заболоцкой, которые еще прошлой осенью при переходе линии фронта были задержаны румынами и переданы в гестапо. Люба представилась партизанкой, но ей вначале не поверили, сочли за провокатора. Но когда к ее допросам подключился лично начальник ровеньковской полиции Орлов, который отличался особой жестокостью, и Шевцову избитую, измученную приносили и бросали в камеру, отношение к ней изменилось.

Несколько раз девушек под конвоем водили на работы по уборке помещений жандармерии и гестапо. Они посоветовали Любе бежать, так как она хорошо знала местность и могла укрыться до прихода наших войск, но у нее был свой план. На допросах Шевцова специально сказала фашистам, что в Луганске спрятана резервная радиостанция, и надеялась, что немцы повезут ее в город, а по дороге она совершит побег или ее освободят партизаны. Но все вышло иначе.

Из ровеньковской полиции Шевцову передали в жандармерию, которой руководил лейтенант Бернгардт Веннер и его заместитель Иосиф Фромме. Они лично занялись «партизанской радисткой». Вначале ее посадили в одиночную камеру с холодным, как лед, бетонным полом. Все знали, что это делают перед расстрелом, знала об этом и Люба. Но признаний от нее они так и не добились, хоть и «славились», даже среди фашистов, своей жестокостью.

Жандармский взвод Ровеньковского района за время оккупации вместе с полицией расстрелял в Гремучем лесу большое число советских патриотов и все еврейское население. Еще летом 1942 г. его командир лейтенант Веннер, собрав весь состав взвода, объявил, что расстрелы будут основной работой жандармов. Подвал городской больницы ровеньковская жандармерия превратила в камеру пыток, где мучили советских патриотов, там же видели и Шевцову.

Ее допрашивали лично Веннер и Фромме, которым верно служили

переводчиками предатели из числа немцев-поселенцев. Девушку опять били, ее волевой нрав, жизнерадостность и хладнокровность выводили из себя фашистов. Измученная, она еще находила силы петь в камере песни, подбадривая товарищей и вспоминая родителей, говорила: «Я знаю, что меня ожидает. Жаль маму: она совсем одна осталась. А папка ничего уже не узнает о своей Любаше».

Как-то вечером лейтенант Веннер напился и вызвал Шевцову на допрос. Когда она зашла, он потянулся ее обнимать. Мгновенно прозвучала хлесткая, как удар кнута, пощечина по его фашистской морде. У немца глаза на лоб полезли, он сразу же протрезвел и начал угрожать расправой, а Люба громко захохотала. На удар и смех девушки быстро сбежались жандармы и полиция, которые, оценив ситуацию, стали посмеиваться над своим грозным начальником. Слухи об этом происшествии дошли и до вышестоящего командования, которое заинтересовалось Шевцовой, и из Красного Луча приехал «целый» гауптман.

Но Люба, как и прежде, на допросах вела себя вызывающе, иронически улыбалась и на все вопросы отвечала дерзко. Она кусалась, плевала им в лицо, но ни одного слова признания озверелым гестаповцам не удалось вырвать у бесстрашной девушки, и ее снова перевели в застенки полиции.

4 февраля 1943 г. немцы повсюду вывесили траурные флаги по случаю разгрома их войск под Сталинградом.

Допросы Шевцовой продолжались. Их проводили следователь Белых и начальник полиции Орлов. Девушку избивали до потери сознания, несмотря на ее пронзительные крики и ругань: «Проклятые фашисты, полицейские гады, звери, подонки, изверги...» Они требовали указать место хранения радиопередатчика, но Шевцова в категорической форме отказалась давать показания. Люба не церемонилась со своими палачами. Очевидцы рассказывали, что она пела песни, когда ее вели на допрос, ругалась, даже дралась. Били ее, она падала, поднималась и снова пела. Каждый вечер ее вызывали на допрос, а через 1,5-2 часа страшно избитую вталкивали обратно в камеру, и она часто падала прямо у порога.

Ее палач Орлов впоследствии на допросах вспоминал: «Огонь-девка, демон в юбке! Ее шомполами секут, а она губы кусает от боли, да нас бранит, и такими черными словами, каких я и от солдат не слышал».

Как-то днем после ночных допросов Шевцову послали на аэродром помыть полы в комнатах немецких офицеров, Люба вылила воду из ведер на пол и открыла окна. На улице стоял мороз, и в комнатах быстро образовался каток. Пришлось фашистским летчикам ехать в город и там ночевать, пока все не оттаяло, а полеты были отменены.

Шевцову мучили и пытали больше, чем любого другого молодогвардейца, но ничего от отважной девушки враги не добились.

Однажды в камеру вошел полицейский: «Шевцова, одевайся, пошли эвакуироваться на Луну». Когда он вышел, Люба сбросила одежду, сняла черный жакет, теплое белье и сказала: «Возьмите кто-нибудь, мне оно уже ни к чему, а в камере холодно», – затем накинула на маечку пальто, побежала к покрытой серой изморозью стене камеры и быстро нацарапала: «Мама, я тебя сейчас вспомнила. Твоя дочурка Любаша. Прошу простить меня. Шевцова. Взяли навеки. 7.02.43 г.».

Но в эту ночь ее не расстреляли. Любе еще раз пришлось пережить ожидание смерти, когда ее забирали из камеры, говоря, что ведут на расстрел, и возвращали. Самые жестокие муки не могли сломить ее непоколебимую волю, хотя своим подругам при встречах она сознавалась, что ей не избежать смерти: «Вчера опять меня допрашивали Орлов и Бельх, допрашивали упорно, а Орлов жестоко избил резиновой плеткой, нанес 25 ударов. Я думала, что пришел конец, однако отпустили, но, видимо, еще будут мучить. Они требуют от меня показаний...» И так каждый день. Люба знала, что ей угрожает смерть, но не просила пощады, а лишь с постоянным упорством посылала на головы своих палачей проклятия.

О чем она думала в эти последние дни? Вероятно, о жизни на свободе, которая раньше была просто жизнью, а теперь казалась счастьем. Конечно, хрупкой девушке, которую так и не смогли подчинить своей воле фашисты, хотелось крикнуть сквозь каменные стены всем живущим на воле: «Я не сдалась, никого не выдала, и мне так хочется жить!»

Рано утром 9 февраля 1943 г. в камеру к Шевцовой зашел какой-то важный фашист вместе с жандармом и, заметив ее, спросил, почему в тюрьме такая молодая, красивая девушка. Люба плюнула ему в лицо и сказала: «Я – молодая партизанка, розумеешь, гад!» (в общении между собой и с родителями многие девушки и юноши, как и взрослые, разговаривали на малоросском, народном языке, сформировавшемся на южнорусских окраинах, своеобразной смеси русского и украинского языков).

На стене камеры она успела нацарапать: «Прощай, мама, твоя дочь Любка уходит в сырую землю», – а когда стали выводить, Шевцова закричала: «Передайте всем: я люблю жизнь...» – и запела.

Дорога в Гремучий лес проходила через город, и многие жители видели, как вели на расстрел советских патриотов. Но в этот раз каратели усилили охрану арестованных, так как в казни Шевцовой пожелал принять участие начальник ровенского гестапо, который хотел лично посмотреть, как будут вести себя молодогвардейцы.

Впереди шли по снегу босые, в одном нижнем белье Остапенко, Огурцов и Субботин. Последняя тройка была женская: Люба и две женщины, одна из них несла 3-летнего ребенка. В темно-синем пальто с гордо поднятой головой шла Шевцова. Так смело и бесстрашно может идти на смерть только человек, который знает, за что умирает.

В 1947 г. советским правосудием были разысканы и привлечены к уголовной ответственности фашисты Я. Шульц, О. Древитц, Э. Шредер, которые прибыли из Магдебурга в составе зловещего отряда.

Эсэсовец Древитц, лично пытавший и расстреливавший молодогвардейцев, рассказал на допросе о последних минутах жизни Любы Шевцовой: «Из числа расстрелянных во второй партии я хорошо запомнил Шевцову. Она обратила мое внимание своим внешним видом. У нее была красивая, стройная фигура, продолговатое лицо. Несмотря на свою молодость, держала она себя очень мужественно. Перед казнью я подвел Шевцову к краю ямы для расстрела. Она не произнесла ни слова о пощаде и спокойно, с поднятой головой приняла смерть».

Это же подтвердил и жандарм Шульц, который принимал непосредственное участие в расстреле Любы Шевцовой: «Стояла она, выпрямившись, с головы упал большой белый платок, открыв светлые волосы. Фромме подал сигнал, прозвучал залп: люди стали падать, только Шевцова стояла и не своим голосом кричал ребенок, лез к краю ямы и звал мать. Фромме подбежал ко мне: «В чем дело?». У меня отказал карабин. Фромме приказал стрелять жандарму Коллендеру. Прозвучал выстрел, и она упала в могилу».

По версии очевидца расстрела С.В. Каралкина: «В нескольких шагах от ямы она (Шевцова – авт.) вдруг остановилась, сорвала с себя и бросила под ноги ближайшего гитлеровца пальто и шаль, открыв локоны светлых волос, спущенные на плечи, разорвала маечку и, с ненавистью взглянув в лицо Веннеру, крикнула: «Стреляйте! За нас ответите, гады! Наши подходят! Смерть...» Раздались выстрелы. Она пыталась еще что-то сказать, но запрокинулась и упала в яму».

Это произошло 9 февраля 1943 г.

17 февраля 1943 г. советские войска освободили г. Ровеньки от гитлеровцев. Местные жители указали сотрудникам НКВД место массовых

Виктор Субботин

расстрелов во время оккупации в Гремучем лесу. Начались раскопки. Было эксгумировано 375 трупов расстрелянных мирных жителей.

20 марта 1943 г. останки Любови Шевцовой, на теле которой было вырезано несколько звезд, с изуродованным разрывной пулей лицом, тела Олега Кошевого и других молодых патриотов были перезахоронены в братской могиле жертв фашизма в центре г. Ровеньки – в сквере имени «Молодой гвардии».

По одной из версий Люба и после своей смерти оставила тайну: при перезахоронении на груди девушки была обнаружена ладанка, в которой лежала молитва «Отче наш» и бумажка с двумя десятками букв – это был шифр, который до сих пор никто не смог расшифровать.

Профессионалом разведки Шевцова так и не стала, но свой долг перед Родиной исполнила до конца.

Ефросинья Мироновна, как и многие другие родители, узнала правду о «Молодой гвардии» и о роли ее дочери в борьбе с фашистами только после освобождения Краснодона. Ей не приходило в голову, что ее доченька была разведчицей и связной подпольной организации. Она так и не смогла поверить, что больше не распахнется с шумом дверь и ее Любаша, Любка-артистка, не войдет с гитарой в руках, жизнерадостная, стройная, нарядная и скажет что-нибудь веселое и озорное... Ее непокорный, неугомонный, вечно живой дух остался навеки в сердце матери.

Рансе Лавреновой удалось бежать из ровеньковской тюрьмы, и после освобождения она рассказала Ефросинье Мироновне подробности последних дней жизни Любы и передала ее записку, которую Шевцова успела написать перед расстрелом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. члену штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Любови Григорьевне Шевцовой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», также она посмертно была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Именем Л.Г. Шевцовой были названы улицы в Днепропетровске, Луганске, Волгограде, Красноярске, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Ульяновске и других населенных пунктах России и стран СНГ. В Воронеже ее именем названы улица и переулок в Юго-Западном микрорайоне Советского района.

Бюст Л.Г. Шевцовой установлен на Аллее молодогвардейцев в Луганске, Краснодоне, Ровеньках.

В 1972 г. был построен прогулочный катер «Люба Шевцова», который

был приписан к порту Ялта (с осени 2011 г. не эксплуатируется).

В советское время многие пионерские дружины носили ее имя. В Музее «Молодая гвардия» хранятся материалы, рассказывающие о жизни и подвиге Любви Григорьевны Шевцовой.

В 2022 г. почта Луганской Народной Республики выпустила блок марок «80 лет со дня основания «Молодой гвардии» с изображением юных героев. Одна из марок блока посвящена Любви Шевцовой.

30 сентября 2022 г. в исторический день 80-летия со дня основания подпольной организации «Молодая гвардия» Государственному общеобразовательному учреждению ЛНР «Молодогвардейская средняя школа № 10» распоряжением Правительства Луганской Народной Республики присвоено имя Героя Советского Союза Любви Григорьевны Шевцовой, ставшей символом мужества и стойкости защитников родной земли в годы Великой Отечественной войны.

Подвиг Любви Шевцовой – истинной героини земли русской, золотыми буквами навсегда будет вписана в историю нашей страны и вечно будет жить в сердцах будущих поколений.

Арутюнянц
Георгий Минаевич
(01.06.1925 — 26.04.1973)

полковник

кандидат исторических наук

Член штаба – ответственный за агитационную работу, информацию и выпуск листовок,

один из организаторов подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия»

Преподаватель Военно-политической ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Краснознаменной академии им. В.И. Ленина

Георгий Минаевич Арутюнянц родился 1 июня 1925 г. (31 мая 1925 г.) в г. Новочеркасске Ростовской губернии (столица Земли Войска Донского) на ул. Михайловской, в доме № 55, в семье служащего: Минаса Артемовича (Артеми) и Татьяны (Тагуи) Никитичны. Старшему сыну Владимиру уже было 15 лет (1910 г.р.). Войны, разруха, голод и болезни не давали возможности семье иметь еще детей. Поэтому Жора был долгожданным ребенком, который рос на радость родителям спокойным, не по годам развитым всеобщим любимцем. В детстве Жора был тихим, но настойчивым мальчиком. Гулял в основном во дворе своего дома, никуда с соседскими ребятами не бегал, но уже в 5-летнем возрасте интересовался книгами.

В 1931 г. семья Арутюнянц переехала в Сорокино (Краснодон с 1938 г.). И на следующий год младший сын упросил родителей отвести его учиться в школу. Уступив многочисленным просьбам Жоры, они согласились и убедили в этом директора. Счастливый и ликующий, младший Арутюнянц переступил порог школы № 1 им. А.М. Горького. В своем первом классе он был самым младшим, потому что остальные мальчики и девочки пошли в школу с восьми лет, а Георгию только исполнилось семь.

Преподавали им замечательные учителя: Клавдия Федоровна Кузнецова – учительница литературы и русского языка, помогала ученикам постигнуть красоту русской речи и величие произведений классиков русской литературы; Антон Васильевич Улызко – учитель украинского языка и литературы, человек веселый и остроумный, который никогда не унижал достоинства маленьких строителей новой жизни на Донбассе, даже нерадивых и неуспевающих; Анна Виссарионовна Гаврютина – учитель химии и естествознания, строгий, но чуткий и отзывчивый человек, увлекала ребят необозримыми возможностями быстро развивающейся науки. Они сумели воспитать не просто замечательных юношей и девушек, но и горячих патриотов своей Родины, которые вскоре своими действиями это доказали.

В школе № 1 Арутюнянц учился безотрывно и очень хорошо все годы. В начальных классах он красиво рисовал, вышивал и играл в шашки, а все свободное от учебы время уходило на катание на коньках, лыжах, на чтение книг, а также на игру в шахматы. В старших классах, по примеру своего старшего брата Владимира, Жора увлекся коллекционированием. У него были хорошие коллекции бабочек, марок и денег. Он очень любил читать и каждую прочитанную книгу записывал в тетрадь. Увлекался музыкой и любил спорт.

Вместе с ним учились в одном классе много ребят, но судьба крепко связала его на многие годы с Василием Левашовым. С его братом – Сергеем Георгий познакомился только в десятом классе.

Георгий Арутюнянц

Семья Арутюнянц все эти годы жила в небольшом частном доме на окраине Краснодона в очень уютном месте, которое каждое лето утопало в зелени и цветах. Отец где-то купил настоящий летний «летчицкий» шлем, с которым Жора не расставался никогда. Многие ребята по этому поводу ему очень завидовали, ведь не у всех в школе были даже кепки. И этот шлем на многие школьные годы стал его визитной карточкой, по которой всегда можно было узнать, где он находится и что делает.

Он учился хорошо и как-то незаметно быстро вырос, став высоким, скромным, красивым парнем с типичной внешностью для выходца из Армении, что очень нравилось некоторым девочкам, но смущало Жору. Аккуратный, чистоплотный, настойчиво отстаивающий свои убеждения, он во всем любил порядок и дисциплину. В ту пору юный Георгий был абсолютно уверен, что гораздо полезнее читать книги, чем «гоняться по парку за девочками...»

В январе 1941 г. его приняли в комсомол. Георгий стал еще более серьезным, ответственным, требовательным к себе, много внимания уделял общественной работе, поэтому вскоре ребята избрали его членом комитета комсомола школы.

22 июня 1941 г., услышав страшную весть о начале Великой Отечественной войны, 16-летний Арутюнянц бросился искать своих друзей. Они все собрались в центре города около клуба им. В.И. Ленина и стали бурно обсуждать вопрос: что же делать дальше? Пошумев и посоветовавшись, решили с утра дружно идти в райком комсомола и проситься на фронт.

На следующий день, после долгого ожидания в очереди, все вместе зашли в кабинет секретаря райкома Прокофия Ивановича Приходько. Тот их внимательно выслушал и сказал, что для фронта они все еще очень молоды, но просьбу ребят обещал учесть в будущем. А пока предложил ночное дежурство по райкому. Ребят это не устроило, и они еще в течение нескольких дней обращались в различные учреждения, однако везде получали отказ.

Но вскоре их бьющей через край энергии нашли применение: учащихся старших классов отправили в колхоз на уборку урожая. Вернулись они в середине августа и по заданию райкома комсомола стали помогать рабочим готовить школу под военный госпиталь. А когда с фронта прибыл санитарный поезд, то всю ночь на носилках переносили раненых в санитарные автомашины, а затем из них — в госпиталь. Именно в ту ночь ребята поняли, что такое война. Весь следующий год

они не только учились, но и рыли окопы, собирали медикаменты, помогали в госпитале ухаживать за ранеными, разносили повестки мобилизованным, дежурили ночью вместе с военным патрулем.

В середине декабря 1941 г. в ряды РККА был призван старший брат Георгия, Владимир, который к этому времени был уже женат и со своей семьей жил отдельно. Он попал служить на Брянский фронт в 1031 *сп* 280 *сд* 13-й армии рядовым стрелком-автоматчиком.

За год учебы в выпускном классе страсти немного поубавились, и, окончив 10 классов в июне 1942 г., Георгий решил продолжить образование. На фронт его не брали из-за возраста, поэтому вначале он со своими товарищами поехал в колхоз убирать богатый урожай хлеба, а о том, что он достанется врагу, ребята даже не думали. Но события лета 1942 г. изменили все планы. Фашисты вновь перешли в наступление.

Немного поработав в колхозе, Жора и его друзья были вынуждены вернуться домой, чтобы не попасть в окружение.

Линия фронта тем временем вплотную приблизилась к городу. Была объявлена эвакуация. Родители Жоры уговорили его не искушать судьбу и покинуть город вместе с другими жителями Краснодона. Но выбраться им не удалось. Немцы уже успели захватить дороги и близлежащие населенные пункты. Особенно сложно было переправляться через реки Северский Донец и Дон. После долгих скитаний, попав в окружение, уже в августе 1942 г. Арутюнянц, как и многие другие, вернулся домой. Краснодон уже был оккупирован 20 июля 1942 г.

А вот как об этих событиях вспоминал сам Георгий в марте 1943 г.:

«Фронт приближался к Краснодону. По распоряжению военкомата почти вся молодежь была из гор.[ода] отправлена к Сталинграду. После того как немцы зашли за Донец, мы дошли только до Каменской. Немцы приближались, и нам удалось дойти только до Сальска. Пришлось вернуться обратно. Когда мы вернулись в Краснодон, немцы уже были в городе. Это было в первых числах августа.

После того, когда немцы появились в городе, в клубах начались вечера с танцами, в парках массовые гулянья. Устраивали немцы.

Спустя некоторое время начались мобилизации молодежи в Германию. Немцы проводили сильную агитацию, и на эту удочку попались многие. В то время в Германию уехало много добровольцев. Первые поставки рабочей силы, как говорили немцы, пополнялись почти целиком добровольцами.

В это время я встретился с Земнуховым. Я его знал и раньше, до войны, по комсомольской работе в школе. Я был членом комитета, он был старшим пионервожатым. Мы часто с ним встречались, ходили вместе в кино.

В то время, как я его встретил, он окончил курсы следователей по судебной медицине в Ворошиловграде. Он был под Саратовом, потом вернулся в Краснодар. Он знал много молодежи. Мы с ним поговорили, видимо, он решил втянуть молодежь в борьбу против немцев, но подошел ко мне он хитро. Он мне так сказал:

– Мне не нравится и советская власть, и немцы, надо бороться против них.

Тогда я ему говорю: как же ты хочешь бороться и против немцев, и против советской власти – сил не хватит.

Потом он стал со мной откровеннее. В это же время приехал Левашов (Василий – авт.), который окончил школу партизан в Ворошиловграде. Я Левашова знал. Земнухов попросил меня с ним познакомиться. Они встретились, и Земнухов предложил, что надо что-то организовать, чтобы приостановить увоз молодежи в Германию. Это было в конце августа. После этого он познакомился с Головановым (Главан – авт.) Борисом. И с этого времени начала организовываться группа Земнухова и параллельно была группа Тюленина. В его группу входили Лукьянченко, Сафонов и др.

Когда нам стало ясно, что надо что-то делать, решили выпускать листовки. Писали мы эти листовки от руки. Первые листовки особого эффекта не имели. Их уничтожали, говорили, что какие-то хулиганы этим занимаются. В это же время стали появляться и другие листовки, и мы тогда догадались, что существует еще какая-то другая группа и что нам надо соединиться...»

«Было жаркое, знойное лето, – вспоминал после войны Георгий Минаевич. – Люди прятались в домах. По пустынным улицам мчались мотоциклы, тут же слышалась стрельба, грубые окрики – устанавливался «новый порядок». Но с первых же дней фашисты почувствовали, что этот «порядок» почему-то не получается...»

За последний год Жора Арутюнянц сильно вытянулся и загорел, стал высоким, стройным, с очень мягкими чертами лица 17-летним юношей. У него были большие, красивые, умные, с загнутыми ресницами, армянские карие глаза и полные губы.

Жора и его друзья с первых дней оккупации не раздумывали: воевать или не воевать. У юных краснодонцев ненависть к врагу росла с каждым днем. Они желали только одного – беспощадно мстить фашистам за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших советских людей.

Георгий и его товарищи не сомневались, что рано или поздно Краснодар будет освобожден войсками Красной Армии, поэтому нужно оказывать врагу не только пассивное сопротивление, но и как можно сильнее бить врага в его тылу. Но как? У каждого было огромное желание действовать, причем действовать немедленно. Делать это надо было организованно и

умело, но ребятам не хватало жизненного опыта, а боевого опыта борьбы в подполье у вчерашних школьников не было вообще. И они начали действовать на ощупь, по интуиции и на первых порах тратили много времени на дискуссии о том, что и как надо делать.

А в это время самые юные мстители - группа Сережки Тюленина уже действовала, поэтому первым делом ребята решили, что нужно объединить усилия молодежного подполья.

Георгий Арутюнянц вспоминал: «...В августе-сентябре в городе начали создаваться подпольные группы. С первых же дней возник вопрос: с чего начать работу? Не хватало оружия, не было боеприпасов. Решили прежде всего начать сбор оружия и организовать изучение его всеми вступающими в ряды подпольной организации. Решено было также установить тесную, живую связь с населением путем листовок, прокламаций, воззваний. Ваня Земнухов предложил смонтировать два радиоприемника в разных частях города с тем, чтобы принимать сводки Советского информбюро и сообщать их населению...».

Связующим звеном между двумя подпольными молодежными группами стал Виктор Третьякевич, юноша, которого большинство краснодонской молодежи знало как комсорга школы № 4. На первое организационное собрание в доме Георгия Арутюнянца собралось четверо: Иван Земнухов, Василий Левашов, Виктор Третьякевич и, конечно, сам хозяин дома. Как прирожденный лидер, тон сразу задал Виктор, предложивший конкретную программу создания из местной молодежи комсомольского подполья. Он прекрасно понимал, что нельзя ставить заранее невыполнимые цели, поэтому к этому вопросу подошел ответственно, постарался более доходчиво определить главные задачи подполья и предложил создать штаб, в который вошли все присутствующие. Командиром единогласно утвердили Василия Левашова, комиссаром – Виктора Третьякевича, начальником штаба – Ивана Земнухова, а Георгия Арутюнянца - ответственным за информацию.

На следующий день ребята собрались у Земнухова и к ним присоединился Сережа Тюленин. Ребята решили объединить усилия двух подпольных групп молодых патриотов – Земнухова и Тюленина и действовать совместно под руководством штаба, в который ввели командиром боевой группы Сергея Тюленина, и по его предложению назвали подпольную организацию «Молодой гвардией».

Затем 30 сентября 1942 г. на квартире у Третьякевича разработали текст присяги молодогвардейцев, взяв за основу партизанскую клятву, и сами первыми перед лицом своих товарищей ее приняли. Так была создана знаменитая подпольная комсомольско-молодежная организация Краснодона.

А вот как в марте 1943 г. об этих событиях вспоминал Арутюнянц:
«...Когда группы соединились, встал вопрос – чем же нам заниматься? Оружия у нас тогда не было, было только несколько гранат и несколько десятков патронов. Без оружия нечего было делать, надо было его доставать.

Первое, что решили, – доставать оружие и заняться агитацией. Писали листовки от руки, печатать их стали только в ноябре, расклеивали эти листовки. Тексты листовок писали Земнухов, Третьякевич, писали по 200, 300 листовок, каждому давали задание написать по 20 листовок.

Было несколько заседаний штаба, на которых говорили о том, что необходимо доставать оружие, т.к. без него мы не можем сделать ни одного налета.

Земнухов был тогда начальником штаба, Третьякевич - комиссаром, Левашов - командир отряда. В группу девушек входила Громова, но я точно эту группу не знал. Кошевой пришел в отряд к 7 ноября...»

Новость о появлении подпольной антифашистской организации быстро разлетелась не только по городу, но и по всему Краснодонскому району. И с каждым днем численность «Молодой гвардии» возрастала. Оказалось, что среди молодежи много парней и девушек, готовых рискнуть своими жизнями ради общего дела – победы над немецкими захватчиками.

Позже в штаб вошли лейтенант РККА Иван Туркенич, который по возрасту и опыту был старше и опытнее всех (по предложению Левашова он стал командиром «Молодой гвардии», а сам Василий, оставаясь членом штаба, возглавил центральную боевую группу организации), Олег Кошевой, Ульяна Громова и Любовь Шевцова.

Георгий, как и все остальные молодогвардейцы, добывал вооружение и боеприпасы, собирал медикаменты, участвовал в диверсионных атаках на немецкие машины. Вместе с остальными юными партизанами парень спасал советских военнопленных и местных жителей от угона в Германию на каторжные работы. Кроме этого, он изготовлял, а затем и распространял агитационные листовки со сводками Совинформбюро. Причем сначала тексты писались от руки, а потом Земнухов предложил их печатать и распространять по городу два раза в неделю. Скоро в доме Арутюнянца была организована подпольная типография.

Уже после войны в 1957 г. Георгий Минаевич вспоминал:

«...В городе были созданы и установлены несколько приемников. Принимались сводки Информбюро. Тексты этих сводок нужно было распространить среди населения.

Было решено писать листовки и распространять их по городу. Вначале листовки писались от руки. Писали все участники организации, распространяли тоже все, в том числе и члены штаба. Листовки расклеивались по

всему городу. Причем город был разделен на участки, каждый из участников подпольной организации имел участок и расклеивали, как правило, вдвоем вечером и, как правило, - парень и девушка, чтобы не было подозрений. До 9 часов вечера, до тех пор, пока разрешалось хождение, ходили по городу и расклеивали листовки. Было негласное такое правило: листовки расклеивать в тех местах, где больше всего их могли прочитать жители Краснодона: водопровод, ручная мельница, базар, большой жилой дом и так далее. Короче говоря, делали все, чтобы эта листовка была прочитана как можно большим числом жителей.

Позже было решено создать подпольную типографию, с тем чтобы тексты листовок не писать от руки, а печатать в типографии большими тиражами и распространять по городу. Но, к сожалению, мы встретились с большими трудностями. Трудности были следующего порядка: прежде всего, не было шрифта; во-вторых, не было никаких станков и не было никакого опыта. Никто из нас никогда в жизни не печатал; не набирал в типографиях и не представлял себе, как это делается. И, кроме того, надо было найти такое место, чтобы полиция не могла выследить типографию.

Вот с этими трудностями начали борьбу. Прежде всего надо было найти шрифт, для того чтобы печатать листовки. Часть его мы нашли в развалинах типографии районной газеты «Социалистическая Родина». Ребята, девушки ходили к бывшему помещению типографии и собирали в земле остатки шрифта. Кое-что удалось собрать. Вначале казалось, что шрифта много, но когда стали набирать листовку, то оказалось, что этого совершенно недостаточно.

Да, я помню, как начали собирать первую листовку. Это была листовка, которую выпускали накануне седьмого ноября с текстом выступления И.В. Сталина 6 ноября на торжественном заседании Московского Совета. Начали набирать листовку поздно вечером. Собрались Вася Левашов, Ваня Земнухов, Володя Осьмухин, Виктор Третьякевич и я. Было решено собрать листовку ночью, с таким расчетом, чтобы к утру ее расклеить. Но, к сожалению, настолько трудно было собрать текст одной листовки, что мы закончили ее почти к утру.

С какими трудностями столкнулись? Когда начали набирать шрифт, половину листовки собрали, оказалось, что собрали наоборот. Надо было весь шрифт перевернуть. Поэтому пришлось разложить весь шрифт снова и начинать сначала.

Кроме того, в самом начале, когда начали выбирать из общей кучи шрифта отдельные буквы, то стало ясно, что мы будем так собирать до следующего ноябрьского праздника. Поэтому разобрали вначале шрифт

по буквам, как это делается в типографиях, с тем чтобы потом можно было быстро и хорошо набирать. Но у нас не было ни касс типографских, ни ящичков специальных. Решили сортировать шрифт по кулечкам и разложить в ящике письменного стола. Тогда, правда, дело пошло быстрее.

Работали поочередно. Вначале двое работали, а трое отдыхали. Потом трое работали, а двое отдыхали. Володя Осьмухин принес, кстати говоря, созданную им самим краску. Трудно даже сказать о ее составе. Очевидно, нефть и сажа. В общем было что-то черное, клейкое и мазкое. Вот этой краской решено было делать первую листовку.

Володя Осьмухин сказал о том, что его мама очень беспокоится за его отсутствие, поэтому его отпустили в этот вечер. Он ушел. Остались Левашов, Земнухов, Третьякевич и я. Мы поочередно по два человека набирали листовку. К утру она была готова.

Да, не хватало отдельных букв, особенно гласных, таких как **а, и, е**. Поэтому в тексте оставляли свободные места, а потом, когда текст был готов, от руки добивали буквы.

На следующий день 7 ноября и часть 8 ноября эта листовка была распространена по городу, по всему Краснодарскому району. Я не помню точно, сколько экземпляров, но помню, что большая пачка. Правда, бумаги у нас не было стандартной. Там были и тетрадные листы, и рулонная бумага, и белая бумага. Кто что мог принести, на чем можно было, на том и печатали листовки. Листовка была роздана девушкам и ребятам – участникам организации и распространена по городу.

Эти трудности были преодолены благодаря усилению ребят, девушек, которые участвовали в создании подпольной типографии, благодаря ненависти к врагу, стремлению донести правду, голос Москвы, партии до народа, оккупированного захватчиками, с тем чтобы поддержать моральный дух у жителей оккупированного города...»

В первую ночь работы подпольной типографии родители Георгия тоже не спали, хоть он и попросил их не беспокоиться и ложиться спать, а сам взял «коптилку», на двери повесил одеяло и « всю ночь ребята не спали, постукивали, что-то писали, тихо переговаривались», – вспоминала Татьяна Никитична.

В эту же ночь на 7 ноября 1942 г., в канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, молодогвардейцы вывесили в городе восемь красных флагов: на зданиях школы, райпотребсоюза, больницы, на самом высоком дереве городского парка. Вспоминая об этом, Георгий Арутюнянц писал: «...Расклеивали их (листовки – авт.) ночью шестого и вывесили флаги на школах, даже на дирекции повесили флаг. Там в полиции слу-

жил один наш парень, он с мальчиком забрался на чердак, вылез на крышу, затем перебрался на другую крышу и повесили флаг на здании дирекции. За это дело 15 полицейских секли, а этот полицейский, который вывешивал флаг, он в то время не дежурил, у него был пропуск, он и прошел. Флаг этот было трудно снять, и он провисел 7, 8 и только девятого утром его удалось снять...»

Наутро жители Краснодона, увидев красные знамена, очень обрадовались, их охватила гордость за страну, за тех, кто это сделал, многие женщины плакали.

С этого времени основной работой подпольщика Георгия Арутюнянца стали издание печатных листовок и охрана подпольной типографии, о нахождении которой в его доме знал только очень ограниченный круг лиц, что впоследствии не дало возможности фашистам и подонкам-полицаям ее обнаружить. За время существования «Молодой гвардии» было выпущено и расклеено свыше пяти тысяч листовок.

В это время Арутюнянец, как и остальные, продолжал распространять печатные листовки на порученном ему участке. «...Ходить по городу можно было до 21 часа. Тех, кто появлялся позже, - расстреливали. Значит, и листовки можно было расклеивать только до девяти часов вечера. Появлялись они там, где больше всего принесут пользы, где больше бывает народа. Это, например, у колонки, где берут воду, на базаре, и даже в церкви. До войны в Краснодоне ее не было. Мы пошли посмотреть эту диковину, а шапки забыли снять... Кто-то сказал: «Давайте здесь листовки развешивать». Потом рассмотрелись, видим - старик продает свечи и молитвы, напечатанные на отдельных листиках, почти на таких, как наши листовки. Мы отвлекли внимание старика и в середину пачки молитв положили листовки. Наблюдаем, что будет. Старик продолжает продавать молитвы, дошел до листовок и их раздает. Слышим, в уголке старуха другой шепчет. «А что у тебя?» Скоро в церкви поднялся шум. Но обыскивать здесь не положено. Мы с радостью наблюдали, как люди перечитывали листовки и, видимо, думали о своих сыновьях, мужьях, которые были на фронте...», — вспоминал Георгий Минаевич.

В другой раз молодогвардейцы предложили бабуле, торгующей пирожками на рынке и нуждающейся в бумажной обертке, пачку листовок, а сами со стороны внимательно наблюдали, как пойдет дело. Первый покупатель ничего не заметил, а второй обратил внимание на обертку, прочитал, затем смял бумажку и осторожно спрятал в карман. Так сделали и следующие, а ребята были очень довольны, что люди узнали правду о победах Красной Армии, что близится их освобождение.

На примитивном печатном станке подпольщики печатали не только листовки, но также и временные комсомольские удостоверения для вручения ребятам, которых в условиях оккупации принимали в комсомол.

Дела на фронте для фашистов к тому времени складывались плохо, они отступали и несли огромные потери в битве под Сталинградом. А подпольная организация быстро разрасталась. В декабре в ее составе уже насчитывалось около ста человек.

Г.М. Арутюнянц вспоминал: «В это же время принесли нам повестки о направлении в Германию, принесли повестки: мне, Тюленину, Земнухову, всего шести человекам. Как остаться? Нужно было устроиться на работу или доказать, что болен. Земнухов пошел и сказал, что у него туберкулез и порок сердца, он сумел это доказать, ему дали отсрочку, дали справку об освобождении на месяц. Нам нужно было устраиваться на работу или уходить. Земнухов тогда предложил: надо найти такую работу, чтобы работать и в то же время иметь много свободного времени...

...Немецкий комендант разрешил организовать в Краснодоне самодеятельный театр. Фашисты хотели убедить население, что дела на фронте у них идут хорошо, что они обосновались на нашей земле надолго, навсегда.

Молодогвардейцы использовали эту легальную возможность в интересах подпольной организации. Наши ребята и девушки заняли в театре все посты: его директором стал Женя Мошков, администратором – Ваня Земнухов, руководителем оркестра – Виктор Третьякевич. В оркестр входили Сергей Тюленин, Володя Загоруйко, Василий и Сергей Левашовы и другие. Играл на мандолине и я. А вездесущая Люба Шевцова участвовала и в оркестре, и в танцевальном коллективе, и в драмкружке, и в хоре. Она с артистическим мастерством исполняла все роли и была ведущей солисткой.

Окупанты были довольны деятельностью театра. Поэтому удалось сравнительно легко договориться с ними, чтобы наших артистов не отправляли в Германию и не посылали на хозяйственные работы. Ссылаясь на театр, Мошков и Земнухов нередко выручали подпольщиков из беды...»

Многие молодогвардейцы устроились работать в этот клуб при рекреационном (клуб им. А.М. Горького) и всегда могли уходить, когда и куда им было нужно для выполнения заданий подпольной организации.

Но яркая история «Молодой гвардии» закончилась быстро. Подпольщики слишком сильно уверовали в свои силы и перестали заботиться о безопасности. День 1 января 1943 г. стал черным днем не только для подпольной организации, но и для многих жителей Краснодона: были арестованы трое молодогвардейцев, а затем начались повальные аресты и зверские пытки.

В этот день срочно собрались в квартире у Юрия Виценовского оставшиеся на свободе молодогвардейцы Василий и Сергей Левашовы, Георгий Арутюнянц, Олег Кошевой, Володя Загоруйко. Обдумав и взвесив все варианты, они приняли, как показало будущее, единственно верное решение:

все подпольщики должны немедленно покинуть Краснодар. Это решение было доведено до каждого молодогвардейца, но, к сожалению, большинство из них его не выполнило, за что не просто поплатились жизнями, но и испытали нечеловеческие, не поддающиеся никакому разуму муки. Молодость, неопытность, наивность стали для ребят главными врагами.

Лишь 14 человек в тот момент скрылись из Краснодона.

Разобрав и закопав в саду подпольную типографию, Георгий Арутюнянц покинул Краснодар в ночь на 2 января 1943 г. и ушел на железнодорожную станцию Лихая в небольшой поселок к хорошим знакомым родителей. Но неизвестность и беспокойство за своих товарищей тревожили его и он вернулся домой ночью 6 января, чтобы узнать, нельзя ли продолжить работу «Молодой гвардии» дальше, чем очень напугал своих пожилых родителей, потому что еще днем 5 января в дом Арутюнянцев приходили полицейские с обыском. Узнав от матери, что почти все подпольщики арестованы, Жора быстро собрался в дорогу и ушел пешком к родственникам в Новочеркасск за 140 км от Краснодона.

В столице донского казачества у Георгия жила бабушка и сестра матери со своей семьей. У них и остановился Георгий, скрываясь от местной полиции и жандармерии, и жил больше месяца без постановки на учет. Новочеркасск и Краснодар освободили почти одновременно, и Жора стал собираться обратно в дорогу.

«Помню, в Новочеркасск он прибыл в январе 1943 г., – рассказывала М.Б. Саркисова. – Георгий был одет в легкое пальто, ботинки. На голове шлем. Он сильно промерз, устал, похудел. Мы с мамой напоили его чаем, спросили, что случилось, что в такое время привело Георгия в Новочеркасск. Он сказал, что его хотели угнать в Германию, но он сумел уйти из Краснодона. Георгий остался у нас, а как только был освобожден Краснодар – ушел».

Все это время полиция разыскивали Жору, арестовали отца, и на допросе начальник полиции убеждал его признаться: куда он послал сына, но Минас Артемович отвечал, что сын не хочет ехать в Германию, а где скрывается, он не знает. (О том, что Георгий является активным членом подпольной организации Краснодона, они с матерью даже не догадывались). Вскоре отца отпустили, но 31 января 1943 г. полиция снова пришли в дом к родителям и заявили, что их сын пойман, а выдал его Тюленин. На другой день Минас Артемович понес передачу сыну, предварительно попросив разрешения у начальника полиции Соликовского. Подонок сказал ему, что Жора сидит в третьей камере, дежурный полицейский взял передачу, а потом принес обратно пустую посуду и сказал, что сын просит еще принести теплую одежду. После этого родители каждый день носили передачи и их принимали полиция.

Не получая никаких вестей от сына, родители посчитали, что его, как и других ребят, убили. Они продолжали так думать и после того, как с 17 февраля 1943 г. из шурфа начали доставать тела замученных молодоговардейцев. Трупы семерых из них были до такой степени изуродованы, что их никто не смог опознать.

Лишь 23 февраля 1943 г. Жора добрался, наконец-то, домой живым и невредимым. Радости родителей и оставшихся в живых друзей не было предела. Он узнал о мученической смерти своих товарищей и 1 марта 1943 г. вместе с остальными оставшимися в живых молодоговардейцами принял участие в их перезахоронении в Центральном парке Краснодона.

В послевоенные годы, анализируя события, произошедшие в январе 1943 г. в Краснодоне, Георгий Минаевич писал: «...А дальше события развивались для нас неожиданным образом. Никто не думал, что найдется предатель среди ребят первомайской группы – Геннадий Почепцов. Немцы давно уже имели данные о нашей деятельности, но считали, что это дело рук партизан, приходящих из леса. И вдруг у них открываются глаза. Им стало ясно, что никакие не партизаны, что здесь действуют подпольщики. Фашисты поняли, что не случайно Лютиков рекомендовал Мошкова назначить директором клуба, поняли, что Мошков принимал на работу в клуб Горького своих. Взяли список, который он подавал на биржу для освобождения от вербовки в Германию, и вот по таким прямым и косвенным признакам начались аресты подпольщиков. Прямые улики – это список всей первомайской группы, который им дал Почепцов. Стали арестовывать.

Арестовали коммунистов, которые ежедневно обязаны были являться на регистрацию: Лютикова, Баракова, Дымченко и других. Когда фашисты почувствовали, что здесь не без связи с коммунистами, начались аресты участников партийного и комсомольского подполья...»

В Краснодоне уже работала большая комиссия из Москвы вместе с офицерами военного трибунала Юго-Западного фронта и СМЕРШа под руководством сотрудника НКГБ А.В. Торицына. К ним на допросы вызывали всех родителей погибших молодоговардейцев и оставшихся в живых молодых подпольщиков, которые в это время были в Краснодоне.

Первая встреча с сотрудниками комиссии состоялась у Жоры уже через два дня после прибытия в Краснодон. В своем отчете о деятельности организации, написанном 25 февраля 1943 г., он подробно рассказал о создании и деятельности «Молодой гвардии», указал фамилии и имена своих боевых товарищей, которых знал лично. Не забыл он написать и о том, что одним из создателей подпольной организации был именно Василий Левашов, а не его брат Сергей. Так что А.В. Торицын знал об этом.

Родители Георгия очень боялись за сына и слезно упрасивали его «не перечить начальству и во всем соглашаться». Татьяна Никитична впоследствии рассказывала: «Вспоминаю, как мы боялись с отцом за Жору, когда его вызывал Торицын, и с трепетом ждали его возвращения. А вызывал он его и ребят из «Молодой гвардии» довольно часто. Большую роль в сокрытии правды о Викторе (Третьякевиче – авт.) сыграл Торицын...»

На последующих допросах, которых было достаточно, Жора, будучи послушным сыном с мягким и податливым характером, не стал перечить утверждениям «грозного» председателя комиссии и в протоколах, записанных и подписанных с его слов, было сказано следующее: «...Потом нам сообщили, что Третьякевич предал отряд. Олег Кошевой был начальником штаба, отвечал за безопасность отряда. Он говорил, что ему удалось связаться с генерал-майором... командиром партизанских отрядов Ростовской области. Земнухов это подтверждал. Вот в это время пришла одна девушка – «Оксана» и сообщила, что Третьякевич предал отряд вместе с братом, когда они шли через линию фронта. Третьякевича редко приглашали на заседания штаба, но он был комиссаром, его сняли, и Кошевой стал комиссаром отряда. Это было перед 7 ноября...»

К сожалению, подобные показания под диктовку Торицына дали и другие выжившие молодогвардейцы: Нина и Ольга Иванцовы и Валерия Борц.

(В середине 1950-х гг. после смерти И.В. Сталина и разоблачения его культа личности Н.С. Хрущевым Георгий Минаевич Арутюнянц публично изменил свои показания и утверждал абсолютно обратное. Так, он писал, что Олег Кошевой был отличным парнем, но комиссаром быть не мог, так как мало еще был в Краснодаре: «Мы к нему относились хорошо, но он не был вожаком. Не успел еще и по возрасту, и по времени, и потому, что были уже авторитетные и известные ребята»).

Оставаться дома после похорон друзей было очень тяжело, поэтому, когда работа комиссии уже завершалась и допросы прекратились, Георгий отправился в военкомат и попросился на фронт. Ему уже было почти 18 лет и очень хотелось отомстить фашистам за смерть боевых друзей.

30 марта 1943 г. Краснодарским РВК Арутюнянц был призван в ряды Красной Армии и уже 5 апреля 1943 г. в составе маршевой роты прибыл для прохождения дальнейшей службы в 111 *зв.сн* 40 *зв.сд* 5-й ударной армии (в составе которой впоследствии воевал Василий Левашов) Южного фронта. В это время части дивизии оборонялись на реке Миус, поэтому ввод в состав подразделения и обучение военному делу в момент, когда противник и наши войска активности не проявляли, прошли сравнительно спокойно для новобранцев из Краснодона. Их своевременно переделали,

вручили оружие и под руководством опытных, прошедших боевую закалку воинов и командиров стали готовить к предстоящим боям.

В начале мая 1943 г. части дивизии вывели во второй эшелон армии в район Миллерово на доукомплектование и пополнение подразделений вооружением и другой материальной частью, а в середине июля 1943 г., сменив обороняющиеся советские войска на переднем крае, части дивизии стали проводить подготовку к предстоящему наступлению на сильно укрепленную оборону противника на р. Миус.

17 июля 1943 г. в 6-00 утра после мощной огневой подготовки части 40-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии прорвали передний край обороны противника и перешли в наступление. Захватив важный плацдарм, полки дивизии через два дня боев перешли к обороне на выгодном рубеже, отражая яростные контратаки фашистов. В течение месяца советские войска вели бои местного значения и только в конце августа 1943 г. во взаимодействии с другими соединениями 5-й ударной армии прорвали оборону противника, захватили господствующую высоту Саур-Могила и 8 сентября 1943 г. освободили г. Енакиев, за что дивизии было присвоено почетное наименование Енакиевской.

Вскоре части 40 *гв.сд* завершили освобождение территории Донбасса, вышли на просторы Запорожской области. Освободив г. Гуляйполе, много сел и деревень, полки прославленной дивизии наступали в направлении Днепра.

9 октября 1943 г. подразделения дивизии после 45-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление в направлении села Васильевка, расположенного на левом берегу плавней р. Днепр (ныне левый берег Каховского водохранилища в 60 км восточнее Энергодара), с задачей овладеть рубежом трех курганов на обратной стороне балки Широкая. Но противник хорошо укрепился на этих высотах, предпринимал частые контратаки мелкими группами, вел сильный огонь из всех видов оружия и наступление замедлилось. Командир дивизии полковник К.А. Сергеев принял решение выслать вперед два передовых отряда силами до стрелковой роты от 111 *гв.сн* и 116 *гв.сн*, которые медленно, ползком, выдвинулись на рубеж противотанкового рва противника, но в дальнейшем успеха не имели. В 15-00 фашисты дважды с небольшим перерывом предприняли две контратаки силами до 60–80 человек, которые были поддержаны огнем артиллерии и минометов. Рота 111 *гв.сн*, которая в предыдущих боях уже понесла большие потери, вынуждена была отойти на исходные позиции. Дальнейшее наступление было приостановлено, части дивизии перешли к обороне. После этого боя в живых в стрелковой роте 111 *гв.сн* осталось всего 8 человек. Были убиты 19 и ранены 21 боец и командир, в том

числе тяжелое ранение в шею получил и красноармеец Георгий Арутюнянц (по штатам: стрелковая рота состояла из 178 человек: 6 командиров, 22 младших командиров, 150 человек личного состава – авт.).

«...Не раздумывая, я сразу же ушел на фронт, – рассказывал о своей судьбе Георгий Минаевич. – До 9 октября 1943 г. – рядовым в боях на Украине в составе 99-й стрелковой дивизии. Прошли мы Донецкую область, освободили Донецк и Торез. У Запорожья был дважды тяжело ранен. Мама в Краснодоне получила на меня похоронку, а я находился в госпитале...»

(В эти воспоминания вкрались определенные неточности: так, во-первых, в составе 99 *сд* воевал Иван Туркенич, а, во-вторых, ранен он был один раз. Но автор не обвиняет в этом Георгия Минаевича, который отлично знал и помнил и о своей дивизии, и о ранении. Скорее всего, корреспондент, который брал это интервью, решил самостоятельно дописать невыясненные моменты, а потом другие, досужие, не утруждая себя, стали повторять эти неточности).

Судьба по-прежнему хранила его. Уже в госпитале военврачи, медсестры с удивлением узнали, что у них на лечении находится однофамилец легендарного молодогвардейца из Краснодона, о котором писали в газетах и которого наградили орденом. А когда Георгий стал поправляться и признался, что эта «легендарная личность» он и есть, с восторгом поздравили его с заслуженной наградой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. №605/306 оставшихся в живых молодогвардейцев Георгия Арутюнянца, Валерию Борц, Нину и Ольгу Иванцовых, Михаила Шищенко и Радия Юркина наградили орденом Красной Звезды. А приказом начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК № 91/Н от 21 сентября 1943 г. они также были награждены медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Ранение было тяжелое, и после долгого лечения по госпиталям Георгия направили долечиваться домой в Краснодон. И опять родители встречали воскресшего второй раз младшего сына, ведь и на старшего сына Владимира они также вместе с его женой, Арутюнянц Натальей Ефимовной, еще в июле 1943 г. получили справку о смерти. (Командир стрелкового отделения 1031 *сп* 280 *сд* 13-й армии Центрального фронта сержант Владимир Минаевич Арутюнянц погиб смертью храбрых 6 июля 1943 г., отражая многочисленные атаки фашистов

Михаил Шищенко

вдоль шоссе на дороге Орел – Курск у деревни Обыденки Троснянского района Орловской области на второй день великой Курской битвы, где враг наносил свой основной удар).

В Краснодоне Георгий встретился с Лопуховым, который тоже после ранения и лечения в госпитале был отправлен домой восстанавливать здоровье. Как и Арутюнянц, Анатолий – один из активнейших молодоговардейцев, который участвовал во многих боевых операциях молодых патриотов на земле

Анатолий Лопухов

Краснодона. Толя был младше Жоры на год, он родился 17 апреля 1926 г., а его отец до войны работал директором городского клуба им. В.И. Ленина. В январе 1943 г. Анатолию Лопухову удалось избежать ареста. Он ушел из города и долгое время скрывался в шахтерских поселках. Перейти линию фронта никак не удавалось. В конце июля 1943 г. Толя, под видом беженца, остановился в одной из хат села Александровка Свердловского (Должанского) района Луганской области, оккупированного фашистами. До Краснодона, который был освобожден РККА еще в середине февраля, оставалось всего 30 км.

1 августа 1943 г. первые восемь танков Т-34 из состава 5-й ударной армии Южного фронта ворвались и освободили село Александровку. Анатолий наконец-то оказался на освобожденной советской территории. Он долго упрашивал командование передовой части принять его в состав любого подразделения, приписал себе даже год, так как ему было только 17 лет, и, наконец-то, его включили в состав 107 *гв.сп* 34 *гв.сд* 31 *гв.ск* 5-й ударной армии Южного фронта рядовым красноармейцем на должность стрелка-пехотинца. И хотя он начал воевать на фронте еще в начале августа 1943 г., приказом по части рядовой Лопухов был зачислен в состав подразделения только 26 августа 1943 г. А до этого воевал, как и Василий Левашов, в своей потрепанной гражданской одежде, и в этих тяжелых боях его могли убить и не раз, но судьба хранила молодого пехотинца, как и Левашова.

Воевал Анатолий больше двух месяцев в составе одного стрелкового корпуса вместе с Георгием Арутюнянцем в соседней дивизии, даже не подозревая об этом, и ранение получил от осколка разрыва артиллерийского снаряда фашистов в том же районе на следующий день (10 октября 1943 г.) после ранения Жоры.

Также в госпитале он узнал о своем награждении медалью «Партизану Отечественной войны» I степени приказом начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК № 87/Н от 10 сентября

1943 г., но, в отличие от Жоры, орденом его не наградили, потому что в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. №605/306 в числе членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», удостоенных наград, его фамилия не значилась.

После госпиталя Анатолий Лопухов приехал в родной Краснодон, принял активное участие в создании Музея «Молодая гвардия», собирал экспонаты, личные вещи погибших молодогвардейцев. Уже в те первые после освобождения от фашистской оккупации месяцы он проводил большую воспитательную работу среди молодежи, стал первым официальным директором музея.

Здоровье было восстановлено. Как и других оставшихся в живых молодогвардейцев, Арутюнянца и Лопухова вскоре вызвали в Москву в ЦК ВЛКСМ для беседы. Здесь они выступали перед красноармейцами, рабочими трудовых коллективов, школьниками и студентами, но друзья приняли решение вернуться на фронт в свои части, продолжить воевать, бить фашистов, мстить за своих погибших товарищей.

В это время, 14 августа 1944 г., освобождая Польшу, погиб командир «Молодой гвардии» старший лейтенант Иван Туркенич, и руководство комсомолом страны решило, что остальных оставшихся в живых молодогвардейцев надо поберечь: Арутюнянца и Лопухова направили на учебу в Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА), которое находилось в то время в эвакуации в г. Томске и размещалось в главном корпусе Томского индустриального института.

В середине ноября 1944 г. вместе с другими молодыми воинами, уже успевшими принять участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, друзья прибыли в училище, в котором им предстояло в течение полутора лет (18 месяцев) изучать основы теории и постигать практически науку ведения противовоздушного боя из всех имеющихся в то время на вооружении РККА зенитно-артиллерийских систем.

На следующий день начальник училища инженер-полковник Ф.В. Болотов и начальник политотдела А.И. Можаев вместе с командирами дивизионов и батарей знакомились с новым пополнением курсантов, у многих из которых на груди сверкали боевые награды. В кабинет начальника училища курсанты-первокурсники входили по-одному, представлялись и отвечали на вопросы руководства. Но вот дверь открылась и четким строевым шагом к столу подошли двое: один высокий, стройный, с красивой шевелюрой, блестящими чуть-чуть зеленоватыми глазами, немного удлинненным лицом, покрытым смуглой кожей, второй не по возрасту коренаст, с широкими плечами, красивым круглым лицом, с еще мальчишеской постоянной улыбкой. На гимнастерке первого – орден Красной Звезды и медаль «Партизану

Отечественной войны» I степени, у второго – медаль «Партизану Отечественной войны» I степени и нагрудный знак «Гвардия».

Остановившись у стола начальника и доложив о прибытии, они вручили руководству письмо ЦК ВЛКСМ, в котором было указано: «В ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы направлены члены комсомольского подполья «Молодая гвардия» г. Краснодона Георгий Арутюнянц и Анатолий Лопухов. Центральный Комитет комсомола выражает полную уверенность, что молодогвардейцы будут достойными курсантами училища. Их героические поступки в г. Краснодоне заслуживают большого внимания командования частей Красной Армии...»

Прочитав письмо, начальник училища с улыбкой на лице сказал: «Очень рад, что в инженерные войска приходят такие молодцы. Вы зачисляетесь курсантами. Службу будете проходить в первом отделении первого взвода первой батареи и первого дивизиона, вашим старшим командиром будет боевой офицер подполковник Новицкий. Желаю успехов!»

Так началась учеба двух друзей-молодоговардейцев, которая вначале давалась не легко, потому что Георгий в школе больше увлекался гуманитарными науками, а Анатолию война так и не дала получить полноценное среднее образование. Но они старались: сказалась учеба в школе № 1 им. А.М. Горького, учителя которой сумели сформировать у ребят высокие нравственные качества, жажда к знаниям, упорство и настойчивость в достижении поставленной цели. Сдержанность и рассудительность помогли им быстро войти в жизнь училища и завоевать авторитет у товарищей и командиров. Вскоре их избрали в руководящие комсомольские органы. Лопухов стал хорошим организатором физкультурно-массовой работы, а Арутюнянц успешно занимался политическими информацией и выпуском боевых листов.

С первых дней от курсантов потребовали свободного чтения сложных технических чертежей, хорошего знания тригонометрии, физики, химии, умения свободно производить сложные расчеты. За годы войны эти знания были растеряны, и курсанты встретились с большими трудностями. У некоторых появилась неуверенность в том, что они справятся с программой, но вопрос решился неожиданно. Как-то студенты Томского университета пригласили для встречи Арутюнянца и Лопухова. После душевного разговора Георгий обратился к студентам: «Помогите нам быстро вспомнить математику, физику и химию». И уже через два-три дня около ста студентов начали индивидуальные и групповые занятия с отстающими, в том числе и с героями-молодоговардейцами. По городу распространился слух, что артиллеристам нужна помощь. Пошли учителя со своими предложениями. Командование и политотдел вначале встревожились, ведь они не давали разрешения

на такую инициативу. На «ковер» вызвали Георгия и Анатолия, но они не растерялись, и Арутюнянц сказал: «В «Молодой гвардии» действовал принцип: «Попал в беду, сделай все возможное, чтобы преодолеть ее. Если видишь, что товарищ в беде, рискуй, но помоги ему». Так поступил и я в данном случае». И месяца через полтора курсанты выровнялись в учебе.

Зима 1944-1945 гг. была суровой. В Томске морозы доходили до 35-40 °, были трудности с питанием и отоплением казарм, приходилось самим заготавливать в тайге торф и перевозить его. Занятия по материальной части проводились под открытым небом, и у отдельных курсантов это вызвало разочарование. Ехали в глубокий тыл, надеясь на отдых. И вдруг...

По рекомендации политотдела на открытом комсомольском собрании с докладом выступил курсант Арутюнянц, который сказал: «...Отдельные из нас сдрейфили. Испугались трудностей. Ехали в училище, чтобы отдохнуть, спокойно пожить. Вы же фронтовики, товарищи комсомольцы! Такие, как мы, разгромили немцев под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, теперь перешли государственную границу. Я твердо знаю, что среди нас есть немало тех, кто в этих боях принимал самое деятельное участие, получил ранения и награды. К лицу ли нам, солдатам, фронтовикам, хныкать, находясь от линии фронта за тысячи километров? Трудности? Да, они есть, но мы можем и должны их преодолеть...»

В конце собрания к столу президиума подошел командир дивизиона подполковник Новицкий и объявил, что на 19-00 назначен лыжный бросок на 15 км. Но еще не вышли за город, как поднялась пурга, снег стал забивать глаза и лицо. Дорога во многих местах засыпана снегом, лыжи проваливаются. Руки промерзают в утепленных рукавицах, солдатская шинель не сдерживает ветра, холод проникает под гимнастерку. Впереди шел, прокладывая маршрут, командир дивизиона, а замполит и Лопухов замыкали колонну. На десятом километре появились отстающие, и командир приказал проверить личный состав и принять неотложные меры от возможного обморожения.

Будучи хорошо подготовленным в физическом отношении и уверенно владея лыжами, Лопухов стал активно помогать товарищам: одних воодушевлял словом, другим передавал приказ командира батареи: «Собратся с силами. Спокойно и уверенно вперед!», третьих брал «на буксир», идя с ними параллельно, отдельных поддерживал под руку.

Это был бросок на выносливость, нравственную воспитанность, проверку физических возможностей будущих офицеров. И все дошли до финиша.

Шло время. Курсанты все больше овладевали профессией офицера. Они заметно возмужали, появилось больше уверенности в своих суждениях и действиях.

К Дню Красной Армии, 23 февраля 1945 г., командование училища направило благодарственное письмо коллективу средней школы № 1 им. А.М. Горького, в котором благодарило учителей за воспитание советских патриотов Георгия Арутюнянца и Анатолия Лопухова и выражало уверенность, что педагогический коллектив школы и впредь будет воспитывать достойное пополнение для Красной Армии.

Учился Георгий легко. И хотя склад ума у него был скорее гуманитарный, чем технический, он успешно овладел материальной частью орудий, сложными приборами управления зенитно-артиллерийским огнем.

Радостное известие об окончании Великой Отечественной войны и безоговорочной капитуляции Германии курсанты встретили в Томске, и уже 26 июля 1945 г., загрузив в вагоны свое имущество и материальную часть, попрощавшись с гостеприимными жителями и руководством города, Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии в полном составе двинулось в обратный путь к месту постоянной дислокации.

В начале августа 1945 г. ЛАТУЗА возвратилось в Ленинград, и занятия возобновились в уже восстановленном здании по ул. Мира, 15, в Петроградском районе – в историческом центре города недалеко от Петропавловской крепости.

Георгия избрали в состав комсомольского бюро дивизиона и поручили организацию спортивно-массовой работы в подразделении. Как и раньше, к выполнению задания он отнесся очень ответственно и добросовестно, хоть сам не мог похвастаться успехами по физической подготовке. Он страстно любил только шахматы, и даже имел второй разряд. Как и ранее, Жора увлекался чтением книг и все выходные дни делил между спортплощадкой и читальным залом.

Незадолго до окончания училища Арутюнянец был принят в кандидаты в ВКП(б), а вскоре, в июне 1946 г., он с отличием завершил учебу и в торжественной обстановке на строевом плацу заслушал приказ Главного маршала артиллерии РККА о присвоении ему, Анатолию Лопухову, и его товарищам первого офицерского звания младший техник-лейтенант. Им вручили новенькие офицерские погоны.

Но с училищем героин-молодогвардейцы не расстались. Георгия оставили служить вначале в лаборатории на одной из технических кафедр (цикле), а позже избрали секретарем бюро ВЛКСМ своего же 1-го курсантского дивизиона. Анатолий Лопухов был назначен командиром курсантского взвода, затем, как и Георгия, его избрали секретарем комсомольской организации другого учебного дивизиона, а позже, в начале 1950-х гг., назначили помощником начальника политотдела училища по работе среди комсомольцев. В

1948 г. А.В. Лопухов стал членом Коммунистической партии.

В этом же году вышел в свет роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», в котором автор талантливо изложил подлинную историю подпольной молодежной организации Краснодона, допуская, конечно, определенный художественный вымысел. Несмотря на критику со стороны руководства страны, родителей погибших и некоторых оставшихся в живых молодогвардейцев, роман получился пронзительным, ярким и сразу же завоевал огромную популярность в народе. Его запоем читали взрослые и школьники, рабочие и колхозники, студенты и интеллигенция. Автор, описывая события оставления без боя Краснодона нашими войсками, бегства милиции, советских и партийных работников, не побоялся предупредить общество об угрожающих ему болезнях. И в то же время на страницах своего романа он восхищался смелостью и мужеством молодых людей, еще школьников, которые не побоялись бросить вызов самому озверелому врагу – фашизму.

После его выхода в свет популярность Арутюнянца возросла во сто крат, потому что А.А. Фадеев в романе уделил несколько страниц краснодонскому мальчишке – армянину Жоре и его борьбе в подполье. Теперь любой школьник знал его имя. Хотя сам Георгий Минаевич считал, что в каких-то эпизодах его роль писатель преувеличил.

Вскоре по просьбе Василия Левашова Георгий приехал в Москву. Вместе они были на приеме в ЦК ВЛКСМ, беседовали с руководящими работниками, доказывая, что подлинным комиссаром «Молодой гвардии» был Виктор Третьякевич, но им строго указали и провели «разъяснительные» беседы, на которых Георгий Минаевич скромно отмалчивался, прекрасно сознавая, что та слава и те награды, которыми он был удостоен, не вполне соответствовали его роли в деятельности подпольной молодежной организации Краснодона.

В это же время в один из летних дней 1947 г., возвращаясь из отпуска, который он проводил в Краснодоне у родителей, Арутюнянец в Москве встретился с А.А. Фадеевым. Встреча произошла в кабинете Александра Александровича в Доме Союза писателей СССР.

Георгий с огромным волнением поднялся на второй этаж и долго не решался войти. Но писатель поднялся навстречу, встретил его крепким рукопожатием и сумел построить беседу так, что Арутюнянец почувствовал себя уверенно и успокоился.

Расспросив о том, как сложилась жизнь Георгия после оккупации, Александр Александрович сказал: «Вас, конечно, прежде всего интересует вопрос, почему в романе кое-где нарушен историзм, возможно, смещены роли отдельных героев, а некоторые совсем не показаны... Многие

из ребят, кого вы так близко и хорошо знали, могли оказаться в книге связанными с событиями, в которых они не участвовали, и, наоборот, не оказаться там, где они были на самом деле. Все это может вызвать у очевидцев этих событий недоумение. Но вот послушайте, что я вам скажу...»

Арутюнянц смутился. Это, конечно, интересовало всех. Но поднимать этот вопрос он считал просто нескромным и неправильным, потому что понимал: роман художественное, а не документальное произведение. А писатель по-товарищески, попросту, как старому знакомому, стал излагать ему свои мысли: как родился план книги, какими были ее варианты, с какими трудностями пришлось столкнуться и во время сбора материалов в Краснодаре, и после, когда писался роман.

«Очень хочу, чтобы вы правильно поняли меня, – говорил Александр Александрович. – Я не мог и не ставил перед собой задачу описать историю «Молодой гвардии» день за днем или эпизод за эпизодом. Это делают потом историки, не оглядываясь на роман. В образах молодогвардейцев мне хотелось показать героизм всей советской молодежи, ее огромную веру в победу и правоту нашего дела. Сама смерть – жестокая, страшная в пытках и мучениях – не смогла поколебать духа, воли, мужества юношей и девушек. Они умирали, удивляя и даже пугая врагов. Такова была жизнь, таковы факты. И это должно было стать лейтмотивом романа...»

«Перед вами я не открою секрета, – продолжал Александр Александрович, – если скажу, что глубоко полюбил этих простых, замечательных ребят. Меня восхищала в них непосредственность, искренность, неподкупная честность и верность своему комсомольскому долгу. Потому-то кое-кого я написал такими, какими хотел бы видеть в жизни. Я был поражен Сережей Тюлениным, Любой Шевцовой, я полюбил Олега, Улю, Земнухова. И знаю, что, обобщая отдельные черты своих героев, я этим самым делал как бы шаг в сторону от истории, пусть небольшой, заметный только вам. И все-таки шел на это сознательно...»

Жизнь Георгия Минаевича стала постепенно налаживаться. На одной из комсомольских конференций Арутюнянц познакомился с молоденькой Александрой Павловной (Шурочкой, Шуренья) – секретарем Петроградского райкома комсомола Ленинграда. Они стали часто встречаться, о многом говорили и однажды поняли, что должны быть вместе. 17 апреля 1948 г. при неописуемом восторге и к радости многочисленных друзей они стали мужем и женой и скоро в их молодой, прекрасной семье родился сынок, которого назвали Виктором (в честь Третьякевича).

В этом же году на основе первой редакции романа режиссер С.А. Герасимов на месте реальных событий снял одноименный двухсерийный

художественный фильм, в котором роль Жоры Арутюнянца талантливо сыграл начинающий грузинский актер Караман (Гугули) Георгиевич Мгеладзе (народный артист Грузинской ССР, кинорежиссер, сценарист).

Через год в 1949 г. молодая семья переехала в столицу Украины, куда Георгия Минаевича направили для прохождения дальнейшей службы в Киевское танково-техническое училище им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. С этого времени дальнейшая его судьба была связана с комсомольской и политической работой и везде он проявлял незаурядный талант руководителя, воспитателя патриотической молодежи.

В те послевоенные годы часто организовывались встречи с молодежью Киева. У юношей и девушек был очень велик интерес к героическим делам подпольной комсомольской организации Краснодона. И Г.М. Арутюнянц с большой охотой выступал перед рабочими, студентами, воинами, школьниками столицы Советской Украины, которые восстанавливали разрушенное фашистами народное хозяйство. Не было ни одного случая, чтобы Георгий Минаевич отказался выполнить какую-нибудь просьбу или поручение. Ему приходило множество писем из разных уголков нашей страны, на которые он обязательно отвечал. Политработник Арутюнянц прекрасно знал методику и практику комсомольской работы, поэтому секретари комитетов комсомола районов города постоянно приглашали его не только для чтения лекций, но и для выступления на семинарах комсомольского актива и теоретических конференциях.

В 1953 г. Г.М. Арутюнянц стал слушателем Военно-политической академии им. В.И. Ленина, после окончания которой в 1957 г. служил в политотделах воинских частей Московского военного округа. Семье героя пришлось сменить несколько адресов места жительства, и всегда их друзья недоумевали, почему Георгий Минаевич, которого в то время знала, без преувеличения, вся страна, много лет жил в маленьких комнатах в коммунальных квартирах, иногда даже без удобств. Но надо было знать Жору, очень скромного и порядочного человека, который считал невозможным добиваться для себя каких-либо льгот, когда вся страна жила тяжело, но он мог устроить скандал, если дело касалось друзей.

Именно по требованиям Василия Левашова, Георгия Арутюнянца и Анатолия Лопухова, которые не без помощи «Шурени» – Александры Павловны – добились приема у первого секретаря ЦК ВЛКСМ

А.Н. Шелепина, была создана комиссия, которая в 1960 г. полностью реабилитировала Виктора Третьякевича.

Высокая добропорядочность, исключительное обаяние и скромность, большое трудолюбие, усидчивость, настойчивость в достижении поставленной цели, честность и преданность своему делу, приятная, обвороживающая, застенчивая, сразу располагающая к себе улыбка – выгодно отличали Георгия Минаевича от остальных комсомольских и партийных работников частей и соединений, в которых он служил. И на каком бы посту ему не пришлось работать, он никогда не пожалел о сделанном выборе, о том, что стал политработником. Наоборот, он постоянно совершенствовался как комсомольский вождь, а потом и как зрелый партийно-политический руководитель. Арутюнянц умел работать над повышением своих знаний, отличался начитанностью и широким кругозором знаний. Он умел убеждать собеседника, не повышая на него голоса, никогда не оскорблял человеческого достоинства других. Георгий Минаевич отлично разбирался в музыке и живописи, был страстным шахматистом, любил читать книги и делиться мыслями о прочитанном с друзьями. Занимаясь филателией, он собрал редкостную коллекцию марок по искусству.

Высокоинтеллигентный, застенчивый по своей природе и добрейший человек, Георгий Минаевич никогда не начинал первым разговор о трудных месяцах работы «Молодой гвардии», а когда его об этом просили – он говорил кратко, как правило, не о себе, а о товарищах, и особенно тепло и сердечно о Земнухове, Тюленине, Шевцовой. Он никогда не рисовался и искренне говорил, что чувствует себя неловко, что доля его заслуг куда меньше тех, кто, к сожалению, ничего уже рассказать не может.

О своих друзьях Георгий Минаевич рассказывал: «Мне вспоминаются друзья по подпольной организации, их необыкновенно высокое чувство товарищества. Еще со школьной скамьи нас связывала крепкая, хорошая дружба, которая затем, в суровые дни войны, помогла быстро сплотиться и создать боевое подполье. В основе нашей дружбы лежали такие прекрасные качества, как честность, верность и преданность, готовность пойти на любые трудности, а если нужно, и жертвы ради своих друзей, ради общего дела, за которое мы боролись. Но все это, однако, не мешало нам, а, наоборот, заставляло говорить друг другу правду в глаза, какой бы она не была горькой...»

Георгий Минаевич был прекрасным, откровенным, искренним рассказчиком, его без усталости часами могла слушать большая аудитория, ведь на него смотрели как на легенду из романа «Молодая гвардия», художественные достоинства которого он высоко оценил (особенно первого варианта) и который уже входил в обязательную школьную программу. Большинство

юношей и девушек читали роман А.А. Фадеева как на русском, так и на других национальных языках народов СССР, смотрели кинофильм Сергея Герасимова. На этих встречах он никогда не выделял своего участия в организации. «Я делал ту же работу, что и каждый из моих друзей. А не погиб вместе с ними только потому, что сумел заблаговременно уйти из города и таким образом избежать ареста».

В 1963 г. Георгий Минаевич вместе с М.А. Новоселовым написал книгу «Повесть об Иване Туркениче», в которой подробно рассказал о зарождении подпольного движения в Краснодаре.

В многочисленных интервью, статьях, воспоминаниях Г.М. Арутюнянца звучало немало откровений. Так, автор с удивлением узнал, что в первые месяцы оккупации Краснодона немецкими войсками, поддавшись на лживую пропаганду фашистов, на принудительные работы в Германию уехали *добровольно* сотни молодых людей, юношей и девушек из города и района, а Анатолий Попов, командир подпольной группы из поселка Первомайка, служил в полиции. В июле-августе 1942 г. в Краснодаре шли непрерывные обыски, гитлеровцы искали партийных и советских активистов, запретную литературу, а помогавшие им полиция под видом обыска просто грабили жителей, забирая продукты, хорошую одежду. Для этих целей привлекали жителей города, служащих немцам, из городской управы, дирекциона, комендатуры. Помогал полициям проводить обыски в домах «неблагонадежных» учителей, врачей и других советских и партийных работников города один из создателей и активный участник «Молодой гвардии» Иван Земнухов, хотя старался своими действиями во время этих обысков помочь и спасти подозреваемых от ареста и возможного расстрела. А Сергей Тюленин *неоднократно* попадал в полицию за нарушение режима «комендантского часа», но всякий раз полиция штрафовали его и других, попавшихся ребят, по 50 руб., в очередной раз строго предупреждали и... отпускали. Он же после поджога биржи труда через некоторое время вернулся обратно и вместе с фашистами и полицией «тушил» обьятое пламенем здание, чтобы «убедиться, что все сгорело», за что в очередной раз получил нагоняй за свои опрометчивые действия от членов штаба молодогвардейцев, ведь мог легко оказаться в числе подозреваемых и попасть в гестапо, и мн. др.

В сентябре 1963 г. Георгий Минаевич стал преподавателем кафедры партийно-политической работы Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Здесь кроме занятий со слушателями, самообразования и методической работы Г.М. Арутюнянец вел большую научно-исследовательскую работу. Он написал несколько учебных пособий по партийно-политической работе в Вооруженных Силах СССР, заочно окончил аспирантуру

и блестяще защитил кандидатскую диссертацию, которая стала основой учебника для слушателей высших военных учебных заведений. В 1969 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук, а затем присвоено ученое звание доцента.

Г.М. Арутюнянц принимал активное участие в общественной жизни: был делегатом XI и XIII съездов ВЛКСМ, XIV и XV съездов комсомола Украины, избирался членом ЦК ЛКСМ Украины, активно участвовал в различных конференциях, пионерских слетах, Всесоюзной игре «Зарница», был капитаном волейбольной команды академии. У него на все хватало сил и времени.

Полковник Арутюнянц, наконец-то, вместе с семьей переехал в свою первую, пусть небольшую, но отдельную квартиру.

Но не все было так хорошо у бывшего молодогвардейца, как могло показаться. Его здоровье, подорванное в военные годы, то и дело напоминало о себе. Но Георгий Минаевич не сдавался.

В 1972 г. его в очередной раз пригласили для выступления на Центральное телевидение. После эфира Георгию Минаевичу резко стало плохо и его в экстренном порядке госпитализировали. Вердикт врачей был неутешительным – обширный инфаркт. Медики заявили, что шансов на выздоровление нет, ему требуется основательно следить за своим здоровьем и оставить работу. Но Арутюнянц не захотел их слушать и снова победил смерть.

После выздоровления вернулся в академию, стал преподавать. Как и прежде, он встречался с журналистами, рассказывал о «Молодой гвардии» и вообще очень ревностно относился ко всему, что было связано с подпольной антифашистской организацией Краснодона. Но болезнь прогрессировала.

17 апреля 1973 г. Георгий Минаевич и Александра Павловна в госпитале отметили свою серебряную свадьбу, а 26 апреля знаменитый «молодогвардеец Жора» умер в больничной палате от повторного инфаркта. Он очень любил жизнь и всегда повторял: «Я голосую за мир, за то, чтобы наша земля всегда цвела...»

Так сложилась его не очень длинная, но яркая жизнь.

Георгия Минаевича Арутюнянца похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Всем, знавшим его, трудно было поверить, что больше нет этого замечательного, скромного, веселого оптимиста с доброй, обаятельной улыбкой.

Хоронила его вся Москва.

За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в тылу врага и на фронте Георгий Миннаевич Арутюнянц награжден орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» I-й степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» и многими другими.

Его именем названа улица в Краснодоне. На доме, где он родился в Новочеркасске Ростовской области, установлена Мемориальная доска. В советское время многие пионерские дружины и классы носили его имя.

О его жизни и подвиге рассказывают документы и материалы Музея «Молодая гвардия» и Музея «Боевой славы» Военного университета МО РФ им. князя Александра Невского (бывшая ВПА им. В.И. Ленина, Гуманитарная академия ВС РФ), других многочисленных музеев и комнат Славы, в которых собрано много материалов о молодогвардейце Г.М. Арутюнянце, бережно хранятся его воспоминания и рассказы о бесстрашных товарищах его тревожной юности.

Его друг и соратник по «Молодой гвардии» Анатолий Владимирович Лопухов в 1948 г. стал членом Коммунистической партии, в 1955 г. поступил в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина, а после ее окончания с отличием в 1959 г. служил политработником в воинских частях ПВО Советской Армии в городах Тбилиси, Норильск, Ленинград, Днепропетровск. Анатолий Владимирович неоднократно избирался депутатом городских и областных Советов депутатов трудящихся, вел большую общественную работу по воспитанию подрастающего поколения на героических традициях нашего народа, был страстным пропагандистом подвига молодогвардейцев.

Службе в рядах Советской Армии полковник А.В. Лопухов отдал более 35 лет жизни. 18 февраля 1979 г. уволился в запас и остался жить в г. Днепропетровске (Днепре).

За участие в Великой Отечественной войне и в подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Анатолий Владимирович Лопухов был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями «Партизану Отечественной войны» I-й степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» и мн. др.

Умер 5 октября 1990 г. Похоронен в г. Днепропетровске (Днепре).

Я не писал эту книгу к памятной дате. Так получилось само собой. Видно, пришло время...

С каждым из героев Краснодона я проживал их короткую, но яркую жизнь не один раз, я жил и рос вместе с ними, радовался их успехам и вместе с ними совершал ошибки, испытывал душевную боль, когда они страдали от пыток и истязаний, плакал над их телами вместе с их матерями и отцами. Уверен, что то же самое было и с А.А. Фадеевым, который, к сожалению, не знал во время написания своей знаменитой книги абсолютно всей правды.

О молодоговардейцах написано много книг, воспоминаний родных, очевидцев тех событий, но много в них и вымысла как художественного, так и просто житейского, ведь каждый хотел выглядеть в глазах остальных, и в первую очередь читателей, лучше, важнее, значительнее, чем другие. Но из всего огромного материала, который удалось изучить и обобщить автору, стало ясно одно, что однозначно идея создания и организационные основы подпольной молодежной организации в Краснодоне принадлежали Ивану Земнухову и Виктору Третьякевичу. Очень жаль, что их роль в романе А.А. Фадеева незаслуженно занижена. А самые яркие личности – это несомненно Сергей Тюленин и Любовь Шевцова. Не скрою: автор влюблен в этих сорванцов, хотя в свои школьные годы таковым не являлся.

В советское время каждый школьник нашей Родины – СССР знал имена Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Ивана Земнухова, Ульяны Громовой, Любви Шевцовой и многих других, которые были зверски замучены оккупантами и погибли как герои, хотя действовала «Молодая гвардия» активно не более трех месяцев и была разгромлена фашистами буквально за несколько недель до освобождения города войсками Красной Армии.

На многострадальной земле Донбасса фашисты и их прихвостни в период оккупации не только в Краснодоне проводили массовые убийства советских граждан. Так, в Красном Луче в центре города немецкие каратели расстреляли и сбросили в ствол шахты более 2 000 советских граждан; в Коммунарске 83 металлурга, отказавшиеся работать на металлургическом комбинате, были заживо сожжены врагами в печах завода; в заброшенную шахту между Кадиевкой (Стаханов) и Коммунарском фашистские нелюди сбросили 1 037 человек. Но самое страшное происходило недалеко от Донецка в шахте № 4/4-бис «Калиновка», где фашисты казнили и сбросили в 365-метровый шурф 75 000 человек, забив телами советских людей ствол этой шахты почти доверху (330 м). Опознать удалось только 150 человек. Ни до, ни после этого, нигде не было столь массового уничтожения людей на нашей планете....

За 7 месяцев оккупации Луганской области немецко-фашистские захватчики замучили, повесили, расстреляли, заживо сбросили в стволы шахт более 100 000 ни в чем не повинных советских граждан и угнали на принудительные работы в Германию почти 70 000 луганчан.

Массовыми расстрелами заложников оккупационные власти отвечали за гибель немецких военных. Так, после убийства в Таганроге немецкого офицера и пятерых солдат во дворе завода № 31 было расстреляно 300 ни в чем не повинных мирных граждан. А за повреждение телеграфной станции в том же Таганроге расстреляли 153 человека.

В Советском Союзе официально считалось, что на временно оккупированной территории действовало 3 350 комсомольских и молодежных подпольных организаций. Но мы знаем историю далеко не каждой из них. К примеру, о молодежной организации, созданной в Сталино (Донецк), до сих пор практически ничего не известно...

Из 58-метрового шурфа шахты № 5 в Краснодоне подняли 71 тело казненных молодогвардейцев и членов городской подпольной партийной организации. Поэтому автор абсолютно уверен, что критики А.А. Фадеева из числа оставшихся в живых молодогвардейцев и родственников погибших героев, которые в основе своей мало что знали при жизни их детей о их подпольной деятельности, не поняли одного, что подпольных групп и организаций на оккупированных советских землях было много и они, чаще всего, сделали для нашей Победы гораздо больше, чем молодогвардейцы, но для них не нашлось своего великого художника слова – Александра Александровича Фадеева, который вложил в книгу весь свой талант. Его творение давно пережило автора и будет жить в веках. И мы не можем его осуждать. Благодаря ему о подвиге героев «Молодой гвардии», их имена и фамилии узнала вся страна, весь мир. Он сделал из них национальных героев, которыми гордится вся наша страна, их фамилиями названы улицы почти в каждом городе, поселке, селе Великой России.

«А где-то рядом с нами боролись неизвестные нам люди, иной раз – в одиночку, – вспоминал Василий Иванович Левашов. – Представьте: взрыв в городе. Ни мы, ни коммунисты-подпольщики к нему отношения не имеем. Значит, кто-то еще сражается с врагом – ежечасно, ежедневно, повсюду. И, поверьте, все это еще больше укрепляло нас в своей решимости стоять до конца. И не ждать конца, а сражаться. Вот так же ежедневно, ежечасно, повсюду – за Родину...»

Но «...далеко не простым оказался путь в комсомольское подполье для многих патриотов. Если безрассудно смелому Сергею Тюленину, как и

окончившей школу НКВД отчаянной Любке Шевцовой, и пропешшим ускоренную подготовку в тех же органах сестрам Иванцовым, некоторым другим подпольщикам уже в первые дни оккупации все было ясно: с фашистами следует бороться, не раздумывая, то для многих других дорога в подполье пролегла через мучительные сомнения – не все было так просто, как сегодня кое-кому кажется. Однако любовь к Отечеству оказалась выше личного преуспеяния.

А ведь ситуация действительно была страшная. Отступление, а вернее, бегство наших было паническим и стремительным. Город наводнили дезертиры Красной Армии, начались грабежи, даже мародерство.

Наш истребительный батальон буквально разрывался, чтобы поддерживать в Краснодоне мало-мальский порядок. Деморализовать, разобщить людей старалась и немецкая пропаганда, что в какой-то мере и удавалось. Тысячи листовок сбрасывались над городом: «Здравствуй, Донбасс. Скоро буду у вас», «Иван, тише драпай, а то тебя на танке не догонишь» – ярко-красные клочки бумаги с такими строчками вселяли неуверенность в души людей. Фашисты уверяли: «новый порядок» – райская жизнь для всего трудящегося люда. И некоторые теряли рассудок, верили этой брехне, принимая за чистую монету измышления гитлеровцев. Как результат – уже в первые дни оккупации нашлись такие, кто пошел в услужение к захватчикам: в так называемую «украинскую полицию», в шуцманы – вспомогательные отряды при немецкой жандармерии, кто выдавал фашистам знакомых коммунистов, комсомольцев, евреев. Уже вскоре краснодонская украинская полиция насчитывала 400 человек...» – писал друг и соратник Сергея Тюленина, родной брат Нины Иванцовой, фронтовик Ким Михайлович Иванцов.

А Георгий Минаевич Арутюнянц вспоминал, что в первые дни оккупации фашистами города, который советские войска сдали без боя, немцы в шахтерских клубах по вечерам устраивали танцы и многие молодые женщины и девушки Краснодона с удовольствием их посещали, заводили «дружбу» с немецкими солдатами и офицерами. В этих клубах часто выступали русские и украинские артисты из театров Киева, Луганска, Харькова и других уже оккупированных городов Украины.

«Как же надо было знать историю Родины, любить свой народ, помнить правду о фашизме, чтобы в этих условиях не дрогнуть, верить в благополучный исход битвы с оккупантами, в необходимость всеобщей борьбы с ними здесь, в захваченном врагами Краснодоне. Именно мальчишки и девчонки нашли в себе душевные силы, сумели рассмотреть главное: несоответствие того, о чем трубили и что на самом деле вытворяли оккупанты...

...Вступление в борьбу несовершеннолетних ребят Краснодона было осмысленным и далеко не случайным. По зову собственных сердец, без подсказки старших или каких-либо организаций они выступили против коричневой чумы, ибо душой и сердцем не принимали фашистский «новый порядок». Сказалось, конечно, и влечение к романтике, что является вполне нормальным в этом возрасте...» – так писал настоящий герой Ким Михайлович Иванцов.

А ведь прошло всего 20 лет с окончания кровопролитной, братоубийственной Гражданской войны, и за это время выросло новое поколение свободных молодых людей, которое не сломалось, не стало на колени перед врагами, а словом, оружием стало защищать свободу и независимость своей поруганной Родины. Не их родители, не их старшие братья и сестры, а мальчишки и девчонки Краснодона отдали свои молодые жизни за нас, сегодня живущих.

Но в начале 1990-х гг. Советский Союз как государство прекратил свое существование. Все героические события Великой Отечественной войны стали опровергаться, подвергаться искажениям и передергиваниям. Лучшие люди, которые пожертвовали свои молодые жизни ради спасения остальных от фашистского рабства, были объявлены больными придурками, которые, вместо того чтобы спасти свои шкуры, бросались на дзоты, погибали в застенках гестапо.

Так было и с Зоей Космодемьянской, и с Александром Матросовым, так же новоявленные «историки» поступили и с героями «Молодой гвардии». Украинским националистам разных мастей понадобились свои герои: Коновалец, Бандера, Шухевич и разная другая продажная шваль.

Многочисленные музеи молодогвардейцев в школах, не только Украины, но и России, были закрыты, из школьной программы изъяли роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», с годами экспонаты безвозвратно погибли. Злоключения не миновали памятники, бюсты, и даже могилы молодогвардейцев. Автору трудно представить, чтобы человек нашего послевоенного поколения мог осквернить чей-либо последний приют.

На волне вседозволенности любители исторических сенсаций стали доказывать читателям, что как таковой «Молодой гвардии» не существовало вообще, а ее руководитель Олег Кошевой не более чем обыкновенный подросток-хулиган или того хуже – агент немецкой разведки, предавший всю организацию. Доморощенные украинские псевдочучные, забыв о совести, чести и достоинстве, до сих пор пытаются очернить подвиг молодых патриотов Краснодона. Они откровенно лгут, предлагая читателю принять за истину их большое воображение, а цель

у всех одна: посеять сомнения в головах людей, особенно молодых, в истинности подвига молодогвардейцев во имя Родины.

Бесследно исчез и двухсерийный художественный фильм С.А. Герасимова «Молодая гвардия», а мутный поток западных боевиков и мелодрам захлестнул наши экраны, вымыл из неокрепших юношеских душ такие понятия, как совесть, патриотизм, вера в человеческие идеалы.

Идеологи и правители новой Украины, да и России, устремившись за западными «ценностями» и идеалами, забыли, что дефицит идеологии, порядочности, культуры, патриотизма еще страшней, чем дефицит товаров и продуктов, и их проявления ужасают своей дикостью.

Спасибо сотрудникам краснодонского Музея «Молодая гвардия», которые, практически, в отсутствие нормального финансирования в течение более 30 лет смогли отстоять и сохранить экспонаты и подлинные вещи молодых героев, да и сам Музей, вместе с другими неравнодушными людьми, восстановить Аллею «Молодой гвардии».

В 2011 г. в Томске трое журналистов: Сергей Лапенков, Сергей Коловковин и Игорь Дмитриев, обратив внимание, что все меньше и меньше ветеранов принимает участие в уличных шествиях в День Победы, решили восстановить справедливость: герои, отстоявшие свободу страны, должны видеть праздник – пусть даже с фотографий. Они опирались на стихийно возникшую еще в советское время традицию, когда люди приносили фотографии своих родственников к мемориалам павшим.

День Победы 9 мая 2012 г. стал датой рождения движения «Бессмертный полк», когда по призыву инициаторов проекта впервые в стране по улицам Томска прошла 6-тысячная колонна жителей города, которые несли в руках плакаты с фотопортретами своих родственников, воевавших в Великой Отечественной войне.

На следующий год акция была проведена уже в 120 городах и селах России и к ней присоединялись все новые и новые города и населенные пункты не только России, но и других стран мира. В 2013 г. в Москве на Поклонной горе впервые шествие «Бессмертного полка» организовали и провели народный артист СССР Василий Семенович Лановой и московский депутат Николай Георгиевич Земцов.

9 мая 2015 г. акция «Бессмертный полк» впервые прошла по Красной площади после военного парада в честь 70-летия Победы, в ней приняло участие более 150 тыс. человек, включая президента России В.В. Путина, который пронес портрет своего отца-фронтовика. Всенародная акция стала одним из важнейших элементов празднования Дня Победы в России и в 42 странах мира.

Так весь мир узнал, что нельзя уничтожить, растоптать, унижить историческую память народа-победителя и началось постепенное возрождение национального самосознания, с которым не считаться руководство страны уже не могло. Стали переписываться учебники истории. Теперь уже не четыре часа отводится на изучение событий Великой Отечественной войны, в течение которых будущим поколениям «свободной» России, по замыслу «наших заокеанских партнеров и кураторов», внушалось, что победу над фашистской Германией одержали США, а не Советский Союз, как до сих пор считают школьники почти всех стран Западной Европы и «самостийной» Украины. К великому сожалению, они почти уже этого добились. Наши выпускники не только не знают о событиях той страшной войны, но и о ее героях, включая и молодогвардейцев. Не зная истории России, наши доморощенные министерские чиновники делали все, чтобы угодить своим заокеанским хозяевам. (Поэтому автор и решил, что его долг – ликвидировать этот пробел в знаниях подрастающих поколений. Свою работу я начал еще задолго до 2012 г., продолжаю и сейчас).

Казалось бы, деятельность «Молодой гвардии» освещена досконально. Но до сих пор еще обнаруживаются все новые и новые детали из жизни членов этой подпольной молодежной организации, о которых так хочется рассказать. И все споры по конкретным вопросам и о роли отдельных людей в организации не должны бросать тень на величие подвига, совершенного молодыми подпольщиками Краснодона.

Война забирала и забирает лучших сыновей нашего Отечества. Кто может сегодня сравниться с ними по храбрости, чистоте, сердечности и благородству их святого земного предназначения - защищать Родину? Имена героев-молодогвардейцев стали олицетворением бессмертного подвига, символом мужества и героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны, а их подвиг – ярким примером патриотизма и любви к своей Родине для всех поколений граждан нашей страны. Они прожили короткую, но праведную жизнь и готовы были биться до конца за свое счастье, ведь невозможно победить того, кто не сдастся, и каждый, кто и сегодня совершает подвиг, должен помнить тех необыкновенных мальчишек и девочек Краснодона.

В жизни всегда есть место подвигу, но, к величайшему сожалению, не всегда в этой жизни есть место героям. И наша задача восстановить историческую справедливость в это непростое время, ведь сейчас мы знаем намного больше, чем великий художник слова А.А. Фадеев, когда писал свой знаменитый роман. Всем нам, равнодушным жителям планеты Россия, необходимо стремиться к тому, чтобы на нашей

многострадальной земле в истории нашего государства для всех героев нашлись свои Фадеевы.

Еще в декабре 2021 г. глава ЛНР Леонид Иванович Пасечник объявил 2022 год в республике Годом антифашистской подпольной организации «Молодая гвардия», но самым событийным, историческим, эпохальным для жителей Луганской Народной Республики и всей России стал сентябрь, события в котором развивались стремительно, особенно в последней декаде.

22 сентября автор с великим удовлетворением услышал по радио и телевидению Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина, в котором говорилось: «За активное участие в создании и деятельности подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., присвоить звание Героя Российской Федерации Третьякевичу Виктору Иосифовичу (посмертно)».

Легких судеб не бывает. Настоящий человек не станет жаловаться на невезение, причислять себя к разряду неудачников. Наоборот, он непременно будет искать выход из затруднительного, а может, даже тупикового положения, и обязательно его найдет. Ему еще и позавидуют. Наконец-то историческая справедливость восторжествовала еще для одного героя-молодогвардейца!

25 сентября 2022 г. первый заместитель руководителя Администрации президента РФ С.В. Кириенко, глава ЛНР Л.И. Пасечник и глава ДНР Д.В. Пушилин открыли в Краснодаре после реставрации памятник молодогвардейцам «Непокоренные». Памятный огонь зажег военнослужащий народной милиции ЛНР Виталий Бугаев. Сергей Владиленович Кириенко передал на вечное хранение золотую Звезду Героя России Виктора Третьякевича директору Музея «Молодая гвардия» в Краснодаре заслуженному работнику культуры ЛНР Наталье Ивановне Николаенко. Он отметил, что для него «великая честь выполнить почетное поручение президента», и выразил слова благодарности сотрудникам Музея «Молодая гвардия», которые 80 лет не просто хранили память, а отстаивали историческую справедливость и светлое имя героя.

В условиях ведения войны с Украиной в это же время с 23 сентября в течение пяти дней проходил всенародный референдум в ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областях о вхождении в состав России. 27 сентября 2022 г. он завершился на избирательных участках. Абсолютное большинство жителей этих регионов проголосовало за вхождение своих республик и областей в состав Российской Федерации.

30 сентября 2022 г., в тот же день ровно через 80 лет после создания «Молодой гвардии», по итогам референдумов Президент России В.В. Путин и главы регионов: Д.В. Пушилин, Л.И. Пасечник, Е.В. Балицкий и В.В. Сальдо – подписали договоры о принятии в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

На этом можно было бы завершить мое повествование, но еще не раскрыто много тайн «Молодой гвардии», которые хранятся в закрытых архивах ФСБ (КГБ, НКВД), с многих документов еще не снят режим секретности. Автору так и не удалось узнать о событиях при освобождении Красной Армией г. Каменска, в которых участвовал Сергей Тюленин. Воспоминаний очевидцев того страшного боя, к сожалению, нет. Но особенно загадочной личностью в организации была Любовь Шевцова. При изучении многочисленных материалов автору стало понятно, что ее деятельность в «Молодой гвардии» была лишь прикрытием основной работы в тылу врага – разведчицы-профессионала, ведь откуда-то штаб партизанского движения знал еще в декабре 1942 г. о деятельности подпольной молодежной организации в Краснодоне. Нет никаких сведений о деятельности партизан Митякинских лесов, подпольщиков Каменска. Нет и показаний главных палачей молодогвардейцев: Соликовского и Захарова, которым удалось скрыться от правосудия.

Вот поэтому автор не ставит точку в своем повествовании.

История «Молодой гвардии» продолжается...

Р.С. Автор не претендует на роль летописца жизни и подвигов героев-молодогвардейцев, но каждую строчку в этом повествовании может подтвердить письменными свидетельствами очевидцев тех событий, источниками исследований других авторов, подлинными документами периода Великой Отечественной войны, которые изучил, работая в архивном фонде России, и посвящает свою книгу всем воинам-героям России, участникам военной операции против неонацистов Украины за свободу и независимость нашей Родины.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГК	Верхнее Главнокомандование
ВКП(б)	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВО	военный округ
ГКО	Государственный Комитет Обороны
ГШ	Генеральный штаб
ДНР	Донецкая Народная Республика
<i>зенит</i>	зенитный артиллерийский полк
<i>истпан</i>	истребительно-противотанковый артиллерийский полк
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
ЛНР	Луганская Народная Республика
НКО	Народный комиссар (нат) обороны
ПВО	противовоздушная оборона
ПТР	противотанковое ружье
<i>сб (тб)</i>	стрелковый батальон (танковый батальон)
<i>сбр(тбр)</i>	стрелковая бригада (танковая бригада)
<i>сд (тд)</i>	стрелковая дивизия (танковая дивизия)
<i>ск (тк)</i>	стрелковый корпус(танковый корпус)
<i>сп (тп)</i>	стрелковый полк (танковый полк)
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ТА	танковая армия
УР	укрепленный район
ЦК	Центральный Комитет

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Советская Энциклопедия. В 30 томах. — М.: Советская энциклопедия, 1973.
2. Великая Отечественная война, 1941 – 1945: Словарь-справочник. — М.: Политиздат, 1985. – 527 с.
3. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т.1,2. – М.: Воениздат, 1988.
4. Молодая гвардия (сборник документов и воспоминаний о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 - февраль 1943). — К.: Изд. ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1961.
5. Молодогвардейцы. Биографические очерки о членах Краснодонского

- партийно-комсомольского подполья / Сост. Р.М. Аптекарь, А.Г. Никитенко. — Донецк: Донбасс, 1981.- 125 с.
6. Арутюнянц Г.М. Устремленные в вечность: статья. — М.: журнал «Молодой коммунист», 1963, № 9.
 7. Арутюнянц Г.М. Храните мужество и честность: статья. — М.: газета «Комсомольская правда», 28.04.1973.
 8. Арутюнянц Г.М., Новоселов М.А. Иван Туркенич. — К.: Изд. ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1963.
 9. Башков В.П. Иван Земнухов: докум. повесть. — М.: Политиздат, 1990. - 176 с.
 10. Васильев В.П. Краснодарское направление: очерки. 3-е изд. - Донецк: Донбасс, 1987. - 128 с.
 11. Вернеева С.А. А роль была назначена войной: повесть о Любе Шевцовой. — Донецк: Донбасс, 1989. - 165 с.
 12. Гордеев А.Ф. Подвиг во имя жизни. — Днепропетровск: Изд. Центр Экономического Образования ООО «Днепрост», 2000.
 13. Костенко К.П. Это было в Краснодоне. — М.: Изд. Молодая Гвардия, 1961.- 218 с.
 14. Кошечкина Е.Н. Повесть о сыне. — Л.: Лениздат, 1952.- 146 с.
 15. Левашов В.И. Будни молодогвардейцев: статья. — М.: газета «Красная звезда», 13.09.1968.
 16. Левашов В.И. Найди себя в строю флотском. — Пушкин: Изд. ВВМПУ, 1996. - 90 с.
 17. Марочко В.П. Сильные духом: статья — М.: газета «Красная звезда», 24.06.2009.
 18. Самарина Е.М. Оглядываясь на прошлое: документальная повесть. — Екатеринбург: Полиграфист, 1999. -197 с.
 19. Самарина Е.М. Повесть о братьях Третьякевичах. — Екатеринбург: Полиграфист, 1998. -140 с.
 20. Свиридов И.К. 295-я Херсонская трижды орденоносная. — 2-е изд. — Кишинев: Картия Молдовеняскэ, 1980. — 285 с.
 21. Третьякевич М.И., Самарина Е.М. Семь тетрадей. — Екатеринбург: газета «Штерн», 2004.
 22. Ужанов А.Е. Боевой путь командира «Молодой гвардии»: статья. — СПб.: Научно-практический журнал СЗА ГС «Управленческое консультирование», 2010, № 1.
 23. Фадеев А.А. Молодая гвардия: роман. — К.: Изд. «Веселка», 1986.- 604 с.
 24. Шкарлат Н.А. Военная история. История Воронежа в названиях улиц. Часть I: Монография. — Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2015.- 100 с.
 25. Сайт МО РФ. Память народа <http://www.pamyat-naroda.ru>.
 26. Сайт МО РФ. Подвиг народа <http://www.podvignaroda.ru>.
 27. Сайт МО РФ. Мемориал <http://www.memorial.ru>.
 28. Сайт Дмитрия Щербинина. Молодая гвардия. Героям Краснодона посвящается... <http://www.molodquard.ru>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора- - - - -	3
«Молодая гвардия»- - - - -	6
Туркенич Иван Васильевич - - - - -	40
Третьякевич Виктор Иосифович - - - - -	64
Земнухов Иван Александрович - - - - -	134
Кошевой Олег Васильевич - - - - -	164
Левашов Василий Иванович- - - - -	210
Тюленин Сергей Гаврилович - - - - -	276
Громова Ульяна Матвеевна- - - - -	306
Шевцова Любовь Григорьевна - - - - -	320
Арутюнянц Георгий Минаевич - - - - -	348
Эпилог - - - - -	376
Список сокращений- - - - -	384
Список использованных источников и литературы- - -	384

**Шкарлат Николай
Александрович** –
военный историк, краевед.

Родился 14 апреля 1953 г. в семье военнослужащего. Полковник в отставке. Его отец и дед воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Дед – Емельян Харитонович был призван в ряды Красной Армии в июле 1941 г. и пропал без вести под г. Воронежем в июле 1942 г. Отца – Александра Емельяновича призвали полевым военкоматом в сентябре 1943 г. С боями он прошел от Днепра до Праги, награжден орденами и медалями. После войны служил в танковых частях и соединениях. Его сыновья продолжили славную традицию семьи, стали офицерами мотострелковых войск и служили в разных уголках нашей необъятной Родины.

После завершения службы Николай Александрович девять лет до 2018 г. работал преподавателем военной истории в Военном авиационном инженерном университете г. Воронежа, переименованном потом в ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж). Сейчас на пенсии.

Автор шести монографий и книг, 34 учебных пособий, а также более 40 научных статей по военной истории Российского государства.

Впервые написать о героях нашей страны задумался еще в 2009 г., когда, к великому своему сожалению, обнаружил огромный пробел в знаниях истории своего Отечества будущих защитников Родины, особенно событий, связанных с периодом Великой Отечественной войны.

Николай Александрович Шкарлат

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ
Герои Краснодона

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор *Е.С. Богданова*

Тип. ВУНЦ ВВС «ВВА». Тираж 100. Подп. в печ. 07.02.2024 г.

Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсет. Печ. л. 24,3.